

*Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего
профессионального образования «Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»*

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ПРАВА № 4, 2014

*Ежемесячный научный журнал
Издается с января 2004 г.*

Председатель редакционного совета журнала

ГРАЧЕВА Елена Юрьевна – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой финансового права, первый проректор Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный юрист РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, почетный работник науки и техники РФ.

Почтовый адрес: 123995, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.

Заместитель председателя редакционного совета журнала

ПЕТРУЧАК Лариса Анатольевна – доктор юридических наук, профессор кафедры теории государства и права, проректор по учебной и воспитательной работе Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), почетный работник высшего профессионального образования РФ.

Почтовый адрес: 123995, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.

Главный редактор журнала

ШУГРИНА Екатерина Сергеевна – доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права, председатель Редакционно-издательского совета Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: 123995, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.

Ответственный секретарь

СЕМИСОРОВА Ксения Николаевна – начальник Отдела научно-издательской политики Управления организации научной деятельности Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: 123995, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.

БЕЛОВА-ГАНЕВА Габриела – кандидат юридических наук, доцент, декан историко-правового факультета Юго-Западного университета имени Неофита Рильского (Болгария).

Почтовый адрес: 2700 Болгария, г. Благоевград, ул. Ивана Михайлова, д. 66.

БОЛТИНОВА Ольга Викторовна – доктор юридических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой финансового права, ученый секретарь Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), почетный работник высшего профессионального образования РФ.

Почтовый адрес: 123995, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ПРАВА

ВОСКОБИТОВА Лидия Алексеевна – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), почетный работник высшего профессионального образования РФ.

Почтовый адрес: 123995, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.

ГАЗЬЕ Анн – доктор права, доцент Университета Paris Ouest-Nanterre-La Defense (Франция).

Почтовый адрес: 92001, Франция, г. Нантер, авеню Республики, д. 200.

ГОЛОВНЕНКОВ Павел Валерьевич – доктор права, ассессор права, главный научный сотрудник кафедры уголовного и, в частности, экономического уголовного права юридического факультета Потсдамского университета (Германия).

Почтовый адрес: 14482, Германия, г. Потсдам, ул. Августа Бебеля, д. 89.

ДУБРОВИНА Елена Павловна – кандидат юридических наук, член Центризбиркома России, заслуженный юрист РФ.

Почтовый адрес: 109012, Россия, г. Москва, Б. Черкасский пер., д. 9.

ЕРШОВА Инна Владимировна – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой предпринимательского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), почетный работник высшего профессионального образования РФ, почетный работник юстиции России.

Почтовый адрес: 123995, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.

ЗАХАРОВ Владимир Викторович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, проректор по учебной работе Курского государственного университета.

Почтовый адрес: 305000, Россия, г. Курск, ул. Радищева, 33.

КАШКИН Сергей Юрьевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой права Европейского Союза Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), почетный работник высшего профессионального образования РФ, профессор кафедры Жана Монне (Европейский Союз).

Почтовый адрес: 123995, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.

КОКОТОВ Александр Николаевич – доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда РФ, заслуженный юрист РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ.

Почтовый адрес: 190000, Россия, г. Санкт-Петербург, Сенатская площадь, д. 1.

КОРНЕВ Аркадий Владимирович – доктор юридических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: 123995, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.

КУЧЕРЯВЕНКО Николай Петрович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права Национального университета «Юридическая академия Украины имени Ярослава Мудрого», академик Национальной академии правовых наук Украины, заслуженный деятель науки и техники Украины.

Почтовый адрес: 61024, Украина, г. Харьков, ул. Пушкинская, д. 77.

МАРИНО Иван – кандидат юридических наук, доцент государственного университета «Ориентале» (Неаполь), руководитель Центра мониторинга политико-правовой системы России, Итальянского представительства Фонда Конституционных Реформ.

Почтовый адрес: 80121, Италия, г. Неаполь, ул. Виа Карло Поерио, д. 15.

МАЦКЕВИЧ Игорь Михайлович – доктор юридических наук, профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права, проректор по научной работе Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный деятель науки РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, председатель экспертного совета Высшей аттестационной комиссии РФ.

Почтовый адрес: 123995, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.

ПАНАГИОТОПОЛОС Димитриос – доктор права, магистр философии, профессор Афинского университета, вице-ректор Университета Центральной Греции, Президент Международной ассоциации спортивного права (IASL), специальный эксперт в области спортивного права в Европейском Союзе, награжден премией «Право: Человек года» (2009) Американским биографическим институтом (ИНК).

Почтовый адрес: 10677, Греция, г. Афины, ул. Веранжероу, д. 4.

РЕШЕТНИКОВА Ирина Валентиновна – доктор юридических наук, профессор, председатель Федерального арбитражного суда Уральского округа, заслуженный юрист РФ, почетный работник судебной системы.

Почтовый адрес: 620075, Россия, г. Екатеринбург, просп. Ленина, 32/27.

РОССИНСКАЯ Елена Рафаиловна – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Президент Ассоциации образовательных учреждений «Судебная экспертиза», академик РАЕН, заслуженный деятель науки РФ.

Почтовый адрес: 123995, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.

ХВАН Леонид Борисович – кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права Ташкентского государственного юридического института.

Почтовый адрес: 100000, Республика Узбекистан, г. Ташкент, Главпочтамт, абон. ящик № 4553.

ЧАННОВ Сергей Евгеньевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой служебного и трудового права Поволжского института управления имени П.А. Столыпина.

Почтовый адрес: 410031, Россия, г. Саратов, ул. Соборная, д. 23/25.

ЧЕРНЫШЕВА Ольга Сергеевна – кандидат юридических наук, начальник отдела Секретариата Европейского Суда по правам человека.

Почтовый адрес: 67075, Франция, г. Страсбург, Cedex, ЕСПЧ.

ЧУЧАЕВ Александр Иванович – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), почетный работник высшего профессионального образования РФ.

Почтовый адрес: 123995, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.

ШАЛУМОВ Михаил Славович – доктор юридических наук, профессор, судья Верховного Суда Российской Федерации, член-корреспондент Международной академии психологических наук.

Почтовый адрес: 121260, Россия, г. Москва, ул. Поварская, д. 15.

ЯСКЕРНЯ Ежи – доктор юридических наук, ректор Института экономики и управления Университета имени Яна Кохановского в г. Кельц (Польша).

Почтовый адрес: 25369, Польша, г. Кельц, ул. Зеромскиго, д. 5.

*Ministry of Education and Science of the Russian Federation
Federal State Budgetary Education Institution of Higher Professional Education
«Kutafin Moscow State Law University»*

ACTUAL PROBLEMS OF RUSSIAN LAW №4, 2014

*Monthly scientific journal
Published since January of 2004*

Chairperson of the Board of Editors

GRACHEVA, Elena Yurievna – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Financial Law, First Vice-Rector of the Kutafin Moscow State Law University, Merited Lawyer of the Russian Federation, Merited Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Merited Specialist in Science and Technology of the Russian Federation.
Mailing address: 132995, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9.

Vice-Chairperson of the Board of Editors

PETRUCHAK, Larisa Anatolievna – Doctor of Law, Professor of the Department of Theory of State and Law, Vice-Rector on Educational Work of the Kutafin Moscow State Law University, Merited Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation.
Mailing address: 132995, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9.

Editor-in-Chief

SHUGRINA, Ekaterina Sergeevna – Doctor of Law, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law, Head of the Editorial Advisory Board of the Kutafin Moscow State Law University.
Mailing address: 132995, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9.

Executive Editor

SEMISOROVA, Ksenia Nikolaevna – Head of the Division for the Scientific and Publishing Policy of the Department for the Organization for the Organization of Scientific Work of the Kutafin Moscow State Law University.
Mailing address: 132995, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9.

BELOVA-GANEVA, Gabriela – PhD in Law, Associate Professor, Dean of the Faculty of Law and History of the South Western University named after the Neophyte Rilsky (Bulgaria)
Mailing address: 2700, Bulgaria, Blagoevgrad, ul. Ivana Mikhailova, d. 66.

BOLTINOVA, Olga Viktorovna – Doctor of Law, Professor, Vice-Chairperson of the Department of the Financial Law, Academic Secretary of the Kutafin Moscow State Law University, Merited Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation.
Mailing address: 132995, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9.

CHANNOV, Sergey Evgenievich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Service and Labor Law of the Povolzhsky Institute of Government named after P.A. Stolypin.
Mailing address: 410031, Russia, Saratov, Sobornaya ul., d. 23/25.

*The Journal is included in the largest international database of periodicals Ulrich's Periodicals Directory.
Materials included in the journal Russian Science Citation Index*

CHERNYSHEVA, Olga Sergeevna – PhD in Law, Head of the Department of the Secretariat of the European Court of Human Rights.

Mailing address: European Court of Human Rights, 67075 Strasbourg Cedex, France.

CHUCHAEV, Aleksandr Ivanovich – Doctor of Law, Professor of the Department of Criminal Law of the Kutafin Moscow State Law University, Merited Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation.

Mailing address: 132995, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9.

DUBROVINA, Elena Pavlovna – PhD in Law, Member of the Election Committee of Russia, Merited Lawyer of the Russian Federation.

Mailing address: 109012, Russia, Moscow, B.Cherkasskiy per. d. 9.

ERSHOVA, Inna Vladimirovna – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of the Entrepreneurial Law of the Kutafin Moscow State Law University, Merited Worker of the Higher Professional Education of the Russian Federation, Merited Worker of Justice of Russia.

Mailing address: 132995, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9.

GAZIER, Anne – Doctor of Law, Associate Professor of the University Paris Ouest-Nanterre-La Defense (France).

Mailing address: Université Paris Ouest – Nanterre – La Défense, 200 avenue de la République, 92001 Nanterre, France.

GOLOVNENKOV, Pavel Valerievich – Doctor of Law, Law Assessor, Chief Legal Researcher of the Department of Criminal and Economic Criminal Law of the Law Faculty of the University of Potsdam (Germany).

Mailing address: Universität Potsdam, Juristische Fakultät, August-Bebel-Str. 89, 14482 Potsdam, Deutschland.

JASKIERNIA, Jerzy – Prof. dr hab. Jan Kochnowski University, Kielce, Poland, Department of Management and Administration Director, Institute of Economy and Administration, Chair, Administration and Legal Sciences Division.

Contact information: Str. Żeromskiego 5, Kielce, Poland 25369.

KASHKIN, Sergey Yurievich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of the Kutafin Moscow State Law University, Merited Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, the Professor of the Department named after Jean Monnet (the EU).

Mailing address: 132995, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9.

KHVAN, Leonid Borisovich – PhD in Law, Associate Professor of the Department of Administrative and Financial Law of the Tashkent State Legal Institute.

Mailing address: 100 000, Republic of Uzbekistan, Tashkent, Glavpochtamt, abon. yashik 4553.

KOKOTOV, Aleksandr Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation, Merited Lawyer of the Russian Federation, Merited Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation.

Mailing address: 190000, Russia, St. Petersburg, Senatskaya ploschad, dom 1.

KORNEV, Arkadiy Vladimirovich – Doctor of Law, Professor, Vice-Chairman of the Department of Theory of State and Law of the Kutafin Moscow State Law University.

Mailing address: 132995, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9.

KUCHERYAVENKO, Nikolay Petrovich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Financial Law of the National University Legal Academy of Ukraine named after Yaroslav the Wise, Academician of the National Academy of Legal Sciences of Ukraine, the Merited Specialist in Science and Technology of Ukraine.

Mailing address: 61024, Ukraine, Kharkiv, ul. Pushkinskaya, d. 77.

MARINO, Ivan – PhD in Law, Associate Professor of the University «L’Orientale», Head of the Monitoring Center for the Political and Legal System of Russia, and of the Italian Representative Office of the Constitutional Reforms Foundation.

Mailing address: Via Carlo Poerio, 15, 80121 Napoli, Italia.

MATSKEVICH, Igor Mikhailovich – Doctor of Law, Professor of the Department of Forensic Studies and Criminal Executive Law, Vice-Rector on Scientific Work of the Kutafin Moscow State Law University, Merited Scientist of the Russian Federation, Merited Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Chairman of the Expert Council of the Higher Professional Licensing Board of the Russian Federation.

Mailing address: 132995, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9.

PANAGIOTOPOULOS, Dimitrios – Assoc. Prof, University of Athens, Attorney-at-Law Vice-Rector, University of Central Greece, President of International Association of Sports Law (IASL), awarded «Person of the Year in Law» (2009) from the American Biographical Institute (INC).

Mailing address: 4 Veranzerou Str. 10677 Athens, Greece.

RESHETNIKOVA, Irina Valentinova – Doctor of Law, Professor, Chairperson of the Federal Arbitration Court of the Urals District, Merited Lawyer of the Russian Federation, Merited Worker of the Judicial System.

Mailing address: 620075, Russia, Ekaterinburg, prosp. Lenina, d. 32/27.

ROSSINSKAYA, Elena Rafailovna – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Judicial Expertise of the Kutafin Moscow State Law University, President of the Association of Educational Institutions «Judicial Expertise», Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Merited Scientist of the Russian Federation.

Mailing address: 132995, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9.

SHALUMOV, Michael Slavovich – Doctor of Law, Professor, Judge of the Supreme Court of the Russian Federation, a member of the International Academy of Psychological Science

Mailing address: 121260, Russia, Moscow, ul. Cook, 15.

VOSKOBITOVA, Lidia Alekseevna – Doctor of Law, Professor, the Head of the Department of Criminal Procedural Law of the Kutafin Moscow State Law University, Merited Worker of the Higher Professional Education of the Russian Federation.

Mailing address: 132995, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9.

ZAKHAROV, Vladimir Viktorovich – Doctor of Law, Professor, Member of the Department of Theory and History of State and Law, Vice-Rector on Educational Work of the Kursk State University.

Mailing address: 305000, Russia, Kursk, Radischeva, 33.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Воскобитова Л.А.</i> Вступление	535	<i>Юлдошев Р.Р.</i> Роль Устава уголовного судопроизводства 1864 года в становлении и развитии таджикского уголовно-процессуального законодательства	645
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА			
<i>Хохряков М.А.</i> Уголовный процесс по Уставу уголовного судопроизводства 1864 года в трудах ученых кафедры уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина	536	<i>Хатмуллин К.Ю.</i> Сроки по Уставу уголовного судопроизводства 1864 года	652
<i>Вилкова Т.Ю.</i> Основные начала рассмотрения мировыми судьями уголовных дел в период действия Устава уголовного судопроизводства 1864 года	546	<i>Зотов Д.В.</i> Необходимые пределы доказывания в условиях концепции свободы внутреннего судебного убеждения	658
<i>Максимова Т.Ю.</i> Роль председательствующего в формировании у присяжных внутреннего убеждения по делу и недопущении незаконного воздействия на них: сравнительно-правовой анализ норм Устава уголовного судопроизводства 1864 года и УПК РФ	556	<i>Назаров А.Д.</i> Использование в современном уголовном процессе на досудебных стадиях правовых конструкций Устава уголовного судопроизводства Российской Империи в обеспечении соблюдения принципа законности средствами судебного контроля и прокурорского надзора	665
<i>Насонов С.А.</i> Генезис и эволюция модели производства в суде присяжных в России: от Устава уголовного судопроизводства до УПК РФ	563	<i>Идилов Е.И.</i> Становление института следственного судьи: некоторые особенности казахстанского уголовного процесса	672
<i>Маркова Т.Ю.</i> Постановка вопросов присяжным заседателям по Уставу Уголовного Судопроизводства 1864 года	570	<i>Семенцов В.А.</i> Следственные действия по Уставу уголовного судопроизводства	679
<i>Панюкин А.М.</i> Основания апелляционного пересмотра приговоров по Уставу уголовного судопроизводства 1864 года	577	<i>Гладышева О.В.</i> Обеспечение законных интересов и прав потерпевшего в уголовном судопроизводстве России: история и современность	686
<i>Матвеев С.В.</i> Генезис идеи о дифференциации подхода к несовершеннолетним от Устава уголовного судопроизводства до УПК Российской Федерации	582	<i>Пурс А.Г.</i> Может ли уголовно-процессуальная форма реально обеспечить право на защиту в уголовном процессе?	692
<i>Францифоров Ю.В.</i> Исторический анализ проблем толкования норм уголовно-процессуального закона	590	<i>Смолькова И.В.</i> Процессуальное положение свидетеля по Уставу уголовного судопроизводства	699
<i>Корнуков В.М.</i> Конфликтность интересов в российском уголовно-процессуальном праве с позиции его исторического развития	597	<i>Дьяконова О.Г.</i> Регламентация института сведущих лиц в уставах судопроизводства Александра II	705
<i>Шварц О.А.</i> Еще раз об объективной истине и активной роли суда в уголовном процессе	603	<i>Зашляпин Л.А.</i> Вопросы сторон в допросе по Уставу уголовного судопроизводства	712
<i>Балакишин В.С.</i> Институт направления уголовных дел для производства дополнительного расследования: аргументы «за» и «против»	610	<i>Шадрин В.С.</i> Начальная фаза уголовного процесса: от Устава уголовного судопроизводства до действующего уголовно-процессуального закона	717
<i>Ястребов В.Б.</i> Функции прокурора в уголовном судопроизводстве (былое и современность: некоторые уроки Судебной реформы 1864 г.)	619	<i>Рябинина Т.К.</i> Влияние Устава уголовного судопроизводства 1864 г. на современное правовое регулирование стадии назначения судебного заседания	725
<i>Химичева О.В., Химичева Г.П.</i> О совершенствовании принципов уголовного судопроизводства	625	<i>Аширбекова М.Т.</i> Полная апелляция по Уставу уголовного судопроизводства 1864 года и её рецепция современным уголовно-процессуальным законодательством	733
<i>Макарова З.В.</i> Конституционный принцип законности уголовного судопроизводства	631	ABOUT THE AUTHORS, ANNOTATIONS AND KEYWORDS	
<i>Козьявин А.А.</i> Судьба судебных реформ в России: век XIX и век XXI	637	УСЛОВИЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ И ТРЕБОВАНИЯ К ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ В ЖУРНАЛ МАТЕРИАЛАМ И ИХ ОФОРМЛЕНИЮ	

CONTENTS

<i>Voskobitova, L.A.</i> Introduction	535	<i>Yuldoshev, R.R.</i> Role of the Charter of Criminal Judicial Proceedings of 1864 in the formation and development of the Tajic criminal procedural legislation	645
ACTUAL PROBLEMS OF CRIMINAL PROCESS			
<i>Hohryakov, M.A.</i> Criminal Process according to the Charter of Criminal Judicial Proceedings of 1864 in the works of scientists of the Department of Criminal Procedural Law of the Kutafin Moscow State Law University	536	<i>Hatmullin, K.Y.</i> Procedural periods according to the Charter of Criminal Judicial Proceedings of 1864	652
<i>Vilkova, T.Y.</i> The fundamentals of the criminal judicial proceedings of the justices of peace at the time when the Charter of Criminal Judicial Proceedings of 1864 was in force	546	<i>Zotov, D.V.</i> Necessary limits of proof in the conditions of concept of free inner conviction of a judge	658
<i>Maksimova, T.Y.</i> Role of the chairperson in the formation of the inner conviction of the jury in a case and prevention of illegal influence on the jury: comparative legal analysis of the norms of the Charter of Criminal Judicial Proceedings of 1864 and the Criminal Procedural Code of the Russian Federation	556	<i>Nazarov, A.D.</i> Use of the legal constructions of the Charter of Criminal Judicial Proceedings of the Russian Empire in the modern criminal process at the pre-trial stages in order to guarantee the compliance with the principle of lawfulness by the means of judicial control and prosecutor supervision	665
<i>Nasonov, S.A.</i> Genesis and evolution of the model of judicial proceedings for trials by jury in Russia: from the Charter of Criminal Judicial Proceedings of 1864 to the Criminal Procedural Code of the Russian Federation	563	<i>Idirov, E.I.</i> Formation of the institution of an investigating judge: some specific features of criminal process in Kazakhstan	672
<i>Markova, T.Y.</i> Posing questions to the jurors according to the Charter of Criminal Judicial Proceedings	570	<i>Sementsov, V.A.</i> Investigative activities according to the Charter of Criminal Judicial Proceedings	679
<i>Panokin, A.M.</i> Grounds for the appeals on the judgment according to the Charter of Criminal Judicial Proceedings of 1864	577	<i>Gladysheva, O.V.</i> Guarantees of lawful interests and rights of a victim in a criminal judicial proceedings in Russia: history and modern situation	686
<i>Matveev, S.V.</i> Genesis of an idea on differentiation of an approach to the juveniles from the Charter of Criminal Judicial Proceedings to the Criminal Procedural Code of the Russian Federation	582	<i>Purs, A.G.</i> Is the criminal procedural form capable of guaranteeing the right to defense in criminal process?	692
<i>Frantsiforov, Y.V.</i> Historical analysis of the problems of interpretation of the norms of criminal procedural law	590	<i>Smolkova, I.V.</i> Procedural position of a witness according to the Charter of Criminal Judicial Proceedings	699
<i>Kornukov, V.M.</i> Conflict of interests in the Russian criminal procedural law from the standpoint of its historical development	597	<i>Dyakonova, O.G.</i> Regulation of the institution of knowledgeable persons in the Charters of Criminal Judicial Proceedings of Tsar Alexander the II	705
<i>Schwartz, O.A.</i> Once again on the objective truth and active role of court in a criminal process	603	<i>Zashlyapin, L.A.</i> Questions of the parties in the process of interrogation according to the Charter of Criminal Judicial Proceedings	712
<i>Balakshin, V.S.</i> The institution of returning criminal cases for additional investigations: pro and contra arguments	610	<i>Shadrin, V.S.</i> Initiation phase of criminal process: from the Charter of Criminal Judicial Proceedings to the current criminal procedural law	717
<i>Yastrebov, V.B.</i> Functions of the prosecutor in the criminal judicial proceedings (the past and the modern time: some lessons of the Judicial Reform of 1864)	619	<i>Ryabinina, T.K.</i> Influence of the Charter of Criminal Judicial Proceedings of 1864 on the current legal regulation of the stage of assigning a trial	725
<i>Himicheva, O.V., Himicheva, G.P.</i> On the improvement of principles of criminal judicial proceedings	625	<i>Ashirbekova, M.T.</i> Complete appeal according to the Charter of Criminal Judicial Proceedings of 1864 and its reception in the modern criminal procedural legislation	733
<i>Makarova, Z.V.</i> The constitutional principle of lawfulness of the criminal judicial proceedings	631	ABOUT THE AUTHORS, ANNOTATIONS AND KEYWORDS	740
<i>Kozyavin, A.A.</i> The fortune of judicial reforms in Russia: XIX and XXI centuries	637	PUBLISHING CONDITIONS AND THE REQUIREMENTS TO THE MATERIALS FOR THE JOURNAL	753

ВСТУПЛЕНИЕ

20 ноября 2014 года исполняется 150 лет великой судебной реформе 1864 года и кафедра уголовного процесса Московского государственного университета имени О.Е. Кутафина в марте 2014 года проводит международную научно-практическую конференцию «Уголовное судопроизводство: история и современность», посвященную 150-летию Устава уголовного судопроизводства Российской Империи. И это не случайно, потому что март связан для нас с памятью о нашем друге и учителе – профессоре Полине Абрамовне Лупинской. Она в своей профессиональной деятельности и творчестве всегда неизменно и последовательно старалась сохранить то, что было самым ценным в Уставах 1864 года: идеи гуманизма и человечности; следование объективной природе уголовно-процессуальных отношений, а не политическим или ведомственным интересам.

Обращаясь к истории, нельзя не восхищаться тем высочайшим уровнем культуры,

знаний и профессионализма, которые отличали создателей Устава уголовного судопроизводства, и той мерой ответственности, с которой они подошли к созданию принципиально нового для России законодательства. Неизбежно напрашиваются параллели, и многие авторы вновь и вновь сравнивают прошлое и настоящее. Нам есть чему поучиться, есть откуда черпать идеи, чтобы и современный уголовный процесс России постепенно обретал ту форму, которая будет в полной мере соответствовать подлинной природе и назначению уголовного процесса, условиям и требованиям современности.

Настоящий номер журнала «Актуальные проблемы российского права» начинает серию публикаций, посвященных 150-летию Устава уголовного судопроизводства, и будет продолжать ее в следующих номерах, пока все статьи, представленные на эту конференцию, не будут опубликованы.

Заведующая кафедрой уголовно-процессуального права,
профессор, д-р юрид. наук
Воскобитова Л.А.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

М.А. Хохряков*

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС ПО УСТАВУ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА 1864 ГОДА В ТРУДАХ УЧЕНЫХ КАФЕДРЫ УГОЛОВНО- ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЮРИДИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ О.Е. КУТАФИНА

Аннотация: В 2014 году отечественный юридический мир отмечает 150-летие со дня принятия Устава уголовного судопроизводства Российской Империи. Положения Устава, вносившие изменения в уголовный процесс, были настолько радикальными и передовыми, что до сих пор являются предметом изучения видных учёных процессуалистов, в том числе и членов кафедры уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). Одним из первых учёных, изучивших Устав, был М.А. Чельцов. Позже П.А. Лупинская также обращалась к Уставу в своих работах. На современном этапе развития уголовно-процессуального права учёные продолжают использовать опыт УУС 1864 г. Так, в исследованиях Т.Ю. Максимовой, посвящённых стадии назначения судебного заседания, подробно рассматривался вопрос о производстве на этой стадии согласно УУС. В научных трудах Насонова С.А. также комплексно исследовались различные аспекты производства в суде с участием присяжных заседателей по Уставу уголовного судопроизводства 1864 года: особенности судебного следствия, особенности произнесения напутственного слова, особенности вердикта присяжных. В трудах Ничипоренко (Вилковой) Т.Ю. глубокому исследованию подверглись вопросы состава суда при производстве по уголовному делу, соотношения единоличного и коллегиального начала в деятельности суда, деятельности мирового судьи, а также вопросы доказательственного права в пореформенный период. Доцент кафедры уголовно-процессуального права МГЮА А.И. Паничева изучала различные аспекты введения апелляции для судов всех уровней в уголовное судопроизводство России, в том числе опираясь на опыт Устава уголовного судопроизводства 1864 г. Необходимо также отметить, что Устав оказал существенное влияние на

© Хохряков Максим Александрович

* Кандидат юридических наук, преподаватель кафедры уголовно-процессуального права, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА) [mr.ta6y@gmail.com]
123995, Россия, г. Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9.

развитие не только российского права, но и право других государств. Так, А.М. Панокин отметил влияние УУС 1864 г. на болгарское законодательство.

Ключевые слова: Устав уголовного судопроизводства, уголовный процесс, уголовное судопроизводство, назначение судебного заседания, присяжные заседатели, состав суда, доказательственное право, апелляция, деятельность прокуроров, болгарское право.

DOI: 10.7256/1994-1471.2014.4.11153

В 2014 году отечественный юридический мир отмечает знаменательную дату – 150-летие со дня принятия Устава уголовного судопроизводства Российской Империи¹ – первого самостоятельного кодифицированного источника уголовно-процессуального права в отечественном законодательстве, положившего начало национальной модели уголовно-процессуальной деятельности. Положения Устава, вносившие изменения в уголовное судопроизводство, были настолько радикальными и передовыми, что до сих пор являются предметом изучения видных учёных процессуалистов, в том числе и членов кафедры уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). Одним из первых, обратившихся к УУС в своих работах, был М.А. Чельцов². Устав стал предметом изучения и П.А. Лупинской, например, в «Очерке истории уголовно-процессуальной науки»³. Продолжая традиции, и сегодня члены кафедры уголовно-процессуального права МГЮА обращаются к опыту Устава уголовного судопроизводства для исследования современных проблем уголовного судопроизводства.

Участвуя в научной дискуссии о развитии стадии возбуждения уголовного дела и самом существовании данной стадии процесса, Воскобитова Л.А. обращается к опыту Устава уголовного судопроизводства.⁴ Несмотря на то, что в Уставе возбуждение уголовного дела не выделялось в качестве отдельной и самостоятельной стадии, начальная деятельность по проверке поводов и определению основания для «начатия» следствия все же имела место. Л.А. Воскобитова показывает объективную необходимость такой проверочной деятельности в начале уголовного судопроизводства

и подчеркивает разумность регулирования этого этапа в Уставе уголовного судопроизводства. Это позволяет автору возражать против предложений об упразднении данной стадии в современном процессе, указывая на некорректность ссылок на ст. 303 УУС в обоснование таких предложений.

Так, в диссертации Т.Ю. Максимовой, посвященной стадии назначения судебного заседания, подробно рассматривался вопрос о производстве на этой стадии согласно УУС⁵. Максимова Т.Ю. справедливо отмечает, что Уставом уголовного судопроизводства 1864 г. был установлен двоякий порядок производства на рассматриваемой стадии. Первоначальный этап этих порядков одинаков – получив заключение предварительного следствия, прокурор в течение недели со времени его получения был обязан дать делу законный ход (ст. 517 Устава).⁶ Если материалы обвинения представлялись убедительными, то прокурор давал свое заключение о предании обвиняемого суду, излагая это заключение в форме обвинительного акта.

В обвинительном акте прокурора окончательно формулировалось фактическое и юридическое содержание обвинения.

В зависимости от категории преступления обвинительный акт направлялся либо прокурору судебной палаты для рассмотрения его судебной палатой, либо непосредственно в окружной суд.

Процедура действий судебной палаты была закреплена во второй главе Устава уголовного судопроизводства. Судебная палата рассматривала обвинительный акт коллегиально. Член-докладчик излагал повод, по которому возникло дело и все следственные действия, обращая внимание на «соблюдение установленных форм и обрядов» (ст. 531 Устава). При этом судья-докладчик имел право оглашать подлинники протоколов, имеющих значение для дела. В заседании судебной палаты защита участие не принимала, однако принимала участие сторона обвинения в лице прокурора

¹ Судебные уставы 20 ноября 1864 г., с изложением рассуждений, на коих они основаны. Санкт-Петербург. 1866 г. Далее – УУС.

² Чельцов-Бebutов М.А. Курс советского уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. М., 1957.

³ История юридических наук в России / Под ред. О.Е. Кутафина. – М.: МГЮА, 2009.

⁴ Воскобитова Л.А. Возбуждение уголовного дела: проблемы и перспективы // Библиотека криминалиста. 2014. №1 (12) С. 60–61.

⁵ Максимова Т.Ю. Стадия назначения судебного заседания по уголовному делу: история и современность: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 185 с.

⁶ Здесь и в дальнейшем Устав уголовного судопроизводства цитируется по: Российское законодательство X–XX веков. Судебная реформа. Т. 8. Устав уголовного судопроизводства. М.: Юрид. лит., 1991. С. 118–384.

судебной палаты. Прокурор судебной палаты после выступления судьи-докладчика оглашал заключение местного прокурора и излагал собственный взгляд по рассматриваемому делу. После доклада прокурора палата удалялась на вынесение постановления. Судебная палата выносила следующие виды решений:

- о предании суду;
- о прекращении дела;
- об обращении его к доследованию;
- об обращении его к законному направлению (по подсудности).

В случае изменения палатой предложенного на ее рассмотрение обвинительного акта определение о предании суду излагалось таким образом, чтобы оно вполне заменяло собой этот акт (ст. 537 Устава). Дальше дело с определением палаты направлялось через прокурора палаты и прокурора окружного суда в надлежащее судебное установление (ст. 541 Устава). Важной особенностью определения судебной палаты о предании обвиняемого суду являлась возможность указания в нем на свидетелей, подлежащих вызову в суд, по мнению самой судебной палаты. По делам частного обвинения аналогичная процедура производилась без участия прокурора.

Вторая форма рассматриваемой стадии заключалась в том, что обвинительный акт прокурора предлагался непосредственно окружному суду, который, не постановляя определения о предании суду, приступал к производству по правилам, предписанным для приговорительных распоряжений (ст. 527 Устава).

Необходимо отметить также и то, что окружной суд не рассматривал вопросы подсудности, правильности возбуждения преследования, направления дела, основания прекращения или приостановления дела, о соединении и разделении дел (ст.ст.515, 516 Устава) – все эти вопросы решались определением палаты о предании обвиняемого суду.

Таким образом, несмотря на наличие судебного порядка назначения судебного заседания по Уставу уголовного судопроизводства России, вряд ли этот порядок может быть отнесен к состязательному типу. На это указывает необходимость участия сторон в рассмотренных процедурах, преимущественно письменный характер производства по делу и т.д.

Т.Ю. Максимова приходит к выводу о том, что данный порядок является примером ревизионно-розыскной модели⁷.

Значительной заслугой Устава является введение в российский уголовный процесс инсти-

тута присяжных заседателей. Различные особенности данного института также подробно освещены в трудах учёных кафедры уголовно-процессуального права МГЮА.

Например, в своей монографии «Постановка вопросов, подлежащих разрешению присяжными заседателями» Маркова Т.Ю. подробно исследовала различные аспекты постановки вопросов присяжным заседателям по Уставу уголовного судопроизводства 1864 года. Этим же вопросам было посвящено ее диссертационное исследование⁸.

В указанной работе определяется различие между англо-американской и континентальной системой постановки вопросов присяжным заседателям; рассматриваются причины выделения в российском уголовном процессе самостоятельного этапа постановки вопросов коллегии присяжных, отделенного от судебного следствия, прений сторон и вынесения приговора, а также описываются положительные и отрицательные стороны введения данного этапа судебного разбирательства⁹. Кроме того, автором анализируются основания постановки вопросов присяжным заседателям, право сторон и суда, случаи и порядок изменения выводов обвинительного акта при формулировании вопросов, подлежащих разрешению присяжными заседателями, а также последствия несоблюдения установленного порядка изменения предъявленного подсудимому обвинения¹⁰. При этом автором приводятся позиции дореволюционных юристов о том, каким образом судебное следствие и заключительные прения сторон могут изменить или дополнить выводы обвинительного акта; делается ссылка на постановление Кассационного Сената, который давал судам руководящие разъяснения о том, как следует разрешать несоответствие между некоторыми признаками преступного деяния, изложенными в обвинительном акте, и признаками этого же деяния, закрепленными в уголовном законе¹¹.

Маркова Т.Ю. отдельно останавливается на видах вопросов, которые ставились перед

⁸ Маркова Т.Ю. Постановка вопросов, подлежащих разрешению присяжными заседателями: Дисс. канд. юрид. наук. М., 2007. С. 32–56.

⁹ Маркова Т.Ю. Постановка вопросов, подлежащих разрешению присяжными заседателями. М.: Юрлитинформ, 2010. С. 18–20.

¹⁰ Маркова Т.Ю. Постановка вопросов, подлежащих разрешению присяжными заседателями. М.: Юрлитинформ, 2010. С. 20–26.

¹¹ Маркова Т.Ю. Постановка вопросов, подлежащих разрешению присяжными заседателями. М.: Юрлитинформ, 2010. С. 21–25.

⁷ Максимова Т.Ю. Стадия назначения судебного заседания по уголовному делу: история и современность: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2007. – 30 с.

коллегией присяжных. В частности, автором выделяются:

- 1) главный вопрос о виновности подсудимого;
- 2) условные (альтернативные) вопросы;
- 3) частные (дополнительные) вопросы¹².

Далее Маркова Т.Ю. анализирует содержание тех вопросов, которые относятся к указанным группам, четко выделяя, какие фактические обстоятельства и по каким аспектам предъявленного обвинения могли быть включены в условные и частные вопросы¹³. Также в работе исследуются и иные вопросы, касающиеся либо отдельных свойств подсудимого, либо определенных обстоятельств совершенного преступления, о постановке которых могли ходатайствовать стороны¹⁴.

В монографии Марковой Т.Ю. определяются и раскрываются требования к содержанию и формулировкам вопросов, которые ставились перед коллегией присяжных, указываются случаи, при которых запрещалось соединение различных вопросов в один общий¹⁵. В конце главы, посвященной Уставу уголовного судопроизводства, рассматривается право сторон и присяжных заседателей ходатайствовать о дополнении и изменении вопросного листа, а также полномочия суда, связанные с поступившими ходатайствами¹⁶.

В научных трудах Насонова С.А. также комплексно исследовались различные аспекты производства в суде с участием присяжных заседателей по Уставу уголовного судопроизводства России 1864 года.

Положения Устава применительно к особенностям судебного следствия в суде присяжных были проанализированы автором в кандидатской диссертации «Судебное следствие в суде присяжных: особенности и проблемные ситуации (теория, законодательство, практика)»¹⁷, защищенной в 1999 г., и в одноименной моно-

графии, изданной в 2001 г.¹⁸. Эта же проблематика была затронута Насоновым С.А. в ряде других публикаций¹⁹.

Автором были отмечены такие особенности судебного следствия в суде присяжных по Уставу, как широкое исследование с участием присяжных заседателей сведений, характеризующих личность подсудимого (включая данные о предшествующих судимостях); разделение предмета судебного следствия; высокий уровень состязательных начал в судебном следствии, сочетающийся с процессуальной активностью судьи в доказывании; широкие права присяжных заседателей на участие в исследовании доказательств и т.д.²⁰.

В работах Насонова С.А. справедливо отмечается, что в судебной практике многие положения Устава, регулирующие судебное следствие, были истолкованы в направлении уравнивания процессуальных возможностей защиты и обвинения в суде присяжных. Так, согласно статье 687 Устава на судебном следствии по требованию прокурора оглашались справки о прежней судимости подсудимого или справки об обвинении его в иных преступлениях, однако решением по делу Горшкова и Ларионова Сенат предоставил подсудимому право оглашать в судебном заседании документы, свидетельствующие, что под судом он до этого не находился²¹.

В работах Насонова С.А. также были обстоятельно проанализированы положения Устава применительно к особенностям произнесения напутственного слова в суде присяжных. В монографии автора **«Напутственное слово председателю в суде присяжных» раскрываются такие особенности напутственной речи председательствующего по Уставу, как отсутствие каких-либо требований применительно к объему фактической стороны этого выступления, допустимость указания присяжным на противоречия в доказательствах (отсутствие доказательств и т.п.), запрет обнаруживать соб-**

¹² Маркова Т.Ю. Постановка вопросов, подлежащих разрешению присяжными заседателями. М.: Юрлитинформ, 2010. С. 26.

¹³ Маркова Т.Ю. Постановка вопросов, подлежащих разрешению присяжными заседателями. М.: Юрлитинформ, 2010. С. 29–31.

¹⁴ Маркова Т.Ю. Постановка вопросов, подлежащих разрешению присяжными заседателями. М.: Юрлитинформ, 2010. С. 32–35.

¹⁵ Маркова Т.Ю. Постановка вопросов, подлежащих разрешению присяжными заседателями. М.: Юрлитинформ, 2010. С. 35–38.

¹⁶ Маркова Т.Ю. Постановка вопросов, подлежащих разрешению присяжными заседателями. М.: Юрлитинформ, 2010. С. 38–40.

¹⁷ Насонов С.А. Судебное следствие в суде присяжных: особенности и проблемные ситуации (теория, законодательство, практика): Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1999.

¹⁸ Насонов С.А. Судебное следствие в суде присяжных: законодательство, теория и практика. Научно-практическое пособие. М.: Р.Валент, 2001.

¹⁹ Насонов С.А. Судебное следствие в суде присяжных: законодательство, теория, практика (обобщение результатов исследования) // Вестник Саратовской государственной академии права. 1996. Июль. № 3. Специальный выпуск. С. 170–188.; Насонов С.А. Модель производства в суде присяжных по Уставу уголовного судопроизводства России 1864 года. Право: история, теория, практика (II): материалы междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, июль 2013). – СПб.: Реноме, 2013. С. 96–109.

²⁰ Насонов С.А. Судебное следствие в суде присяжных: законодательство, теория и практика. С. 73–83.

²¹ Насонов С.А. Судебное следствие в суде присяжных: законодательство, теория и практика. С. 75.

ственное мнение о вине или невиновности подсудимого (ст. 802 Устава)²². Особенности института напутственного слова по Уставу раскрыты и в других публикациях автора²³.

Особенности вердикта присяжных заседателей по Уставу исследованы Насоновым С.А. в монографии «Вердикт присяжных заседателей», где отмечены такие характерные черты этого процессуального решения, как возможность соединения всех вопросов в один только при определенной позиции по делу стороны защиты; наличие обязательного вопроса о том, действовал ли несовершеннолетний подсудимый «с полным разумением» (ст. 759 Устава) и др.²⁴.

Механизм «устранения вердикта присяжных заседателей» в случае если коллегия трех профессиональных судей признает, что «осужден невинный» (ст. 818 Устава), свойство немотивированности вердикта присяжных рассмотрены автором в ряде других публикаций²⁵.

В отдельных работах Насонова С.А. также затрагиваются регулирование прав и обязанностей присяжных заседателей по Уставу²⁶, особенности кассационной проверки приговоров, вынесенных на основании вердиктов присяжных заседателей²⁷.

В трудах Ничипоренко (Вилковой) Т.Ю. глубоко исследованию подверглись вопросы состава суда при производстве по уголовному делу, соотношения единоличного и коллегиального начала в деятельности суда, деятельности мирового судьи в пореформенный период.

Единоличному рассмотрению уголовных дел в 1864–1917 гг. посвящен самостоятельный параграф в диссертационном исследовании Т.Ю. Ничипоренко²⁸.

Автор справедливо указывает, что различные составы суда (единоличное рассмотрение уголовных дел, суд с участием присяжных заседателей, суд в составе трех профессиональных судей) являются реализацией идеи дифференциации судопроизводства, заложенной в Концепции судебной реформы. «Отличительной особенностью единоличного состава суда является упрощение процессуальной формы. При этом сложность проведения дифференциации формы, направленной на экономное использование процессуальных средств за счет отказа от некоторых гарантий, заключается в том, чтобы найти грань между «преодолением пустой бессодержательной формальности, излишне усложняющей судопроизводство, ... искусственно загромождающей и бюрократизирующей процесс»²⁹, и процессуальным упрощением, подрывающим демократические основы отечественного уголовного процесса»³⁰.

Проследивая развитие законодательства в части деятельности различных составов суда, Т.Ю. Ничипоренко обращается к анализу судебной реформы 1864 года.

Автор приходит к выводу о том, что пореформенный суд основывался на принципе коллегиальности (ст. 140, 56 УСУ). Единственным исключением из принципа коллегиальности были мировые судьи, единолично рассматривавшие по первой инстанции «маловажные» дела в соответствии со ст. 3 УСУ³¹. Это объяснялось назначением мировых судов: «суды эти должны стоять близко к населению, действовать быстро, избегая осложненных форм судопроизводства, так как только при этих условиях налагаемая ими уголовная репрессия может обладать надлежащею силою. Соответственно этому ... первая инстанция этих судов осуществляется не коллегиальным, а едино-

²² Насонов С.А. Напутственное слово председательствующего в суде присяжных. М.: Р.Валент, 2006. С. 37–46.

²³ Насонов С.А. Напутственное слово председательствующего судьи в исторических моделях производства в суде присяжных // *Lex Russica*. 2011. № 5. С. 859–872; Насонов С.А. Обзор проблем практики производства в российском суде присяжных по Уставу уголовного судопроизводства 1864 г. Правовая система России: история и современность: материалы VI межвузовской (международной) научно-практической конференции. – М.: Изд-во МГОУ, 2013. С. 243–248.

²⁴ Насонов С.А., Ярош С.М. Вердикт присяжных заседателей. М.: Р.Валент, 2003. С. 42–46.

²⁵ Насонов С.А. Вердикт присяжных заседателей в контексте учения П.А.Лупинской о решениях в уголовном судопроизводстве // *Lex Russica*. 2010. № 3. С. 609–620.

²⁶ Насонов С.А. Права и обязанности присяжных заседателей в судебном разбирательстве по уголовному делу: история и современность. Юридическая наука и практика: история и современность: сборник материалов I Международной научно-практической конференции, 5 июля 2013 г./ Филиал МИГУП в Рязанской области. – Рязань: Изд-во «Концепция», 2013. – Вып. 1. – С. 209–213.

²⁷ Насонов С.А. Модели пересмотра не вступивших в законную силу приговоров, постановленных на основании вердикта присяжных заседателей, в России и зарубежных странах // *Lex Russica*. 2013. № 4. С. 379–390.

²⁸ Ничипоренко Т.Ю. Единоличное рассмотрение судей уголовных дел: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1998. С. 15–33.

²⁹ Якуб М.Л. Процессуальная форма в советском уголовном судопроизводстве. М., 1981. С. 78–79.

³⁰ Ничипоренко Т.Ю. О пределах подсудности уголовных дел единоличному судье // *Вестник Московского университета*. Серия 11: Право. 1997. № 5. С. 60.

³¹ «Уже самое наименование общих судебных учреждений показывает, что по замыслу составителей Судебных Уставов, мировой суд составляет как бы исключение из общего правила о рассмотрении дел коллегиальными судами». – Устав уголовного судопроизводства. Систематический комментарий. Вып. I. С. 154.

личным судьей, действующим при этом в порядке суммарного, сокращенного, сравнительного с коллегиальным судом, производства»³².

Упрощение порядка судопроизводства у мировых судей выражалось в отсутствии разделения следствия на предварительное и судебное; наделении полиции широкими полномочиями при производстве дознания по делам, подсудным мировому суду; отсутствии обязательного представительства должностного обвинителя; рассмотрение дела у мировых судей состояло в «словесном разборе», по возможности оканчивавшимся в одно заседание³³.

Мировой суд рассматривал дела быстро и качественно. Среднее число разрешенных уголовных дел, приходившихся на одного мирового судью, составляло 480–490 в год. Из общего числа приговоров и решений, постановленных мировыми судьями в 1886 г., были отменены 2,1 % от числа постановленных. Около 30 % дел у мировых судей заканчивались примирением сторон.

В последующем контрреформа, во многом свернувшая демократические начала судопроизводства, заложенные в Уставах, привела к фактической ликвидации мировых судов и сосредоточении подсудных им дел в руках местных административных органов в соответствии с Законом 12 июля 1889 г. о преобразовании местных крестьянских учреждений и судебной части в Империи и принятыми в его развитие Правилами 29 декабря 1889 г. (дополненными законом 8 июня 1891 г.).

Такая организация судебной системы быстро обнаружила свои недостатки и часто критиковалась как учеными, так и практиками. Т.Ю. Ничипоренко обосновывает вывод о том, что эффективность единоличного отправления правосудия зависит не только от особого – единоличного – состава суда, но и от порядка формирования судейского корпуса, условий занятия судейской должности, процедуры рассмотрения дел.

Обращение к опыту УУС 1864 года, по мнению Т.Ю. Ничипоренко, важно и в связи с проводимой в настоящее время реформой следственного аппарата и прокурорского надзора³⁴. По мнению автора, для реализации положений Концепции судебной реформы 1991 года об обеспечении самостоятельности следователя

необходимо изменить его взаимоотношения с прокурором подобно тому, как это было в до-революционной России: «Судебная реформа 1864 года существенно изменила институт прокуратуры, оставив за прокурорами лишь функцию поддержания государственного обвинения в суде. Прокуроры состояли при судах. Судебные следователи прокурорам не подчинялись. «Прокуроры и их товарищи, – гласила статья 278 Устава уголовного судопроизводства, – предварительных следствий сами не производят, но дают только предложения о том судебным следователям и наблюдают постоянно за производством сих следствий». Законные требования прокуратуры подлежали исполнению, но существовал, выражаясь современным языком, институт обжалования указаний прокурора в суд. Полиция, правда, была поднадзорна прокурорам, и «по производству дознания о преступных деяниях» полицейские чины состояли «в непосредственной зависимости от прокуроров и их товарищей». Реально прокуроры всячески уклонялись от участия в полицейских дознаниях, хозяевами которых формально считались»³⁵.

Большое внимание в трудах Т.Ю. Ничипоренко уделяется вопросам доказательственного права в период действия Устава уголовного судопроизводства 1984 года, в частности, показаниям обвиняемого, потерпевшего, свидетеля, гарантиям выполнения задач уголовного судопроизводства и соблюдения прав и свобод участников уголовного процесса при исследовании этих видов доказательств. Так, показания безумных, сумасшедших и вообще лиц, которые по своим душевным или телесным недостаткам не могли познать предмета свидетельства, исключались из числа судебных доказательств (п. 1 ст. 704 и п. 1 ст. 93). Был установлен запрет проникать в тайну духовной исповеди, посягать на признание, доверенное клиентом своему защитнику или поверенному (п. 2 и 3 ст. 704 и 93), вводить в дело пристрастные показания представителей борющихся сторон (ст. 705), оглашать в судебном разбирательстве показания обвиняемого, данные им при производстве предварительного расследования, а равно восстановление путем допроса судебного следователя содержания актов следственного производства, не подлежащих по закону оглашению³⁶. На основе анализа исто-

³² Случевский В.К. Учебник русского уголовного процесса. – СПб., 1913. С. 100–101.

³³ Ничипоренко Т.Ю. Единоличное рассмотрение судьей уголовных дел: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1998. С. 11–13.

³⁴ Ничипоренко Т.Ю. Учреждение Следственного комитета при Прокуратуре РФ – первый шаг к созданию единого следственного комитета // Lex Russica. 2008. № 1. С. 122.

³⁵ Постановление Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 года № 1801-1 "О Концепции судебной реформы в РСФСР" // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 44. ст. 1435.

³⁶ Ничипоренко Т.Ю. Непосредственность исследования показаний обвиняемого: история и современность // Lex Russica. 2010. № 3. С. 621–648.

рического опыта развития уголовно-процессуального законодательства Т.Ю. Ничипоренко обосновывает предложение о дополнении УПК РФ нормой, устанавливающей запрет допроса дознавателя и следователя и иных лиц (педагога, психолога, законного представителя, переводчика, понятых и т.д.) о содержании показаний, данных в ходе досудебного производства подозреваемым или обвиняемым.

Устав уголовного судопроизводства 1864 г. коренным образом изменил также порядок обжалования судебных решений, в частности, ввел апелляционное производство.

Доцент кафедры уголовно-процессуального права МГЮА А.И. Паничева изучала различные аспекты введения апелляции для судов всех уровней в уголовное судопроизводство России. В статье «Предмет и пределы проверки решений суда первой инстанции по уголовным делам в апелляционном порядке»³⁷, размышляя над тем, приблизит ли новое уголовно-процессуальное законодательство о пересмотре решений суда первой инстанции Россию к европейским стандартам и поможет ли новый закон избавиться от тех недостатков, которые существовали в предыдущей законодательной регламентации, она обратилась к классическому определению апелляции, данному выдающимся русским юристом И.Я. Фойницким, который указал важнейшие черты апелляции: пересмотр неокончателного приговора вышестоящей инстанцией, разбирательство дела по существу – по фактическим и юридическим основаниям и в пределах принесенной жалобы. «Задача апелляции, – писал он, – дать новым разбирательством добавочную гарантию справедливости судебного приговора»³⁸.

А.И. Паничева настаивает на том, что предоставление права на апелляционное обжалование участникам судебных разбирательств судов всех уровней, а также лицам, указанным в открытом перечне ст. 389.1 УПК РФ, должно восполнить недостаточные гарантии осуществления правосудия при кассационном производстве, существовавшем до 01.01.2013, что будет возможно в том случае, если апелляционные суды не будут отказывать сторонам в проведении следственных действий и в непосредственном исследовании доказательств. По её мнению, апелляционное рассмотрение дела в суде второй судебной инстанции призвано обеспечить сторонам возможность

продолжить после рассмотрения дела судом первой инстанции отстаивание в соответствии с законом своих интересов. После вынесения решения судом апелляционной инстанции оспаривание фактических обстоятельств дела, установленных судом, уже невозможно, поскольку судебное следствие, в процессе которого суд непосредственно исследует доказательства и выносит соответствующее решение, предусмотрено только для апелляционного пересмотра. В поддержку своих рассуждений автор, указывая на то, что в России правосудие в судах первой инстанции по подавляющему большинству уголовных дел осуществляют единолично профессиональные судьи, обращает внимание на сохраняющуюся актуальность выраженного И.Я. Фойницким отношения к апелляционному пересмотру³⁹: «Апелляция повсеместно рассматривается как важная добавочная гарантия правосудия, существенно необходимая при отсутствии в суде первой инстанции народного элемента»⁴⁰.

Предусмотренная действующим законом возможность апелляционного пересмотра постановленных с участием присяжных заседателей решений суда вызвала тревогу за судьбу суда присяжных у многих процессуалистов. Высказывались опасения о вторжении апелляционного суда в те вопросы, которые относятся к исключительной компетенции присяжных заседателей. Для обоснования своих утверждений о неприменимости инструментов апелляционного производства к названным немотивированным решениям, автор вновь обращается к российскому дореволюционному процессу, в котором приговоры, постановленные с участием присяжных заседателей, в апелляционном порядке не пересматривались и могли быть обжалованы и пересмотрены не по существу, а лишь по поводу различных нарушений, установленных законом форм⁴¹.

А.И. Паничева интересовалась и другими вопросами производства в суде присяжных, в частности, деятельностью обвинения и защиты в суде присяжных. Понимая, что деятельность сторон в суде с участием присяжных заседателей требует кроме глубокого знания законов ещё и умение видеть альтернативу линии обвинения или защиты и признавать таким образом наличие реальной угрозы своей позиции в суде. Стороны, конечно, не вою-

³⁷ Паничева А.И. Предмет и пределы проверки решений суда первой инстанции по уголовным делам в апелляционном порядке // Российский криминологический взгляд. 2013. №4.

³⁸ Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1996. Т.II. С. 533.

³⁹ См.: Уголовно-процессуальное право Российской Федерации. Учебник для бакалавров /отв. редактор Г.М. Резник. М.: Юрайт. 2013. С. 711.

⁴⁰ Там же. С. 534.

⁴¹ Случевский В. К. Учебник русского уголовного процесса : в 2 ч. / под ред. В. А. Томсинова. М. : Зерцало, 2008. Ч. 2. С. 433.

ют друг с другом, но находятся в постоянном напряжении, сложном речевом общении. Они должны предвидеть будущие события в судебном разбирательстве, не дожидаясь соответствующих сигналов по каналам обратной связи⁴². По-прежнему актуально предостережение автора одной из лучших когда-либо написанных книг о судебном споре сторон – П.С. Пороховщикова: «...достоверно только то, что на таком-то листе дела написано то-то: в каждой строке может оказаться ошибка». И ещё: «Если в деле есть акт вскрытия женского трупа, нет сомнения, что женщина умерла, но если трое экспертов категорически доказали, что умершая не могла повеситься, не удивляйтесь тому, что трое других столь же решительно докажут присяжным противное и один или двое из числа первых согласятся с ними»⁴³.

По мнению А.И. Паничевой, каждый случай оправдания присяжными рассматривается в настоящее время как некомпетентность и недобросовестность лиц, осуществлявших уголовное преследование и государственного обвинителя, в частности. Между тем давно замечено, что оправдание – такой же нормальный результат судебного разбирательства, как и обвинение. Необоснованная критика государственных обвинителей, выступающих в суде присяжных, ведёт к излишней осторожности, опасению за собственное благополучие, что нередко даёт обратный эффект. Безразличие к общественным результатам, справедливости решения, страх наказания, т.е. самые различные посторонние мотивы притупляют правовые навыки, мешают разобраться в колебаниях и непоследовательности судебной и следственной практики.

А.И. Паничева отмечает, что в царской России оценивали деятельность прокуроров в суде присяжных иначе. Так, например, с участием в качестве обвинителя выдающегося юриста А. Ф. Кони было постановлено немало оправдательных вердиктов: по делу об участии в оскотлении своего малолетнего сына (ч.1 ст. 201 Уложения о наказаниях) был оправдан купец второй гильдии Горшков; по делу о подлоге расписки в 35 тыс. руб. серебром от имени княгини Щербатовой решением присяжных заседателей один из подсудимых был оправдан, другой осуждён, но заслужил снисхождение; оправданы были и все подсудимые по делу братьев Мясниковых и Караганова; по делу об убийстве коллежского асессора Чиха-

чёва была оправдана одна из двух подсудимых Непенина; по делу о подлоге завещания Седкова трое из шести подсудимых были признаны невиновными.⁴⁴

При этом А.И. Паничева подчёркивает, что эти решения присяжных заседателей не отразились на отношении к А.Ф. Кони его руководства⁴⁵. Деятельность А.Ф. Кони в судебных процессах восхищала общество, хотя в некоторых публикациях встречались упреки в «слишком объективном изложении обстоятельств дела». По делу Мясниковых и Караганова «С. – Петербургские ведомости» называли «адской», необыкновенно трудной роль прокурора. Суворин в этой же газете, называя речь А.Ф. Кони «блестящей», писал: «Я слышал его обвинительную речь и никогда, ни после одной речи, не выходил я из заседания суда с таким удовлетворённым чувством, с таким уважением к представителю судебной власти, как после речи Кони. Я считаю её образцовой и по форме, и по содержанию... Превосходный критический разбор преступления тёмного, запутанного, все нити которого порваны временем»⁴⁶.

Необходимо также отметить, что Устав уголовного судопроизводства 1864 г. оказал существенное влияние на развитие не только российского права, но и право других государств. Так, А.М. Панокин отметил влияние УУС 1864 г. на болгарское законодательство: «Болгарская система права принадлежит к романо-германской (континентальной) системе. При создании системы права после 1878 года был использован передовой опыт таких стран, как Россия, Германия, Австро-Венгрия, Франция. В качестве основы для создания государственной и правовой системы была подготовлена и принята Конституция Болгарского царства 1879 года. В этот же период начинает формироваться система болгарского уголовного и уголовно-процессуального законодательства. В 1880 году был принят Закон об устройстве судов, а в 1897 году – Закон о производстве в уголовном суде, значительные изменения в который были внесены в 1935–1937 гг. Закон 1897 года представлял собой рецепцию российского Устава уголовного судопроизводства 1864 года»⁴⁷.

⁴⁴ См.: Кони А. Ф. Собрание сочинений в 8 томах. Т. 3. М., 1967. С. 492–504.

⁴⁵ Адвокатура. Государство. Общество: сб. материалов VI ежегодной науч. – практ. Конференции. 2009 г. М. Информ – Право, 2009. С. 307.

⁴⁶ См.: Кони А. Ф. Собрание сочинений в 8 томах. Т. 3. М., 1967. С. 492–504.

⁴⁷ Панокин А. М. Обеспечение прав личности в уголовно-процессуальном законодательстве Республики Болгарии: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 17.

⁴² Адвокатура. Государство. Общество: сб. материалов VI ежегодной науч. – практ. Конференции. 2009 г. – М. Информ – Право, 2009. С. 303.

⁴³ Сергеев П. Искусство речи на суде. М. 1988. С. 79.

Библиография

1. Чельцов-Бебутов М.А. Курс советского уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. М., 1957.
2. История юридических наук в России. Сборник статей / Под ред. О.Е. Кутафина. – М.: МГЮА, 2009.
3. Максимова Т. Ю.. Стадия назначения судебного заседания по уголовному делу: история и современность: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2007.
4. Маркова Т.Ю. Постановка вопросов, подлежащих разрешению присяжными заседателями: Дисс. ... канд. юрид. наук. М, 2007.
5. Насонов С.А. Судебное следствие в суде присяжных: особенности и проблемные ситуации (теория, законодательство, практика): Дисс. ...канд. юрид. наук. М., 1999.
6. Насонов С.А. Судебное следствие в суде присяжных: законодательство, теория и практика. Научно-практическое пособие. М.: Р.Валент, 2001.
7. Насонов С.А. Судебное следствие в суде присяжных: законодательство, теория, практика (обобщение результатов исследования) // Вестник Саратовской государственной академии права. 1996. Июль. № 3. Специальный выпуск.
8. Насонов С.А. Модель производства в суде присяжных по Уставу уголовного судопроизводства России 1864 года. Право: история, теория, практика (II): материалы междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, июль 2013). – СПб.: Реноме, 2013.
9. Насонов С.А. Напутственное слово председательствующего в суде присяжных. М.: Р.Валент, 2006.
10. Насонов С.А. Напутственное слово председательствующего судьи в исторических моделях производства в суде присяжных // Lex Russica. 2011. № 5.
11. Насонов С.А. Обзор проблем практики производства в российском суде присяжных по Уставу уголовного судопроизводства 1864 г. Правовая система России: история и современность: материалы VI межвузовской (международной) научно-практической конференции. – М.: Изд-во МГУ, 2013.
12. Насонов С.А. Ярош С.М. Вердикт присяжных заседателей. М.: Р.Валент, 2003.
13. Насонов С.А. Вердикт присяжных заседателей в контексте учения П.А.Лупинской о решениях в уголовном судопроизводстве //Lex Russica. 2010. № 3.
14. Насонов С.А. Права и обязанности присяжных заседателей в судебном разбирательстве по уголовному делу: история и современность. Юридическая наука и практика: история и современность: сборник материалов I Международной научно-практической конференции, 5 июля 2013 г./ Филиал МИГУП в Рязанской области. – Рязань: Изд-во «Концепция», 2013. – Вып. 1.
15. Насонов С.А. Модели пересмотра не вступивших в законную силу приговоров, постановленных на основании вердикта присяжных заседателей, в России и зарубежных странах // Lex Russica. 2013. № 4.
16. Ничипоренко Т.Ю. Единоличное рассмотрение судьей уголовных дел: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1998.
17. Ничипоренко Т.Ю. О пределах подсудности уголовных дел единоличному судье // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 1997. № 5.
18. Ничипоренко Т.Ю. Единоличное рассмотрение судьей уголовных дел: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1998.
19. Ничипоренко Т.Ю. Учреждение Следственного комитета при Прокуратуре РФ – первый шаг к созданию единого следственного комитета // Lex Russica. 2008. № 1.
20. Ничипоренко Т.Ю. Непосредственность исследования показаний обвиняемого: история и современность // Lex Russica. 2010. № 3.
21. Паничева А.И. Предмет и пределы проверки решений суда первой инстанции по уголовным делам в апелляционном порядке // Российский криминологический взгляд. 2013. №4.
22. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации. Учебник для бакалавров/отв. редактор Г. М. Резник. М. Издательство Юрайт. 2013.
23. Адвокатура. Государство. Общество: сб. материалов VI ежегодной науч. – практ. Конференции. 2009 г. – М. Информ – Право, 2009.
24. Панокин А. М. Обеспечение прав личности в уголовно-процессуальном законодательстве Республики Болгарии. Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2008.

References

1. Chel'tsov-Bebutov M.A. Kurs sovetskogo ugovolno-protssessual'nogo prava. Ocherki po istorii suda i ugovolnogo protsessa v rabovladel'cheskikh, feodal'nykh i burzhuaznykh gosudarstvakh. M., 1957.
2. Istoriya yuridicheskikh nauk v Rossii. Sbornik statei / Pod red. O.E. Kutafina. – M.: MGYuA, 2009.
3. Maksimova T. Yu.. Stadiya naznacheniya sudebnogo zasedaniya po ugovolnomu delu: istoriya i sovremennost': Diss. ... kand. yurid. nauk. M., 2007.
4. Markova T.Yu. Postanovka voprosov, podlezhashchikh razresheniyu prisyazhnymi zasedatelyami: Diss. ... kand. yurid. nauk. M., 2007.
5. Nasonov S.A. Sudebnoe sledstvie v sude prisyazhnykh: osobennosti i problemnye situatsii (teoriya, zakonodatel'stvo, praktika): Diss. ...kand. yurid. nauk. M., 1999.
6. Nasonov S.A. Sudebnoe sledstvie v sude prisyazhnykh: zakonodatel'stvo, teoriya i praktika. Nauchno-prakticheskoe posobie. M.: R.Valent, 2001.
7. Nasonov S.A. Sudebnoe sledstvie v sude prisyazhnykh: zakonodatel'stvo, teoriya, praktika (obobshchenie rezul'tatov issledovaniya) // Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi akademii prava. 1996. Iyul'. № 3. Spetsial'nyi vypusk.
8. Nasonov S.A. Model' proizvodstva v sude prisyazhnykh po Ustavu ugovolnogo sudoproizvodstva Rossii 1864 goda. Pravo: istoriya, teoriya, praktika (II): materialy mezhdunar. nauch. konf. (g. Sankt-Peterburg, iyul' 2013). – SPb.: Renome, 2013.
9. Nasonov S.A. Naputstvennoe slovo predsedatel'stvuyushchego v sude prisyazhnykh. M.: R.Valent, 2006.
10. Nasonov S.A. Naputstvennoe slovo predsedatel'stvuyushchego sud'i v istoricheskikh modelyakh proizvodstva v sude prisyazhnykh // Lex Russica. 2011. № 5.
11. Nasonov S.A. Obzor problem praktiki proizvodstva v rossiiskom sude prisyazhnykh po Ustavu ugovolnogo sudoproizvodstva 1864 g. Pravovaya sistema Rossii: istoriya i sovremennost': materialy VI mezhvuzovskoi (mezhdunarodnoi) nauchno-prakticheskoi konferentsii. – M.: Izd-vo MGU, 2013.
12. Nasonov S.A. Yarosh S.M. Verdikt prisyazhnykh zasedatelei. M.: R.Valent, 2003.
13. Nasonov S.A. Verdikt prisyazhnykh zasedatelei v kontekste ucheniya P.A.Lupinskoi o resheniyakh v ugovolnom sudoproizvodstve // Lex Russica. 2010. № 3.
14. Nasonov S.A. Prava i obyazannosti prisyazhnykh zasedatelei v sudebnom razbiratel'stve po ugovolnomu delu: istoriya i sovremennost'. Yuridicheskaya nauka i praktika: istoriya i sovremennost': sbornik materialov I Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, 5 iyulya 2013 g./ Filial MIGUP v Ryazanskoi oblasti. – Ryazan': Izd-vo «Kontseptsiya», 2013. – Vyp. 1.
15. Nasonov S.A. Modeli peresmotra ne vstupivshikh v zakonnyu silu prigovorov, postanovlennykh na osnovanii verdikta prisyazhnykh zasedatelei, v Rossii i zarubezhnykh stranakh // Lex Russica. 2013. № 4.
16. Nichiporenko T.Yu. Edinolichnoe rassmotrenie sud'ei ugovolnykh del: Diss. ... kand. yurid. nauk. M., 1998.
17. Nichiporenko T.Yu. O predelakh podsudnosti ugovolnykh del edinolichnomu sud'e // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11: Pravo. 1997. № 5.
18. Nichiporenko T.Yu. Edinolichnoe rassmotrenie sud'ei ugovolnykh del: Avtoref. diss. ... kand. yurid. nauk. M., 1998.
19. Nichiporenko T.Yu. Uchrezhdenie Sledstvennogo komiteta pri Prokurature RF – pervyi shag k sozdaniyu edinogo sledstvennogo komiteta // Lex Russica. 2008. № 1.
20. Nichiporenko T.Yu. Neposredstvennost' issledovaniya pokazanii obvinyaemogo: istoriya i sovremennost' // Lex Russica. 2010. № 3.
21. Panicheva A.I. Predmet i predely proverki reshenii suda pervoi instantsii po ugovolnym delam v apellyatsionnom poryadke // Rossiiskii kriminologicheskii vzglyad. 2013. № 4.
22. Ugolovno-protssessual'noe pravo Rossiiskoi Federatsii. Uchebnik dlya bakalavrov/otv. redaktor G. M. Reznik. M. Izdatel'stvo Yurait. 2013.
23. Advokatura. Gosudarstvo. Obshchestvo: sb. materialov VI ezhegodnoi nauch. – prakt. Konferentsii. 2009 g. – M. Inform –Pravo, 2009.
24. Panokin A. M. Obespechenie prav lichnosti v ugovolno-protssessual'nom zakonodatel'stve Respubliki Bolgarii. Diss. ... kand. yurid. nauk. M., 2008.

Материал поступил в редакцию 27 февраля 2014 г.

Т.Ю. Вилкова*

ОСНОВНЫЕ НАЧАЛА РАССМОТРЕНИЯ МИРОВЫМИ СУДЬЯМИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ В ПЕРИОД ДЕЙСТВИЯ УСТАВА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА 1864 ГОДА

Аннотация: В статье рассматривается деятельность мировых судей в России в 1864–1917 гг. Обосновывается вывод о том, что рассмотрение мировыми судьями уголовных дел подчинялось общим принципам уголовного судопроизводства: непосредственности, устности и гласности судебного разбирательства, свободе оценки доказательств. Наряду с этим отмечаются особенности рассмотрения уголовных дел мировыми судьями, обусловленные задачей быстрого рассмотрения «маловажных» дел: отсутствие разделения следствия на предварительное и судебной, более широкие полномочия полиции по делам, подсудным мировому суду, быстрый «словесный разбор» дела, отсутствие обязательного представительства должностного обвинения, большая самостоятельность сторон, возможность постановления заочного приговора. Исследование основано на анализе судебных уставов 1864 года (Устава уголовного судопроизводства, Учреждения судебных установлений, Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями), Закона 12 июля 1889 г. о преобразовании местных крестьянских учреждений и судебной части в Империи и принятыми в его развитие Правилами 29 декабря 1889 г. и статистических данных о деятельности мировой юстиции в пореформенный период. На основе проведенного анализа показаны генезис и эволюция института мировой юстиции как части судебной системы дореволюционной России, деятельность которой была основана на общих принципах уголовного судопроизводства и направлена на обеспечение быстрого, близкого к населению, упрощенного и эффективного отправления правосудия по уголовным делам.

Ключевые слова: мировой судья, мировой суд, Устав уголовного судопроизводства, Учреждение судебных установлений, судебная реформа, принципы, Российская империя, подсудность, местный суд, съезд мировых судей.

DOI: 10.7256/1994–1471.2014.4.11264

До 1864 г. вопросы судостройства и уголовного процесса регулировались разрозненными и противоречивыми актами, содержащимися в книге 2 т. XV Свода законов Российской Империи, основу которой составили Уложение 1649 г., Воинские артикулы Петра I и Учреждение для управления губерний 1775 г.

Дореформенная судебная система характеризовалась наличием, кроме общих, целым рядом специальных судов (духовных, коммерческих, военных и других); вплоть до отмены крепостного права судебными функциями были наделены помещики в отношении принадлежавших им крестьян. Последствием множественности судов стало существование

около 30 видов судопроизводств¹, дело могло пройти до 14 инстанций².

Однако «лишь крайние нарушения условий общежития ... влекли за собой общий для всех суд. Все остальное для целой массы населения разбиралось специальными сословными и ведомственными судами, границы подсудности которых далеко не всегда были ясны»³. Про-

¹ Духовской М. В. Русский уголовный процесс. – М, 1905. – С. 18, 20.

² Ефремова Н. Н. Судостройство в России в XVIII – первой половине XIX века (историко-правовое исследование). – М: Наука, 1993. – С. 173.

³ Кони А. Ф. Введение к систематическому комментарию Устава уголовного судопроизводства. Устав уго-

© Вилкова Татьяна Юрьевна

* Кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-процессуального права, Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА) [darahvelidze@yandex.ru]

123995, Россия, г. Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9.

изводство по многим делам о «маловажных» преступлениях (расследование, разрешение и исполнение) полностью находилось в руках полиции.

Недостатки организации и деятельности судов (сословность, зависимость от императора и исполнительной власти, розыскной процесс, при котором разбирательство дел основывалось на принципах письменности, тайности, формальной теории доказательств, и другие) привели к необходимости проведения судебной реформы 1864 года, которая явилась важным этапом в истории развития российского уголовного процесса. Она была направлена на создание «суда скорого, правого и милостивого, для всех ... равного, безволокитного и неразорительного»⁴.

Судебные уставы 1864 года (Учреждение судебных установлений, Устав уголовного судопроизводства, Устав гражданского судопроизводства и Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями (далее соответственно УСУ, УУС, Устав о наказаниях) коренным образом изменили устройство суда и порядок его деятельности. Были провозглашены отделение суда от органов законодательной и административной власти, независимость и несменяемость судей, участие представителей общественности в суде, гласность и состязательность процесса, равенство сторон перед судом, право обвиняемого на защиту, постановление судом приговора по внутреннему убеждению на основе проверки доказательств, собранных предварительным следствием; в значительной мере упразднена сословность судов.

Пореформенная судебная система распалась на две организационно несвязанные между собою ветви – на суды общие и суды мировые, каждая из которых состояла из двух судебных инстанций, в равной степени подчиненных Сенату. Исключение составляли особые суды, не входившие в систему ординарных (общих и мировых), – волостные, военные и духовные суды.

Случевский В.К. отмечал, что «организация местных судов, для рассмотрения маловажных дел, имеет высокое уголовно-политическое значение. Преступные деяния, составляющие содержание этих дел, создаются условиями местной будничной жизни и поэтому существенно затрагивают интересы населения. Для удовлетворения последних, равно как и общих интересов уголовного правосудия, суды эти

должны стоять близко к населению, действовать быстро, избегая осложненных форм судопроизводства, так как только при этих условиях налагаемая ими уголовная репрессия может обладать надлежащею силою. Соответственно этому ... первая инстанция этих судов осуществляется не коллегиальным, а единоличным судьей, действующим при этом в порядке суммарного, сокращенного, сравнительно с коллегиальным судом, производства»⁵.

Судом первой инстанции в системе мировой юстиции были мировые судьи, второй (апелляционной) – уездные съезды мировых судей (в Москве и Санкт-Петербурге существовали особые столичные съезды мировых судей). Третьей инстанцией, кассационной, был Сенат (ст. 5 УСУ), рассматривавший постановленные в апелляционном порядке окончательные приговоры съездов мировых судей.

Система мировой юстиции имела следующий вид. В соответствии с административно-территориальным делением государства каждый уезд с находящимися в нем населенными пунктами составлял мировой округ (в 1884 г. в 46 внутренних губерниях было 446 судебно-мировых округов)⁶, который делился на мировые участки. Так, в 1883 г. в Витебской губернии на 1201224 чел. населения приходилось 36 мировых участка. В каждом участке действовал один участковый мировой судья. Собрание всех мировых судей округа составляло съезд мировых судей.

Реформированный процесс, следуя идее равенства всех перед законом, устанавливал для всех граждан единые правила подсудности. Применительно к ведомству судебных установлений эти правила содержались в гл. I кн. I УУС.

Общим правилом являлось определение местной подсудности (*forum delicti comissi*) по месту совершения преступного деяния (ст. 36 УУС). В свою очередь, местом совершения данного преступления признавалось место осуществления всего законного состава преступления. Мировой судья рассматривал дела о преступлениях, совершенных на территории его участка.

Общее правило определения личной подсудности (*forum ratione personae*) заключалось в том, что все лица подлежали ведомству уголовно-судебных мест соответственно обвинениям, на них возводимым (были исключения:

⁵ Случевский В. К. Учебник русского уголовного процесса. – СПб., 1913. – С. 100–101.

⁶ Сборник статистических сведений Министерства юстиции. Дополнение «Обзор деятельности судебно-мировых установлений» к вып. I. Отчет движения уголовных дел у мировых судей за 1884 г. – СПб.: Типография Правительствующего Сената, 1887.

ловного судопроизводства. Систематический комментарий. – М., 1914. Вып. I. – С. 3.

⁴ Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства / под ред. А.В.Смирнова. – СПб.: Альфа, 1996. – Т. I. – С. 41.

так, члены императорской фамилии не подлежали действию уголовных законов, следовательно, не подлежали они и ведомству уголовных судов).

В соответствии со ст. 33 УУС предметную подсудность (реальную по роду дел) (*forum reale*) мировых судей составляли уголовные дела о преступлениях, которые могли повлечь за собой максимальное наказание в виде: 1) выговора, замечания, внушения; 2) денежного взыскания не свыше 300 руб., 3) ареста на срок не свыше 3 мес., 4) заключения в тюрьме не свыше 1 года.

Мировые судьи не могли рассматривать указанные уголовные дела в следующих случаях: 1) когда наказание за преступление было сопряжено по закону с высылкой виновного из места жительства, с запрещением производить торговлю или промысел, или же с закрытием торгового или промышленного заведения; 2) когда иск о вознаграждении за причиненные преступлением вред или убытки превышал 500 руб.; 3) когда обвиняемые сельские обыватели по закону подлежали ответственности перед их собственными судами (ст. 34 УУС, ст. 1 Устава о наказаниях).

В соответствии со Сводом статистических сведений по делам уголовным, производившимся в 1874 г. в судебных учреждениях, действовавших на основании уставов 20 ноября 1864 г., к подсудности мировых судей относилось всего двенадцать родов преступлений: прошение милостыни; похищение лесных материалов; кража; покушение на кражу; участие в краже, укрывательство похищенного; обман при торговле; обман вообще; присвоение и растрата; присвоение находки клада; покупка краденого; самоуправство; публичные бесстыдные действия; уклонение от рекрутства и неявка во время набора⁷.

Таким образом, предметная подсудность определялась несколькими критериями, при этом «в первую очередь принималась во внимание сравнительная опасность преступного деяния, которой соответствовало наказание, предусмотренное законом за совершение такого деяния. Поэтому основным критерием для деления подсудности являлась тяжесть возможного наказания, при этом имеется в виду максимум наказания»⁸.

Обращает на себя внимание установленный верхний предел – лишение свободы на срок

до одного года. Такое наказание могло быть назначено только неокончательным приговором, т. е. таким, который подлежал обжалованию в апелляционном порядке в съезд мировых судей. Для окончательных приговоров наиболее строгое наказание было еще мягче – арест на срок не свыше 3 дней (ст. 124 УУС) (главное отличие ареста от тюремного заключения состояло в том, что приговоренные к аресту могли использоваться на работах лишь по их желанию⁹). В последующем Законом от 18 мая 1882 г. к ведомству мировых судей были отнесены дела о кражах со взломом на сумму не свыше 300 руб., за что могло быть назначено наказание в виде тюремного заключения сроком на 1 год 6 мес. Основанием для такого расширения подсудности мировых судей было огромное число оправдательных вердиктов присяжных заседателей по делам о кражах со взломом, что объяснялось чрезмерно суровым наказанием, ранее установленным Уложением о наказаниях 1845 г. за это преступление¹⁰.

Но и столь гуманное по современным меркам решение критиковалось как противоречившее задачам ограждения интересов личности в уголовном судопроизводстве. Замечательные строки написал по этому поводу А.Ф. Кони: «Предоставление мировому судье ... назначать арест окончательными приговорами предаёт всех без различия обвиняемых из жителей его участка безграничному произволу и сделает самого судью предметом всеобщей ненависти и негодования, вместо того уважения, которое он без сомнения приобретет, если деятельность его будет поставлена в законные и приличные ей пределы. Но главная причина, почему арест не может быть налагаем безотчетными и бесконтрольными окончательными приговорами одноличного судьи, заключается в действительной сущности ареста. Арест есть лишение свободы – величайшего блага каждого гражданина, распоряжение которым нельзя предоставить одноличному мировому судье, способному, как всякий человек, увлекаться и страстями, и пристрастиями. В случае несправедливости этого наказания уже невозможно вознаградить сделанное им зло. Арест есть вычет из жизни, пополнить который не в состоянии никакая сила человеческая. Представлять такое безвозвратное неисправимое наказание произволу одного судьи – нет никакой возможности. Распоряжение им может

⁷ Муратшина Г. П. Компетенция и специфика судопроизводства мировых судей Республики Башкортостан и дореволюционных мировых судей: сравнительно-правовой анализ // *Мировой судья*. – 2012. – № 10. – С. 28.

⁸ Викторский С. И. Русский уголовный процесс. – М.: Городец, 1997. – С. 175.

⁹ Российское законодательство X-XX веков. Т. 8. Судебная реформа. – М.: Юрид. лит., 1991. – С. 424.

¹⁰ Чельцов-Бебутов М. А. Курс уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. – СПб.: Равена, Альфа, 1995. – С. 754.

быть предоставлено только суду коллегиальному, но никак не одному судье»¹¹.

Отличительной особенностью предметной подсудности мировых судов было рассмотрение ими дел о проступках – отдельной категории наименее тяжких деяний, ответственность за совершение которых предусматривалась специальным актом, своеобразным уголовным кодексом для мировых судов – Уставом о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Он содержал общую часть, которой регулировались основные правила назначения наказания, и особенную, включавшую в себя перечень конкретных составов. Особенная часть состояла из 12 глав, которые объединяли проступки по объекту посягательства (порядок управления, благочиние, порядок и спокойствие, народное здоровье, личная безопасность, честь и собственность подданных). Кроме того, Устав о наказаниях предусматривал ответственность за нарушения правил, содержащихся в многочисленных иных уставах (о паспортах, строительном, путей сообщения, пожарном, почтовом, телеграфическом и др.).

Помещение деяния в этом кодексе составляло первый непререкаемый признак мировой подсудности; даже деяния незначительной важности, обложенные наказаниями, не выходящими из пределов власти мировых судей по тяжести их, но помещенные в Уложении о наказаниях или в специальных кодексах, по общему правилу не подлежали их разбирательству. Это объяснялось тем, что подсудность мировых судей определялась «не только наказанием, налагаемым законом за судимое деяние, но и самим свойством сего деяния»¹².

Кроме того, мировые судьи рассматривали все дела «мирового разбирательства» (даже если они влекли за собой наказания более строгие «в сравнении с предоставленными их власти») – дела о преступлениях, «которые ...по закону начинаются не иначе как по жалобе потерпевших вред и убытки и могут быть прекращаемы примирением» (ст. 35 УУС), т. е. дела частного обвинения. Это соответствовало самой идее введения мировой юстиции – она была призвана в первую очередь примирять стороны, отсюда пошло название – «ведомство примирительного разбора». К делам частного обвинения относились: нанесение легких ран, письменная клевета, обольщение незамужней женщины торжественным обещанием на ней

жениться, жестокое обращение мужа с женой и наоборот, упорное неповиновение детей родителям, плагиат.

Порядок рассмотрения уголовных дел мировым судьей регулировался книгой первой УУС и был достаточно демократичным, предусматривавшим необходимые процессуальные гарантии (включая возможность добиваться пересмотра приговоров).

Стоявшая перед мировыми судами задача быстрого, без лишних формальностей, рассмотрения малозначительных дел обусловила различия в процедуре рассмотрения дел мировыми и общими судами.

Упрощение порядка судопроизводства у мировых судей выражалось в следующем:

- 1) отсутствовало разделение следствия на предварительное и судебное; дело рассматривалось в судебном разбирательстве с элементами предварительного следствия;
- 2) по делам, подсудным мировому суду, полномочия полиции при производстве дознания были значительно шире, чем по делам, подсудным общим судам; акты полицейского дознания по своему значению приравнивались к протоколам следственных действий (ст. 258 УУС): осмотры, освидетельствования, обыски, допросы (в отличие от расспросов) свидетелей; полиция была наделена правом обращаться к сведущим людям. Запрет оглашать в ходе судебного следствия свидетельские показания, содержащиеся в протоколах полицейского дознания (ст. 687 УУС), не распространялся на мировые суды. Акты полицейского осмотра, освидетельствования или обыска при отсутствии «уважительных причин сомнения в их достоверности» могли быть непосредственно положены в основу приговора мирового судьи (ст. 107 УУС);
- 3) судебное рассмотрение дела состояло в «словесном разборе», по возможности оканчивавшимся в одно заседание (ст.ст. 88, 116 УУС); в мировых судах допускалось рассмотрение дела и вынесение приговора немедленно после поступления в суд жалобы потерпевшего или сообщения полиции (если одновременно доставлялся обвиняемый);
- 4) отсутствовало, в отличие от общих судов, обязательное представительство должностного обвинения. Поэтому во всех случаях, когда ни потерпевший, ни должностное лицо не брали на себя задачу обличения обвиняемого перед судом, последний наделялся розыскными функциями;
- 5) стороны пользовались большей самостоятельностью (например, ходатайство сторон об отложении дела ввиду невозможности для них в данный момент представить до-

¹¹ Кони А. Ф. Введение к систематическому комментарию Устава уголовного судопроизводства / под ред. М. Н. Гернета. – М., 1914. – С. 19.

¹² Устав уголовного судопроизводства. Систематический комментарий. Вып. I. – М.: Изд-во М. М. Зива, 1914. – С. 157.

казательства, для судьи было обязательно (ст. 73 УУС)); потерпевший в мировых судах пользовался правами обвинителя (как по делам частного, так и публичного обвинения), его объяснения (а не показания) не являлись доказательством; в общих же судах потерпевший был «бесприсяжным свидетелем», показания которого признавались доказательством;

- б) только в мировом суде при определенных условиях допускалось заочное постановление приговора (гл. 5 кн. 1 УУС);
- в) нарушение форм производства, являвшееся существенным в общих судах, не всегда имели то же значение в мировом суде. К примеру, в отдельных случаях Сенат не признавал существенными такие нарушения требований процесса в мировых судах, как невызов подсудимого на судебное разбирательство, что всегда признавалось существенным нарушением по делам общих судов.

Существовали и другие, менее значимые, упрощения при рассмотрении дел мировыми судами. Так, мировые судьи заседали без секретаря, в общих судах присутствие секретаря было обязательно (ст. 140 УСУ). Лишь законами от 15 июля 1912 г. и от 26 июня 1913 г. было определено наличие при мировом судье секретаря (в ст. ст. 45²-45⁴, 55 в новой редакции).

Основные же принципы судопроизводства были едины для общих и мировых судов – устность и гласность рассмотрения дел, постановление приговора по внутреннему убеждению, основанному на совокупности обстоятельств, обнаруженных при судебном разбирательстве. Более того, в некоторых случаях права участвовавших в деле лиц в мировых судах защищались в большей степени, чем в общих: так, в мировых судах, в отличие от общих, не допускалось прекращение исследования доказательств в случае не вызывающего сомнения признания подсудимого себя виновным (ст. ст. 119, 681 УУС). Лишь в 1912 г. аналогичное правило было введено и в мировых судах: если обвиняемый признавал себя виновным и признание его не возбуждало никакого сомнения, судья мог приступить к постановлению приговора, не производя дальнейшего расследования (ст. 91¹ УУС в редакции закона от 15 июня 1912 г.) Целью сокращенного судебного следствия было ускорение производства.

Поводами к начатию дел у мирового судьи могли быть жалобы частных лиц, потерпевших вред или убытки, сообщения полицейских и других административных властей, непосредственное обнаружение мировым судьей деяния, нарушившего общественный порядок и благочиние (ст. 42 УУС). В 1884 г. по всей империи мировыми судьями было возбуждено

908246 уголовных дел, в том числе по жалобам частных лиц – 411940 дел, по сообщениям административных властей – 493612, по усмотрению судей – 2694 (45,4 %, 54,4 % и 0,3 % соответственно).

Перечень поводов к начатию дел был исчерпывающим и ограниченным по сравнению со ст. 287 УУС, так как «допущение начатия дел у мировых судей и по заявлениям частных лиц, не потерпевших от преступного действия, было бы неудобно, потому, что ... при отсутствии обвинителя мировой судья поставлен был бы в положение полицейского сыщика и утратил необходимое для судьи беспристрастие»; кроме того, это объяснялось отсутствием у мировых судей подготовительного производства: «Извещения и объявления частных лиц, не понесших от преступления или проступка личного оскорбления, ... ущерба или убытка, не имеющих личного в том интереса, обыкновенно бывают неполные и неточные, и по ним почти всегда нужно производить особые дознания и розыскания. Невозможно возложить сии розыскания на мирового судью, ибо это затруднило бы его до крайности, ... и отвлекло бы от настоящих его обязанностей»¹³.

Производство дел у мирового судьи до 1877 г. было бесплатным, а после – с тягущихся взималась судебная пошлина в размере 1% от суммы иска¹⁴.

При отсутствии обвиняемого или недостаточности доказательств полиция по поручению судьи (кроме дел частного обвинения) либо по заявлению потерпевших производила «розыскание» (ст.ст. 47, 48, 52 УУС). Сенат указывал, что судья не имел права поручать полиции предъявление обвинения, допрос потерпевших, так как «все это ничего общего с собираньем сведений и розысканием не имеет».

Судья вызывал обвиняемого, свидетелей (если сами стороны не брали на себя обязательство доставить их), извещал обвинителя о времени рассмотрения дела (ст.ст. 54, 63, 65 УУС). Судья мог отложить дело по собственной инициативе, если признавал необходимым произвести осмотр либо поручить сторонам или полиции представить необходимые сведения (ст. 74 УУС). Также судья мог применить к обвиняемому меру пресечения (ст. 77 УУС).

В начале судебного разбирательства судья предъявлял обвиняемому существо и основания обвинения и выяснял, признает ли обвиняемый себя виновным (ст. 91 УУС). В мировых

¹³ Судебные Уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны. Часть вторая. – СПб.: Издание Государственной канцелярии, 1866. – С. 78.

¹⁴ Павлова Л. А. Из числа честных особ // Мировой судья. – 2011. – № 6. – С. 21.

судах чтение обвинительного акта заменялось изложением судьей содержания жалобы или протокола и тех доказательств, которые были представлены обвинителем¹⁵. После этого мировой судья выяснял, признает ли обвиняемый себя виновным. При отрицательном ответе допрашивались свидетели обвинения, затем – сам обвиняемый и указанные им свидетели (ст. 92 УУС), которым при этом могли задавать вопросы как представители сторон, так и сам мировой судья, после чего исследовались иные имеющиеся в деле доказательства, в том числе могли быть произведены осмотр, освидетельствование и обыск как самим судьей, так и по его поручению полицией (ст.ст. 100–102, 105–107 УУС). При необходимости вызывались сведущие люди, обладавшие специальными познаниями или опытом (ст. 112 УУС). По делам частного обвинения исследовались только доказательства, представленные сторонами (ст. 104 УУС).

После этого судья постановлял приговор, кратко его записывал и оглашал немедленно (ст. 119, 127 УУС). В течение трех дней мировой судья должен был изложить приговор в окончательной форме (ст. 129 УУС).

Различались окончательные и неокончательные приговоры мировых судей. Окончательными считались приговоры, которыми назначалось наказание в виде внушения, замечания, выговора, денежного взыскания в размере до 50 рублей, арест на срок не свыше трех дней. Эти приговоры не могли быть обжалованы в апелляционном порядке. Все остальные приговоры являлись неокончательными и могли быть пересмотрены съездом мировых судей по отзыву кого-либо из сторон. Окончательные приговоры и решения съезда мировых судей могли быть пересмотрены в кассационном порядке уголовным кассационным департаментом Сената. В 1884 г. мировыми судьями по всей Российской империи было постановлено 846775 приговоров: 297300 (35,1 %) окончательных и 549475 (64,9 %) неокончательных.

Как видим, порядок формирования судебного корпуса, устройство и порядок деятельности мировых судов детально регулировались законом. Была создана стройная рациональная система судебных органов мировой юстиции, не зависящих от местных властей, рассматривавших значительное число уголовных и гражданских дел, охватывавших всю территорию Российской империи, что обеспечивало доступ к правосудию для населения.

Единоличный мировой суд оправдал свое предназначение. Дела в нем рассматривались быстро и качественно, о чем свидетельствуют статистические данные.

Так, в 1883 г. мировыми судьями было разрешено 89,8 % всех поступивших дел¹⁶. Из года в год число дел, оставшихся нерешенными, сокращалось: к 1886 г. их было 293373, к 1887 г. – 257585, к 1888 г. – 225839¹⁷. Среднее число разрешенных уголовных дел, приходившихся на одного мирового судью, составляло 480–490 в год, в том числе в столицах – 1100–1400.

Из общего числа приговоров и решений, постановленных мировыми судьями в 1886 г., было обжаловано 10,1 %, из них отменено 25,4 % (2,1 % от числа постановленных). В 1888 г. по всей империи было подано 94806 апелляционных отзывов на 556495 постановленных неокончательных приговоров (17 %); 10917 жалоб и протестов на 460462 окончательных приговора мировых судей (2,4 %)¹⁸.

Значительная часть дел у мировых судей заканчивалась примирением сторон: в 1884 г. по всей империи число таких дел составило 31,5 %, в 1886 г. – 27,5 %, в 1888 г. – 21,7 %.

Мировые суды быстро завоевали доверие в обществе. О нем тепло отзывались многие видные юристы того времени. А.Ф. Кони писал: «Здесь – у “мирового” в действительности совершался суд скорый, а личные свойства первых судей служили ручательством, что он не только скорый, но и правый в пределах человеческого разумения, и вместе с тем – милостивый»¹⁹.

Несоответствие прогрессивного, демократического содержания судебных уставов политическому режиму самодержавной России повлекло поэтапность проведения судебной реформы в течение тридцати пяти лет вместо предполагавшихся четырех (официально завершилась царским указом от 1 июля 1899 г.), а позднее – отступление от ее основополагающих принципов.

Основные реакционные изменения 70–90-х годов заключались в постепенном ограничении подсудности суда присяжных и расширении компетенции судебных палат с участием сословных представителей, замена следствия по политическим делам дознанием, производившимся чинами особого корпуса жандармов.

¹⁶ Власов В. Мировой суд как форма народного самоуправления // Российская юстиция. – 1995. – № 7. – С. 20.

¹⁷ Сборник статистических сведений Министерства юстиции. Дополнение к вып. 1 (1887), 2 (1891), 3 (1891).

¹⁸ Сборник статистических сведений Министерства юстиции. Дополнение к вып. 4 (1891).

¹⁹ Кони А.Ф. На жизненном пути / А. Ф. Кони. – СПб.; Л.: Тип. т-ва печ. и изд. дела Труд, 1912–1929. 5 т. – Т. I. – С. 490 и сл.

¹⁵ Неклюдов Н. А. Руководство для мировых судей. Т. I. – СПб., 1867. – С. 419.

В области мировой юстиции контрреформа проявилась в фактической ликвидации мировых судов и сосредоточением подсудных им дел в руках местных административных органов в соответствии с Законом 12 июля 1889 г. о преобразовании местных крестьянских учреждений и судебной части в Империи и принятыми в его развитие Правилами 29 декабря 1889 г. (дополненными законом 8 июня 1891 г.). Судебно-административная реформа была проведена после того, как в 1889 г. на журнале Государственного совета, излагавшем разногласия его членов, Александр III наложил резолюцию: «Желаю, чтобы мировые судьи в уезде были упразднены для того, чтобы обеспечить нужное количество надежных земских начальников в уезде и облегчить уезду тяжесть платежей. Часть дел мировых судей может перейти к земским начальникам и в волостные суды, а меньшая часть их, более важные дела, могли бы отойти к окружным судам». В результате этой реформы мировая юстиция была сохранена лишь в столицах и отдельных крупных городах (Одессе, Казани, Нижнем Новгороде, Харькове, Саратове, Казани, Архангельске), в остальных же 37 внутренних и 6 западных губерниях были введены судебно-административные учреждения, не связанные с общей судебной системой государства²⁰: в уездах – земские начальники, а в городах – городские судьи и уездные члены окружных судов, рассматривавшие дела по первой инстанции и одновременно выполнявшие административные функции.

Избрание мировых судей было заменено назначением земских начальников министром внутренних дел по представлению губернатора из числа дворян, владевших в уезде землей и имевших высшее образование. Тем самым в формирование судейского корпуса вновь вводился сословный элемент, господствовавший до реформы 1864 г. Закон 29 декабря 1889 г. разрешил назначать земскими начальниками любых лиц, признанных министром «способными к отправлению этой должности». В юридической литературе того времени отмечалось: «Таким образом законодатель, не принимая никаких мер к улучшению персонала, лишь расширяет круг лиц, имеющих право на занятие должности земского начальника, и довольствуется при этом сравнительно худшими силами»; «мы все очень хорошо знаем, что теперешние мировые судьи стремятся получить назначение членом окружных судов и городских судей, но

отнюдь не мечтают превратиться в земских начальников»²¹.

В руках земского начальника была сосредоточена и обширная административная власть над крестьянами, и судебные полномочия (он рассматривал почти все дела о деяниях, предусмотренных Уставом о наказаниях). Ярким свидетельством отступления от основных идей уставов, замены правосудия крепкой властью было существовавшее до 1906 г. право земских начальников налагать на лиц сельского управления, не исполнивших его требований, штраф до 6 руб. и арест до трех дней без судебного разбирательства, даже без опроса обвиняемого. Эти решения не подлежали обжалованию и отмене.

Городские судьи назначались министром юстиции из числа юристов. Их компетенция была такой же, как и у земских начальников.

Уездные члены суда единолично рассматривали наиболее сложные уголовные дела, отнесенные уставами к компетенции мирового судьи, но неподсудные земским начальникам и городским судьям.

Апелляционной инстанцией для земского начальника и городского судьи вместо съезда мировых судей стал уездный съезд, представлявший собой коллегия из уездного предводителя дворянства, уездного члена окружного суда, местных земских начальников и городских судей.

Реализация закона 12 июля 1889 г. привела к тому, что в мировой юстиции число судебных установлений и судей уменьшилось в 2–3 раза. Динамика этого процесса по внутренним губерниям отражена в таблице:

	01.01.1886 г.	01.01.1889 г.	01.01.1892 г.
Число съездов мировых судей	428	425	135
Число участковых мировых судей	1883	1878	890
Число почетных мировых судей	3668	3681	1050

Кассационной инстанцией был уже не Сенат, а губернское присутствие, состоявшее из губернатора, губернского предводителя дворянства, вице-губернатора и двух непреременных членов.

Таким образом, «учреждение земских начальников в 1889 г. нанесло сильнейший удар тому началу отделения судебной власти от ад-

²⁰ Латышева Н.А. Особенности организации мировой юстиции в Архангельской губернии начала XX века // Мировой судья. – 2012. – № 10. – С. 23.

²¹ Законодательная хроника. – Юридическая летопись. – 1890. – № 3. – С. 213.

министративной, о котором так настойчиво заботились составители Судебных Уставов, признавая необходимость строго разграничивать административные взгляды, политические соображения и начальственные распоряжения от стремления к правосудию и от работы судейской совести... Почти совершенное упразднение мирового института ... повело и к упрощению порядка мирового судебно-мирового разбирательства..., а знаменитая ст. 61 Положения о земских начальниках (наделявшая их правом налагать в вышеуказанных случаях наказания без всякого формального производства – Т.В.) ввела в судебную практику последних приемы, ничего общего с судебным разбирательством не имеющие. Это Положение ... глубоко нарушило начало единства кассационной практики, открыв широкое поле для своеобразных местных толкований карательных и процессуальных законов»²².

Такая организация судебной системы сохранялась до начала XX века. Она быстро обнаружила свои недостатки и часто критиковалась как учеными, так и практиками. Так, И. Аничков в 1907 г. писал: «Судебно-административные учреждения ..., которые призваны ведать и блюсти судебное дело низшего и участкового суда, кроме обременения своими собственными делами, не будучи в состоянии уделять рассмотрению судебных дел достаточно времени, вместе с тем совершенно не соответствуют по своему составу требованиям судебного места; при сложности и развитости в настоящее время судебной техники, юридическая подготовка и судейская опытность имеют слишком большое значение, чтобы можно было назвать удовлетворительным судебное присутствие, в коем элемент достаточно подготовленных судей находится в меньшинстве, а в некоторых съездах и присутствиях и совершенно отсутствует. Таким образом низший суд, основанный на сословном начале, зависимый от административных учреждений и не обеспеченный при этом составом суда с достаточным развитием, совершенно не удовлетворяет своему назначению»²³.

Под давлением ряда обстоятельств система мировой юстиции была восстановлена Законом от 15 июня 1912 г. «О преобразовании местного суда»²⁴. Система местных судов была изменена: наряду с предусмотренными Уставами 1864 г. мировыми судами действовали коллегиаль-

ные волостные суды в составе председателя и двух членов, апелляционной инстанцией для которых был верхний сельский суд в составе участкового мирового судьи (председателя) и двух чередующихся председателей волостных судов, а кассационной – съезды мировых судей. Целью восстановления мировой юстиции являлось «установление для местного населения самостоятельного и независимого от администрации суда, ... создание судебной власти, близкой к населению как собственно по месту деятельности, так и вместе с тем доступной для менее культурных и материально необеспеченных слоев населения. С проведением в жизнь нового суда должно быть обеспечено истинное правосудие на местах, водворение среди населения полного доверия к суду и проникновение в массу населения правовых понятий, уважения к чужой личности и чужому имуществу и укрепление нравственных устоев»²⁵.

Закон во многом иначе регулировали устройство и порядок деятельности единоличных мировых судов, чем судебные уставы в первоначальной редакции. Среди новых положений были и демократичные, и реакционные. Так, к первым можно отнести снижение имущественного и повышение образовательного ценза для мировых судей, установление более жестких требований для применения мировым судьей в качестве меры пресечения взятия обвиняемого под стражу, изменение соотношения полномочий сторон и судьи (просьба сторон об отложении дела в связи с невозможностью представить все доказательства перестала быть обязательной для суда; теперь и по делам частного обвинения мировой судья мог вызывать свидетелей по собственной инициативе, а не только по ходатайству сторон), увеличение срока для заявления отвода мировому судье обвиняемым (вместо первой явки в суд – первое заседание по делу), распространение на мировые суды правил о допросе потерпевшего; ко вторым – назначение в ряде местностей мировых судей правительством, допущение сокращенного судебного следствия при признании обвиняемым своей вины.

Однако на практике мировые суды так и не были воссозданы повсеместно: положения Закона 15 июня 1912 г. распространялись лишь на 10 губерний²⁶.

²² Кони А. Ф. Введение к систематическому комментарию Устава уголовного судопроизводства. Устав уголовного судопроизводства. Систематический комментарий. – М., 1914. Вып. I. – С. 24.

²³ Аничков И. Мировой суд и преобразование низших судов. – СПб., 1907. – С. 11–12.

²⁴ СУ. – 1912. – № 118. – ст. 1003.

²⁵ Циркуляр Министерства юстиции от 26 ноября 1913 г. № 66421 // Громов Н. А. Законы о местном суде. – М., 1914. – С. 43.

²⁶ Закон 26 июня 1913 г. о введении в действие закона о преобразовании местного суда в полном объеме в десяти губерниях первой очереди и о распространении некоторых постановлений этого закона на прочие местности Империи // Собр. узак. – 1913. – № 138. – ст. 1194.

Февральская революция 1917 г. повлекла за собой изменения существовавшего судоустройства. Временное правительство провозгласило как идеал судебной системы уставы 1864 г. В соответствии с постановлением Временного правительства от 25 марта 1917 г. «Об образовании комиссии для восстановления основных положений судебных уставов и согласования их с происшедшей переменой в государственном устройстве» была создана специальная комиссия – юридическое сове-

щание – для восстановления основных положений судебных уставов и согласования их с произошедшей переменой в государственном аппарате.

Было провозглашено упразднение судов с участием сословных представителей, земских начальников, городских судей и восстановление аппарата мировой юстиции²⁷. Однако процесс проведения в жизнь положений уставов 1864 г. остался незавершенным в связи с событиями октября 1917 г.

Библиография

1. Духовской М. В. Русский уголовный процесс. – М, 1905.
2. Ефремова Н. Н. Судоустройство в России в XVIII-первой половине XIX века (историко-правовое исследование). – М: Наука, 1993.
3. Кони А. Ф. Введение к систематическому комментарию Устава уголовного судопроизводства. Устав уголовного судопроизводства. Систематический комментарий. – М., 1914. Вып. I.
4. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства / под ред. А.В.Смирнова. – СПб.: Альфа, 1996. – Т. I.
5. Случевский В. К. Учебник русского уголовного процесса. – СПб., 1913.
6. Муратшина Г. П. Компетенция и специфика судопроизводства мировых судей Республики Башкортостан и дореволюционных мировых судей: сравнительно-правовой анализ // Мировой судья. – 2012. – № 10.
7. Викторский С. И. Русский уголовный процесс. – М.: Городец, 1997.
8. Чельцов-Бебутов М. А. Курс уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. – СПб.: Равена, Альфа, 1995.
9. Кони А. Ф. Введение к систематическому комментарию Устава уголовного судопроизводства / под ред. М. Н. Гернета. – М., 1914.
10. Павлова Л. А. Из числа честных особ // Мировой судья. – 2011. – № 6.
11. Неклюдов Н. А. Руководство для мировых судей. Т. I. – СПб., 1867.
12. Власов В. Мировой суд как форма народного самоуправления // Российская юстиция. – 1995. – № 7.
13. Кони А.Ф. На жизненном пути / А. Ф. Кони. – СПб. ; Л. : Тип. т-ва печ. и изд. дела Труд, 1912–1929. 5 т. – Т. I.
14. Латышева Н.А. Особенности организации мировой юстиции в Архангельской губернии начала XX века // Мировой судья. – 2012. – № 10.
15. Кони А. Ф. Введение к систематическому комментарию Устава уголовного судопроизводства. Устав уголовного судопроизводства. Систематический комментарий. – М., 1914. Вып. I.
16. Аничков И. Мировой суд и преобразование низших судов. – СПб., 1907.
17. Голунский С. А., Карев Д. С. Судоустройство СССР. – М.: Юрид. изд-во Министерства юстиции СССР, 1946.
18. Тиганов А.И. Организационно-правовые основы становления и трансформации статуса мировых судей в условиях судебных преобразований второй половины XIX – начала XX веков // Актуальные проблемы российского права. – 2012. – 2. – С. 20–30.

References

1. Dukhovskoi M. V. Russkii ugovolnyi protsess. – M, 1905.
2. Efremova N. N. Sudoustroistvo v Rossii v XVIII-pervoi polovine XIX veka (istoriko-pravovoe issledovanie). – M: Nauka, 1993.
3. Koni A. F. Vvedenie k sistematicheskomu kommentariyu Ustava ugovolnogo sudoproizvodstva. Ustav ugovolnogo sudoproizvodstva. Sistematicheskii kommentarii. – M., 1914. Vyp. I.

²⁷ Голунский С. А., Карев Д. С. Судоустройство СССР. – М.: Юрид. изд-во Министерства юстиции СССР, 1946. – С. 63.

4. Foinitskii I. Ya. Kurs ugovnogo sudoproizvodstva / pod red. A.V.Smirnova. – SPb.: Al'fa, 1996. – Т. I.
5. Sluchevskii V. K. Uchebnik russkogo ugovnogo protsessa. – SPb., 1913.
6. Muratshina G. P. Kompetentsiya i spetsifika sudoproizvodstva mirovykh sudei Respubliki Bashkortostan i dorevolyutsionnykh mirovykh sudei: sravnitel'no-pravovoi analiz // Mirovoi sud'ya. – 2012. – № 10.
7. Viktorskii S. I. Russkii ugovnyi protsess. – M.: Gorodets, 1997.
8. Chel'tsov-Bebutov M. A. Kurs ugovno-protsessual'nogo prava. Ocherki po istorii suda i ugovnogo protsessa v rabovladel'cheskikh, feodal'nykh i burzhuaznykh gosudarstvakh. – SPb.: Ravena, Al'fa, 1995.
9. Koni A. F. Vvedenie k sistematicheskomu kommentariyu Ustava ugovnogo sudoproizvodstva / pod red. M. N. Gerneta. – M., 1914.
10. Pavlova L. A. Iz chisla chestnykh osob // Mirovoi sud'ya. – 2011. – № 6.
11. Neklyudov N. A. Rukovodstvo dlya mirovykh sudei. Т. I. – SPb., 1867.
12. Vlasov V. Mirovoi sud kak forma narodnogo samoupravleniya // Rossiiskaya yustitsiya. – 1995. – № 7.
13. Koni A.F. Na zhiznennom puti / A. F. Koni. – SPb. ; L. : Tip. t-va pech. i izd. dela Trud, 1912–1929. 5 t. – Т. I.
14. Latysheva N.A. Osobennosti organizatsii mirovoi yustitsii v Arkhangel'skoi gubernii nachala XX veka // Mirovoi sud'ya. – 2012. – № 10.
15. Anichkov I. Mirovoi sud i preobrazovanie nizshikh sudov. – SPb., 1907.
16. Golunskii S. A., Karev D. S. Sudoustroistvo SSSR. – M.: Yurid. izd-vo Ministerstva yustitsii SSSR, 1946.
17. Tiganov A.I. Organizatsionno-pravovye osnovy stanovleniya i transformatsii statusa mirovykh sudei v usloviyakh sudebnykh preobrazovanii vtoroi poloviny XIX – nachala XX vekov // Aktual'nye problemy rossiiskogo prava. – 2012. – 2. – С. 20–30.

Материал поступил в редакцию 1 марта 2014 г.

Т.Ю. Максимова*

РОЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩЕГО В ФОРМИРОВАНИИ У ПРИСЯЖНЫХ ВНУТРЕННЕГО УБЕЖДЕНИЯ ПО ДЕЛУ И НЕДОПУЩЕНИИ НЕЗАКОННОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА НИХ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ НОРМ УСТАВА УГОЛОВНОГО СУДО- ПРОИЗВОДСТВА 1864 ГОДА И УПК РФ

Аннотация: Статья посвящена сравнительно-правовому анализу норм Устава уголовного судопроизводства 1864 г. и УПК РФ о роли председательствующего в формировании у присяжных внутреннего убеждения по делу и недопущении незаконного воздействия на них. В статье рассматривается вопрос о том, как происходит формирование внутреннего убеждения и что понимается под термином «незаконное воздействие» на коллегия присяжных заседателей, поскольку очень часто именно это становится одним из оснований к отмене приговора, постановленного с участием присяжных заседателей. Нормы, которые призваны ограничить незаконное воздействие на присяжных заседателей, по УУС рассматриваются в двух аспектах: организационного характера и связанные непосредственно с самим рассмотрением дела. Вступительное заявление сторон, допрос, прения сторон, напутственное слово председательствующего рассматриваются под углом формирования у присяжных заседателей внутреннего убеждения в сравнительном аспекте по УУС и УПК РФ. Применяется метод сравнительно-правового анализа норм Устава уголовного судопроизводства 1864 г. и УПК РФ о роли председательствующего в формировании у присяжных внутреннего убеждения по делу. Делается вывод о том, что в процессуальных механизмах УУС и УПК РФ, обеспечивающих участие председательствующего в формировании у присяжных внутреннего убеждения по делу и недопущении незаконного воздействия на них, имеются как сходства, так и различия, что имеет большое значение для развития науки современного уголовного процесса.

Ключевые слова: вступительное заявление, внутреннее убеждение, незаконное воздействие, суд присяжных, председательствующий, устав уголовного судопроизводства, доказательства, допрос, прения, напутственное слово.

DOI: 10.7256/1994-1471.2014.4.11245

Суд присяжных в России введен Судебными Уставами 20 ноября 1864 г. (далее УУС). «Он дан с единственной целью улучшить правосудие, введя в него живой, народный элемент как необходимое условие правильной уголовной юрисдикции»¹.

Многие положения ныне действующего УПК РФ перекликаются с положениями УУС, что делает интересным проведение сравнительного исследования отдельных его положений.

Согласно ст. 8.1 УПК РФ при осуществлении правосудия по уголовным делам судьи независимы и подчиняются только Конституции Российской Федерации и федеральному закону. Судьи рассматривают и разрешают уголовные

¹ Сергеевский Н. Д. Избранные труды /отв. ред. и автор биографического очерка А.И. Чучаев. М.: ООО Издательский дом «Буквоед», 2008. С. 127.

© Максимова Татьяна Юрьевна

* Кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-процессуального права, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА) [maximova777@yandex.ru]
123995, Россия, г. Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9.

дела в условиях, исключая стороннее воздействие на них.

Согласно ст. 17 УПК РФ судья, присяжные заседатели, а также прокурор, следователь, дознаватель оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью.

Предоставляя присяжным заседателям право оценки доказательств по внутреннему убеждению, закон вместе с тем требует, чтобы это субъективное убеждение имело объективную основу в виде совокупности собранных и исследованных доказательств². При этом «особенно важно исключить из судебного следствия недопустимое доказательство при рассмотрении дела судом с участием присяжных заседателей с тем, чтобы оно не оказало воздействия на формирование убеждения присяжных в доказанности каких-либо обстоятельств»³.

С одной стороны, присяжные должны быть ограждены от влияния таких доказательств и доводов, а также от такого поведения представителей сторон, которые могли бы отрицательно сказаться на степени их объективности и привести к вынесению неправомерного вердикта вопреки установленным по делу фактам⁴.

С другой стороны, это не должно позволить судье влиять на решение присяжных.

Одним из важных вопросов является вопрос о том, как происходит формирование внутреннего убеждения и что понимается под термином «незаконное воздействие» на коллегию присяжных заседателей, поскольку очень часто именно оно становится одним из оснований к отмене приговора, постановленного с участием присяжных заседателей.

Так, по одному из дел Верховный Суд РФ указал: «Несмотря на то, что в некоторых случаях председательствующий останавливала подсудимого и его защитников и разъясняла присяжным заседателям их обязанность не принимать во внимание указанные сведения, систематичность нарушений, допущенных стороной защиты, и продолжение нарушений после разъяснений и замечаний суда свидетельствуют о том, что присяжные заседатели не

были ограждены от незаконного воздействия со стороны защиты, что повлияло на существование их ответов при вынесении вердикта»⁵.

Термин «незаконное воздействие» в законе не раскрывается, однако упоминается как в многочисленных решениях ВС РФ, так и в Постановлении Пленума ВС РФ от 22.11.2005 № 23, в котором указывается, что не допускается оглашение приговора по другому делу в отношении ранее осужденного соучастника (соучастников). Согласно ст. 74 УПК РФ такой приговор не является доказательством по рассматриваемому делу и в соответствии со ст. 90 УПК РФ не может предрешать виновность подсудимого. Оглашение такого приговора следует расценивать как незаконное воздействие на присяжных заседателей, которое может повлиять на их ответы на поставленные вопросы и соответственно повлечь за собой отмену приговора⁶.

Следует согласиться с мнением Г.А. Есакова, который отмечает, что необходимо отметить, что попытка формирования предубеждения в отношении как подсудимого, так и потерпевшего сама по себе еще не является основанием к отмене оправдательного приговора. Здесь Верховный Суд РФ использует неясно разработанный критерий, сопоставимый аналог которого за рубежом называется правилом о «безвредной ошибке» (harmless error). В соответствии с кассационной практикой при оценке того, оказано ли недопустимое воздействие на присяжных, следует принимать во внимание, во-первых, частоту (систематичность) оказанного незаконного воздействия, во-вторых, потенциальное эмоциональное влияние воздействия на присяжных и, в-третьих, своевременность пресечения такого воздействия председательствующим судьей с последующим напоминанием присяжным в напутственном слове о том, что они не должны принимать во внимание незаконное воздействие при вынесении вердикта⁷.

Нормы, которые были призваны ограничить незаконное воздействие на присяжных заседателей по УУС можно разделить на две группы: организационного характера и связанные непосредственно с самим рассмотрением дела.

² Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: Инфра-М, 2010. С. 159.

³ Вилкова Т.Ю. Доказательства // Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник для вузов / Под общ. ред. Г. М. Резника. – М.: Юрайт, 2013. С. 269–270.

⁴ Бернэм Э. Суд присяжных заседателей – М: Московский независимый институт международного права (МНИМП). С. 100.

⁵ Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 21.01.2014 № 56-АПУ13-46СП // СПС Консультант-Плюс.

⁶ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2005 № 23 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей» // Российская газета. 2005. 2 декабря.

⁷ Есаков Г.А. «Нуллификация» уголовного закона в суде с участием присяжных заседателей // Уголовное право. 2013. № 2. С. 121–129.

К первой группе таких норм можно отнести положения, направленные на обеспечение независимости присяжных заседателей. Как и по УПК РФ, этот вопрос был отнесен к компетенции председательствующего.

В ст. 615 УУС устанавливалось, что «в промежутках судебного заседания председатель суда принимает меры к наблюдению за присяжными заседателями и к предупреждению внешне-го на них влияния, могущего служить источником предубеждения».

Статья 616 УУС предусматривала, что «в делах особенной важности председатель суда может преградить всякие сношения с присяжными заседателями, предложив им для отдохновения особые комнаты в помещении суда».

Роль председательствующего в ограждении присяжных от незаконного воздействия, согласно ст. 617 УУС, состояла и в том, чтобы «председатель суда останавливает всякого, кто в судебном заседании осмелится выразить одобрение или неодобрение сделанных показаний или объяснений, входить в недозволенные сношения со свидетелями или с присяжными заседателями или же иным образом нарушать установленный порядок».

Вторая группа положений УУС обеспечивала ограждение присяжных заседателей от незаконного воздействия процессуальными действиями судьи в ходе самого судебного разбирательства.

Прежде всего, это обеспечивалось правильным разъяснением судьей закона присяжным заседателям.

Так, согласно ст. 614 УУС по делам, в решении коих участвуют присяжные заседатели, председатель суда обращает особенное внимание на то, чтобы они воспользовались всеми средствами для обстоятельного рассмотрения дела и, по требованию их, дает им надлежащие объяснения в простых и понятных для них словах.

При этом согласно ст. 673 УУС присяжные заседатели могут во всяком положении дела просить председателя суда разъяснить им содержание прочитанных на суде документов, признаки, коими определяется в законе преступление, приписываемое подсудимому, и вообще все для них непонятное.

Этому положению УУС корреспондируют и нормы УПК РФ, касающиеся влияния председательствующего на весь ход процесса.

Важное значение в ограждении присяжных заседателей от незаконного воздействия имели закрепленные в УУС обязанности присяжных.

Так, согласно ст. 675 УУС, присяжные заседатели не должны были ни отлучаться из зала заседания, ни входить в сношения с лицами, не принадлежащими к составу суда, не получив на то разрешения заседателя. Вообще присяжным

воспрещалось собирание каких-либо сведений по делу вне судебного заседания.

Вместе с тем, Сенат разъяснил, что ст. 675 Устава «... не может относиться к тем сведениям по делу, которые присяжный заседатель не собирал, но которые дошли до него случайно... вопреки его воле, и от слышания которых он не имел ни повода, ни основания устраниваться»⁸.

Согласно ст. 677 УУС присяжные заседатели были обязаны сохранять тайну совещаний и не объявлять никому, какие голоса поданы были в пользу или против подсудимого. Нарушение этого правила подвергало виновного денежному взысканию от десяти до ста рублей.

Интересно проследить, как эти положения перекликаются с ч. 2 ст. 333 УПК РФ, согласно которой присяжные заседатели не вправе:

- 1) отлучаться из зала судебного заседания во время слушания уголовного дела;
- 2) высказывать свое мнение по рассматриваемому уголовному делу до обсуждения вопросов при вынесении вердикта;
- 3) общаться с лицами, не входящими в состав суда, по поводу обстоятельств рассматриваемого уголовного дела;
- 4) собирать сведения по уголовному делу вне судебного заседания;
- 5) нарушать тайну совещания и голосования присяжных заседателей по поставленным перед ними вопросам.

Основанием к отмене приговора будет являться любое собирание присяжными заседателями сведений по делу вне судебного заседания: «...положение закона нарушено старшиной присяжных заседателей, который... счел своим гражданским долгом самому провести расследование, для чего неоднократно выходил на место преступления, в результате им были получены, по его мнению, непроверяемые доказательства полной невиновности П. В ходе выработки коллегией присяжных заседателей своего вердикта по делу в совещательной комнате ему удалось доказать членам коллегии присяжных заседателей, как он считал, полную несостоятельность предъявленных подсудимому обвинений и его полную невиновность...»⁹.

Согласно УУС как такового этапа произнесения вступительного заявления сторон не было.

⁸ Насонов С.А. Права и обязанности присяжных заседателей в судебном разбирательстве по уголовному делу: история и современность. В сб.: Юридическая наука и практика: история и современность: материалы международной научно-практической конференции. Рязань, 2013. С. 211.

⁹ Определение Кассационной палаты Верховного Суда РФ от 5 апреля 2001 года // СПС КонсультантПлюс.

По исполнении всех обрядов, которые сопровождают открытие судебного заседания, читался вслух обвинительный акт или жалоба частного обвинителя. Затем председатель суда в кратких словах излагал существо обвинения и спрашивает подсудимого: признает ли он себя виновным.

Подсудимому, признающему свою вину, предлагались дальнейшие вопросы, относящиеся к обстоятельствам преступления, в котором он обвиняется.

Если признание подсудимого не возбуждало никакого сомнения, то суд, не производя дальнейшего исследования, мог перейти к заключительным прениям.

Поскольку в ст. 681 УУС устанавливалась на случай признания подсудимым своей вины возможность проведения сокращенного судебного следствия, присяжные могли испытывать затруднения в вынесении вердикта вследствие малого количества исследованных доказательств. Этот недостаток блестяще устранила ст. 682 Устава, которая дала право присяжным потребовать исследования любых доказательств в случае признания подсудимым своей вины¹⁰.

Согласно ст. 683 УУС, подсудимого, не признающего в преступлении, председатель суда при рассмотрении каждого доказательства спрашивает, не желает ли он в оправдание свое представить какие-либо объяснения или опровержения.

В отличие от приведенных положений, УПК РФ предусматривает, что судебное следствие с участием присяжных заседателей начинается со вступительных заявлений сторон.

Во вступительном заявлении государственный обвинитель излагает существо предъявленного обвинения и предлагает порядок исследования представленных им доказательств.

Защитник высказывает согласованную с подсудимым позицию по предъявленному обвинению и мнение о порядке исследования представленных им доказательств.

Во вступительном заявлении защитник озвучивает обстоятельства дела так, как их хочет представить сторона защиты, как хочет донести их до присяжных заседателей, и отношение к обвинению.

Значение данного этапа судебного следствия огромно. Как известно, присяжные заседатели не знакомы с материалами дела, следовательно, именно в этот момент они впервые узнают об обстоятельствах дела и о тех позициях, которые стороны будут отстаивать в ходе судебного заседания.

Во вступительном заявлении государственный обвинитель должен изложить существо предъявленного обвинения без упоминания о фактах и данных, способных вызвать у присяжных предубеждение, и предложить порядок исследования представленных им доказательств. При этом по смыслу закона государственный обвинитель не обязан оглашать обвинительное заключение полностью, а должен кратко и понятно для присяжных заседателей изложить существо предъявленного обвинения¹¹.

Согласно ст. 252 УПК РФ председательствующий должен обеспечить проведение судебного разбирательства только в пределах предъявленного подсудимому обвинения.

Детально четко были прописаны в УУС положения, касающиеся допросов свидетелей, в частности те нормы, которые направлены на выяснение достоверности того или иного доказательства. Так, согласно ст. 721 УУС каждая сторона имела право предложить свидетелю вопросы не только о том, что он видел или слышал, но также и о тех обстоятельствах, которые доказывают, что он не мог показанного им ни видеть, ни слышать, или, по крайней мере, не мог видеть или слышать так, как о том свидетельствует. При этом каждая сторона может предложить свидетелю вторичные вопросы в разъяснение ответов, данных на вопрос противной стороны (ст.723 УУС). Если ответами на вопросы сторон предмет показания не был вполне объяснен, то председатель или члены суда с разрешения председателя или же присяжные заседатели чрез того же председателя могли предложить свидетелю вопросы дополнительные (ст. 724 УУС).

Столь подробную регламентацию современные правила допроса не содержат, в УПК РФ, в основном, речь идет о соблюдении правила о пределах рассмотрения дела с участием присяжных. Так, ВС РФ посчитал, что в допросе были нарушения, которые выразились в том, что, например, в своих показаниях Куцуруба А.А. утверждал, что его право давать показания нарушается (т. 6 л.д. 58, 82), излагал не относящиеся к делу обстоятельства личной жизни потерпевшего Костина В.П. (т. 6 л.д. 62), утверждал, что по делу не проводилось никаких экспертиз (т. 6 л.д. 66), давал пояснения о действиях работников полиции после его заявления о преступлении (т. 6 л.д. 69–70), о времени составления процессуальных документов (т. 6 л.д. 87), о порядке производства экспертизы (т. 6 л.д. 101). Данные обстоятельства не касались

¹⁰ Насонов С.А. Судебное следствие в суде присяжных: законодательство, теория, практика. Научно-практическое пособие. М., 2001. С. 82.

¹¹ Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 10.07.2013 № 93–АПУ13–5СП // СПС Консультант-Плюс.

вопросов, которые подлежат разрешению присяжными заседателями, а потому, в соответствии с требованиями закона, не должны были быть доведены до их сведения¹².

Как отмечал И.Я. Фойницкий, «замечания и объяснения при судебном следствии должны ограничиваться определенным доказательством или действием, происходящим в данное время на суде, безо всякого сопоставления разных доказательств или действий между собой; не могут они также в этой стадии входить в оценку доказательств»¹³. Эти права стороны получают в дальнейшей стадии окончательного производства, а именно в заключительных прениях сторон.

В прениях сторон не допускалось все, что не имеет прямого отношения к делу, не допускалось ни оскорбительных для чьей бы то ни было личности отзывов, ни нарушения должного уважения к религии, закону и установленным властям (ст. 611 УУС). В случае нарушения сторонами этого требования, их останавливал председательствующий, «...в силу своей распорядительной власти и он же наблюдает за тем, чтобы стороны не выступали из надлежащих границ и по содержанию»¹⁴.

В настоящий момент практика Верховного Суда РФ идет по пути буквального толкования положений УПК РФ о том, что согласно ст. 336 УПК РФ, в которой говорится об особенностях проведения прений сторон в суде с участием присяжных заседателей, прения сторон проводятся лишь в пределах вопросов, подлежащих разрешению присяжными заседателями. Стороны не вправе касаться обстоятельств, которые рассматриваются после вынесения вердикта без участия присяжных заседателей. Если участник прений сторон упоминает о таких обстоятельствах, то председательствующий останавливает его и разъясняет присяжным заседателям, что указанные обстоятельства не должны быть приняты ими во внимание при вынесении вердикта. Высказана позиция, согласно которой ст. 335 УПК РФ источником формирования внутреннего убеждения присяжных заседателей по установлению фактических обстоятельств дела являются прения сторон¹⁵.

Поскольку обеспечение соблюдения процедуры прений сторон возложено, как и по УУС, на председательствующего, он должен руко-

водствоваться требованиями закона о проведении прений лишь в пределах вопросов, подлежащих разрешению присяжными заседателями.

Прения сторон, реплики и последнее слово подсудимого в суде с участием присяжных заседателей проводятся в соответствии со ст. ст. 292, 293 УПК, но с особенностями, указанными в ч. ч. 2, 3 ст. 336 и ст. 347 УПК, лишь в пределах вопросов, подлежащих разрешению присяжными заседателями. Стороны не вправе в своих речах ссылаться, например, на криминологическую ситуацию в стране, приводить данные статистики, какие-либо примеры из судебной практики, мнение общественности по рассматриваемому делу и т.п. С целью недопущения незаконного воздействия на присяжных заседателей судьи должны строго выполнять требования закона об ограничении содержания выступлений сторон. Председательствующему следует выполнять определенные в законе действия в случаях, когда стороны допускают нарушения, в частности прерывать выступающего, при необходимости делать замечания, предлагать не повторять подобного, а присяжным заседателям разъяснять, чтобы они не учитывали данные обстоятельства при вынесении вердикта¹⁶.

Так в апелляционном определении Верховного Суда РФ отмечается: «В своем выступлении в прениях сторон подсудимый Куцуруба А.А. вновь сообщил присяжным заседателям о нарушении его права на защиту, о том, что он не знал регламента судебного заседания, хотя регламент разъяснялся всем участникам процесса в подготовительной части судебного заседания, ссылаясь на продолжительный срок содержания его под стражей, что повлияло на его состояние, и характеризующие его данные, оспаривал допустимость следственных действий, утверждал о фальсификации материалов, об искажении видеосъемки следственного действия».

Защитник Крайников И.И. в репликах также обсуждал вопрос о порядке производства экспертизы, о заинтересованности эксперта, а подсудимый Куцуруба А.А. снова доводил до сведения присяжных заседателей информацию о процедуре производства следственных действий, о фальсификации протоколов»¹⁷.

В отличие от судебной практики и по УПК РФ, предмет прений в судебной практике по

¹² Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 21.01.2014 № 56-АПУ13-46СП // СПС КонсультантПлюс.

¹³ Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб.: Альфа, 1996. Т. 2. С. 446.

¹⁴ Фойницкий И.Я. Указ. соч. Т.2 с. 464.

¹⁵ Определение Верховного Суда РФ от 07.07.2010 № 18-О10-18СП // СПС КонсультантПлюс.

¹⁶ Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Практическое пособие / Под ред. В.П. Верина. М.: Юрайт-Издат, 2006.

¹⁷ Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 21.01.2014 № 56-АПУ13-46СП // СПС КонсультантПлюс.

УУС мог быть значительно шире и не ограничивался только содержанием обвинения, предъявленного подсудимому.

Так в речи С.А. Адреевского по делу о краже изумрудной брошки, он приводит случай, в котором рассказывает эпизод из другого дела, чтобы показать отношение к экспертизе¹⁸. Или в той же речи приводится очень красивое сравнение действий полиции с ретивым конем, который красиво смотрится, когда стрелой несется от Аничкина моста прямо к Адмиралтейству, но при этом часто бывает, что он давит ни в чем не повинных прохожих¹⁹.

Согласно ст. 739 УУС, прокурор в обвинительной речи не должен был ни представлять дело в одностороннем виде, извлекая из него только обстоятельства, уличающие подсудимого, ни преувеличивать значения имеющихся в деле доказательств и улики или важности рассматриваемого преступления.

В то же время, ст. 745 УУС устанавливала, что защитник подсудимого не должен ни распространяться о предметах, не имеющих никакого отношения к делу, ни позволять себе нарушать должное уважение к религии, закону и установленным властям, ни употреблять выражений, оскорбительных для чьей бы то ни было личности.

В УУС закреплялось, что по делам, решаемым с участием присяжных заседателей, защитник подсудимого в прениях, предшествующих постановлению ими решения, должен ограничиться применением к делу только тех законов, коими определяется свойство рассматриваемого преступления или по которым подсудимый в случае его осуждения может быть признан заслуживающим снисхождения.

Данный сравнительный анализ позволяет сделать вывод о том, что в период действия УУС ограничения были менее выражены, чем в настоящее время, что позволяло речам быть более яркими и насыщенными.

Очень интересна была роль председательствующего судьи при произнесении напутственного речи – современного аналога напутственного слова. Согласно ст. 802 УУС председатель суда в случае надобности восстановить обстоятельства, неправильно изложенные сторонами или истинный разум закона, не точно ими истолкованного, не должен был в объяснениях своих ни обнаруживать собственного своего мнения о вине или невинности подсудимого, ни приводить обстоятельств, не бывших предметом судебного состязания.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что председательствующий не во всех случаях делал эти разъяснения, а только в случае надобности, что, безусловно, способствовало восприятию присяжными того, что было установлено сторонами.

И.Я. Фойницкий, критикуя это положение закона, подчеркивал, что «... председатель имеет право и обязан руководствоваться своим убеждением и ... не в силах отрешиться от него; его мнение будет непременно высказано; запрещение высказывать его прямо может заставить председателя оставлять многое недосказанным или высказывать свои мысли намеками и столь неясно, что у присяжных заседателей может сложиться совершенно превратное их понимание». Поэтому он предлагал устранить этот законодательный запрет и «относиться с большим доверием к присяжным заседателям, которые отнесутся самостоятельно к мнению председателя»²⁰.

В судебной практике нарушения ст. 802 УУС со стороны председательствующего фиксировались крайне редко.

Так в решении № 38 за 1870 г. Сенат не нашел выражения председательствующим личного мнения в следующей фразе из напутственного слова: «я не могу согласиться с мнением защитника подсудимых Голицына и Добровольского, что против них существуют только три свидетельских показания, я нахожу, что против них говорят показания других свидетелей, данные при предварительном следствии и вам здесь прочитанные». В определении Сената отмечалось, что эти слова представляют собой лишь «сообщение данных, имевших место на судебном следствии»²¹.

В современной практике «корректировка» позиций сторон в напутственном слове председательствующего рассматривается как действие, соответствующее УПК РФ²². В то же время в судебной практике признается допустимым включение в напутственное слово в целях объективного и беспристрастного разрешения присяжными заседателями поставленных перед ними вопросов, исключения самой возможности воздействия на присяжных заседателей своего авторитета, как профессионального судьи, разъяснения следующего содержания: «Если Вы посчитаете, что я каким-либо образом вольно или невольно выразила свое мнение о том, как надо разрешить насто-

²⁰ Фойницкий И.Я. Указ. соч. т.2 с. 464.

²¹ Насонов С.А. Напутственное слово председательствующего в суде присяжных. М., 2006. С. 39.

²² Насонов С.А. Напутственное слово председательствующего в суде присяжных. М., 2006. С. 82.

¹⁸ Судебные речи известных русских юристов. М., 1957. С. 172.

¹⁹ Там же.

ящее дело, то вы должны это игнорировать и опираться на собственное убеждение»²³.

Таким образом, в процессуальных механизмах УУС и УПК РФ, обеспечивающих участие председательствующего в формировании у присяжных внутреннего убеждения по делу

и недопущении незаконного воздействия на них, имеются как сходства, так и различия.

Анализ этих сходств и различий имеет большое значение для совершенствования современного законодательства о суде присяжных и судебной практики.

Библиография

1. Бернэм У. Суд присяжных заседателей – М: Московский независимый институт международного права (МНИМП). – 128 с.
2. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учебник для вузов / Под общ. ред. Г. М. Резника. – М.: Юрайт, 2013. – 859 с.
3. Вилкова Т.Ю. Процессуальные гарантии независимости судей в уголовном судопроизводстве // Уголовное право. 2014. № 2.
4. Есаков Г.А. «Нуллификация» уголовного закона в суде с участием присяжных заседателей // Уголовное право. 2013. № 2. С. 121–129.
5. Lupinskaya P.A. Resheniya v уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, Инфра-М, 2010. – 240 с.
6. Насонов С.А. Права и обязанности присяжных заседателей в судебном разбирательстве по уголовному делу: история и современность. Юридическая наука и практика: история и современность: материалы международной научно-практической конференции. Рязань, 2013. – С. 209–213.
7. Насонов С.А. Судебное следствие в суде присяжных: законодательство, теория, практика. Научно-практическое пособие. М., 2001. – 192 с.
8. Насонов С.А. Напутственное слово председательствующего в суде присяжных. М., 2006. – 304 с.
9. Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Практическое пособие / Под ред. В.П. Верина. М.: Юрайт-Издат, 2006. – 589 с.
10. Сергеевский Н.Д. Избранные труды/отв. Редактор и автор биографического очерка А.И. Чучаев.М.: ООО«Издательский дом «Буквоед», 2008. – 606 с.
11. Судебные речи известных русских юристов. М., 1957. – 868 с.
12. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб.: Альфа, 1996. Т. 2.

References

1. Bernem U. Sud prisyazhnykh zasedatelei – M: Moskovskii nezavisimyi institut mezhdunarodnogo prava (MNIMP). – 128 s.
2. Ugolovno-protsessual'noe pravo Rossiiskoi Federatsii : uchebnik dlya vuzov / Pod obshch. Red. G. M. Reznika. – M.: Yurait, 2013. – 859 s.
3. Vilkova T.Yu. Protsessual'nye garantii nezavisimosti sudei v уголовном судопроизводстве // Уголовное право. 2014. № 2.
4. Esakov G.A. «Nullifikatsiya» ugolovnogo zakona v sude s uchastiem prisyazhnykh zasedatelei // Уголовное право. 2013. № 2. S. 121–129.
5. Lupinskaya P.A. Resheniya v уголовном судопроизводстве: teoriya, zakonodatel'stvo, praktika. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Norma, Infra-M, 2010. – 240 s.
6. Nasonov S.A. Prava i obyazannosti prisyazhnykh zasedatelei v sudebnom razbiratel'stve po ugolovnomu delu: istoriya i sovremennost'. Yuridicheskaya nauka i praktika: istoriya i sovremennost': materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Ryazan', 2013. – S. 209–213.
7. Nasonov S.A. Sudebnoe sledstvie v sude prisyazhnykh: zakonodatel'stvo, teoriya, praktika. Nauchno-prakticheskoe posobie. M., 2001. – 192 s.
8. Nasonov S.A. Naputstvennoe slovo predsedatel'stvuyushchego v sude prisyazhnykh. M., 2006. – 304 s.
9. Praktika primeneniya Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii: Prakticheskoe posobie / Pod red. V.P. Verina. M.: Yurait-Izdat, 2006. – 589 s.
10. Sergeevskii N.D. Izbrannye trudy/otv. Redaktor i avtor biograficheskogo ocherka A.I. Chuchaev.M.: ООО«Izdatel'skii dom «Bukvoed», 2008. – 606 s.
11. Sudebnye rechi izvestnykh russkikh yuristov. M., 1957. – 868 s.
12. Foinitskii I.Ya. Kurs ugolovnogo sudoproizvodstva. SPb.: Al'fa, 1996. T. 2.

Материал поступил в редакцию 1 марта 2014 г.

²³ Вилкова Т.Ю. Процессуальные гарантии независимости судей в уголовном судопроизводстве // Уголовное право. 2014. № 2.

ГЕНЕЗИС И ЭВОЛЮЦИЯ МОДЕЛИ ПРОИЗВОДСТВА В СУДЕ ПРИСЯЖНЫХ В РОССИИ: ОТ УСТАВА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА ДО УПК РФ

Аннотация: Во второй половине XIX века в России была законодательно закреплена модель производства в суде присяжных комбинированного (смешанного) типа, сочетающая в себе признаки англо-американской и континентальной моделей. В своем развитии она прошла длительный путь, в котором можно выделить три этапа: модель производства в суде присяжных по Уставу уголовного судопроизводства 1864 г.; модель производства по УПК РСФСР (в ред. закона от 16.07.1993 г.); модель производства в суде присяжных по УПК РФ 2001 г. Анализ производства в суде присяжных по Уставу уголовного судопроизводства свидетельствует о том, что оно вообрало в себя черты как англо-американской (состязательный порядок судебного следствия, институт напутствия и т.д.), так и континентальной моделей (система постановки нескольких вопросов, ограничения состязательности, разделение судебного следствия и прений сторон и т.д.). Сравнительное исследование моделей производства в суде присяжных по Уставу, УПК РСФСР и УПК РФ позволяет сделать два вывода: во-первых, модели производства в суде присяжных по УПК РСФСР и по УПК РФ являются рецепцией модели производства по Уставу уголовного судопроизводства. Сходными являются: структура судебного разбирательства (количество, содержание и последовательность смены этапов), системы постановки вопросов присяжным заседателям, требования к содержанию напутственного слова председательствующего, свойства вердикта присяжных заседателей и т.д. Различия обусловлены новым содержанием некоторых современных принципов процессуальной формы (например, требования однократности возможного несогласия председательствующего с вердиктом присяжных). Во-вторых, тождественной является не только процедура производства в суде присяжных, но и проблемы, возникшие в судебной практике, на всех трех этапах эволюции российского суда присяжных. Исследование опыта их решения позволяет оптимизировать современное законодательное регулирование и практику производства в российском суде присяжных и определить вектор его дальнейшего развития.

Ключевые слова: суд присяжных, присяжные заседатели, председательствующий, напутственное слово, вердикт присяжных заседателей, Устав уголовного судопроизводства, состязательность, судебное следствие, постановка вопросов присяжных, подсудимый.

DOI: 10.7256/1994-1471.2014.4.11219

Во второй половине XIX века в России была законодательно закреплена модель производства в суде присяжных комбинированного (смешанного) типа, сочетающая в себе признаки англо-американской и континентальной моделей. В своем развитии она прошла длительный путь, в котором можно выделить три этапа: модель производства в суде присяжных по Уставу уголовного судопроизводства 1864 г. (далее – УУС); модель производства по УПК РСФСР (в ред. закона от 16.07.1993 г.); модель производства в суде присяжных по УПК РФ 2001 г.

Исторически первой «смешанной» моделью производства в суде присяжных следует считать такое производство по УУС.

В уголовно-процессуальной литературе вопрос о типологической принадлежности возникшего российского производства в суде присяжных остался дискуссионным. Так, Н.Н.Розин утверждал, что российское производство «и с внешней, и с внутренней стороны усвоило континентальный порядок»¹. Такой же позиции

¹ Розин Н.Н. Уголовное судопроизводство. 3-е изд. Томск, 1916. С. 497.

© Насонов Сергей Александрович

* Кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-процессуального права, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА) [sergei-nasonov@narod.ru]

123995, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.

придерживался и И.Я.Фойницкий, указывая, однако, на ряд существенных отличий этих моделей². К.Миттермайер писал, что российское производство в суде присяжных «гораздо больше держится английского образца»³. По мнению И.Г.Щегловитова, разделяемому нами, российское производство в суде присяжных «в общих очертаниях усвоило признаки других моделей, но стало самобытным русским судом, сочетающим следственный и состязательный порядки»⁴.

Модель производства в суде присяжных по УУС характеризовалась особенностями, проявляющимися на каждом этапе судебного разбирательства: судебного следствия и прений сторон; напутственного слова председательствующего судьи; системы вопросов, которые ставились перед присяжными; вынесения вердикта присяжными заседателями.

Важнейшей особенностью судебного следствия этой модели производства в суде присяжных являлось широкое исследование с участием присяжных заседателей обстоятельств, характеризующих личность подсудимого. Составители УУС в «законодательных мотивах» к нему писали: «Судом всегда судится не отдельный поступок подсудимого, но вся его личность, насколько она проявилась в... противозаконном поступке»⁵.

Однако дальнейшая судебная практика уравновесила права защиты и обвинения при исследовании таких сведений. Так, в соответствии с сенатским толкованием статьи 687 УУС, на судебном следствии по требованию прокурора оглашались справки о прежней судимости подсудимого или справки об обвинении его в иных преступлениях (решение по делу Богданова)⁶. Однако устанавливалось обязательное и немедленное обращение председательствующего к присяжным, в котором он должен был разъяснить значение этих фактов для дела. Кроме того, подсудимый и его защитник имели право представлять свои объяснения по оглашенным справкам о судимости. Своим решением по делу

Горшкова и Ларионова Сенат предоставил подсудимому право оглашать в судебном заседании документы, свидетельствующие, что под судом он до этого не находился⁷.

В отличие от исследования личности подсудимого, сведения о личности свидетелей и потерпевших не подлежали исследованию с участием присяжных заседателей.

Согласно статье 722 УУС свидетель, допрашиваемый в судебном заседании, был не обязан отвечать на вопросы, уличающие его самого, в каком бы то ни было преступлении. Однако в судебной практике эта норма подверглась расширительному толкованию. В решении по делу Прасолова Сенат отметил, что «...нет закона, который бы предоставлял сторонам опорочивать на суде свидетелей расспросами о личных их качествах и событиях минувшей их жизни, под предлогом оценки достоверности предоставляемых ими показаний; уличение свидетелей в неблагоприятных действиях недопустимо...»⁸.

Структура судебного разбирательства в суде присяжных по УУС отражала своеобразное сочетание состязательных и розыскных начал.

Судебное следствие начиналось с оглашения секретарем суда обвинительного акта, после чего председательствующим подсудимому задавался вопрос: признает ли он себя виновным? В случае признания подсудимым вины, председатель и присяжные переходили к его допросу, а в случае непризнания – к исследованию других доказательств. Порядок исследования доказательств Уставом не регламентировался (за исключением порядка допроса подсудимого и свидетелей) и устанавливался председательствующим по его усмотрению, лишь с учетом мнения сторон.

Порядок допроса свидетелей, установленный в ст. 700 УУС, соответствовал англо-американской модели: сначала допрашивались «свидетели обвинения» (потерпевшие от преступления и лица, указанные обвинителем), а потом – «свидетели защиты» (лица, указанные подсудимым и защитником). В то же время, как и в континентальной модели, председатель мог изменить этот порядок по своему усмотрению, так что говорить о возможности поочередного и равного воздействия сторон на присяжных можно только условно.

Подобная двойственность наблюдалась и в процедуре допроса свидетелей. С одной стороны, как и в Англии, стороны были наделены равными правами производить прямой, пере-

² Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства: В 2-х т.т. Том II. Переизд.: СПб., 1996. С. 440.

³ Миттермайер К.Ж.А. Европейские и американские суды присяжных, их деятельность, достоинства, недостатки и средства к устранению этих недостатков. Вып.1–2. М., 1869–1871. С. 115.

⁴ Щегловитов И.Г. Влияние иностранного законодательства на составление судебных уставов 20 ноября 1864 г. Петроград, 1915. С. 15.

⁵ Щегловитов С.Г. Судебные Уставы императора Александра Второго с законодательными мотивами и разъяснениями: Устав уголовного судопроизводства. СПб., 1887. С. 134.

⁶ Щегловитов С.Г. Указ. С. 314.

⁷ Щегловитов С.Г. Указ. соч. Там же.

⁸ Устав уголовного судопроизводства. Систематический комментарий. Под общей ред. проф. М.Н. Гернета. Вып. IV. Москва, 1915. С. 1194.

крестный и «вторичный» допросы, однако Устав не устанавливал никаких различий в правилах производства этих допросов. И.Я.Фойницкий указывал, что в отличие от англо-американской модели «составители Уставов под перекрестным понимают всего лишь вторичный допрос свидетелей одной стороны другою»⁹. Эта оценка является верной, поскольку Устав не предусматривал, а судебная практика исключала возможность использования сторонами процессуальных средств, составляющих содержание «классического» перекрестного допроса.

С другой стороны, процедура допроса началась с предложения председателя свидетелю «рассказать все, что ему известно по делу», и только после этого к допросу допускались стороны (французский вариант). Вместе с тем, в отличие от континентальной модели, председательствующий мог участвовать в допросе свидетеля только после сторон (ст. 724 УУС) и только для уточнения «предмета показаний» свидетеля.

Согласно ст. 630 УУС в представлении и исследовании доказательств стороны находились в равном положении и могли достаточно активно защищать свои интересы перед присяжными. Отдельные же привилегии, предоставленные сторонам Уставом, взаимно компенсировали друг друга или были нейтрализованы Сенатом.

Так, статья 619 УУС предоставила прокурору право давать по всем спорным вопросам предварительное заключение. Сенат разъяснил это положение как обязанность прокурора давать заключения только о процессуальных вопросах, не касающихся существа дела, а если спор касается обстоятельств дела, то обвинитель действует не в качестве лица прокурорского надзора, а в качестве стороны, лишаясь тем самым всех особых прав. Поэтому давать заключения об оглашении документов, о противоречиях в показаниях свидетелей ему было запрещено¹⁰.

Защитнику и подсудимому статья 632 УУС предоставила право последнего слова, как по окончании судебного следствия, так и по исследовании каждого доказательства в процессе. Впоследствии, Сенат своим толкованием этой статьи по делу Хотева фактически запретил сторонам использовать это право, сославшись на то, что этим «смешиваются прения и следствие»¹¹.

Председательствующий, по своему усмотрению, независимо от позиции сторон, был вправе:

вызвать прежних экспертов или назначить новую экспертизу (ст. 690, 692 УУС); оглашать протоколы осмотров, освидетельствований (ст. 687 УУС); проводить новые осмотры (ст. 688 УУС); допрашивать свидетелей и подсудимого и т.п.

В силу «публичного начала» отказ прокурора от обвинения, как и во Франции, не имел обязательной силы для суда, который даже после этого был «обязан дать делу законный ход, то есть поставить вопросы о виновности подсудимого и разрешить их в законном порядке»¹².

Присяжные заседатели были наделены правом задавать допрашиваемым свидетелям вопросы, если «ответами на вопросы сторон предмет показания не вполне объяснен» (ст. 724 УУС). Помимо этого, присяжные имели «равное с судьями право» на осмотр следов преступления, вещественных доказательств (ст. 672 УУС), право просить огласить протоколы осмотров, освидетельствований, обысков, выемок (ст. 687), просить назначить новое освидетельствование или испытание через сведущих людей (экспертизу) (ст. 692), допрашивать экспертов (ст. 695).

Как и в континентальной модели производства, УУС предусматривал постановку нескольких групп вопросов перед присяжными заседателями. Присяжные заседатели должны были ответить на главный вопрос о том – виновен подсудимый в поддерживаемом государственным обвинителем в заключительных прениях обвинении, а затем им могли предлагаться вопросы условные (альтернативные) и частные (дополнительные).

Согласно ст. 760 УУС вопросы предлагались присяжным заседателям в общеупотребительных выражениях по существенным признакам преступления и виновности подсудимого, а не в виде принятых в законе определений. Однако эта норма не запрещала суду употреблять в вопросах выражения, использованные в законе, если они содержали термины, которые понятны для всех и которые в разговорном языке имели то же значение, что им придавал закон.

Суд не был вправе отказать в постановке вопроса об обстоятельствах, смягчающих вину подсудимого (статья 763 УУС).

Вручая вопросный лист старшине присяжных, председательствующий был обязан произнести напутственную речь для присяжных (ст.ст. 801–804 УУС).

И.Я.Фойницкий выделял в напутственной речи председательствующего фактическую и юридическую части¹³. Фактическая часть на-

⁹ Фойницкий И.Я. Указ. соч. С. 443.

¹⁰ Чебышев-Дмитриев А.П. Русское уголовное судопроизводство по судебным уставам 20 ноября 1864 года. СПб., 1875. С. 548–549.

¹¹ Арсеньев К.К. Судебное следствие. Сборник практических заметок. СПб., 1871. С. 156.

¹² Чебышев-Дмитриев А.П. Указ. соч. С. 178.

¹³ Фойницкий И.Я. Указ. соч. С. 462.

путственного слова представляла собой изложение существенных обстоятельств дела. Этим признаком напутствие председательствующего по УУС очень напоминало английскую модель напутственного слова. Единственное требование, касающееся формы изложения председательствующим фактической стороны напутствия, состояло в запрете обнаруживать собственное мнение о вине или невиновности подсудимого (ст. 802 УУС).

Сенат признал за председательствующим право в своей напутственной речи к присяжным «устранить показание, неправильно приведенное одною из сторон»¹⁴, т.е. право на корректировку выступлений сторон, если были допущены искажения содержания исследованных доказательств.

Судебная практика рассматривала неправильность или необъективность напутственного слова председательствующего как кассационное основание к отмене приговора. Вместе с тем, обязательным условием установления этих нарушений со стороны председательствующего было заявление сторонами возражений на напутствие и занесение этих возражений в протокол судебного заседания¹⁵.

Возражения на напутственное слово могли быть заявлены сторонами, исключительно, в отсутствие присяжных.

Оправдательный вердикт присяжных был обязателен для суда, который в этом случае постановлял оправдательный приговор.

Обвинительный вердикт в отдельных случаях не влек постановление обвинительного приговора. Если суд приходил к убеждению, что вердикт присяжных не основан на материалах дела и присяжные осудили невиновного, то суд передавал дело на рассмотрение нового суда присяжных, решение которого, во всяком случае, являлось окончательным (ст. 818 УУС). Таким образом, несогласие профессиональной коллегии судей с вердиктом присяжных заседателей могло быть лишь *однократным* по одному и тому же уголовному делу.

После законодательной ликвидации суда присяжных в 1917 году, впервые он был вновь закреплен в качестве действующего процес-

суального института Законом РФ от 16 июля 1993 г. № 5451-1 «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судостроительстве РСФСР», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях».

Воссозданная модель производства в суде присяжных во многом представляла собой *рецепцию* такого производства по УУС, но с определенными отличиями.

Структура судебного разбирательства (количество, содержание и последовательность смены этапов) по УПК РСФСР полностью совпадала с аналогичной структурой по УУС.

Аналогией статьи 681 УУС являлись положения ч. 2 ст. 446 УПК РСФСР, предусматривавшие возможность проведения сокращенного судебного следствия в суде присяжных, если «все подсудимые полностью признали себя виновными» и эти признания «не оспариваются какой-либо из сторон и не вызывают у судьи сомнений».

В отличие от положений УУС, статья 430 УПК РСФСР устанавливала, что «отказ прокурора от обвинения в стадии судебного разбирательства при отсутствии возражений со стороны потерпевшего влечет прекращение дела полностью или в соответствующей части».

Так же, как и в рассмотренной выше модели производства, судебное следствие в соответствии с ч. 1 ст. 446 УПК РСФСР начиналось с оглашения обвинительного заключения (резюмирующей части), однако, в отличие от ст. 678 УУС, это процессуальное действие совершал именно государственный обвинитель. Вместе с тем, защитник подсудимого, как и в порядке, предусмотренном УУС, не имел права на ответное выступление в самом начале судебного следствия.

В случае «если все подсудимые полностью признали себя виновными», то «председательствующий сразу же предлагал каждому из них дать показания по поводу предъявленного обвинения и других обстоятельств дела». В случае отрицания подсудимым своей вины либо частичного ее признания, а также в случае возникновения сомнений в признании им вины судебное следствие в суде присяжных проводилось в полном объеме, при этом, порядок исследования в суде доказательств определял председательствующий судья с учетом мнения сторон. Очевидно, что эти положения очень схожи с правилами, установленными ст. ст. 681, 682 УУС.

Аналогично рассмотренной выше модели, УПК РСФСР не регламентировал различия между прямым и перекрестным допросами.

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 1994 г. «О некоторых вопро-

¹⁴ Чебышев-Дмитриев А.П. Систематический свод решений кассационных департаментов Сената 1866–1875 г. с подлинным текстом решений, извлеченными из них тезисами и критическим разбором их: В 3-х т.т. Том III. Решения уголовного Кассационного Департамента, разъясняющие Устав уголовного судопроизводства. СПб., 1875. С. 847.

¹⁵ Устав уголовного судопроизводства с позднейшими узаконениями, законодательными мотивами, разъяснениями Правительствующего Сената и циркулярами Министра юстиции. Сост. Шрамченко М.П., Ширков В.П. СПб., 1913. С. 809.

сах применения судами уголовно-процессуальных норм, регламентирующих производство в суде присяжных» процессуальные нормы, определяющие статус председательствующего в суде присяжных, были истолкованы исключительно с позиции состязательных начал. В п. 15 указанного Постановления отмечалось, что, в отличие от общих правил уголовного судопроизводства, суд присяжных не обязан по собственной инициативе собирать новые доказательства, выявлять как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого, а также смягчающие и отягчающие его ответственность обстоятельства, за некоторыми незначительными исключениями¹⁶. Это отличало рассматриваемую модель производства от порядка, предусмотренного УУС.

Согласно ч. 6 ст. 446 УПК РСФСР с участием присяжных заседателей не исследовались обстоятельства, связанные с прежней судимостью подсудимого. Никаких иных запретов на исследование в первой части судебного следствия обстоятельств, характеризующих личность подсудимого, закон не содержал, что делало такой подход сходным с подходом модели производства в суде присяжных по УУС. Однако в п. 16 упомянутого Постановления Пленума уже намечался иной подход к решению этой проблемы, поскольку отмечалось, что «...по смыслу закона и с учетом компетенции присяжных заседателей с их участием не должны... исследоваться данные, характеризующие личность подсудимого (характеристики, справки о состоянии здоровья, о семейном положении, медицинское заключение о необходимости подследимого в принудительном лечении от алкоголизма или наркомании и т.п.)»¹⁷.

Постановка вопросов присяжным заседателям по УПК РСФСР являлась практически полным воспроизведением аналогичных процессуальных конструкций по УУС.

То же самое можно сказать и об институте напутственного слова. Разъяснение Сената по ст. 804 УУС получило нормативное закрепление в статье 451 УПК РСФСР, где отмечалось, что, если возражения на напутственное слово не были своевременно заявлены сторонами в суде, они не вправе ссылаться в дальнейшем на содержание напутственного слова председательствующего как на основание для пересмотра этого дела вышестоящим судом.

УПК РСФСР были заимствованы положения УУС об обязательности вердикта присяжных заседателей, однако правило об однократности возможного несогласия суда с вердиктом присяжных было отвергнуто.

Права присяжных заседателей при вынесении вердикта были расширены по сравнению с моделью производства по УУС, поскольку им было предоставлено право признать подсудимого заслуживающим особого снисхождения, что обязывало председательствующего назначить ему наказание ниже низшего предела, предусмотренного законом за данное преступление, или перейти к другому, более мягкому виду наказания.

Третий этап эволюции модели производства в суде присяжных в России начался с момента принятия УПК РФ в 2001 году, где этому производству посвящена 42 глава.

Новый УПК РФ, сохранив традиционные черты модели производства в суде присяжных, вместе с тем, радикально поменял некоторые подходы в регулировании производства в суде присяжных, характерные как для УУС, так и УПК РСФСР.

В отличие от положений УУС и УПК РСФСР, ч. 8 ст. 335 УПК РФ запрещает исследование данных о личности подсудимого перед присяжными, кроме тех сведений, которые необходимы для установления отдельных признаков состава преступления. Верховный Суд РФ допускает возможность исследования с участием присяжных заседателей даже сведений о предыдущей судимости подсудимого, если эти данные позволяют установить отдельные признаки состава преступления, вменяемого подсудимому¹⁸.

В современной судебной практике положения ч. 8 ст. 335 УПК РФ истолкованы как запрещающие исследование сведений о личности потерпевших и свидетелей с участием присяжных заседателей, что полностью совпадает с аналогичной практикой по УУС.

Обоснованием такой позиции Верховного Суда РФ чаще всего служит указание на то, что исследование указанных сведений противоречит положениям части 7 ст. 335 УПК РФ, поскольку присяжные заседатели не уполномочены устанавливать своим вердиктом указанные обстоятельства¹⁹.

Между тем, в постановлении Европейского Суда по правам человека по делу «Пичугин против Российской Федерации» 23 октября

¹⁶ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.1994 № 9 «О некоторых вопросах применения судами уголовно-процессуальных норм, регламентирующих производство в суде присяжных»// Российская газета. 1995. 8 февраля.

¹⁷ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.1994 № 9. Там же.

¹⁸ Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 09.07.2013 г. // СПС КонсультантПлюс.

¹⁹ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 23.03.2011 г. // СПС КонсультантПлюс.

2012 г. отразился иной подход к допустимости исследования данных о личности свидетелей и потерпевших с участием присяжных заседателей. Европейский Суд пришел к выводу, что запрет исследования данных о личности потерпевшего с участием присяжных заседателей повлек ситуацию, в которой «...права Заявителя на защиту были ограничены в объёме, несовместимом с предоставляемыми ст. 6 §§ 1 и 3 (d) Конвенции гарантиями»²⁰, что нарушило его право на справедливое судебное разбирательство.

Очевидно, что российская правоприменительная практика в вопросе о возможности исследования данных о личности свидетеля и потерпевшего в присутствии присяжных заседателей должна быть скорректирована с учетом указанной позиции Европейского Суда по правам человека.

В современной практике производства в суде присяжных, так же как и в модели по УУС, преждевременная оценка участниками судебного разбирательства доказательств, исследованных перед присяжными заседателями, рассматривается как процессуальное нарушение, нередко приводящее к отмене приговора судом вышестоящей инстанции²¹.

В отличие от моделей производства как по УУС, так и по УПК РСФСР, производство в суде присяжных по УПК РФ стало более состязательным. Были законодательно закреплены: институт вступительных заявлений сторон (ч.ч. 1–3 ст. 335 УПК РФ), состязательная конструкция порядка исследования доказательств (ст. 274 УПК РФ). Права сторон обвинения и защиты были максимально уравнены (ст. 244 УПК РФ), установлена обязательность для председательствующего отказа государственного обвинителя от поддержания обвинения, независимо от мнения потерпевшего (ч. 7 ст. 246 УПК РФ) и т.д.

Вместе с тем, современная российская модель производства в суде присяжных отказалась от сокращенного судебного следствия, характерного для предшествующих моделей.

Несмотря на «модернизацию» модели производства, УПК РФ так и не регламентировал различия между прямым и перекрестным допросами, вследствие чего этот аспект производства в суде присяжных остался сходным с рассмотренными выше моделями.

²⁰ Постановление Европейского Суда по правам человека по делу «Пичугин против Российской Федерации» 23.10. 2012 г. (жалоба № 38623/03), п. 212 // СПС КонсультантПлюс.

²¹ См.: Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 4 февраля 2004 г. // СПС КонсультантПлюс.

Как и в модели производства по УУС, в практике Верховного Суда РФ сложился подход о допустимости включения в вопросный лист юридических терминов, доступных для понимания присяжных. Так, оставляя без изменения приговор, Верховный Суд РФ указал следующее: «Что касается терминов «нападение», «насилие, опасное для жизни и здоровья», включенных в эти вопросы, то при обращении с напутственным словом председательствующий разъяснил присяжным заседателям значение этих несложных для понимания и общеупотребляемых понятий»²².

Современная практика восприняла и такое обыкновение модели производства по УУС, как обязанность председательствующего устранить допущенное сторонами искажение содержания исследованных доказательств в напутственном слове²³.

В отличие от подхода, присущего модели производства в суде присяжных по УУС, согласно УПК РФ, возражения сторон на напутственное слово могут быть заявлены только в присутствии присяжных заседателей. В их же присутствии председательствующий излагает свое решение по заявленным сторонами возражениям. Как и ранее, своевременному заявлению таких возражений на практике отводится определяющая роль в оценке доводов о несоответствии напутственного слова положениям закона.

УПК РФ лишил присяжных заседателей права на признание подсудимого, в отношении которого дан утвердительный ответ на вопрос о его виновности, заслуживающим особого снисхождения (оставив только право на признание его заслуживающим снисхождения), т.е. вернулся к объему полномочий присяжных, характерному для УУС.

Таким образом, развитие современного суда присяжных в РФ осуществляется путем модернизации отдельных элементов «базовой» модели такого производства по УУС, под влиянием современных принципов уголовного судопроизводства.

Представляется, что изучение опыта предшествующих моделей производства в суде присяжных позволит оптимизировать современное законодательное регулирование и практику производства в российском суде присяжных и определить вектор его дальнейшего развития.

²² Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 18.01.2011 г. // СПС КонсультантПлюс.

²³ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 25 мая 2004 г. // СПС КонсультантПлюс.

Библиография

1. Арсеньев К.К. Судебное следствие. Сборник практических заметок. СПб., 1871. – с. 361.
2. Миттермайер К.Ж.А. Европейские и американские суды присяжных, их деятельность, достоинства, недостатки и средства к устранению этих недостатков. Вып.1–2. М., 1869–1871. – 129 с.
3. Розин Н.Н. Уголовное судопроизводство. 3-е изд. Томск, 1916. – 546 с.
4. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства: В 2-х т.т. Том II. Переизд.: СПб., 1996. – 606 с.
5. Чебышев-Дмитриев А.П. Русское уголовное судопроизводство по судебным уставам 20 ноября 1864 года. СПб., 1875. – 756 с.
6. Щегловитов И.Г. Влияние иностранного законодательства на составление судебных уставов 20 ноября 1864 г. Петроград, 1915. – 70 с.

References

1. Arsen'ev K.K. Sudebnoe sledstvie. Sbornik prakticheskikh zametok. SPb., 1871. – s. 361.
2. Mittermaier K.Zh.A. Evropeiskie i amerikanskie sudy prisyazhnykh, ikh deyatel'nost', dostoinstva, nedostatki i sredstva k ustraneniyu etikh nedostatkov. Vyp.1–2. M., 1869–1871. – 129 s.
3. Rozin N.N. Ugolovnoe sudoproizvodstvo. 3–e izd. Tomsk, 1916. – 546 s.
4. Foinitskii I.Ya. Kurs ugolovnoego sudoproizvodstva: V 2–kh t.t. Tom II. Pereizd.: SPb., 1996. – 606 s.
5. Chebyshev-Dmitriev A.P. Russkoe ugolovnoe sudoproizvodstvo po sudebnym ustavam 20 noyabrya 1864 goda. SPb., 1875. – 756 s.
6. Shcheglovitov I.G. Vliyanie inostrannogo zakonodatel'stva na sostavlenie sudebnykh ustavov 20 noyabrya 1864 g. Petrograd, 1915. – 70 s.

Материал поступил в редакцию 1 марта 2014 г.

Т.Ю. Маркова*

ПОСТАНОВКА ВОПРОСОВ ПРИСЯЖНЫМ ЗАСЕДАТЕЛЯМ ПО УСТАВУ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА 1864 ГОДА

Аннотация: В статье выделяется различие между англо-американской и континентальной системой постановки вопросов присяжным заседателям; рассматриваются причины введения в российский уголовный процесс этапа постановки вопросов коллегии присяжных и описываются положительные и отрицательные стороны введения данного этапа судебного разбирательства. Анализируется основание постановки вопросов присяжным заседателям, право сторон и суда, случаи и порядок изменения выводов обвинительного акта, а также последствия несоблюдения установленного порядка изменения предъявленного подсудимому обвинения. Приводятся позиции дореволюционных юристов о том, каким образом судебное следствие и заключительные прения могут изменить или дополнить выводы обвинительного акта. Делается ссылка на постановление Кассационного Сената, который давал судам руководящие разъяснения о том, как следует разрешать несоответствие между некоторыми признаками преступного деяния, изложенными в обвинительном акте, и признаками этого же деяния, закрепленными в уголовном законе. Определяются и раскрываются требования к содержанию и формулировкам вопросов, которые ставились перед коллегией присяжных, указываются случаи, при которых запрещалось соединение различных вопросов в один общий. В конце статьи рассматривается право сторон и присяжных заседателей ходатайствовать о дополнении и изменении вопросного листа, а также полномочия суда, связанные с поступившими ходатайствами.

Ключевые слова: Устав уголовного судопроизводства, присяжные заседатели, вопросный лист, основания постановки вопросов, изменение обвинения, смягчение ответственности, усиление ответственности, порядок постановки вопросов, изменение вопросного листа, Кассационный Сенат.

DOI: 10.7256/1994-1471.2014.4.10997

В отличие от англо-американской модели суда присяжных, в которой перед коллегией заседателей вопросы не ставятся, в континентальной системе постановка вопросов четко отграничена от судебного следствия, прений сторон и вынесения приговора и является самостоятельным этапом судебного разбирательства.

Идея постановки вопросов возникла во Франции и была принята во всех континентальных государствах, где существовал суд присяжных. Закреплению и развитию, в том числе и в России, предварительной постановки вопросов, по мнению Духовского М.В., способствовали две основные причины. Первая была вызвана «крутым и резким переходом от бумажного, розыскного процесса к устному и гласному», а вторая – желанием

«влиять» на принятие решения присяжными заседателями¹¹.

Обе причины вполне понятны. В период введения в действие Устава Уголовного Судопроизводства 1864 г. для России был новым не только отдельно суд присяжных, но и весь состязательный процесс в целом. Происходила коренная ломка устоявшихся, вековых норм, правил и традиций, радикально менялось действующее законодательство, крепостные, став свободными гражданами, приобретали определенные права и обязанности, их допускали к отправлению правосудия. В таких условиях довольно трудно было понять, будут ли способны профессиональные юристы работать по новым правилам состязательного процесса,

¹¹ Духовский М.В. Русский уголовный процесс. М., 1902. С. 367–368.

© Маркова Татьяна Юрьевна

* Кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовно-процессуального права, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА) [tatjana_markova@mail.ru] 123995, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.

а уж присяжным заседателям многие заранее пророчили провал в выполнении возложенной на них функции. Кроме того, необходимо было учитывать опасения, высказываемые по поводу того, что установление суда присяжных в России преследует политические цели. Все это и привело к тому, что была введена обязательная процедура постановки вопросов суду присяжных заседателей как средство удерживать его в нужных рамках и давать ему желательное направление развития.

Английские юристы-практики того времени возражали против подобной системы вынесения присяжными своего вердикта, потому что считали, что она влечет за собой множество недоразумений. Они ссылались на то, что эта система сосредотачивает в руках председательствующего судьи слишком большую власть и что от постановки вопросов очень часто зависит осуждение или оправдание подсудимого.

По мнению К.Ю. Миттермайера, «если в какой-либо стране господствует система, на основании которой присяжным предлагаются вопросы об одних фактах, то жюри легко может быть введено в обман, потому что присяжные часто не могут отвечать отрицательно на вопросы о фактах, например, если обвиняемый присвоил себе какую-нибудь чужую вещь или употребил какие-нибудь слова; но из этого еще не следует, чтобы в первом случае подсудимый был виновен в воровстве, а во втором – в оскорблении...»

...Известно, с какой ловкостью французский государственный адвокат настаивает иногда на опущении какого-нибудь слова, потому что он надеется, что в таком случае присяжные скорее произнесут вердикт о виновности, тогда как защитник настаивает на сохранении этого слова, рассчитывая на то, что это обстоятельство заставит присяжных признать подсудимого невиновным. Сколько споров возбуждает также постановка дополнительных вопросов на случай неудовлетворительного разрешения главного, например, если в главном вопросе дело идет о преднамеренном убийстве, а в дополнительном спрашивается, не нанес ли подсудимый смерти по неосторожности. Государственный адвокат требует постановки такого дополнительного вопроса в надежде, что, по крайней мере, второй вопрос будет разрешен утвердительно; между тем, защитник старается отклонить дополнительный вопрос, рассчитывая на то, что подсудимый в таком случае будет совершенно оправдан, потому что присяжные, будучи поставлены в необходимость решить только главный вопрос о смертоубийстве, скорее признают подсудимого невиновным. Весьма справедливо английские юристы-практики обращают внимание также на то, что

во Франции ежегодно отменяется множество приговоров вследствие неправильной постановки вопросов, что весьма вредно для отправления правосудия»²².

Но несмотря на то, что данный этап судебного разбирательства многие юристы рассматривали в качестве средства воздействия на присяжных заседателей, большинство все же признавало, что «обряд постановки вопросов имеет много и хороших сторон». В.Д. Спасович считал, что «он, приручая состязавшиеся стороны к самостоятельности, не сопряжен с потерей времени, напротив того, облегчает работу суда, который, удалившись в совещательную комнату, без совершения этого обряда должен был бы приступать к решению дела, начав с него же, т.е. с уяснения себе в последовательном порядке вопросов, подлежащих решению»³³.

Фойницкий И.Я. выделял и такое достоинство системы отдельных вопросов, как оказание помощи коллегии присяжных заседателей в выполнении возложенной на нее задачи. Он считал, что благодаря вопросному листу присяжным гораздо легче дать свой ответ, особенно в случае изменения обвинения на судебном следствии⁴⁴.

Устав Уголовного Судопроизводства 1864 г. (далее – УУС) содержал главу девятую «О порядке постановления и объявления приговоров». Эта глава довольно подробно регламентировала процедуру постановки вопросов и закрепляла виды вопросов, которые могут быть или должны быть поставлены перед коллегией присяжных заседателей.

В соответствии со ст. 751 УУС основанием вопросов по существу дела должны были служить не только выводы обвинительного акта, но также судебное следствие и заключительные прения, в чем они развивали, дополняли или изменяли эти выводы. Обстоятельства же и соображения, изложенные только в заключительных прениях и не подкрепленные никакими доводами, почерпнутыми из судебного следствия, не могли рассматриваться в качестве обоснования требования стороны о постановке вопроса, не соответствующего обвинительному акту.

Обвинительный акт «признавался главным основанием для вопросов не только из-за состязательного характера процесса, но и пото-

²² Миттермайер К.М. Уголовное судопроизводство Англии, Шотландии и Северной Америки. М., 1864. С. 356–357.

³³ Цит. по: Духовский М.В. Указ. соч. С. 368.

⁴⁴ Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. – С. – П.: Издательство «АЛЬФА», 1996. В 2 т. Т. 2. С. 449.

му, что обвинительный акт был рассмотрен и утвержден высшей судебной инстанцией – камерой предания суду. Он служил основой и в случаях отказа прокурора от обвинения или признания подсудимым своей вины»⁵⁵. Если результаты судебного следствия совпадали с выводами предварительного, то прокурор мог требовать постановки вопросов по обвинительному акту, а отказ суда от удовлетворения такого требования признавался существенным нарушением ст. 751 УУС и служил основанием для отмены приговора.

Однако суд был вправе, вопреки мнению государственного обвинителя, признать, что судебное следствие изменило выводы, изложенные в обвинительном акте, и наряду с вопросом по обвинительному акту поставить вопрос по собственному усмотрению, если обстоятельства, устанавливаемые данным вопросом, имели непосредственное отношение к рассматриваемому делу и порождали определенные юридические последствия.

К сожалению, УУС не содержал норм, которыми следовало бы руководствоваться суду в том случае, когда возникало требующее разрешения несоответствие между некоторыми признаками преступного деяния, изложенными в обвинительном акте, и признаками этого же деяния, закрепленными в уголовном законе. Однако данный пробел был восполнен практикой Кассационного Сената, который в своих постановлениях дал следующие разъяснения:

- 1) постановку вопросов по фактическим признакам в обвинительном акте суд может изменить в вопросах сообразно существу того обвинения и закона, под действие которого оно подводится, т.к. ст. 751 УУС не требует буквального повторения в вопросах выводов обвинительного акта, которые должны служить лишь основанием для постановки вопросов;
- 2) при несогласии изложенных в выводе обвинительного акта фактических данных с указанным в том же выводе уголовным законом суд вправе при постановке присяжным заседателям вопроса о виновности принять в основание обстоятельства, помещенные в окончательном выводе обвинительного акта, а не закрепленные в статье Уложения о наказаниях, не соответствующей описанным обстоятельствам;
- 3) если по обвинительному акту для вменения определенного состава преступления недостает некоторых признаков его, и когда деяния, соответствующие этим недостаю-

щим признакам, не обнаружены и на судебном следствии, то суд не обязан дополнять вопрос о виновности такими признаками, чтобы в случае утвердительного ответа присяжных была возможность применить указанные в обвинительном акте статьи уголовного закона;

- 4) в-четвертых, неуказание в окончательном выводе обвинительного акта всех признаков того преступного деяния, в котором подсудимый обвиняется, не может служить основанием к отказу в ходатайстве прокурора о дополнении поставленного судом вопроса по признаку преступления, указанного в обвинительном акте, если ходатайство прокурора опирается на изложенные в обвинительном акте фактические обстоятельства;
- 5) если в обвинительном акте указаны только общие признаки преступления, предусмотренного указанной в нем статьей уголовного закона, состоящей из нескольких пунктов, то суд обязан поместить в вопрос те определяющие виновность подсудимого обстоятельства, которые соответствуют признакам одного из преступлений, закрепленных в пунктах статьи⁶⁶.

На вопрос о том, каким образом судебное следствие и заключительные прения могут изменить или дополнить выводы обвинительного акта, дореволюционные юристы отвечали по-разному. Например, М.В. Духовский считал, что это может произойти в следующих случаях⁷⁷:

а) когда на судебном следствии обнаруживается преступное деяние, не предусмотренное в обвинительном акте.

Согласно ст. 752 УУС о таком деянии вопросы не предлагались, если по уголовному закону оно подвергалось наказанию более строгому, чем указанное в обвинительном акте. Тогда дело направлялось вновь на предварительное следствие (если это было необходимо) для составления обвинительного акта по всем преступным деяниям подсудимого.

Ст. 752 УУС применялась лишь тогда, когда при рассмотрении уголовного дела, вследствие сознания подсудимого или иного обстоятельства, против этого подсудимого возникло другое, самостоятельное и более тяжкое обвинение, чем то, за которое он привлекался к суду. Кроме того, этой нормой суд руководствовался и при изменении на судебном следствии

⁵ Радутная Н.В. Суд присяжных (исторические, социальные и правовые аспекты): Учебное пособие. М., 1991. С. 33–34.

⁶⁶ Устав Уголовного Судопроизводства с позднейшими узаконениями, законодательными мотивами, разъяснениями Правительствующего Сената и циркулярами Министра Юстиции / под ред. Шрамченко М.П. и Широкова В.П. С. – П., 1913. С. 730–731.

⁷⁷ Духовский М.В. Указ. соч. С. 369.

первоначального обвинения настолько, что оно становилось деянием, не предусмотренным обвинительным актом.

Однако указанная статья не применялась к обнаруженным на судебном следствии новым,отягчающим вину обстоятельствам, если они не изменяли сущности и свойства предусмотренного в обвинительном акте преступления, а только конкретизировали его характер.

Если в выводах обвинительного акта указывалась статья Уложения о наказаниях, не соответствующая изложенным в обвинительном акте фактическим обстоятельствам, то суд при постановке вопроса о виновности должен был принимать во внимание не ошибочно указанную статью, а фактические данные, даже если они составляли более тяжкое преступление. В таких случаях подсудимый не мог ссылаться на нарушение ст. 752 УУС, потому что он имел возможность представить свои возражения против предъявленного обвинения, основываясь не на статье уголовного закона, а на содержащихся в обвинительном акте фактических обстоятельствах.

Изменение на судебном следствии первоначально предъявленного подсудимому обвинения, если в результате этого для него усиливалась уголовная ответственность таким образом, что вопросы ставились не по первоначальному обвинению, а по изменившимся обстоятельствам, влекло за собой возникновение для суда обязанности предупредить подсудимого, что он может подвергнуться ответственности большей, чем та, которая предусмотрена обвинительным актом, и соблюдение этой обязанности фиксировалось в протоколе судебного заседания. Если в протоколе отсутствовала соответствующая запись, а вопросы ставились по новым обстоятельствам, то это рассматривалось как нарушение судом установленного законом порядка постановки вопросов и вело к отмене приговора по жалобе подсудимого. Но подобное упущение суда, не повлекшее ухудшения положения подсудимого, не являлось поводом к отмене приговора;

б) когда на судебном следствии обнаруживались обстоятельства, которые не устанавливали совершение подсудимым нового преступления, а лишь квалифицировали вину по первоначальному обвинению.

По подобным обстоятельствам могли быть поставлены в соответствии со ст. 755 УУС частные вопросы;

в) когда на судебном следствии обнаруживались обстоятельства, смягчающие вину подсудимого.

Суд не мог отказать подсудимому в постановке вопроса об обстоятельствах, по которым либо содеянное не вменялось ему в вину, либо

уменьшалось наказание, либо подсудимый совсем освобождался от наказания, если такие обстоятельства были предусмотрены действующим законодательством.

Если подсудимый признавал себя виновным в преступлении менее тяжком, чем то, которое было указано в обвинительном акте, то отказ суда в постановке условного вопроса о виновности в этом преступлении, при оправдании по вопросу, поставленного по обвинительному акту, являлся существенным нарушением УУС, а вынесенный приговор подлежал отмене в кассационном порядке по представлению прокурора.

Несколько иной точки зрения о возможности изменения или дополнения на судебном следствии выводов обвинительного акта придерживался Н.А. Буцковский. Он считал, что это возможно: в отношении к лицу обвиняемого; в отношении к свойству преступления; и, наконец, в отношении к совокупности преступлений⁸⁸.

а) Изменение в отношении к лицу обвиняемого.

Если на судебном следствии открывалось, что преступление, инкриминируемое подсудимому, было совершено другим лицом, то это новое лицо не могло быть привлечено к уголовной ответственности по первоначальному обвинительному акту, поскольку этот акт к нему не относился, и ему не было предоставлено возможности использовать все предусмотренные законом средства защиты. В таких случаях подсудимый оправдывался, а дело обращалось к новому производству в отношении лица, возбужденного против себя обоснованное обвинение.

Также на судебном следствии могло быть обнаружено, что подсудимый совершил преступление совместно с соучастниками, которые не упоминались в обвинительном акте. Тогда уголовное дело рассматривалось в отношении одного подсудимого, без привлечения иных лиц, лишь при наличии следующих условий:

- обстоятельства дела, касающиеся подсудимого, являлись достаточно ясными для участников уголовного судопроизводства;
- соучастники неизвестны или не обнаружены.

Но при отсутствии хотя бы одного из этих условий дело возвращалось на дополнительное расследование, поскольку по общему правилу все участники преступления должны были быть судимы в рамках одного процесса (ст. 207 и 516 УУС).

б) Изменение в отношении к свойству преступления.

⁸⁸ Буцковский Н.А. О приговорах по уголовным делам, решаемым с участием присяжных заседателей. С. – П., 1866. С. 35.

По мнению Н.А. Буцковского, необходимо было различать изменение обвинения в его существенных фактах, определяющих род преступления, и изменение сопровождающих эти факты обстоятельств, от которых зависели только вид или степень виновности⁹⁹.

Во втором случае подсудимый не мог ходатайствовать о проведении дополнительного расследования, поскольку, во-первых, у него была возможность подготовить свою защиту, а во-вторых, в соответствии со ст. 734 УУС ему было предоставлено право просить о приостановлении судебных прений для предоставления возражений против новых, предъявленных на судебном следствии доказательств.

Изменение же существенных признаков преступления могло повлечь за собой нарушение гарантированного подсудимому права на защиту, поскольку появлялось новое дело, которое не подлежало рассмотрению по первоначальному обвинительному акту, расходящемуся с ним в своей основе. Поэтому в таких случаях суду предоставлялось право решать, возможно ли вынесение приговора без проведения дополнительного расследования и ограничения подсудимого в средствах защиты. И если это оказывалось невозможным, то суд должен был, не приступая к рассмотрению дела, получить разрешение судебной палаты на обращение его к новому производству (ст. 549 УУС).

в) Изменение в отношении к совокупности преступлений.

Данный случай изменения в судебном заседании выводов предварительного следствия совпадает с указанным М.В. Духовским (когда обнаруживается преступное деяние, не предусмотренное в обвинительном акте). Однако Н.А. Буцковский выводил из общего правила применения ст. 752 УУС одно исключение, связывая его не с конкретными положениями уголовного-процессуального закона, а с его общим смыслом и толкованием.

Автор считал, что не следует откладывать разрешение дела в отношении дополнительного обвинения, которое никаким образом не сможет повлиять на уголовную ответственность подсудимого. Кроме того, не согласовывалось с УУС перенесение судебного заседания и в тех случаях, когда из-за недостаточности доказательств, собранных по первоначальному обвинению, получало подтверждение обвинения дополнительное.

Поэтому Н.А. Буцковский предлагал ставить перед присяжными заседателями вопрос по дополнительному обвинению условно, после

основного вопроса о виновности в соответствии с первоначально предъявленным обвинением, с обязательным указанием того, что этот вопрос подлежит разрешению, если подсудимый будет признан виновным в преступлении, предусмотренном в обвинительном акте. В противном случае возникшее на судебном следствии новое обвинение должно было быть направлено для производства самостоятельного и независимого от первоначального обвинения расследования в установленном законом порядке.

Но если в результате появления в судебном заседании дополнительного обвинения немедленное разрешение уголовного дела по существу становилось невозможным и лишало стороны надлежащих прав и гарантий, однако суд, несмотря на это, продолжал рассмотрение дела и выносил приговор, то такие действия являлись нарушением УУС и влекли за собой отмену принятого решения.

Кроме того, обнаружение в суде совокупности преступлений не препятствовало разрешению дела, если по новому преступлению не было соучастников и не заявлялся гражданский иск (ст. 515 УУС). Когда же дополнительное обвинение не отвечало указанным требованиям, дело не могло рассматриваться ни безотлагательно по обоим обвинениям, ни в отдельном производстве, а подлежало направлению на досудебную стадию для расследования по совокупности преступлений.

Суд приступал к постановке вопросов, подлежавших разрешению присяжными заседателями, по окончании судебного следствия и заключительных прений сторон (ст. 750 УУС).

Вопросы должны были устанавливать личность подсудимого и конкретный состав преступления, за которое он привлекался к уголовной ответственности. Личность подсудимого следовало определять как в судебном приговоре, т.е. с указанием его звания, имени, отчества, фамилии или прозвища и даты рождения. В тех случаях, когда особое значение имела профессия подсудимого, то устанавливались и род его занятий, ремесло, мастерство или промысел. Для определения конкретного состава преступления необходимо было указывать: место и время совершения преступного деяния; физическое или юридическое лицо, против которого это деяние было направлено, и отношение к нему подсудимого; фактический состав преступления из его законных признаков (это являлось для подсудимого единственной гарантией того, что он будет осужден за деяние, запрещенное уголовным законом под страхом наказания). При этом указывались те признаки, которыми инкриминируемое подсудимому преступление отличалось от однород-

⁹⁹ Там же. С. 36.

ных преступных деяний; и если закон не содержал точного определения этого преступления, то отличительные его признаки должны были быть определены путем сравнения его с другими пограничными составами.

Вопросы, поставленные присяжным заседателям, должны были охватывать все обстоятельства, подлежащие их обсуждению и разрешению, чтобы приговор суда основывался на точном смысле ответов присяжных безо всякого дополнения или ограничения в отношении того, что касалось фактической стороны дела. Всякое сомнение, вытекавшее из неполноты вопросов, толковалось в пользу подсудимого.

Суд должен был формулировать вопросы с той ясностью и полнотой, которая гарантировала точное определение из ответов присяжных степени участия подсудимого в совершенном преступлении. Поэтому в вопросах указывалось, в чем конкретно выражались действия подсудимого, что особенно необходимо было при участии в преступном деянии нескольких лиц.

Согласно ст. 760 УУС вопросы предлагались присяжным заседателям в общеупотребительных выражениях по существенным признакам преступления и виновности подсудимого, а не в виде принятых в законе определений. Однако эта норма не запрещала суду употреблять в вопросах выражения, использованные в законе, если они содержали термины, которые понятны для всех и которые в разговорном языке имели то же значение, что им придавал и закон. Кроме того, юридические термины могли быть заменены другими выражениями, понятными присяжным заседателям. Не рассматривалось в качестве нарушения ст. 760 УУС и изложение в вопросе после юридического термина фактических обстоятельств дела, разъясняющих его значение. Употребление в условном вопросе, поставленном присяжным заседателям, юридических терминов, если этот вопрос, при разрешении главного, оставался без ответа, также не являлось основанием для отмены приговора.

Помимо формулирования вопросов в общеупотребительных выражениях УУС в ст. 756 содержал указание на то, что не следует соединять такие вопросы, один из которых может быть разрешен утвердительно, а другой отрицательно.

Признавалось нарушением данной статьи соединение в одном вопросе:

- 1) признаков разных преступлений, в отношении которых присяжные заседатели могли дать противоположные ответы;
- 2) признаков деяния, составляющего предмет обвинения, с обстоятельствами, уменьшающими или увеличивающими степень винов-

ности подсудимого, о которых должен был быть поставлен частный вопрос;

- 3) вопроса о виновности и о том, остановлен ли был подсудимый в совершении преступления независимыми от него обстоятельствами;
- 4) двух обвинений, которые влекли за собой разные последствия, если присяжные давали один утвердительный ответ, не указав, какое конкретно обвинение они разрешили утвердительно.

Однако допускалось соединение судом в одном вопросе двух преступных деяний, которые хоть и различались по своей наказуемости, но имели между собой неразрывную связь и были направлены на достижение одной цели. Указание в одном вопросе двух обстоятельств, из которых одно могло быть разрешено утвердительно, а другое отрицательно, не имело значение по тем деяниям, в которых каждое из этих обстоятельств в отдельности составляло, само по себе, существенный признак преступления и влекло за собой одинаковое наказание. Кроме того, соединение в один вопрос двух отдельных преступлений не влекло отмены приговора, если присяжные заседатели в своем ответе точно указывали, какое из двух обвинений они разрешают утвердительно, или если присяжные признавали подсудимого виновным по всем обвинениям.

Вопросы присяжным заседателям излагались судом письменно, зачитывались вслух и могли изменяться или дополняться по замечаниям сторон или кого-либо из присяжных заседателей, если суд признавал такие замечания уважительными. В случае заявления требования стороной или присяжным заседателем суд давал им время обдумать свои возражения и вручал список вопросов (ст. 762 УУС).

Присяжные не должны были мотивировать свое ходатайство об изменении или дополнении представленных им вопросов. Однако данное правило не распространялось на стороны по делу. Если сторона просила суд изменить вопросы, то она должна была указать те факты судебного следствия, на которых основывалось ее требование. Если же защитник, заявляя ходатайство на основании ст. 762 УУС, не объяснял, какое оно может иметь значение для подсудимого, то отказ суда в изменении или дополнении вопросов не являлся процессуальным нарушением, влекшим за собой отмену приговора.

Ходатайства сторон разрешались постановлением суда, которое либо выносилось в виде отдельного документа, либо заносилось в протокол судебного заседания. В постановлении должны были быть изложены основания, по которым суд отказывает в удовлетворении хо-

датайства или удовлетворяет его, но не могли предрешаться фактические вопросы, входившие в исключительную компетенцию присяжных заседателей.

В протокол судебного заседания в обязательном порядке заносились также доводы и соображения сторон, касавшиеся сформулированных судом вопросов. Новая же редакция вопросов, которую предлагали стороны, фиксировалась в протоколе только в том случае, если сторона заявляла такое требование.

Прокурор, как представитель обвинительной власти, наделялся правом опровергать доводы и соображения противной стороны. Однако он не мог обжаловать отказ суда в постановке вопроса, если данный отказ касался ходатайства, заявленного защитником.

Если же сторона своевременно не использовала предоставленное ей право просить об изменении или дополнении вопросов (когда такое изменение или дополнение было возможно), то она тем самым лишала себя возможности ссылаться в кассационной жалобе (или протесте) на неудовлетворительную редакцию вопросов. Однако оставление стороной без замечаний поставленных судом вопросов не лишало ее права ходатайствовать об отмене приговора суда и вердикта присяжных во всех тех случаях, когда вопросы были поставлены настолько неправильно, неполно или неопределенно, что вызвали неправиль-

ный, неполный или неопределенный ответ присяжных заседателей.

Выслушав замечания сторон и присяжных заседателей и исправив по ним, в случае необходимости, предложенные вопросы, суд излагал их в окончательном виде на отдельном вопросном листе, который подписывался как председательствующим, так и остальными членами суда. Сформулированный и подписанный вопросный лист, по общему правилу, не мог более быть изменен или исправлен.

Исключения из этого правила дореволюционное законодательство не знало до 15 мая 1886 года. Закон от 15 мая 1886 года, приняв во внимание, что сомнения по поставленным вопросам могут появиться у присяжных заседателей и во время их совещания, предоставил им право в этом случае возвращаться в зал судебного заседания, высказывать свои сомнения и ходатайствовать перед судом о новом исправлении или дополнении уже сформулированного и врученного им вопросного листа (ст. 808 УУС). Измененные таким образом вопросы излагались на особом листе.

После составления вопросного листа в окончательной редакции председательствующий проносил перед присяжными заседателями свое заключительное объяснение (резюме), вручал старшине присяжных подписанный вопросный лист, и коллегия заседателей удалялась в совещательную комнату для вынесения вердикта.

Библиография

1. Буцковский Н.А. О приговорах по уголовным делам, решаемым с участием присяжных заседателей. С. – П., 1866.
2. Духовский М.В. Русский уголовный процесс. М., 1902.
3. Миттермайер К.М. Уголовное судопроизводство Англии, Шотландии и Северной Америки. М., 1864.
4. Радутная Н.В. Суд присяжных (исторические, социальные и правовые аспекты): Учебное пособие. М., 1991.
5. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. – С. – П.: Издательство «АЛЬФА», 1996. В 2 т. Т. 2.

References

1. Butskovskii N.A. O prigovorakh po ugovolnym delam, reshaemym s uchastiem prisyzhnykh zasedatelei. S. – P., 1866.
2. Dukhovskii M.V. Russkii ugovolnyi protsess. M., 1902.
3. Mittermaier K.M. Ugolovnoe sudoproizvodstvo Anglii, Shotlandii i Severnoi Ameriki. M., 1864.
4. Radutnaya N.V. Sud prisyzhnykh (istoricheskie, sotsial'nye i pravovye aspekty): Uchebnoe posobie. M., 1991.
5. Foinitskii I.Ya. Kurs ugovolnogo sudoproizvodstva. – S. – P.: Izdatel'stvo «AL'FA», 1996. V 2 t. T. 2.

Материал поступил в редакцию 11 февраля 2014 г.

ОСНОВАНИЯ АПЕЛЛЯЦИОННОГО ПЕРЕСМОТРА ПРИГОВОРОВ ПО УСТАВУ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА 1864 ГОДА

Аннотация: В статье изучена система обжалования судебных решений, которая появилась в дореволюционной России в результате судебной реформы 60-х гг. XIX в. Автором исследуются вопросы апелляционного пересмотра по Уставу уголовного судопроизводства 1864 г. Раскрываются основания для апелляционного пересмотра неокончательных в законную силу приговоров мировых судей и окружных судов. Основания для пересмотра в апелляционном порядке классифицируются на процессуальные и материально-правовые. Особое внимание уделено видам решений, которые мог постановить суд апелляционной инстанции. Дается сравнительно-правовая характеристика оснований для апелляционного пересмотра и поводов (оснований) для отмены окончательных приговоров в кассационном порядке. В работе используются кроме решений уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената научные труды дореволюционных ученых и практиков (И. Я. Фойницкого, С. И. Викторского, В. К. Случевского, Л. Я. Таубера). Делаются выводы о результатах реформы судебного обжалования 1864 г. и возможности использования ее опыта при реформировании современного отечественного уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: судебная реформа, Устав уголовного судопроизводства, апелляция, обжалование приговоров, основания апелляционного пересмотра, процессуальные основания, материально-правовые основания, пересмотр уголовного дела, основания кассационного пересмотра, суд апелляционной инстанции.

DOI: 10.7256/1994-1471.2014.4.10411

Важнейшее место в истории российского уголовного судопроизводства занимает судебная реформа 1864 г. Она в значительной мере изменила не только уголовное судопроизводство, но и судостроительство Российской Империи, оказав существенное влияние на развитие общественных отношений того времени. Был принят кодифицированный нормативный правовой акт, регулирующий процесс рассмотрения и разрешения уголовных дел – Устав уголовного судопроизводства (далее – УУС).

Система обжалования приговоров в России сложилась под сильным влиянием французского права. Введение нового порядка обжалования приговоров устранило возможность перехода уголовного дела из апелляционной инстанции в вышестоящую апелляционную инстанцию. Существовавший ранее порядок приводил к очень медленному рассмотрению уголовных дел в различных инстанциях. Отменялся ревизионный порядок, что делало возможным рассмотрение дела вышестоящей инстанцией только по инициативе сторон.

Итогом нововведений стало усиление состязательных начал на всех судебных стадиях рассмотрения и разрешения уголовного дела.

Судебная реформа 1864 г. позволила сформировать стройную систему обжалования не вступивших в законную силу решений суда: апелляционного, кассационного и частного. Возобновление уголовных дел являлось пересмотром вступивших в законную силу судебных решений.

А. С. Червоткин, анализируя вопросы обжалования того времени, отмечал: «Особенности каждого вида пересмотра определялись различием самих пересматриваемых судебных решений. Постановления следственных судей и определения судей и судов (иногда они назывались «частные определения») подлежали частному обжалованию, приговоры неокончательные – апелляции, а приговоры окончательные (в том числе апелляционные) – в порядке кассации»¹.

¹ Червоткин А. С. Апелляция и кассация: пособие для судей. М., 2013. С. 32.

По общему правилу, судами апелляционной инстанции стали съезды мировых судей, судебные палаты и Сенат².

Неокончательные и не вступившие в законную силу приговоры мировых судей могли быть пересмотрены в апелляционном порядке по всем предметам дела, а окружных судов, постановленные без участия присяжных заседателей, еще и по поводу всякой неправильности в производстве дела или в постановлении приговора (ст. 145, 853, 856 УУС). Таким образом, можно говорить о наличии процессуальных и материально-правовых оснований для пересмотра в апелляционном порядке.

Основания апелляционного обжалования необходимо отличать от поводов для такого обжалования. С точки зрения современного уголовного процесса основания отмены или изменения судебного решения закреплены в ст. 389.15 УПК РФ (к ним относится, например, существенное нарушение уголовно-процессуального закона), а поводом для апелляционного пересмотра является подача апелляционной жалобы, представления. Устав уголовного судопроизводства 1864 г. такого различия не делал. Основания и поводы для пересмотра в суде апелляционной инстанции рассматривались как синонимы³. Например, «...неправильности в производстве дела или в постановлении приговора» (ст. 856 УУС) служили одновременно поводом для подачи апелляционного отъезда подсудимым и основанием для пересмотра в апелляционном порядке.

Уголовный кассационный департамент Правительствующего Сената в одном из своих решений отметил, что в апелляционном суде дело рассматривается не только по существу, но и в отношении его кассационных поводов (1869/467).

Основания для апелляционного пересмотра были тесно связаны с поводами для отмены окончательных приговоров в кассационном порядке, к которым закон относил: явное нарушение прямого смысла закона и неправильное толкование его при определении преступления и рода наказания; нарушение обрядов и форм столь существенных, что без соблюдения их невозможно признать приговор в силе судебного решения; наруше-

ние пределов ведомства или власти, законом представленной судебному установлению (ст. 912 УУС). Как отмечал В. К. Случевский, «этой возможностью обжаловать в порядке апелляционного Суда кассационные нарушения объясняется та последовательность в порядке обжалования, которая установлена нашим Уставом»⁴.

Указывая на различия апелляционного и кассационного производства, А. Ф. Кони писал, что «...апелляционное рассмотрение имеет в виду содержание приговора; кассационное имеет в виду условия, при которых приговор постановлен»⁵.

Процессуальные основания апелляционного обжалования, на первый взгляд, шире таких оснований для кассационного обжалования и включают все процессуальные нарушения, а не только нарушения обрядов и форм столь существенных, что без соблюдения их невозможно признать приговор в силе судебного решения (п. 2 ст. 912 УУС).

Л. Я. Таубер справедливо указывал, что в данном случае критерием для разграничения является процессуальное нарушение охраняемого правом интереса подсудимого, и фактически невозможно установить различия между процессуальными нарушениями, служащими основаниями для апелляционного и кассационного пересмотра⁶.

Уголовный кассационный департамент Правительствующего Сената неоднократно указывал на недопустимость апелляции на нарушение закона безотносительно к интересам отдельных лиц (1868/680, 1871/90), за исключением обжалования неокончательных приговоров мировых судей казенными управлениями (ст. 1189 УУС).

И. Я. Фойницкий отмечал, что «сторона не может обжаловать приговор на основании отступления от закона, допущенного в ее интересах, если в суде первой степени она изъявила согласие на такое отступление или своевременно не требовала устранения его»⁷. Однако существовал ряд безусловных оснований для апелляционного пересмотра, таких как: нарушение правил о предметной подсудности,

² Более подробно система апелляционных судов в до-революционной России раскрыта, например, в: Викторский С. И. Русский уголовный процесс: учебное пособие. М., 1997. С. 148–149 (переиздание пособия 1910 г.).

³ Аналогичная точка зрения применительно к кассационным поводам (основаниям) по УУС высказывалась ранее. См., например: Якушев В. Г. Эволюция института пересмотра судебных решений в уголовном процессе России // Адвокат. 2013. № 10.

⁴ Случевский В. К. Учебник русского уголовного процесса. Часть II: Судопроизводство. М., 2008. С. 431 (переиздание учебника 1913 г.).

⁵ Кони А. Ф. Курс уголовного судопроизводства. М., 2011. С. 261.

⁶ Устав уголовного судопроизводства: Систематический комментарий//ред.: Гернет М. Н. Вып. V. ст. ст. 796–999. М., 1916. С. 1433 (автор – Л. Таубер).

⁷ Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. В 2 т. Том. II. СПб., 1996. С. 538 (переиздание курса 1910 г.).

гласности судебного разбирательства, требований к составу суда и т. д.

Дореволюционная юридическая доктрина придерживалась мнения, что предметом апелляционного пересмотра является судебное решение, а не мотивы его принятия. Тем не менее, нам более близка точка зрения И. Я. Фойницкого, который писал, что «... одна неверность мотивов при правильности ответа, судом данного, не может вести к изменению последнего. Но соображения или мотивы могут иногда, вместе с тем, представлять собой такие утверждения или отрицания, которые стоят в противоречии с интересами стороны, к которой относятся. Если они не отделимы от окончательного ответа, составляющего содержание решения, то могут быть обжалованы только с обжалованием последнего: иначе, при признании неправильными мотивов и отмене их, решение оставалось бы без всякой опоры. Если, однако, такой неразрывной связи между решением и его мотивами нет и притом если инстанции, которой приносится жалоба, принадлежит право постановления нового решения во всем его объеме, то обжалование могут подлежать и сами мотивы»⁸.

Уголовный кассационный департамент Правительствующего Сената указывал, что суд апелляционной инстанции не вправе принимать в основание своего приговора данные предварительного следствия, не проверенные в суде первой инстанции (1870/634).

Данное положение существенным образом отличается от современного порядка производства в суде апелляционной инстанции. По справедливому замечанию А. С. Червоткина, «... основаниями для отмены или изменения решения суда первой инстанции являются такие ошибки и нарушения, допущенные в ходе предварительного следствия и судебного разбирательства по делу, которые указывают на незаконность, необоснованность или несправедливость судебного решения»⁹.

В соответствии с ч. 1 ст. 389.19 УПК РФ, в апелляционном порядке может быть пересмотрено судебное решение из-за ошибок и нарушений, допущенных на предварительном следствии, даже если вопрос о них в суде первой инстанции не ставился.

Материально-правовые основания апелляционного обжалования имели место в том случае, если судом неверно были установлены фактические обстоятельства дела либо когда суд правильно установил фактические обстоятельства дела, но неверно применил нормы материального права.

В Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. указывалось на случаи, которые не могли служить основанием для кассационного, а следовательно, и апелляционного пересмотра. Во-первых, это ошибка в ссылке на закон при определении преступления или проступка и назначении наказания, если наказание назначено то самое, которое определено законом, хотя и не тем, на который сделана ссылка (ст. 913 УУС). Во-вторых, при совокупности преступлений и проступков неправильное применение закона к преступному деянию менее важному, когда это обстоятельство не могло иметь влияния на назначение наказания за преступление более важное (ст. 914 УУС).

Суд апелляционной инстанции был вправе исследовать как фактическую сторону, так и юридическую. Следовательно, можно говорить о полном пересмотре уголовного дела.

Рассмотрение оснований апелляционного пересмотра неокончательных и не вступивших в законную силу приговоров по УУС 1864 г. тесно связано с вопросом о видах решений, которые мог постановить суд апелляционной инстанции.

Приговором съезда мировых судей или утверждался приговор мирового судьи или же постановлялся новый приговор, но только в пределах поданного отзыва (ст. 168 УУС).

Поданный апелляционный отзыв определял пределы судебного разбирательства. Как отмечал В. К. Случевский, «... ограничения, налагаемые на апелляционный Суд пределами принесенного отзыва, не стесняют его в установке оснований своего суждения. В качестве Суда, решающего дело по внутреннему убеждению, Суд этот в пределах отзыва свободен и не связан указаниями отзыва и приводимыми сторонами в заседании объяснениями; он может принимать в основание приговора совокупность всех обстоятельств дела, бывших предметом судебного следствия (89/12, 89/32)»¹⁰.

Судебная палата могла утвердить обжалованный приговор. Также возможна была полная или частичная отмена приговора окружного суда и постановление нового приговора (ст. 892 УУС). Наказание могло быть усилено только по требованию обвинителя (ст. 168, 891 УУС).

Как отмечал И. Я. Фойницкий: «Во всяком случае приговор первой инстанции устраняется и заменяется другим»¹¹. Суд апелляционной инстанции по общим правилам должен был постановить новый приговор. Приговор суда апелляционной инстанции мог быть обжалован в кассационном порядке.

⁸ Фойницкий И. Я. Указ. соч. С. 525–526.

⁹ Червоткин А. С. Указ. соч. С. 245.

¹⁰ Случевский В. К. Указ. соч. С. 430.

¹¹ Фойницкий И. Я. Указ. соч. С. 547.

Суд апелляционной инстанции не мог отменить решение суда первой инстанции с направлением дела на новое судебное рассмотрение. Данное законодательное решение представляется обоснованным, так как в апелляционном производстве существуют все возможности для изучения как фактических, так и юридических вопросов уголовного дела. Исключение составляли случаи, когда «возвращение же палатой дела в суд первой инстанции возможно лишь в том случае, если обжалованным приговором дело не разрешено по существу, или приговор постановлен не обо всех обвиняемых или не по всем предметам обвинения, или в нем нет заключения по предъявленному в деле гражданскому иску»¹².

Подводя итог более чем пятидесятилетнего действия Устава уголовного судопроизводства 1864 г., Л. Я. Таубер писал: «Апелляционная инстанция не оправдала надежд, которые на нее возлагались законодателем. Если Съезды Мировых Судей, учрежденные в каждом уезде и в особо больших городах, могли в известных пределах соблюдать начало устности и непосредственности, передопрашивая свидетелей, допрошенных в первой инстанции, и охотно допуская новых, то *производство в судебных палатах* (здесь и далее в цитате курсив автора – А. М. Панокин), в виду обширности их округов и затруднительности явки как свидетелей, так и сторон, очень скоро превратилось в большинстве случаев в *чисто письменное*, происходящее исключительно по бумагам, при мало активном участии прокурора и назначенного председателем защитника. Получился пересмотр приговора, постановленного судом, видевшим и слышавшим свидетелей и экспертов, пред судом, который знакомился лишь с протоколами их показаний, т. е. перерешение дела судьями, менее осведомленными по сравнению с судьями первой инстанции»¹³. Не допустить аналогичной ситуации в современных российских судах – одна из важнейших задач судей.

Обращение к наследию судебной реформы 1864 г. является актуальным в связи с введением в Российской Федерации с 01 мая 2011 г. апелляционного пересмотра не вступивших в законную силу промежуточных, а с 01 января 2013 г. итоговых решений по уго-

ловным делам. Ранее в суде апелляционной инстанции могли быть пересмотрены только не вступившие в законную силу решения мировых судей.

Значительное расширение применения апелляции в отечественном уголовном судопроизводстве требует новых подходов в реализации конституционной нормы о том, что каждый осужденный за преступление имеет право на пересмотр приговора вышестоящим судом в порядке, установленном федеральным законом (ч. 3 ст. 50 Конституции РФ). Требуется разработка на концептуальном уровне современной теории апелляционного производства, обобщение решений судов второй инстанции, выработка решений, которые могут в дальнейшем быть использованы на практике. С сожалением необходимо констатировать, что реформа производства в суде апелляционной инстанции была недостаточно продумана на теоритическом уровне. Одним из досадных недочетов можно признать объединение в одной статье таких различных оснований отмены или изменения судебного решения в апелляционном порядке, как неправильное применение уголовного закона и несправедливость приговора (ст. 389.18 УПК РФ).

Эффективность нормативного регулирования производства в суде апелляционной инстанции во многом будет зависеть от того, насколько единообразно и правильно судьи будут применять нормы УПК РФ¹⁴.

Разделяя точку зрения о том, что «... и в наши дни принципы судостройства и процесса, заложенные в уставах, отнюдь не канули в Лету, они являются предметом непосредственного правотворчества и практического применения»¹⁵, полагаем, что изучение опыта судебной реформы конца XIX в. позволит предложить действенные решения целого комплекса стоящих перед современной наукой и правоприменительной практикой проблем.

¹² Устав уголовного судопроизводства. Издание 1914 года со всеми позднейшими узаконениями и с объяснениями по решениям уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената // сост. Д. А. Каплан. 2-е изд. Екатеринбург, 1916. С. 629.

¹³ Устав уголовного судопроизводства: Систематический комментарий // ред.: Гернет М. Н. Вып. V. ст. ст. 796–999. М., 1916. С. 1422 (автор – Л. Таубер).

¹⁴ На единообразное и правильное применение уголовно-процессуального законодательства судами апелляционной инстанции ориентирует постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 ноября 2012 г. № 26 «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции» // СПС «Консультант Плюс».

¹⁵ Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. Том 8. Судебная реформа//ред.: Виленский Б. В. М., 1991. С. 6 (авторы введения – Б. В. Виленский и О. И. Чистяков).

Библиография

1. Викторский С. И. Русский уголовный процесс: учебное пособие. М., 1997. 448 С. (переиздание пособия 1910 г.).
2. Воскобитова Л. А. Основания отмены или изменения приговора в апелляционной инстанции // Lex Russica. 2012. № 5. С. 976–991.
3. Кони А. Ф. Курс уголовного судопроизводства. М., 2011. 280 С.
4. Случевский В. К. Учебник русского уголовного процесса. Часть II: Судопроизводство. М., 2008. 488 С. (переиздание учебника 1913 г.).
5. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. В 2 т. Том. II. СПб., 1996. 606 С. (переиздание курса 1910 г.).
6. Червоткин А. С. Апелляция и кассация: пособие для судей. М., 2013. 336 С.
7. Якушев В. Г. Эволюция института пересмотра судебных решений в уголовном процессе России // Адвокат. 2013. № 10//СПС «КонсультантПлюс».

References

1. Viktorskii S. I. Russkii ugovovnyi protsess: uchebnoe posobie. M., 1997. 448 S. (pereizdanie posobiya 1910 g.).
2. Voskobitova L. A. Osnovaniya otmeny ili izmeneniya prigovora v apellyatsionnoi instantsii//Lex Russica. 2012. № 5. S. 976–991.
3. Koni A. F. Kurs ugovovnogo sudoproizvodstva. M., 2011. 280 S.
4. Sluchevskii V. K. Uchebnik russkogo ugovovnogo protsesssa. Chast' II: Sudoproizvodstvo. M., 2008. 488 S. (pereizdanie uchebnika 1913 g.).
5. Foinitskii I. Ya. Kurs ugovovnogo sudoproizvodstva. V 2 t. Tom. II. SPb., 1996. 606 S. (pereizdanie kursa 1910 g.).
6. Chervotkin A. S. Apellyatsiya i kassatsiya: posobie dlya sudei. M., 2013. 336 S.
7. Yakushev V. G. Evolyutsiya instituta peresmotra sudebnykh reshenii v ugovovnom protsesse Rossii// Advokat. 2013. № 10//SPS «Konsul'tantPlyus».

Материал поступил в редакцию 6 декабря 2013 г.

С.В. Матвеев*

ГЕНЕЗИС ИДЕИ О ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ПОДХОДА К НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ ОТ УСТАВА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА ДО УПК РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация: В статье исследуются уголовно-процессуальные особенности развития отечественного законодательства в отношении несовершеннолетних, нарушивших уголовно-правовой запрет. Автор рассматривает данную проблему, начиная с Устава уголовного судопроизводства (1864 года) и заканчивая Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации. Обосновывается существование периодизации законодательства в отношении несовершеннолетних, связанной с господствующими в государстве взглядами на детей (карательными или охранительными). Особо анализируется Закон от 02 июля 1897 года и его значение для создания судов по делам несовершеннолетних. Дореволюционный период с 1864 по 1917 гг., советский период (первый – с 1918 по 1935 гг., второй – с 1935 по 1957 гг., третий – с 1958 по 1991 гг.) и современный период – с 1991 г. по настоящее время. Автор приходит к выводу, что Уголовно-процессуальный кодекс России не до конца преодолел тенденцию к карательной составляющей, хотя имеются предпосылки для реализации гуманистического, восстановительного подхода к ребенку, создания действительно дружественного к нему правосудия, основанного на уважении его прав с учетом возраста, степени зрелости ребенка и понимания им обстоятельств дела.

Ключевые слова: периодизация законодательства, процессуальные гарантии детям, дифференциация процессуальной формы, суд, уголовное судопроизводство, генезис законодательства, несовершеннолетние, ювенальная юстиция, дружественное правосудие, международные стандарты.

DOI: 10.7256/1994–1471.2014.4.11176

Вторая половина XIX века в российской империи ознаменовалась существенными изменениями правовой системы страны. Началась судебно-правовая реформа 1860-х гг. Для современного этапа развития уголовно-процессуального законодательства знаковой датой является 150-летие с момента принятия Устава уголовного судопроизводства, положившего начало отечественной модели уголовного судопроизводства, используемой в Российской Федерации по настоящее время.

Целью данной статьи является попытка проанализировать генезис норм, регламентирующих особенности судопроизводства в отношении несовершеннолетних.

Стоит отметить, что хотя Устав уголовного судопроизводства 1864 года (далее УУС) в своей первоначальной редакции предусматривал в отношении несовершеннолетних лишь общий порядок судопроизводства, тем не менее, ряд правовых положений свиде-

тельствовал об особом подходе к данной категории лиц. Так:

- ст. 413 УУС обязывала устанавливать возраст несовершеннолетнего обвиняемого в том случае, когда это могло иметь влияние на вменение ему содеянного в вину или на определение ему наказания, посредством справки из метрической книги, а за неимением их – из ревизских сказок или других документов, а при их отсутствии посредством освидетельствования его через судебного врача;
- ст. 706 УУС не допускала к свидетельству под присягой малолетних, не достигших четырнадцати лет;
- ст. 759 УУС обязывала суд при постановлении приговора в отношении лица, совершившего преступления, и не достигшего возраста семнадцати лет, решать вопрос, действовал ли он с полным разумением;
- ст. 861 УУС предусматривала право родителей, опекунов или лиц, у которых несовер-

© Матвеев Сергей Владимирович

* Кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-процессуального права, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
[elenasha14@yandex.ru]

123995, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.

шеннолетний находится на воспитании, подавать за них апелляционные отзывы¹.

Разбирательство уголовных дел в отношении несовершеннолетних, согласно УУС 1864 года, осуществлялось в соответствии с общими правилами подсудности либо в мировом суде, либо в окружном суде. Более никаких изъятий, кроме обозначенных выше норм, учитывающих психофизиологические особенности несовершеннолетних, обусловленных их возрастом, в УУС не имелось.

Достаточно важную роль в дальнейшем развитии отечественного уголовно-процессуального законодательства сыграл Закон от 02 июля 1897 года «Об изменении форм и обрядов судопроизводства по делам о преступных деяниях малолетних и несовершеннолетних, а также законоположений об их наказаниях», которым в УУС вносились нормы, закрепляющие особое процессуальное положение несовершеннолетнего, нарушившего уголовно-правовой запрет, и предоставляющие ему дополнительные процессуальные гарантии.

Известный ученый профессор П.И. Люблинский, отмечая определенную непоследовательность Закона, тем не менее, оценивал его положительно. «Закон 1897 года, значительно укрепив у нас применение воспитательного принципа по отношению к несовершеннолетним, попытался вместе с тем так расширить производство дел о них, чтобы суд мог судить и о причинах, вызвавших преступление, и об умственном и моральном развитии подростка, мог предотвращать развращающее влияние на него гласности и т.д. Но Закон не указал тех органов и средств, через которые эти новые начала должны быть проводимы в жизнь»².

В то же время профессор Мельникова Э.Б.³ называет этот закон явно реакционным. Постараемся разобраться в ситуации.

Так, Закон от 02 июля 1897 года предусматривал:

Участие в судебном разбирательстве законного представителя несовершеннолетнего подсудимого. Предусматривалось извещение родителей несовершеннолетнего или лиц, на попечении которых он находится о дате судебного разбирательства. При этом они могли вместо себя прислать поверенного и только

в том случае, когда суд признает это необходимым, явка была обязательна (ст.ст. 62¹, 58¹ УУС). Законные представители имели право на дачу объяснений (ст. 90¹ УУС), право на дачу заключительных объяснений и право на участие в прениях сторон (окружной суд) (ст. ст. 683¹, 749¹ УУС).

Уголовные дела в отношении несовершеннолетних рассматривались в закрытых судебных заседаниях (ст. 89², ст. 620⁴ УУС).

Обязательность участия защитника по делам несовершеннолетних была предусмотрена только при разбирательстве дела в Окружном суде (ст. 591¹ УУС).

Предусматривалась возможность выделения дел в отношении несовершеннолетних и их рассмотрение отдельно от дел взрослых соучастников, если по обстоятельствам дела это представлялось возможным (ст. 207¹ УУС).

Подсудимые несовершеннолетние на основании определения суда могли быть удалены из зала судебного заседания как на время производства отдельных следственных действий, так и на время проведения заключительных прений (ст. 736¹ УУС).

Согласно главы V «Производство по делам несовершеннолетних от десяти до семнадцати лет для разрешения вопроса о том, действовал ли обвиняемый во время совершения преступного деяния с разумением» Закон от 02 июля 1897 года (ст.ст. 356¹ – 356⁶ УУС) особому исследованию подлежал вопрос о вменяемости несовершеннолетнего, а также о причинах, приведших его к совершению преступления. Таким образом, нормативно были закреплены положения, регулирующие специфический порядок производства в окружном суде по вопросу вменяемости несовершеннолетнего. Данный порядок предусматривал распорядительное судебное заседание, на котором не присутствовал несовершеннолетний (он только давал объяснения), участвовали законные представители несовершеннолетнего, специалисты (врачи, воспитатели, учителя либо иные лица, занимавшиеся воспитанием юношества), а также свидетели, допрос которых суд признает необходимым для выяснения обстоятельств дела, умственного или нравственного развития ребенка.

Законом от 02 июля 1897 года были введены нормы, регламентирующие порядок избрания и применения к несовершеннолетним таких мер пресечения, как ответственный присмотр, помещение в воспитательно-исправительное учреждение, монастыри вместо заключения под стражу (ст.ст. 77¹ -77² УУС, 416¹-416² УУС).

Следующим рубежным этапом вполне обоснованно можно назвать создание ювенальной юстиции в Российской империи, и специальных судов по делам несовершеннолетних.

¹ Устав уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864г. //СПС КонсультантПлюс.

² Люблинский П.И. Суды по делам несовершеннолетних в России // Журнал Министерства юстиции. 1910. С. 11.

³ Э.Б. Мельникова Ювенальная юстиция: проблемы уголовного права, уголовного процесса и криминологии: Учебное пособие. – 2-е изд., доп. – М.: Дело. 2001. С. 56.

Импульсом к созданию ювенальных судов послужил небывалый рост детской преступности в конце 19 – начале 20 века, увеличение количества несовершеннолетних беспризорников и бродяг. В царской России в 1910 году насчитывалось около 2,5 млн нищих и беспризорных детей, остро нуждающихся в помощи. При этом существовавшая на тот момент система реагирования на правонарушения несовершеннолетних себя исчерпала.

Трудно не согласиться с Д.М. Замышляевым, который утверждает, что ювенальные суды возникли уже на основе исторически сформировавшейся необходимости закрепления особого процессуального подхода к несовершеннолетним..., когда система реагирования на правонарушения приобретает свойства воспитания – исправления подростка через особые судебные процедуры⁴.

Профессор Э.Б. Мельникова выделяет еще одну историческую особенность создания в России первых судов для несовершеннолетних – а именно, активизация деятельности российской юридической общественности в поддержку данной идеи⁵ (П.И. Люблинский, С.В. Познышев, М.Н. Гернет и др.).

Первый суд по делам несовершеннолетних в России был открыт в Санкт-Петербурге 22 января 1910 года, а к 1917 году такие суды действовали в Москве, Харькове, Киеве, Одессе, Либаве, Риге, Томске, Саратове.

Выделялись следующие специфические признаки российского суда для несовершеннолетних:

- функции судьи по делам несовершеннолетних осуществлял мировой судья, которого выбирали исходя из его приближенности к населению судебного округа, знания потребностей и доступности изучения личности и условий жизни детей и подростков, там проживающих;
- к судье предъявлялись требования, сходные с теми, которые были предусмотрены для американских ювенальных судей: критерии профессионального образования, опыт общения с детьми и др.;
- рассмотрение дел несовершеннолетних осуществлялось мировыми судьями единолично;
- формальная судебная процедура в «детском» суде отсутствовала;
- судопроизводство было упрощенным: отсутствовал обвинительный акт, не участвовали прокурор и адвокат;

- судебное рассмотрение дела сводилось к беседе судьи с несовершеннолетним в присутствии попечителя подростка;
- судебный процесс был конфиденциальным;
- в качестве меры воздействия к несовершеннолетнему правонарушителю применялся попечительский надзор (по данным статистики «детских» судов – примерно в 70 % случаев);
- широкая предметная подсудность дел для несовершеннолетних, включавшая до 1913 года дела о правонарушениях несовершеннолетних, а после – еще и дела о беспризорных несовершеннолетних в возрасте до 17 лет⁶.

Стоит отметить, что судья для несовершеннолетних осуществлял судебный надзор за работой учреждений, взявших на себя заботу о малолетних преступниках и детях, лишенных родительского попечения. Его рассматривали как «орган государственного попечения о несовершеннолетних, действующий в судебном порядке».

Прав Ю.И. Стародубцев, который утверждает, что необходимо было создание независимого социального института, важнейшей целью которого стало бы защита и охрана детства. Он призван был строить свою деятельность на глубоком изучении личности подростка – правонарушителя и его ближайшего окружения, координировать позитивные воздействия на него со стороны других институтов социализации⁷.

К сожалению, становление ювенальной юстиции в Российской империи происходило в период контрреформ, когда с 1889 года место мировых судов повсеместно вводились земские начальники, объединившие в себе не только судебные, но и административные полномочия (Закон о земских участковых начальниках от 12.07.1889г.)⁸.

Какого-либо законодательного закрепления в УУС создание специальных судов по делам несовершеннолетних не получило. Хотя профессор П.И. Люблинский, выступая 27–30 декабря 1913 года на первом съезде деятелей по вопросам суда для малолетних, предлагал дополнить УУС специальным разделом «О судопроизводства по делам о малолетних». Также был подготовлен проект Закона об ответственности малолетних, предусматривающий

⁴ Замышляев Д.М. Перспективы ювенальной юстиции в России: исторические аспекты // Вопросы ювенальной юстиции. 2012. № 5.

⁵ Мельникова Э.Б. Там же. С. 49.

⁶ Мельникова Э.Б., Карнозова Л.М. Ювенальная юстиция – охранительная и восстановительная. Учебное пособие. – М.: Проспект. 2002. С. 24.

⁷ Стародубцев Ю.И. Особые суды для несовершеннолетних в России: историко-правовой аспект: Дисс. ... канд. юрид. наук. СПб. 1998. С. 50–51.

⁸ Виленский Б.В. Судебная реформа и контрреформа в России. Саратов, 1969. С. 358.

особые меры ответственности (передачи для домашнего воспитания, замечание и выговор, передача под особый надзор, направление в воспитательно-исправительное заведение)⁹. Однако дальнейшее развитие этих идей было прервано начавшейся Мировой войной, а в последующем Октябрьской революцией.

Декретом СНК РСФСР от 14 января 1918 года «О комиссиях для несовершеннолетних»¹⁰ был отменен Закон от 02 июля 1897 года и ликвидированы суды по делам несовершеннолетних. Не предусматривалось тюремное заключение для детей и подростков. Все дела о несовершеннолетних в возрасте до 17 лет передавались в ведение комиссии по делам несовершеннолетних, которые подчинялись Народному комиссариату общественного презрения. Таким образом, речь шла об изъятии уголовных дел в отношении несовершеннолетних до 17 лет из судебной юрисдикции. Согласно «Руководящим началам по уголовному праву РСФСР»¹¹, утвержденным НКЮ РСФСР от 12 декабря 1919 года был повышен до 18 лет возраст лиц, на которых распространялось сфера действия комиссии по делам несовершеннолетних.

Декрет от 04 марта 1920 года «О делах несовершеннолетних, обвиняемых в общественно-опасных действиях»¹² восстановил судебную юрисдикцию по делам несовершеннолетних, но только лишь в том случае, когда комиссия по делам несовершеннолетних придет к выводу о невозможности применения к ним мер медико-педагогического воздействия. Рассмотрение данной категории дел происходило не в рамках специального суда по делам несовершеннолетних, а специальными составами общих народных судов (судебных коллегий). Восстановлен был и процессуальный порядок производства по таким делам предварительного и судебного следствия.

Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1922 года окончательно закрепляет совместное существование, наряду с административным порядком рассмотрения дел несовершеннолетних, судебный порядок, вводит ряд новых процессуальных норм (определение возраста несовершеннолетнего, расшифро-

вывает понятие «законные представители», случаи обязательного участия защитника, запрет присутствия несовершеннолетнего в зале судебного заседания и др.). Вместе с тем, сохранялся приоритет административного органа, а именно комиссии по делам несовершеннолетних. Так как только постановление комиссии по делам несовершеннолетних являлось основанием для судебного рассмотрения дел несовершеннолетних обвиняемых от 14 до 16 лет (в редакции УПК РСФСР 1923 года). Такое положение однозначно представляется юридическим нонсенсом: суд – орган правосудия – не может действовать по предписанию административного органа – комиссии по делам несовершеннолетних. Очевидно и то, что произошло явное снижение гарантии прав личности в уголовном процессе¹³.

В то же время Карнозова Л.М. в целом положительно оценивает введение комиссии по делам несовершеннолетних, обосновывая данный тезис укрепившимися представлениями о необходимости государственной заботы о малолетних, борьбы с неустроенностью и беспризорностью, социального воспитания подростков вместо наказания; эти процессы сопровождались совершенствованием детской педагогики и психологии, созданием разветвленной сети специальных учреждений, занимающихся вопросами психологии ребенка¹⁴. Таким образом, первый этап (1918–1935) развития отечественного (советского) законодательства в области отправления правосудия в отношении несовершеннолетних, нарушивших уголовно-правовой запрет, характеризуется двумя параллельно существующими системами – административной (комиссии по делам несовершеннолетних) и судебной (специальные составы общих судов).

Второй этап (1935–1957) вполне заслуживает характеристику карательного. Профессор Мельникова Э.Б. утверждает, что переориентация правосудия в отношении несовершеннолетних произошла без всяких на то объективных оснований, поскольку преступность несовершеннолетних не претерпела особых изменений¹⁵. Однако известный исследователь П. Соломон пишет, что рост преступности несовершеннолетних был настолько значительный, что комиссии по де-

⁹ Беляева Л.И. 1913 год: первый съезд деятелей по вопросам суда для малолетних. Вопросы ювенальной юстиции. 2005. № 1.

¹⁰ Декрет СНК РСФСР от 14 января 1918 «О комиссиях для несовершеннолетних» СУ РСФСР. 1918. № 16 отдел 1. ст. 227.

¹¹ Постановление НКЮ РСФСР от 12 декабря 1919 года «Об утверждении руководящих начал по уголовному праву РСФСР». СУ РСФСР. 1919. № 66 ст. 590.

¹² Собрание узаконений РСФСР 1920. № 13. ст. 83.

¹³ Мельникова Э.Б. Ювенальная юстиция: проблемы уголовного права, уголовного процесса и криминологии: Учебное пособие. – 2-е изд., доп. – М.: Дело. 2001. С. 60–61.

¹⁴ Карнозова Л.М. Уголовная юстиция и гражданское общество. Опыт парадигмального анализа. М.: Р.Валент. 2010. С. 480.

¹⁵ Мельникова Э.Б. Там же. С. 61.

лам несовершеннолетних оказались не в состоянии с ним справиться¹⁶.

В постановлении ЦИК и СНК СССР от 07 апреля 1935 года № 3/598 «О мерах борьбы с преступностью несовершеннолетних»¹⁷ была четко сформулирована цель – необходимость быстрой ликвидации преступности среди несовершеннолетних. По ряду преступлений возраст уголовной ответственности был снижен до 12 лет (кражи, причинение насилия, телесные повреждения, увечья, убийства, попытки убийства). Уголовно-правовой статус несовершеннолетних сравнивался со статусом взрослых. Меры медико-педагогического характера не применялись. Устанавливалась ответственность взрослых за вовлечение детей в преступную деятельность. Комиссии по делам несовершеннолетних подлежали ликвидации, их функции передавались отделам народного образования, то есть поощрялось применение уголовных репрессий. Более того, в постановлении было указано, что в отношении несовершеннолетних применяются все меры уголовного наказания¹⁸.

После издания Постановления ЦИК и СНК СССР от 07 апреля 1935 года в Москве и ряде других городов СССР дела о преступлениях несовершеннолетних были переданы в ведение общих народных судов с созданием специальных камер (участков) для рассмотрения дел подростков до 16 лет. Однако специальные камеры (участки) для рассмотрения несовершеннолетних просуществовали не долго и были упразднены Законом «О судостроительстве СССР, союзных и автономных республик» от 16 августа 1938 года введяшим унифицированные организационные формы судебной деятельности¹⁹.

Указ Президиума ВС СССР от 07 июля 1941 года «О применении судами Постановления ЦИК и СНК СССР от 07 апреля 1935 года «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних»²⁰ закрепил положение о том, что уголовная ответственность несовершеннолетних наступает не только в случае со-

вершения ими преступления умышленно, но и по неосторожности. Хотя Пленум Верховного Суда РФ от 20 марта 1941 года разъяснил, что уголовная ответственность наступает исключительно за умышленные преступления. «Так был нанесен фактически еще один удар по гуманистическим традициям ювенальной юстиции»²¹.

Таким образом, второй этап свидетельствует о практически полном отсутствии нормативно закрепленных дополнительных процессуальных гарантий в отношении несовершеннолетних, совершивших преступления, которые бы обеспечивали повышенную защиту их прав и законных интересов. Дети и взрослые, нарушившие уголовно-правовой запрет, оказывались перед законом и судом в одинаковых условиях.

Третий этап (1958–2001 год) связан с либерализацией законодательства в ходе реформы 1958–1961 годов. Прежде всего, он связан с принятием «Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик» от 25 декабря 1958 года и «Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик» от 25 декабря 1958 года.

Значительной вехой в формировании новой советской модели уголовного судопроизводства было принятие 27 октября 1960 года и 01 января 1961 года вступление в действие Уголовно-процессуального кодекса РСФСР²², который вполне можно назвать новаторским. В нем были возрождены и законодательно закреплены правовые нормы, предусматривающие особый порядок производства по делам несовершеннолетних и дополнительные процессуальные гарантии для данной категории лиц, основа которым была положена еще в Уставе уголовного судопроизводства.

УПК РСФСР содержал отдельную главу 32 «Производство по делам несовершеннолетних». Появление самостоятельной главы с таким наименованием в УПК РСФСР 1960г. стало сенсацией, поскольку подобной главы в предыдущем УПК не было, а судебная практика по делам несовершеннолетних отнюдь не была охранительной. Именно этот контраст между практикой тех лет и явно гуманистическим содержанием УПК в отношении несовершеннолетних был особенно впечатляющим²³.

Указанная глава включала в себя 14 статей, регламентирующих вопросы, разрешаемые как в ходе расследования, так и судебного разбирательства уголовных дел:

¹⁶ Соломон П. Советская юстиция при Сталине. М., 2008. С. 193–195.

¹⁷ Известия ЦИК Союза ССР и ЦИК. 1935. № 81.

¹⁸ Козинцев А.А. Ювенальная юстиция в СССР при Сталине. Вопросы ювенальной юстиции. 2012. № 5.

¹⁹ Луговцева С.А. Особенности судебного разбирательства уголовных дел в отношении несовершеннолетних Дисс. ... канд. юрид. наук. СПб., 2004. С. 42.

²⁰ Указ Президиума ВС СССР от 07 июля 1941 года «О применении судами Постановления ЦИК и СНК СССР от 07 апреля 1935 года «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних». СПС КонсультантПлюс

²¹ Мельникова Э.Б. Там же. С. 63.

²² Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960г.) // СПС КонсультантПлюс.

²³ Мельникова Э.Б. Там же. С. 81–82.

- определена специфика предмета доказывания по уголовным делам несовершеннолетних (возраст несовершеннолетнего, условия жизни и воспитания; причины и условия, способствовавшие совершению преступления несовершеннолетним; наличие взрослых подстрекателей и иных соучастников) (ст. 392 УПК РФ);
- вызов несовершеннолетнего в суд через его родителей или других законных представителей (ст. 395 УПК РФ);
- выделение дела о несовершеннолетнем в отдельное производство (ст. 396 УПК РФ);
- возможность участия в допросе несовершеннолетнего обвиняемого, не достигшего возраста 16 лет, педагога (ст. 397 УПК РФ);
- ознакомление законного представителя с материалами дела (ст. 398 УПК), а также участие его в судебном заседании (ст. 399 УПК);
- участие в судебном разбирательстве по делам несовершеннолетних представителей предприятий, учреждений и организаций (ст. 400 УПК);
- возможность удаления несовершеннолетнего подсудимого из зала заседаний (ст. 401 УПК);
- возможность прекращения уголовного дела с применением к несовершеннолетнему подсудимому принудительных мер воспитательного характера (ст. 402 УПК) и некоторые другие. Кроме этого в УПК РСФСР в других статьях были закреплены нормы, регламентирующие правовое положение несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве:
- ограничение гласности по делам о преступлении лиц, не достигших шестнадцатилетнего возраста (ст. 18 УПК);
- разъяснено понятие «законный представитель» (п.8 ст. 34 УПК);
- закрепление рассмотрения уголовных дел в отношении несовершеннолетних коллегиальным составом суда, в лице судьи и двух народных заседателей (ст. 35 УПК);
- обязательное участие защитника в производстве по уголовным делам в отношении несовершеннолетних (п.2 ч.1 ст. 49 УПК), необязательность для суда отказа несовершеннолетнего обвиняемого от защитника (ч.2 ст. 50 УПК);
- обязательное проведение экспертизы для определения возраста, когда это имеет значение для дела, а документы о возрасте отсутствуют (п.4 ст. 79 УПК);
- обязательное проведение предварительного следствия по всем делам о преступлениях несовершеннолетних (п.2 ст. 126 УПК);
- участие в судебном заседании законного представителя несовершеннолетнего подсудимого (ст. 399 УПК) и некоторые другие нормы.

В последующие годы в УПК РСФСР вносились изменения в 1977 году, 1983, 1996, 2000 годах. Таким образом, УПК РСФСР на длительные 40 лет определил государственную политику в области уголовного судопроизводства по делам несовершеннолетних.

В 1967 году Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 03 июня 1967 года были возрождены комиссии по делам несовершеннолетних²⁴.

Четвертый этап (2001г. – по настоящее время) – принятие нового Уголовно-процессуального кодекса РФ (2001г.), изменившего идеологию уголовного судопроизводства, которое стало соответствовать развитию российской государственности на современном этапе. К сожалению, в отношении несовершеннолетних в УПК РФ была продолжена традиция, заложенная УПК РСФСР о том, что производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних осуществляется в общем порядке (ст. 420 УПК РФ), а специфические особенности закреплены в отдельной главе 50 УПК РФ. Не изжит подход, когда на ребенка правоохранительные органы смотрят как на «маленького взрослого», который заслуживает такого же отношения, как и обычный обвиняемый, но может быть чуть-чуть мягче. Права Карнозова Л.М., которая утверждает, что рассмотрение уголовных дел в отношении несовершеннолетних в России по-прежнему осуществляется в контексте общих принципов уголовной юстиции с некоторой спецификой, проявляющейся в смягчении уголовных санкций. Подавляющее большинство осужденных приговариваются к лишению свободы, в том числе условно²⁵. Конечно, в УПК РФ во многом усилены по сравнению с предшествующим законодательством подходы, связанные с повышенной защитой прав и свобод несовершеннолетних, нарушавших уголовно-правовой запрет, однако общей тенденции это не изменило.

Также не нашла поддержки со стороны государства и идея возрождения ювенальной юстиции в России. Хотя внесенный в феврале 2002 года в Государственную Думу законопроект об изменениях в ФКЗ «О судебной системе РФ» был принят подавляющим большинством голосов. Необходимость данных изменений была обусловлена несовершенством системы предупреждения правонарушений несовершеннолетних и правосудия по делам несо-

²⁴ Указ Президиума ВС РСФСР от 03 июня 1967г. «Об утверждении Положения о комиссиях по делам несовершеннолетних» // СПС КонсультантПлюс.

²⁵ Карнозова Л.М. Там же. С 480.

вершеннолетних. Во-первых, уголовные дела этой категории рассматриваются в общем порядке, предусмотренном УПК, что приводит к нарушению основных прав несовершеннолетних, установленных в международно-правовых актах, и обуславливает неэффективность самого судебного решения. Во-вторых, отсутствие скоординированного межведомственного взаимодействия и системная разобщенность субъектов правоотношений, связанных с производством по делам несовершеннолетних, способствуют узковедомственному подходу к работе. В-третьих, преобладает карательная направленность подхода к выбору мер уголовно-правового воздействия на несовершеннолетних²⁶.

08 октября 2010 года данный законопроект был отклонен во втором чтении более чем 400-ми депутатами. Хотя Конвенция ООН о правах ребенка и замечания Комитета ООН по правам ребенка прямо указывают, что государству-участнику рекомендовано предпринять все необходимые меры для того, чтобы ускорить процесс реформирования законодательства, особенно в деле отправления правосудия по делам несовершеннолетних.

Таким образом, в настоящее время можно констатировать, что развитие ювенального правосудия будет проходить исключительно в рамках существующей судебной системы. Тем не менее, идеи ювенального правосудия не исчезли, они нашли поддержку со стороны, в том числе судейского сообщества, которое самостоятельно стало инициировать внедрения его элементов в практическую деятельность судов через использование так называемых ювенальных технологий²⁷.

Библиография

1. Беляева Л.И. 1913 год: первый съезд деятелей по вопросам суда для малолетних // Вопросы ювенальной юстиции. 2005. № 1.
2. Виленский Б.В. Судебная реформа и контрреформа в России. Саратов, 1969.
3. Замышляев Д.М. Перспективы ювенальной юстиции в России: исторические аспекты // Вопросы ювенальной юстиции. 2012 г. № 5.
4. Карнозова Л.М. Уголовная юстиция и гражданское общество. Опыт парадигмального анализа. М.: Р.Валент. 2010.
5. Кодинцев А.Я. Ювенальная юстиция в СССР при Сталине // Вопросы ювенальной юстиции. 2012. № 5.
6. Луговцева С.А. Особенности судебного разбирательства уголовных дел в отношении несовершеннолетних: Дисс. ... канд. юрид. наук. СПб, 2004.

²⁶ Предеина И. В. Правовые и теоретические основы развития ювенальной юстиции в России: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2006. С. 4.

²⁷ Более подробно см.: Матвеев С.В. Ювенальные технологии в уголовном судопроизводстве России // Российский криминологический взгляд. 2012. № 2. С. 310–315.

Идеи особого подхода к детям, попавшим в орбиту уголовного судопроизводства, нашли дальнейшее продолжение в «Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы»²⁸.

В шестом разделе «Создание системы защиты и обеспечения прав и интересов детей и дружественного к ребенку правосудия» «Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы» среди основных задач выделено создание дружественного к ребенку правосудия, под которым понимается система гражданского, административного и уголовного судопроизводства, гарантирующая уважение прав ребенка и их эффективное обеспечение с учетом принципов, закрепленных в рекомендациях Совета Европы по правосудию в отношении детей, а также с учетом возраста, степени зрелости ребенка и понимания им обстоятельств дела.

У автора статьи не вызывает сомнений, что ювенальные суды будут рано или поздно воссозданы в Российской Федерации. Тем самым будет создана система дружественного к ребенку правосудия. Это предопределено и историческим опытом нашего государства. Ведь многие гуманистические подходы и методы, обеспечивающие повышенную защиту прав и законных интересов детей, находящихся в конфликте с законом, актуальны и по сей день. Нельзя забывать и взятых Россией на себя в этой области международно-правовых обязательств. Автор надеется, что концептуальные подходы к ребенку, закрепленные в уголовно-процессуальном законодательстве страны, будут пересмотрены и возобладает охранительная, восстановительная идея, а не карательная.

²⁸ Указ Президента РФ от 01.06.2012г. № 761 «О национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы» // СПС КонсультантПлюс.

7. Люблинский П.И. Суды по делам несовершеннолетних в России // Журнал Министерства юстиции. 1910.
8. Мельникова Э.Б. Ювенальная юстиция: проблемы уголовного права, уголовного процесса и криминологии: Учебное пособие. – 2-е изд., доп. – М.: Дело. 2001.
9. Мельникова Э.Б., Карнозова Л.М. Ювенальная юстиция – охранительная и восстановительная. Учебное пособие. – М.: Проспект, 2002.
10. Предеина И. В. Правовые и теоретические основы развития ювенальной юстиции в России: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2006.
11. Стародубцев Ю.И. Особые суды для несовершеннолетних в России: историко-правовой аспект: Дисс. ...канд. юрид. наук. СПб. 1998.
12. Соломон П. Советская юстиция при Сталине. М. 2008. С. 193–195.

References

1. Belyaeva L.I. 1913 god: pervyi s'ezd deyateli po voprosam suda dlya maloletnikh //Voprosy yuvenal'noi yustitsii. 2005. № 1.
2. Vilenskii B.V. Sudebnaya reforma i kontrreforma v Rossii. Saratov, 1969.
3. Zamyshlyayev D.M. Perspektivy yuvenal'noi yustitsii v Rossii: istoricheskie aspekty // Voprosy yuvenal'noi yustitsii. 2012g. № 5.
4. Karnozova L.M. Ugolovnaya yustitsiya i grazhdanskoe obshchestvo. Opyt paradigmal'nogo analiza. M.:R.Valent. 2010.
5. Kodintsev A.Ya. Yuvenal'naya yustitsiya v SSSR pri Staline //Voprosy yuvenal'noi yustitsii. 2012. № 5.
6. Lugovtseva S.A. Osobennosti sudebnogo razbiratel'stva ugovolnykh del v otnoshenii nesovershennoletnikh: Diss. ... kand. yurid. nauk. SPb, 2004.
7. Lyublinskii P.I. Sudy po delam nesovershennoletnikh v Rossii // Zhurnal Ministerstva yustitsii. 1910.
8. Mel'nikova E.B. Yuvenal'naya yustitsiya: problemy ugovolnogo prava, ugovolnogo protsessa i kriminologii: Uchebnoe posobie. – 2-e izd., dop. – М.:Дело. 2001.
9. Mel'nikova E.B., Karnozova L.M. Yuvenal'naya yustitsiya – okhranitel'naya i vosstanovitel'naya. Uchebnoe posobie. – М.: Проспект, 2002.
10. Predeina I. V. Pravovye i teoreticheskie osnovy razvitiya yuvenal'noi yustitsii v Rossii: Avtoref. diss. ... kand. yurid. nauk. Saratov, 2006.
11. Starodubtsev Yu.I. Osobyie sudy dlya nesovershennoletnikh v Rossii: istoriko-pravovoi aspekt: Diss. ... kand. yurid. nauk. SPb. 1998.
12. Solomon P. Sovetskaya yustitsiya pri Staline. M. 2008. S. 193–195.

Материал поступил в редакцию 26 февраля 2014 г.

Ю.В. Францифоров*

ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМ ТОЛКОВАНИЯ НОРМ УГОЛОВНО- ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНА

Аннотация: Предметом исследования являются теоретические источники, отражающие сущность толкования уголовно-процессуальных норм, конкретизирующие процедуру и результат толкования, а также законодательные акты, регламентирующие уголовно-процессуальные отношения, вызывающие трудности в правоприменении, образующие неясности и противоречия, обусловленные необходимостью толкования. В настоящее время, несмотря на подробную регламентацию уголовно-процессуальных отношений, УПК РФ не представляет собой всеобъемлющего акта, который отличался бы логической завершенностью, с тем, чтобы достаточно полно охватить все сферы деятельности уголовного судопроизводства. В УПК имеются как внутрисистемные, так и межсистемные противоречия, а также пробелы, которые разрешаются с помощью различных способов, средств и форм, среди которых первостепенное значение отводится толкованию уголовно-процессуального закона, направленному на уяснение его содержания и установление выраженной в нем воли законодателя. В ходе исследования использовались общенаучные положения диалектики в отношении общего, частного и особенного, а также методы познания – анализ и синтез, формально-логический и историко-правовой. Научная новизна определяется выявлением проблемы, имеющей важное значение для уголовного судопроизводства, использованием новых подходов к ее решению. Опыт, накопленный дореволюционными юристами-процессуалистами, и успешно использованный при подготовке Устава уголовного судопроизводства 1864 года, в том числе УПК РСФСР 1922, 1923 и 1960 года, а также УПК РФ в настоящей редакции продолжает служить России в деле совершенствования уголовно-процессуального законодательства, толкование которого может быть успешным лишь при условии, что оно соответствует его назначению.

Ключевые слова: проблема толкования, нормативно-правовые акты, исторические периоды, Устав уголовного судопроизводства, правоприменительная деятельность, межсистемные противоречия, пробелы, регламентация правоотношений, уголовно-процессуальное законодательство, судебное толкование.

DOI: 10.7256/1994-1471.2014.4.11236

Проблема толкования нормативно-правовых актов берет начало с времен истории Древнего Рима, выступая в качестве такой задачи, решением которой властвующие лица обеспечивали проведение своей воли, наделяя правом разъяснения законов строго определенных деятелей специально-государственного сословия – истолкователей (interpretos). В отдельных авторитарных государствах право толковать законы было предоставлено лишь одному лицу – императору. Так, император Юстиниан запрещал всем, кроме себя, толковать законы. Вместе с тем, процесс толкования нормативно-правовых актов обусловлен необходимостью активизации правоприменительной деятельности, что являлось актуальным как в прошлые исторические периоды, так и в настоящее время.

Несмотря на существующую потребность толкования правовых норм, вызванную пробелами и противоречиями самого законодательства, отношение к нему в разные исторические периоды было неоднозначным.

Так 18 век, в лице представителей выдвинутого им гуманизма, восставший против господствовавшего тогда правительственного и судебного произвола и желавший подчинить граждан исключительно закону, отнесся к праву судебного толкования отрицательно¹. По мнению Ч.Беккарио, судьи не имеют права толкования уголовных законов уже потому, что они – не законодатели... Истинным толкователем законов может быть только монарх, предста-

¹ Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1996. Т. 1. С. 161.

© Францифоров Юрий Викторович

* Доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса, Саратовская государственная юридическая академия [Franciforov@mail.ru] 410028, Россия, г. Саратов, ул. Чернышевского, д. 135.

витель действительной воли всех граждан, но не судья, единственная обязанность которого состоит в исследовании совершенного лицом деяния, запрещенного законом. Нет ничего опаснее распространенного мнения, будто бы законы должны быть применяемы по их общему духу. Принять его – значит предоставить законы потоку произвола, поскольку у каждого есть свой взгляд на вещи, даже один и тот же человек в разное время имеет разные взгляды на тот же предмет, которые различаются под влиянием дурных или хороших логических способностей судьи, приятного или угнетенного расположения духа².

По мнению графа М.М. Сперанского, осуществившего в 1832 г. обширную кодификацию законодательства путем издания в 1832 г. Свода законов Российской империи, даже в юридических школах требуется чтение права не иначе как по системе и тексту Свода законов, что позволило бы изгнать из деятельности судебных установлений обманчивое непостоянство самопроизвольных толкований³.

Более прогрессивными были идеи профессора А.Д. Градовского, утверждавшего, что основа судебного толкования закона в необходимости немедленного охранения и восстановления нарушенных прав; запрещение судебного толкования приводило бы к отсрочке правосудия на более или менее значительное время⁴.

Как справедливо замечал профессор И.Я. Фойницкий, судебное толкование сводится к разрешению таких вопросов: существует ли конкретная норма, и касается ли она решения данного случая? А поскольку суд не творит юридических норм, а применяет нормы готовые, другим органом созданные, то его деятельность, связанная с толкованием и применением правовой нормы носит творческий характер; орган применения закона суд, сам должен знать законы (*iura novit curia*) – это основное правило толкования⁵.

Уголовно-процессуальное законодательство того исторического периода устанавливало право и обязанность применения закона для всех российских судов без различия их инстанций и подчиненности, а также определяло равенство судов в отношении права толкования.

По мнению профессора И.Я. Фойницкого, все судебные установления имеют право толкования в одинаковом объеме; окончательные решения каждого судебного установления имеют одинаковую силу, а все судебные места по силе толкования законов равны между собой⁶.

Это утверждение подтверждалось требованием ст. 930 и 933 Устава уголовного судопроизводства 1864 г., устанавливающих возможность толкования Сенатом и Кассационным Департаментом принятых решений.

Введение в правовую систему Устава уголовного судопроизводства 1864 года позволило урегулировать вопросы статуса судебной власти, которая признавалась самостоятельной и подчиненной только закону.

Среди известных ученых того периода, посвятившего значительное количество работ проблемам уголовного процесса, следует выделить профессора И.Я. Фойницкого, который раскрыл сущность, условия, виды, объем и значение судебного толкования, иницируя деятельность судебных органов в соответствии с правилами толкования установленные Уставом уголовного судопроизводства 1864 года.

В дореволюционной России проблемам толкования (интерпретации) правовых норм уделяли внимание также такие ученые-правоведы, как Е.В. Васильковский, П.И. Люблинский, Л.А. Петражицкий, Г.Ф. Шершеневич⁷.

Исследуя проблемы толкования норм уголовно-процессуального закона, необходимо заметить, что в настоящее время, несмотря на подробную регламентацию уголовно-процессуальных отношений, УПК РФ не представляет собой всеобъемлющего акта, который отличался бы логической завершенностью, с тем, чтобы достаточно полно охватить все сферы деятельности уголовного судопроизводства.

В УПК имеются как внутрисистемные, так и межсистемные противоречия, а также пробелы, которые разрешаются с помощью различных способов, средств и форм, среди которых первостепенное значение отводится толкованию уголовно-процессуального закона, направленному на уяснение его содержания и установление выраженной в нем воли законодателя.

И больше того, «анализ правоприменительной деятельности показывает, что толкование закона нередко выступает в виде специального способа разрешения коллизий уголов-

² Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М., 1939. С. 210–211.

³ Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1996. Т. 1. С. 162.

⁴ Градовский А.Д. Начала русского государственного права. СПб., 1873. Т.1 С.76.

⁵ Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1996. Т. 1. С. 163–164.

⁶ Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1996. Т. 1. С. 165.

⁷ Белоносов В.О. Проблемы толкования норм уголовно-процессуального права: монография. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2006. С. 4.

но-правового регулирования, ... для преодоления конкуренции норм как частного случая коллизии»⁸.

Так, разрешение противоречий, связанных с конкуренцией уголовно-процессуальных норм, длительное время было привилегией аутентического толкования (разъяснение закона, исходящее от законодательной власти), осуществляемого лишь тем органом, который издал данный акт. В тот период право принятия законодательных актов и их толкования вменялось Верховному Совету Российской Федерации в соответствии п. 8 ст. 109 Конституции Российской Федерации 1977 г.

С принятием в 1993 г. новой Конституции Российской Федерации право толкования уголовно-процессуального закона перешло к Пленуму Верховного Суда Российской Федерации с предоставлением ему полномочий интерпретировать объективный смысл уголовно-процессуальных норм по вопросам судебной практики (доктринарное толкование). Это означает, что никакой иной орган государственной власти в Российской Федерации не может давать официального толкования УПК РФ, за исключением Пленума Верховного Суда и Конституционного Суда Российской Федерации.

В то же время, как справедливо отмечал профессор А.Д. Градовский, судебное толкование направлено не столько на прояснение неясности или неточности закона, сколько на необходимости правильного его применения, поскольку лишение права судебного толкования – это лишение судебной возможности применения закона⁹.

Действительно, Конституционному Суду Российской Федерации предоставлено право оценивать конституционность того или иного закона, в том числе и конституционность отдельных норм уголовно-процессуального закона.

«Потребность в разъяснении положений Конституции Российской Федерации обуславливается возникновением неординарного понимания конституционной нормы из-за ее недостаточной определенности и полноты, внутренней противоречивости, неточности используемой в ней терминологии и т.п., что может привести и порой приводит к неадекватности реализации этой нормы в процессе правотворчества или правоприменения»¹⁰.

⁸ Яцеленко Б.В. Противоречия уголовно-правового регулирования: Дисс. ... д-ра юрид. наук. М., 1997. С. 303–304.

⁹ См.: Градовский А.Д. Начала русского государственного права. СПб., 1873. Т.1 С. 75.

¹⁰ Лазарев Л.В. Судебная власть // Комментарий к Конституции Российской Федерации/ Под общ. ред. Ю.В. Кудрявцева. М., 1996. С. 507–508.

Признавая первостепенность и необходимость процесса толкования правовых норм в уголовном судопроизводстве, подчеркнем, что это сложный процесс, определяющий установление точного смысла, содержащегося в норме права, предписания и опубликования. Содержание его составляют два основных направления. Первое касается уяснения выступающего в качестве внутреннего мыслительного процесса, направленного на познание права. Оно представлено толкующим субъектом, который сначала уясняет содержание правовой нормы для себя, определяет направление своей деятельности, а затем в целях однообразного понимания и применения нормы разъясняет смысл и содержание предписания заинтересованным субъектам. Поэтому вторым направлением толкования права можно определить разъяснение, которое объективирует результаты уяснения, являясь продолжением этой части мыслительной деятельности.

Вместе с тем, объективизация, связанная с разъяснительной деятельностью, находит свое выражение в письменной форме в виде официального акта, документа, правового акта либо в устной форме, в виде совета или рекомендации.

По мнению А.В. Осипова, необходимость толкования права вызвана следующими причинами: 1) оказание помощи в интерпретации смысла, значения и логической связи нормы права; 2) объяснение терминов и используемых законодателем юридических конструкций при изложении государственной воли, содержащейся в нормах права; 3) несовершенство и неадекватное использование законодательной техники; 4) отсутствие ясного, точного, понятного языка нормативного акта, то есть наличие двусмысленных и расплывчатых формулировок¹¹.

Заметим, что разъяснение смысла норм уголовно-процессуального закона направлено на единообразное применение его компетентными органами и должностными лицами в сфере уголовного судопроизводства. В то же время разъяснения высших судебных инстанций в большей степени незаменимы в случаях необходимости преодоления конкуренции уголовно-процессуальных норм путем закрепления в них конкретных коллизионных правил.

Несомненным достоинством такого подхода в урегулировании коллизионных вопросов являются обобщение судебной практики с учетом судебных решений, принятых по рассмотренным Верховным Судом делам.

¹¹ См.: Осипов А.В. Толкование права. Теория государства и права / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. М., 1997. С.441–442.

В юридической литературе существует мнение, что руководящие разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации, могут выступать как судебные прецеденты, в основе которых лежит буквальное толкование уголовного закона, облачаемое в форму решений по конкретным уголовным делам, которые следует признать источником уголовного права¹².

С этим трудно согласиться (что подтверждают и многочисленные примеры из судебной практики различных судебных инстанций), поскольку нижестоящие суды никогда не ссылаются в своих решениях на определения и постановления Верховного Суда Российской Федерации, а потому не рассматривают и не принимают их в качестве прецедентов.

Однако разъяснения высших судебных инстанций по вопросам судебной практики также не могут претендовать на роль источника уголовно-процессуального права, поскольку не являются руководящими и обязательными указаниями для судей, что ранее было предусмотрено ст. 56 Закона «О судостроительстве РСФСР»¹³.

Таким образом, назначение Пленума Верховного Суда, который является коллегиальным органом, состоит в том, чтобы направлять судебную практику для обеспечения ее точного соответствия закону. В связи с тем, что Уголовно-процессуальный кодекс содержит формулировки, вызывающие неоднозначное толкование, это, по нашему мнению, оправдывает основное полномочие Пленума Верховного Суда – давать судам разъяснения по вопросам применения законодательства при рассмотрении ими уголовных дел.

Показательными в этом смысле можно назвать разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». В данном Постановлении в связи с противоречиями, возникшими в судебной практике по применению уголовно-процессуальных норм, Пленумом даны разъяснения о порядке их разрешения. Толкования коснулись вопросов, связанных с определением доказательств по уголовному делу, и признанных недопустимыми, а также об участии в уголовном судопроизводстве защитника. Разъяснены и положения, связанные с избранием такой меры пресечения, как заключение под стражу, при этом даны следующие уточнения: об установлении обстоятельств, свиде-

тельствующих о необходимости ее избрания; о сроках содержания под стражей; новом порядке обжалования данной меры пресечения; разъяснено такое словосочетание, как «иные обстоятельства», в связи с применением ч. 13 ст. 109 УПК. Одновременно дано растолкование таких понятий, как «перечень доказательств, подтверждающих обвинение»; «перечень доказательств, на которые ссылается сторона защиты»; «нарушения требований уголовно-процессуального закона»¹⁴.

Кроме того, на Верховный Суд Российской Федерации возложена и функция обеспечения единообразия в судебной практике. Этого можно достигнуть лишь при вынесении принципиальных решений по наиболее сложным делам, требующим авторитетного толкования со стороны Пленума Верховного Суда, публикуемого в Бюллетене Верховного Суда, и доведения до сведения нижестоящих судов.

Важно отметить, что эти постановления имеют лишь разъяснительный и рекомендательный характер, что жестко не связывает суд при вынесении аналогичных или сходных дел, поскольку каждое из них имеет свою специфику¹⁵.

Рассуждая о роли толкования в разрешении межнормативных противоречий, отметим, что толкование уголовно-процессуального закона и его норм требует точного учета дословного текста толкуемого положения, истории его возникновения, места в системе уголовно-процессуального права, его смысла и назначения. В то же время объективный смысл уголовно-процессуального закона не должен рассматриваться как нечто неизменное и неподвижное. В процессе совершенствования уголовно-процессуального права УПК может меняться под влиянием объективных обстоятельств.

При этом видение интерпретатором нормы закона может не совпадать с представлениями (объективного смысла этой нормы) законодателя. По справедливому замечанию Т. Маунца, «...толкователь, смотря по обстоятельствам, может понимать Закон лучше, чем понимали его авторы самого текста»¹⁶.

Как верно было замечено И.Я. Фойницким, толкование может производиться по точному разуму и по общему смыслу, что необходимо при неполноте, неясности или противоречии

¹² См.: Наумов А. Судебный прецедент как источник уголовного права // Российская юстиция. 1994. №1. С. 11; Яценко Б.В. Указ. соч. С. 309.

¹³ См.: Ведомости Верховного Суда РСФСР. 1981. №28. ст. 976.

¹⁴ Постановление № 1. Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» от 5 марта 2004 г. // Российская газета. 2004. 6 марта.

¹⁵ См.: Лазарев Л.В. Указ соч. С. 511.

¹⁶ Маунц Т. Государственное право Германии. М., 1959. С. 108.

норм закона, причем толкование по точному разуму производится в том случае, когда нет в понимании нормы существенных сомнений, и толкование по общему смыслу свойственно при наличии сомнений относительно действительного значения и объема содержащихся в законодательстве правил¹⁷.

Толкование правовых норм предполагает выяснение такого смысла правовой нормы, который имел в виду законодатель, а поскольку свое представление о праве законодатель излагает с помощью языка, то словесное выражение его представления о праве в конкретной норме (как было отмечено ранее) может не совпадать с действительным ее содержанием.

Обращает на себя внимание тот факт, что толкование уголовно-процессуального закона, как и другого нормативного акта, рассчитано на связь с конечным результатом уяснения нормы. В этом смысле толкование можно подразделить на буквальное, расширительное и ограничительное.

Наиболее приемлемым толкованием правовой нормы является буквальное вид толкования, в котором совпадают действительный смысл нормы и его словесное выражение (совпадают «дух» и «буква» закона).

В то же время, в силу объективных и субъективных причин смысл нормы права и словесное ее выражение могут иметь различие. В этом случае в качестве исключения могут применяться расширительное или ограничительное толкование.

При расширительном толковании словесное выражение правовой нормы намного уже, чем действительный смысл ее содержания. Так, в ч. 1 ст. 120 Конституции РФ определено, что «судьи независимы и подчиняются только Конституции РФ и федеральному закону». Однако под словом «закон» следует понимать не только акты высших органов власти, но и все нормативно-правовые акты. Такой же расширительный смысл заложен законодателем в ст. 227–291, части третьей УПК «Судебное производство», где слово «суд» следует буквально понимать как любой суд общей юрисдикции, рассматривающий уголовное дело по существу и выносящий решения, предусмотренные УПК (п. 48 ст. 5 УПК). Вместе с тем и слово «прокурор» имеет расширительное толкование, поскольку в буквальном смысле под ним следует понимать Генерального прокурора РФ и подчиненных ему прокуроров, их заместителей и иных должностных лиц органов прокуратуры, участвующих в уголовном судопроизводстве и

наделенных соответствующими полномочиями Федеральным законом о прокуратуре (п. 31 ст. 5 УПК).

В качестве расширительного толкования в нормах УПК используются термины, имеющие неоднозначный либо, как минимум, двойной смысл. В построении расширительного толкования используются такие обороты, как: «незамедлительно» (ч. 2 ст. 112, ч. 4 ст. 146, ч. 4 ст. 185 УПК), «в исключительных случаях» (ч. 5 ст. 162, ч. 5 ст. 165 УПК), «без уважительных причин» (ч. 1 ст. 188, ч. 3 ст. 217 УПК), «в разумные сроки», «по уважительной причине» (ч. 1 ст. 357 УПК), а также «иное лицо», «иное решение», «иное наказание», «иные правила», «иные полномочия», «иные процессуальные действия», «иные средства и способы защиты», «иные участники», «иные документы», «иные доказательства», «иные меры», «иные ценности», «иные предметы», «иные уголовные дела», «иные расходы», «иные сведения», «иные переговоры», «иные образцы для сравнительного исследования», «иные заявления», «иные основания», «иные особенности личности», «иные сообщения», «иные судебные действия», «иные определения», «иные данные о личности», «иные вопросы», «иные права», «иные новые обстоятельства», которые имеют двусмысленность содержания.

В Уставе уголовного судопроизводства 1864 г., в построении расширительного толкования использовались такие термины, как «немедленно» ст. 250, 398, 576, 957, 1035, 1023 УУС, «безотлагательно» ст. 275, 290, 508, 548 УУС и другие.

Примером расширительного толкования служит ч. 2 ст. 49 УПК, в соответствии с которой в качестве защитников допускаются адвокаты, а также один из близких родственников обвиняемого или иное лицо. Возникает вопрос: какое лицо, кроме адвоката и родственника, может быть допущено в качестве защитника?

По смыслу нормы «иным лицом» может быть не родственник и не специалист в области права. В данном случае это будет лицо, которое чрезвычайно заинтересовано в определенном исходе уголовного дела, но, в то же время, не способно оказать квалифицированную юридическую помощь. Эта ситуация, санкционированная ч. 2 ст. 49 УПК, противоречит ч. 1 ст. 5 и ч. 2 ст. 48 Конституции РФ, в которых определено, что каждому гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи, причем помощи не любого лица по чьему бы то ни было усмотрению, а именно помощи адвоката (защитника).

Одни авторы говорят о неизбежности расширительного толкования, поскольку «действующее право не совсем то (или совсем не то),

¹⁷ Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб, 1996. Т.1. С. 171–177.

которое изложено в текстах нормативных актов. Отсюда различие (противопоставление) «духа и буквы закона», требующее особых приемов толкования...»¹⁸.

Другие поддерживают точку зрения ограничения права для высших судебных инстанций на расширительное толкование уголовно-процессуального закона¹⁹.

Лишение права высших судебных инстанций на расширительное толкование уголовно-процессуального закона не способствует установлению такого порядка, при котором уголовное судопроизводство гарантирует преодоление коллизий уголовно-процессуальных норм и актов толкования.

Для разрешения противоречий в уголовном судопроизводстве существует также ограничительное толкование в случаях, когда словесное выражение нормы шире содержательного его смысла.

Например, «обстоятельства, исключаящие участие в производстве по уголовному делу защитника, представителя потерпевшего, гражданского истца или гражданского ответчика», относятся не к одному лишь из указанных лиц, и не к любому участнику процесса, а касаются только конкретных лиц: защитника, представителя потерпевшего, гражданского истца или гражданского ответчика (ст. 72 УПК).

Следует отметить особенности интерпретационных актов в устранении противоречий уголовного судопроизводства: они имеют разъ-

яснительное значение компетентного органа; обеспечиваются средствами юридической защиты и мерами юридического воздействия; имеют индивидуально-конкретные юридические разъяснения; могут носить властный и обязательный характер; могут вызывать определенные юридические последствия.

Профессор И.Я. Фойницкий предостерегал от опасности смешения функций законодательной, исполнительной и судебной власти, в том числе, и в вопросах законодательной инициативы, и толкования норм закона.

В то же время суд, выступающий (по своему содержанию) правоприменительным органом, призванный рассматривать споры сторон, может иметь право лишь необязательного толкования нормативно-правовых актов (поскольку правотворческая деятельность не свойственна суду) и то лишь в отношении конкретного дела, тогда как правом обязательного толкования может быть наделен орган, принявший нормативно-правовой акт.

Подводя итог вышесказанному, подчеркнем, что опыт, накопленный дореволюционными юристами-процессуалистами и успешно использованный при подготовке Устава уголовного судопроизводства 1864 года, продолжает служить России в деле совершенствования уголовно-процессуального законодательства, толкование которого может быть успешным лишь при условии, что оно соответствует его назначению.

Библиография

1. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М., 1939. – 464 с.
2. Белоносов В.О. Проблемы толкования норм уголовно-процессуального права: монография. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2006. – 416 с.
3. Градовский А.Д. Начала русского государственного права. СПб, 1873. Т.1 – 390 с.
4. Комментарий к Конституции Российской Федерации/Под общ. ред. Ю.В. Кудрявцева. М., 1996.
5. Лейст О.Э. Три концепции права//Советское государство и право. 1991. № 12. С. 4.
6. Маунц Т. Государственное право Германии. М., 1959.
7. Наумов А. Судебный прецедент как источник уголовного права//Российская юстиция. 1994. №1.
8. Осипов А.В. Толкование права. Теория государства и права/Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. М., 1997. – 672 с.
9. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб, 1996. Т.1. – 552 с.
10. Яценко Б.В. Противоречия уголовно-правового регулирования: Дисс. д-ра юрид. наук. М., 1997. – 470 с.

References

1. Bekkaria Ch. O prestupleniyakh i nakazaniyakh. M., 1939. – 464 s.

¹⁸ Лейст О.Э. Три концепции права//Советское государство и право. 1991. № 12. С. 4.

¹⁹ См.: Лазарев В.В. Применение советского права. Казань, 1972. С. 85.

2. Belonosov V.O. Problemy tolkovaniya norm ugovovno-protsessual'nogo prava: monografiya. Samara: Izd-vo «Samarskii universitet», 2006. – 416 s.
3. Gradovskii A.D. Nachala russkogo gosudarstvennogo prava. SPb, 1873. T.1–390 s.
4. Kommentarii k Konstitutsii Rossiiskoi Federatsii/Pod obshch. red. Yu.V. Kudryavtseva. M., 1996.
5. Leist O.E. Tri kontseptsii prava//Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1991. № 12. S. 4.
6. Maunts T. Gosudarstvennoe pravo Germanii. M., 1959.
7. Naumov A. Sudebnyi pretsedent kak istochnik ugovovnogo prava//Rossiiskaya yustitsiya. 1994. №1.
8. Osipov A.V. Tolkovanie prava.Teoriya gosudarstva i prava/Pod red. N.I. Matuzova i A.V. Mal'ko. M., 1997. – 672 s.
9. Foinitskii I.Ya. Kurs ugovovnogo sudoproizvodstva. SPb, 1996. T.1. – 552 s.
10. Yatselenko B.V. Protivorechiya ugovovno-pravovogo regulirovaniya: Diss. d-ra yurid. nauk. M., 1997. – 470 s.

Материал поступил в редакцию 3 марта 2014 г.

В.М. Корнуков*

КОНФЛИКТНОСТЬ ИНТЕРЕСОВ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНО- ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ПРАВЕ С ПОЗИЦИИ ЕГО ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ПРАВА

Аннотация: В статье на основе анализа соответствующих норм Устава уголовного судопроизводства 1864 года, действовавшего и действующего уголовно-процессуального законодательства России исследуются вопросы законодательной регламентации соотношения полномочий сторон, сбалансированности правового обеспечения их процессуальных интересов при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности. Утверждается, что состязательное начало, с одной стороны, создаёт возможность основным участникам процесса (сторонам) активно воздействовать на ход и результаты уголовно-процессуальной деятельности, с другой стороны, порождает конфликт интересов этих участников с точки зрения их процессуального обеспечения. Под этим углом зрения рассматриваются принятые в последние годы нормативные положения и правовые позиции Конституционного суда РФ, связанные с совершенствованием правового регулирования возвращения судом уголовных дел прокурору для производства дополнительного расследования. Диалектико-правового подхода, с использованием аналитического, исторического, сравнительно-правового методов исследования. Приводятся статистические данные, данные интервью и сведения информационного характера. Статья демонстрирует новый подход к характеристике коллизий законодательного регулирования правомочий сторон в уголовном судопроизводстве, правового обеспечения сбалансированности их уголовно-процессуальных интересов. Делается вывод о практическом возвращении в УПК РФ института дополнительного расследования уголовных дел и сомнительности именованной такой деятельности особым порядком движения уголовного дела, который якобы не тождествен его возвращению для производства дополнительного расследования (Постановление Конституционного суда РФ от 02.07.2013г.). Высказывается соображение, что поиски сбалансированности в обеспечении процессуальных интересов сторон не уместно вести посредством попеременного непропорционального изменения процессуальных возможностей участников уголовного судопроизводства и порядка их использования, влекущего стеснение прав и законных интересов этих субъектов права, в то время как в основе многих конфликтных ситуаций лежат ошибки и нарушения закона, допускаемые органами предварительного расследования, в том числе, по причине недостаточной профессиональной подготовки их работников. Рекомендуются прежде устранить либо хотя бы минимизировать первопричинные факторы, а затем регулировать механизм взаимодействия сторон и суда при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности. В статье затрагиваются отдельные спорные вопросы стадии возбуждения уголовного дела.

Ключевые слова: Устав уголовного судопроизводства, состязательность и конфликтность, регламентация полномочий сторон, конфликт интересов сторон, возбуждение уголовного дела, институт дополнительного расследования, сбалансированность процессуальных интересов, причины конфликтности интересов, пути устранения конфликтности, профессиональная подготовка следователя.

DOI: 10.7256/1994-1471.2014.4.11232

Устав уголовного судопроизводства Российской империи от 20 ноября 1864 года, 150-летию которого посвящена настоящая конференция, является замечательным памятником российской правовой мысли и

законодательного оформления уголовно-процессуальной деятельности. Он во многом предопределил будущее российского уголовного судопроизводства и ныне, при всей критичности восприятия многих положений, может слу-

© Корнуков Владимир Михайлович

* Доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики, Тольяттинский государственный университет [vm-kornukov@rambler.ru]

445667, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, д. 14.

жить ориентиром при выборе путей его дальнейшего развития и совершенствования.

Одним из важнейших достижений указанного нормативного акта было введение в уголовное судопроизводство состязательного начала, создающего, с одной стороны, возможность основным участникам процесса активно воздействовать на ход и результаты уголовно-процессуальной деятельности, с другой стороны, порождающего конфликт интересов этих участников с точки зрения их процессуального обеспечения. Правило о равенстве сторон, закреплённое в ст. 630 Устава, распространялось только на судебное разбирательство, оно не касалось других аспектов взаимоотношений сторон между собой и с судом.

Формализуя начало предварительного следствия путём указания законных для этого поводов (ст.297) , употребляя в некоторых случаях понятие «возбуждение уголовного дела», Устав не предусматривал такой стадии в качестве самостоятельного этапа уголовного судопроизводства. В частности, жалобы лиц, потерпевших от преступления, почитались достаточным поводом и основанием к началу следствия. Согласно ст. 303 Устава ни судебный следователь, ни прокурор не могли отказать этим лицам при подаче ими соответствующей жалобы в производстве следствия. Гарантией соблюдения законных интересов лица, обвиняемого в совершении преступления, при этом выступало лишь предупреждение заявителя об уголовной ответственности за ложный донос. Указанные лица формально не именовались и не признавались потерпевшими, но пользовались широкими возможностями во время производства следствия. Они могли: 1) выставлять своих свидетелей; 2) присутствовать при всех следственных действиях и предлагать, с разрешения следователя, вопросы обвиняемому и свидетелям; 3) представлять в подтверждение своего иска доказательства; 4) требовать выдачи за свой счёт копий всех протоколов и постановлений (ст. 304 Устава). Лицо, в отношении которого было подано заявление о преступлении либо о совершении преступления которого стало известно из других источников, именовалось в Уставе обвиняемым без вынесения о том специального постановления и предъявления конкретного обвинения вплоть до окончания следствия и формулирования прокурором обвинительного акта. Кумулятивных норм о правах таких лиц и порядке их использования в Уставе не содержалось. После поступления уголовного дела в суд оно не подлежало дополнительному расследованию, за исключением случаев выявления в суде сведений о совершении обвиняемым другого более тяжкого преступления (ст.753 Устава).

Пришедшая на смену рассмотренного порядка советская модель уголовно-процессуальной деятельности в процессе своего развития изменила приоритеты обеспечения процессуальных интересов участников уголовного судопроизводства. Отказавшись от состязательности, она ввела в качестве самостоятельного этапа уголовного процесса стадию возбуждения уголовного дела, упорядочило процессуальное положение подозреваемого и обвиняемого, обеднило по сравнению с ними правовые возможности потерпевшего, хотя и выделило его в качестве самостоятельного участника уголовного процесса. Широкие дискреционные возможности получил суд, соединивший в себе все основные процессуальные функции. Дополнительное расследование уголовных дел стало нормой советского уголовного процесса. Конфликт интересов сторон (основных участников процесса) был прикрыт широким усмотрением суда.

УПК РФ 2001 года возвратил состязательность, обострив тем самым проблему конфликтности интересов сторон в процессе. Он не расформировал стадию возбуждения уголовного дела. Наоборот, в период его действия эта стадия приобрела насыщенность и стала по существу неким отрезком предварительного расследования, хотя на практике и именуется доследственной проверкой. В результате она приобрела характер фильтра, работающего на сторону потенциальных подозреваемых и обвиняемых против лиц, потерпевших от преступных деяний. Например, по данным МВД РФ в 2012 году было зарегистрировано 26,4 миллиона заявлений и сообщений о преступлениях. А по результатам их проверки было возбуждено только 1,9 миллиона уголовных дел. Применительно к СК РФ эти данные образуют пропорцию в 985,6 тысяч и 132 тысяч соответственно.¹ Органы прокуратуры ежегодно выявляют сотни тысяч неучтённых и необоснованно отвергнутых органами предварительного расследования заявлений и сообщений о преступлениях. Так, по словам Генерального прокурора РФ, за 11 месяцев 2013 года «ими было выявлено более 140 тысяч ранее известных, но по разным причинам не учтённых преступлений. Это около 7 процентов от всех зарегистрированных».²

Не без учёта указанного выше обстоятельства в последнее время в юридической лите-

¹ См.: Волеводз А. Половина госбюджета России ежегодно – цена возможной очередной реформы уголовного процесса. Пора бы остановиться. URL: <http://viperson.ru/wind.php?ID=667528> (дата обращения 27.02.2014).

² Егоров И. Законный вопрос //Российская газета. 2014. 10 января.

ратуре вновь получила обострение периодически обсуждаемая тема целесообразности дальнейшего сохранения стадии возбуждения уголовного дела в качестве самостоятельного этапа уголовного судопроизводства. Многие учёные высказываются за её ликвидацию. Определённый резон в подобного рода суждениях, безусловно, присутствует и виден особенно при сопоставлении содержания осуществляемой в этой стадии деятельности и принимаемых по её окончании решений. Тем более, если учесть, что основное назначение данной стадии – быть водоразделом между доследственной и следственной деятельностью, в последнее время существенно поколеблено. Ныне до возбуждения уголовного дела может производиться значительная часть следственных и других уголовно-процессуальных действий: практически все виды осмотров, экспертных исследований, освидетельствование, получение образцов для сравнительного исследования и т.д. Среди прочих доводов «противников» этой стадии довольно часто фигурирует указание на её отсутствие в других правовых системах. Частично разделяя отдельные суждения сторонников изложенного отношения к стадии возбуждения уголовного дела, мы считаем, что этот длительный время выделяемый в российском уголовном процессе этап уголовно-процессуальной деятельности в условиях современной действительности не только уместен, но и необходим. Даже при утрате императивного запрета на производство следственных действий, он не перестал играть важную роль в защите прав и законных интересов участников соответствующей деятельности, так как исключает возможность полномасштабного использования указанных действий и применения мер процессуального принуждения до того, как будут выявлены веские основания для осуществления расследования по поступившему сообщению о преступлении. Только его содержание, сроки и значимость не надо гипертрофировать. Они должны определяться назначением этой стадии, состоящим в установлении наличия либо отсутствия оснований для возбуждения уголовного дела, а не в определении его судебной перспективы, как это нередко истолковывается на практике. Что касается её названия, то суть не в нём, оно устоялось и воспринимается достаточно адекватно. Хотя при желании может быть изменено на более приближённое к содержанию и назначению деятельности, осуществляемой в данной стадии. Её можно было бы именовать стадией проверки сообщения о преступлении. Что касается полного отказа от рассматриваемой стадии, то его следовало бы увязать с упрощением предварительного

расследования, сведением его к необходимому минимуму и перемещением центра тяжести уголовно-процессуальной деятельности в судебное производство. Кстати, Устав уголовного судопроизводства (ст.545) предусматривал возможность принятия и рассмотрения судом уголовного дела без производства предварительного следствия, «если прокурор по представленным ему сведениям и доказательствам или по самому свойству дела признает возможным предложить суду обвинительный акт, и если суд со своей стороны не усмотрит надобности в предварительном следствии». Правда, это касалось только дел, рассматриваемых без участия присяжных заседателей.

Одним из важнейших достижений УПК РФ 2001 года считалось исключение дополнительного расследования по уголовным делам. Убрав данный институт, УПК сохранил при этом возможность возвращения судом уголовного дела прокурору для устранения препятствий его рассмотрения в судебном заседании в рамках и на основе обвинительного заключения, составленного следователем. Для того чтобы не возникало никаких сомнений на этот счёт, ст. 237 УПК РФ не предусматривала, а затем, в 2003 году, и прямо запретила производство каких-либо следственных и иных уголовно-процессуальных действий по возвращённому делу, ограничив срок устранения следователем допущенных по нему нарушений 5-ю сутками. При этих условиях вопрос о каком-либо расследовании по уголовному делу, возвращённому судом прокурору в порядке ст. 237 УПК, не возникал и не мог возникнуть, потому что вся деятельность следователя в этом случае сводилась практически к технической работе по приведению в соответствии с требованиями закона обвинительного заключения, а дознавателя – обвинительного акта. Такая регламентация взаимоотношений суда с органами предварительного расследования и деятельности последних по возвращённым им уголовным делам существенно углубила и без того довольно выраженную в Российском уголовно-процессуальном праве конфликтность интересов сторон в уголовном судопроизводстве и породила массу неразрешимых процессуальных ситуаций на практике. Потерпевшие в массовом порядке стали обращаться в Конституционный суд РФ с жалобами на несоответствие УПК РФ Основному Закону страны в той его части, в которой он не позволял им добиваться справедливого, с их точки зрения, осуждения обвиняемого, совершившего более тяжкое преступление, чем то, которое было вменено ему в вину органами предварительного расследования. Поскольку предмет и пределы судебного разбирательст-

ва уголовного дела определяются обвинением, фигурирующим в обвинительном заключении или обвинительном акте, суд в подобной ситуации не мог ни сам исправить ошибку в квалификации преступления, ни возратить с этой целью уголовное дело прокурору даже при очевидно неправильном применении уголовного закона. В связи с этим соответствующие запросы в Конституционный суд РФ вынуждены были направлять и суды Российской Федерации. Под воздействием решений Конституционного суда законодатель стал корректировать уголовно-процессуальный закон. В 2003 году (Закон РФ от 04. 07. 2003 г. № 92 ФЗ) были расширены основания возвращения уголовного дела, в 2008 году (ФЗ от 02. 12. 2008 г. №226-ФЗ) отменены срок устранения выявленных по нему нарушений и запрет на производство следственных и иных уголовно-процессуальных действий. Нормативное решение о возможности осуществления указанных выше действий было увязано с продлением срока содержания обвиняемого под стражей. Если в такой редакции ст. 237 УПК РФ никак не связывала возвращение уголовного дела прокурору с возможностью ухудшения положения обвиняемого, то последующие её изменения (Законы РФ от 04. 03. 2013 г. № 26-ФЗ и от 26. 04. 2013 г. № 64-ФЗ) прямо предусматривают такую возможность. Теперь согласно ч. 1.2 ст. 237 УПК РФ судья по ходатайству стороны возвращает уголовное дело прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом, если: 1) после направления уголовного дела в суд наступили новые общественно опасные последствия инкриминируемого обвиняемому деяния, являющиеся основанием для предъявления ему обвинения в совершении более тяжкого преступления; 2) ранее вынесенные по уголовному делу приговор, определение или постановление суда отменены в порядке, предусмотренном главой 49 УПК, а послужившие основанием для их отмены новые или вновь открывшиеся обстоятельства являются в свою очередь основанием для предъявления обвиняемому обвинения в совершении более тяжкого преступления.

Конституционный суд РФ в решении указанного выше вопроса пошёл ещё дальше. В Постановлении от 02.07.2013 года он, в отличие от законодателя, не связал возможность возвращения уголовного дела прокурору при угрозе ухудшения положения обвиняемого только с указанными выше обстоятельствами. Согласно сформулированной им правовой позиции, суд может и должен это сделать, кстати, и не только по ходатайству сторон, но и по собственной инициативе, во всех случаях, когда квалификация действий (бездействия) обвиняемого,

содержащаяся в обвинительном заключении, обвинительном акте или обвинительном постановлении, по мнению суда, не соответствует фактическим обстоятельствам уголовного дела и не отвечает требованиям Общей и Особенной частей Уголовного Кодекса РФ. Законодателю предписано «внести в правовое регулирование изменения, направленные на устранение препятствий для вынесения судом основанного на правильном применении норм уголовного и уголовно-процессуального законов решения по уголовному делу в случаях, когда фактические обстоятельства, изложенные в обвинительном заключении, обвинительном акте или обвинительном постановлении, свидетельствуют о наличии в действиях обвиняемого признаков более тяжкого преступления либо когда в ходе предварительного слушания или судебного разбирательства им установлены фактические обстоятельства, являющиеся основанием для квалификации деяния как более тяжкого преступления»³.

Означает ли это, что мы вернулись к тому, от чего отказались в 2001 году и как изложенная позиция Конституционного суда соотносится с сформулированным им же ещё в 1999 и 2003 годах запретом возвращения судом прокурору уголовного дела, обременённого возможностью и необходимостью восполнения неполноты предварительного расследования? Отметив, что «неустранимость в судебном производстве процессуальных нарушений, имевших место на этапе предварительного расследования, предполагает осуществление необходимых следственных и иных процессуальных действий», и ссылаясь на стадийность уголовного судопроизводства, Конституционный суд в Постановлении от 2 июля 2013 года, расценил процедуру возвращения уголовного дела прокурору для устранения препятствий к его судебному рассмотрению как особый порядок движения уголовного дела, не тождественный его возвращению для производства дополнительного расследования. Можно предположить, что дополнительное расследование Конституционный суд связывает, прежде всего, с необходимостью восполнения неполноты предварительного следствия или дознания. То, что и в первом и во втором случае соответствующая деятельность осуществляется путём производства следственных и других процес-

³ См.: Постановление Конституционного суда РФ от 02.07.2013 года по делу «О проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б.Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда»// Российская газета. 2013. 12 июля.

суальных действий, значения не имеет. Тогда что ж такое расследование вообще? В чём его суть? До сих пор сущность расследования в теории уголовного процесса в первую очередь усматривалась именно в производстве следственных действий с целью собирания доказательств и выяснения всех обстоятельств уголовного дела. Следственные действия считались и считаются основным средством, а их производство – основным способом собирания и исследования доказательств. Другого назначения указанные уголовно-процессуальные явления не имеют. Это, во-первых. Во-вторых, усмотренное судом нарушение уголовного закона в части квалификации вменённого в вину обвиняемому преступления, для устранения которого уголовное дело возвращается прокурору, может быть прямо связано с совокупностью доказательств, собранных по делу. Допустим, следователь счёл, что собранных доказательств недостаточно для квалификации действий обвиняемого по более тяжкой статье, необходимость применения которой усмотрел суд. Что он должен делать? Выполнять предписание суда? Если да, то, как это предписание, предопределяющее решение следователя и будущий приговор по делу, должно выглядеть и в каком процессуальном качестве в данном случае выступает суд? Либо, следуя указаниям закона, следователь принимает самостоятельное решение после производства следственных действий, направленных на получение дополнительных сведений доказательственного значения и определения своего отношения к тому, что суд счёл процессуальной ошибкой?

Очевидно, что в современных условиях ограничиться технической работой по приведению обвинительного заключения в соответствии с мнением суда следователь, по общему правилу, не может. Исправление ошибки в квалификации преступления в указанном выше и других подобных случаях, а тем более вменение в вину обвиняемому более тяжкого преступления в связи с наступлением после направления дела в суд новых общественно опасных последствий инкриминируемого ему деяния или выявления других новых или вновь открывшихся обстоятельств, которые послужили основанием для отмены ранее состоявшихся по делу решений в порядке, предусмотренном главой 49 УПК РФ, не возможны без производства следственных и иных уголовно-процессуальных действий, направленных на расширение и дополнительное исследование доказательственной базы, собранной по уголовному делу, а по существу – без дополнительного расследования. Именованную такую процессуальную деятельность особым порядком движения уголовного дела можно только с огромным допуском или лу-

кавством, прикрывающим действительность и учитывающим конкретно-предметную направленность указанной деятельности.

Относительно неполноты предварительного расследования позиция Конституционного суда, на наш взгляд, не изменилась, что отчасти подтверждается и рассмотренным выше осторожным подходом к характеристике процедуры возвращения судом уголовного дела прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ как особого порядка его постадийного движения. Да и восполнения неполноты проведённого ранее предварительного следствия или дознания, в том смысле, который ранее придавался этому явлению, в рассматриваемой процедуре по существу нет.

Теперь о том, как рассмотренные изменения закона и правовая позиция Конституционного суда отразились и отразятся на правовом положении участников уголовного процесса. Прежде всего, они устранили конфликтно-ёмкий аспект уголовно-процессуального регулирования порядка и способов использования сторонами предоставленных им полномочий и их взаимоотношений с судом. Потерпевший и сторона обвинения в целом, получили возможность отстаивать свою позицию по уголовному делу и добиваться принятия по нему законного, обоснованного и справедливого, по их мнению, приговора либо другого решения суда во всех стадиях уголовного судопроизводства. Позитивно они выглядят и с точки зрения восстановления престижа и определения подлинного назначения российского суда и российского правосудия по уголовным делам, поскольку по ранее действовавшим нормам выходило, что обвинение, предъявленное следователем, практически предreshало будущий приговор и судьбу обвиняемого с точки зрения невозможности ухудшения его положения и полностью в этом отношении связывало судей. Надо отдать должное обстоятельности и убедительности суждений Конституционного суда по этому вопросу, содержащихся в Постановлении от 2 июля 2013 года. Действительно, подлинное правосудие не совместимо с приговором, не отвечающим требованиям норм уголовного закона, поскольку уголовный процесс, а, следовательно, и деятельность по осуществлению правосудия по уголовным делам, есть форма жизни уголовного закона.

Однако в существующем проигрыше оказалась защита и, прежде всего, обвиняемый. Его нынешнее положение по сравнению с предыдущим значительно осложнилось как в плане существа возможных последствий возвращения уголовного дела прокурору, так и в связи с предстоящим испытанием дополнительной деятельностью, увеличением сроков производства по уголовному делу, возможного со-

держания под стражей и другими издержками, сопровождающими уголовный процесс.

Кроме того, сложившаяся ситуация не безкоризненна с точки зрения проблемы так называемого двойного осуждения за одно и то же преступление, отвергаемую актами международного права (ст.4 протокола № 7 к ЕКПЧ)⁴. Считается, что нарушение запрета *Non bis in idem*, вытекающего из принципа состязательности и равенства сторон, предоставляет стороне обвинения неограниченное превосходство в доказывании своей позиции. Не случайно Устав уголовного судопроизводства 1864 года исключал возможность вторичного привлечения к следствию и суду по тому же самому преступлению, оправданного вошедшим в законную силу приговором суда даже при открытии новых обстоятельств к его изобличению (ст. 21). Точно так же при указанных обстоятельствах осужденный не мог быть вновь судим по тому же делу, «хотя бы впоследствии были обнаружены обстоятельства, увеличивающие его вину» (ст. 22). Исклю-

чения из указанных правил составляли случаи, когда судом признавалось, что прежде состоявшийся приговор был последствием подлога, подкупа или иного преступления (ст. 23).

И наконец. Поиски сбалансированности в обеспечении процессуальных интересов сторон вряд ли уместно вести посредством попеременного непропорционального изменения процессуальных возможностей участников уголовного судопроизводства и порядка их использования, влекущего стеснение прав и законных интересов этих субъектов права, в то время как в основе многих конфликтных ситуаций лежат ошибки и нарушения закона, допускаемые органами предварительного расследования, в том числе, по причине недостаточной профессиональной подготовки их работников. Прежде надо устранить либо хотя бы минимизировать первопричинные факторы, а затем регулировать механизм взаимодействия сторон и суда при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности.

Библиография

1. Волеводз А. Половина госбюджета России ежегодно – цена возможной очередной реформы уголовного процесса. Пора бы остановиться. URL: <http://viperson.ru/wind.php?ID=667528> (дата обращения 27.02.2014).
2. Егоров И. Законный вопрос //Российская газета. 2014. 10 января.

References

1. Volevodz A. Polovina gosbyudzheta Rossii ezhegodno – tsena vozmozhnoi ocherednoi reformy ugolovnogo protsessa. Pora by ostanovit'sya. URL: <http://viperson.ru/wind.php?ID=667528> (data obrashcheniya 27.02.2014).
2. Egorov I. Zakonnyi vopros //Rossiiskaya gazeta. 2014. 10 yanvaryaya.

Материал поступил в редакцию 3 марта 2014 г.

⁴ См.: Европейская конвенция по правам человека. European Court of Human rights. Council of Europe. С. 47.

ЕЩЕ РАЗ ОБ ОБЪЕКТИВНОЙ ИСТИНЕ И АКТИВНОЙ РОЛИ СУДА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация: В связи с внесением в Государственную Думу проекта федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу», в пояснительной записке к которому говорится о традиционности для России требования об отыскании объективной истины в уголовном процессе, что закрепляется Уставом уголовного судопроизводства 1864 г., в статье проводится анализ текста Устава уголовного судопроизводства, объяснительной записки и комментариев к нему, а также ряда научных работ видных юристов того времени в целях выявления истинного отношения составителей Устава к принципу установления объективной истины, состязательности и активной роли суда в процессе. В ходе написания статьи были использованы стандартные методы юридического исследования: аналитический, историческо-правовой и сравнительно-правовой. На основании изучения вышеуказанных источников делается вывод о том, что уже в тот период рядом ведущих юристов разделялась позиция, согласно которой юридическое познание носит вероятностный характер, и выдвигалась концепция уголовно-судебной достоверности. В Уставе уголовного судопроизводства указание на необходимость достижения материальной истины противопоставлялось ранее существовавшему принципу достижения истины формальной, то есть необходимости доказывания виновности подсудимого любой ценой. Составители Уставов призывали к тщательному анализу судьей доказательств, представленных сторонами в состязательном процессе, по внутреннему убеждению. При этом осуждалась излишне активная роль председательствующего в судебном процессе по Уголовно-процессуальному кодексу Франции.

Ключевые слова: Устав уголовного судопроизводства, объективная истина, состязательность, равноправие сторон, презумпция невиновности, уголовный процесс, формальная оценка доказательств, внутреннее убеждение судьи, активная роль суда, судебный следователь.

DOI: 10.7256/1994-1471.2014.4.11193

Дискуссия о том, является ли установление объективной истины по делу целью уголовного процесса, возникла и развивалась задолго до того, как был принят новый Уголовно-процессуальный кодекс России, то есть еще в период, когда УПК РСФСР закреплял принцип установления объективной истины, и не прекратилась с принятием УПК РФ, когда указанный принцип был из него исключен. Новый толчок этой дискуссии был дан внесением 29 января 2014 г. в Государственную Думу проекта федерального закона № 440058-6 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу». Автор законопроекта депутат А.А. Ремезков в своей пояснительной записке отмечает, что «ориентированность процесса доказывания по уголовному

делу на достижение объективной истины является необходимым условием правильного разрешения уголовного дела и отправления справедливого правосудия»¹. В поддержку данного тезиса он ссылается на романо-германскую модель уголовно-процессуального доказывания, «к которой традиционно тяготеет и российское уголовное судопроизводство»², а также на то, что требования принять все меры к отысканию истины «традиционно содержались и в российском уголовно-процессуальном законодательстве, в частности в Уставе

¹ Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу», С. 1.

² Там же, С. 2.

уголовного судопроизводства 1864 года...»³. В преддверие юбилея столь значительного памятника правовой культуры России как Устав уголовного судопроизводства 1864 года хотелось бы более тщательно разобраться в том, какие именно «традиционные» для России ценности там закреплены и на чем был основан сделанный составителями Уставов выбор в пользу введения тех или иных институтов.

Действительно, в статье 613 Устава уголовного судопроизводства содержалось императивное предписание судье, председательствующему в процессе, направлять разбирательство дела «к тому порядку, который наиболее способствует раскрытию истины»⁴. Объяснительная записка к проекту Устава уголовного судопроизводства также содержит следующие утверждения: «Начало судебного состязания сторон не исключает самостоятельности суда в уголовном судопроизводстве и не обязывает его решать дела по тем данным, которые предъявлены сторонами, но требует единственно того, чтобы по всем сведениям, относящимся к делу, сторонам предоставлена была возможность судебного состязания. Задача уголовного суда есть открытие в каждом деле безусловной истины. В стремлении к этой цели суд уголовный не может принимать в уважение желания сторон... Поэтому, если стороны не предъявили всех тех сведений, которые должны служить данными для основательного разрешения уголовного дела, то суд не может удовлетвориться одними их заявлениями, но обязан потребовать дополнительных сведений»⁵. В связи с этим небезынтересно, какой смысл придавал законодатель Российской Империи содержанию понятия «безусловная» или «материальная» истина и в каких условиях формировалось данное понятие.

Прежде всего, необходимо отметить, что принятие Устава уголовного судопроизводства 1864 г. стало результатом длительного исторического развития отечественного уголовного судопроизводства, и закрепленный им новый тип процесса не был революционной формой. Его следует рассматривать как эволюционный вариант того процесса, который сложился в России в период между изданием Свода законов и принятием Устава уголовного судопроизводства. И одним из естественных шагов на

этом пути стала отмена теории формальной оценки доказательств.

В объяснительной записке к Судебным уставам говорилось, что от решения вопроса о том, как определяется сила доказательств, зависят и основные формы судопроизводства, и само устройство суда. До судебной реформы 1864 г. в Российской Империи господствовала так называемая формальная теория оценки доказательств, которая придавала больший или меньший вес определенным категориям доказательств, при этом наибольший вес был у признания обвиняемого, которое могло быть получено, в том числе, и под пытками. «Прежде собственное признание считалось единственным безусловным доказательством, и потому пытка была необходимым средством к вынуждению собственного признания в тех случаях, когда обвиняемый добровольно не сознавался»⁶. Объяснительная записка провозглашала, что теория доказательств, основанная единственно на их формальности, отменяется, а помещаемые в Уставе уголовного судопроизводства правила о силе судебных доказательств должны служить только руководством при определении виновности подсудимых по внутреннему убеждению судей, основанному на совокупности обстоятельств, обнаруженных при производстве следствия и суда. Таким образом, с принятием судебных уставов на смену чисто инквизиционному розыскному процессу приходит процесс смешанный, основанный на свободной оценке судом доказательств, рассмотренных в ходе гласного судебного разбирательства.

В результате реформы теория формальной оценки доказательств была отменена и ей на смену пришла другая – теория свободной оценки доказательств. Согласно ей задача суда состоит в поисках «материальной» (объективной) истины. Теперь решения и приговоры судов должны опираться на истинные факты, а не на домыслы. Для этого необходим «питательный разбор дел и всесторонний анализ всех имеющихся доказательств, без какого-либо вмешательства извне». Мерилом достоверности становится только внутреннее убеждение судей. Правила свободной оценки доказательств были призваны содействовать беспристрастности судей – было необходимо устанавливать в деле истину, а не доказывать вину подсудимого во что бы то ни стало. Именно в этом смысле (в противовес формальной

³ Там же, С. 2

⁴ Цит. по тексту, размещенному на: <http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/>

⁵ Объяснительная записка к проекту Устава уголовного судопроизводства, составленному комиссией, Высочайше учрежденной при государственной канцелярии для начертания проектов законоположений о преобразовании судебной части вообще – СПб., 1863.

⁶ Судебные Уставы 20 ноября 1864 года с изложением рассуждений, на коих они основаны / В 5 выпусках. – СПб.: Изд. Гос. канцелярии, 1866 – Выпуск 2. Устав уголовного судопроизводства, <http://civil.consultant.ru/reprint/books/118/> С. 10.

истине) принцип отыскания материальной истины закреплялся Уставом. Как отмечал видный юрист того периода М.В. Духовской «... мы вправе сказать, что правильно организованный уголовный суд есть тот, который более в силах открыть правду, и притом правду не сухую, формальную, а жизненную, тот суд, который может лучше всего гарантировать свободу граждан, суд, равный для всех, гласный, отправляемый при участии народных представителей»⁷.

Следует заметить, что в указанный период многими западными и отечественными дореволюционными юристами уже разделялась позиция, согласно которой юридическое познание (в частности, о вине лица в совершении преступлений) носит вероятностный характер. Для дореволюционных авторов типично выдвижение концепции уголовно-судебной достоверности, судебной истины. «Надеяться вообще открыть всегда истину в уголовном процессе нельзя; все, чего можно достигнуть – это так называемой уголовно-судебной достоверности» (М.В. Духовской)⁸. «Истина может быть познана до степени вероятности, а в определенных условиях – до степени полной достоверности» (И.Я. Фойницкий)⁹. «Уголовно-судебная достоверность – стечение вероятностей, вытекающих из представленных на суде доказательств» (Вл. Случевский)¹⁰. Следовательно, невозможно утверждать, что авторы Устава уголовного судопроизводства действительно стремились призвать к установлению «обстоятельств уголовного дела такими, какими они были в действительности, то есть установления по делу объективной истины»¹¹. Основной их целью было, скорее, желание переориентировать российское уголовное судопроизводство на более тщательный и взвешенный анализ доказательств, представленных сторонами в ходе открытого и гласного судебного разбирательства.

Хотелось бы также остановиться на тезисе авторов внесенного в Государственную Думу законопроекта о «чуждой традиционному российскому уголовному процессу англо-американской доктрине»¹² чистой состязательности и, видимо, более близкой ему активной роли суда в процессе.

Действительно, решив отойти от чисто розыскного, или, как выражались в тот период, «инквизиторского» процесса, составители Судебных уставов имели перед собой два варианта решения, выработанные к тому времени мировым опытом: англо-американский, в котором отсутствует предварительное следствие, суд сам ничего не выясняет, все делают стороны, а суд лишь следит за их поединком (чисто состязательный, или, в прежних формулировках, «обвинительный» процесс), и континентальный, где имеется письменное предварительное следствие, носящее розыскной характер, и суд (особенно во Франции) является активным участником судебного следствия (смешанный или «следственно-обвинительный» процесс). После тщательного исследования авторы Уставов избрали решение, более близкое к континентальному варианту, при этом за основу был взят Уголовно-процессуальный кодекс Франции 1808 г., однако данный выбор был, скорее, вынужденным.

В Записке Государственной Канцелярии об основных началах судопроизводства и судопроизводства гражданского и уголовного, подготовленной в 1862 г., отмечается: «Не отвергая преимущества системы обвинительной, коей начала не были чужды нашему отечеству в самые отдаленные времена, II-ое Отделение находит однако же невозможным ввести эту систему внезапно, без предварительного к сему приготовления и в народе, и в правительственных установлениях»¹³. В комментариях к Уставу также указывается, что «... обсуждался вопрос о том, не следует ли заменить сию систему *порядком обвинительным*, действующим с большою пользою на западе Европы и даже в некоторых частях Российской Империи. Но введение такого порядка представлялось в то время невозможным, преимущественно по неудовлетворительности устройства наших судебных мест, вопрос о преобразовании которых тогда еще не был подвергнут ближайшему обсуждению»¹⁴. Таким образом, авторы Устава

⁷ Духовской М. В. Русский уголовный процесс. Издание для студентов. – М., 1910–448 с.

⁸ Духовской, М. В. Понятие клеветы как преступления против чести частных лиц по русскому праву (по изданию 1873 года). – М.: Статут, 2004. – 409 с.

⁹ Фойницкий, И. Я. На досуге. Сборник юридических статей и исследований с 1870 г. Т. 2. (по изданию 1893 года) [Текст] / И. Я. Фойницкий. – М.: Статут, 2005. – 411 с.

¹⁰ Случевский, В. К. О значении опытного, научного и философского знания в практике судьи (по изданию 1904 года). – М.: Статут, 2003. – 93 с.

¹¹ Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу», С. 1.

¹² Там же.

¹³ Записка Государственной Канцелярии об основных началах судопроизводства и судопроизводства гражданского и уголовного. 1862. С. 118.

¹⁴ Судебные Уставы 20 ноября 1864 года с изложением рассуждений, на коих они основаны. – Выпуск 2. Устав уголовного судопроизводства, С. 1.

считали состязательную модель процесса достаточно прогрессивной и не чуждой России, однако уровень развития соответствующих институтов, и прежде всего прокуратуры и адвокатуры, не позволял внедрить ее непосредственно. Более того, сама по себе французская модель, взятая российскими процессуалистами за образец, соединяла в себе розыскное предварительное расследование, опирающееся на ордонанс 1670 г., и состязательное судебное производство, построенное по английскому образцу. Как отмечал М.В. Духовской, «окончательно французский уголовный процесс по английскому типу кодифицирован был в царстве Наполеона I, в 1808 году»¹⁵. Отсюда можно сделать вывод о том, что именно состязательный процесс англо-саксонской модели, столь чуждый традиционным российским ценностям, по мнению авторов законопроекта, и был положен в основу уголовного судопроизводства авторами Судебных уставов. Более того, поиск истины не чужд и этому типу процесса – решением по делу Техан против Соединенных Штатов (1966 г.)¹⁶ установление истины называется основной целью уголовного процесса, необходимость использования доказательств для целей установления истины и обеспечения справедливости судебного разбирательства закрепляется Правилем 102 Федеральных правил о доказательствах США.

Авторы Устава отлично понимали, что принцип состязательности в уголовном судопроизводстве имеет доминирующее значение, поскольку не просто определяет особую модель процесса, но и может рассматриваться в качестве критерия демократичности, цивилизованности и справедливости судопроизводства. Анализ многих положений рассматриваемого нормативного акта убедительно показывает, что состязательное начало играло в российском уголовном судопроизводстве исключительно важную роль, стороны представляли собой главную движущую силу производства по делу, особенно по делам, рассматриваемым мировым судьей. «Состязательное начало составляет душу современных как гражданских, так и уголовных процессов, – писал В.К. Случевский, – а потому мера развития в том и другом процессе состязательного или противоположающегося ему следственного начала есть вопрос политики права»¹⁷.

Состязательность, введенная судебными уставами в противоположность дореформенному инквизиционному судопроизводству, была важным демократическим институтом. В то же время и суд не занимал пассивного положения. Поэтому, подчеркивая значение состязательности, русский процессуалист Н.Н. Розин писал, что «состязательный принцип вполне совместим с инструкционным началом процесса, в силу которого последний, сохраняя за сторонами их процессуальные права, в то же время открывает для суда возможность активной деятельности и, таким образом, полного раскрытия истины в деле»¹⁸.

Однако, следует более тщательно рассмотреть пределы активности суда, заложенные в Уставе уголовного судопроизводства. Так, власти председателя принадлежали: направление хода дела в такой постепенности процессуальных действий, которая наиболее, по мнению его, способствует раскрытию истины (статьи 611, 613, 614 УУС) (при этом указывалось, что он обязан предоставить каждому подсудимому всевозможные средства к оправданию и не может устранить ни одного из подсудимых от предъявления замечаний как по существу всякого дела, так и относительно способа его производства на суде (статья 612 УУС)); наблюдение за внешним порядком и благочинием в заседании, в частности предупреждение внешнего влияния на присяжных заседателей и недозволенных сношений посторонних лиц как с ними, так и со свидетелями (статьи 615–618 УУС); устранение всего, что не имеет прямого отношения к делу, в частности, оскорбительных для чьей-либо личности отзывов, нарушения должного уважения к религии, закону и установленным властям (статья 611 УУС).¹⁹ Согласно статье 630 УУС в представлении и исследовании доказательств стороны находились в равном положении и могли достаточно активно защищать свои интересы. Председательствующий принимал активное участие в судебном следствии наряду со сторонами, и по своему усмотрению, независимо от позиции сторон был вправе: вызвать прежних экспертов или назначить новую экспертизу (статьи 690, 692 УУС); оглашать протоколы осмотров, освидетельствований (статья 687 УУС); проводить новые осмотры (статья 688 УУС); допрашивать свидетелей и подсудимого. Нельзя сказать, что приведенный перечень так уж разительно отличается

¹⁵ Духовской М. В. Русский уголовный процесс. Издание для студентов. – М., 1910.

¹⁶ *Tehan v. United States ex. rel. Shott*, 382 US. 406, 416 (1966).

¹⁷ Случевский В.К. Учебник русского уголовного процесса. Введение. Ч.1. Судостроительство. – М., 2008.

¹⁸ Розин, Н. Н. Уголовное судопроизводство. – Петербург, 1914. – С. 497–498.

¹⁹ Цитируется по тексту, размещенному на: <http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/>

от полномочий председательствующего по действующему УПК РФ.

При этом в комментариях к статьям 523–527 Устава отмечается: «Изыскание обстоятельств дела и собрание доказательств в обличение или оправдание обвиняемого несравненно удобнее производить на месте происшествия, заключающего в себе преступление, нежели в суде, который может находиться в дальнем расстоянии от того места. Коллегиальный состав суда может способствовать лишь зрелому обсуждению обстоятельств, а отнюдь не изысканию их, или так называемому розыску... Все это убеждает в том, что задача судебного следствия должна состоять только в проверке и разъяснении собранных при предварительном следствии доказательств и улик»²⁰.

Далее, комментарий к статье 611 Устава четко описывает пределы полномочий председательствующего судьи: «Охранение внешнего порядка судопроизводства, направление допросов и прений на суде, предоставление подсудимому всех законных средств к оправданию, принятие мер против стачки допрашиваемых лиц, наблюдение, чтобы присяжные воспользовались всеми способами к обстоятельному рассмотрению дела, разъяснение им всего для них непонятного и ограждение их от опасности постановления решений под неблагоприятным для правосудия внешним влиянием – все это несомненно принадлежит единоличной власти председателя суда. Направляя ход дела к тому порядку, который наиболее способствует раскрытию истины, председатель может даже распорядиться, чтобы судебное следствие, в отношении к каждому из соучастников в одном и том же преступлении, производилось отдельно, с сохранением, однако, общей связи дела (ст. 613). Но далее этих пределов власть председателя суда не должна простирается»²¹.

Слишком активная роль суда во французском уголовном процессе подвергалась критике многими видными российскими юристами. Как отмечал М.В. Духовской: «Многие изменения, допущенные этим кодексом, заслуживали и заслуживают серьезных возражений. Таковы, в особенности, ... чрезмерное усиление прокуратуры и власти председательствующего...»²² Анализ приведенных выше полномочий председательствующего судьи по Уставу уголовного судопроизводства указывает на то, что он не

обладал такой неограниченной властью, как президент французского суда, что позволяет говорить о большей реализации состязательных начал в судебном следствии российской модели. По Уставу уголовного судопроизводства состязательность являлась средством установления истины. «При том для судьи, должностящего уразуметь дело до достижения внутреннего убеждения, недостаточно одного допроса подсудимого и свидетелей чрез следователя и простых ответов их, ему необходимы подробный разбор и категорическое разъяснение всего, что представляется по делу против и в пользу обвиняемого, а сие достигается лишь прениями обвинителя с защитником подсудимого»²³.

Устав уголовного судопроизводства впервые провозгласил принцип презумпции невиновности. Статья 14 Устава закрепляет, что «Никто не может быть наказан за преступление или проступок, подлежащие судебному ведомству, иначе как по приговору надлежащего суда, вошедшему в законную силу»²⁴. В отличие от авторов законопроекта о введении объективной истины, называющих данный принцип «юридической фикцией», составители Судебных уставов высоко его оценивали: «Постановление это основано на соображении вошедших в свод 1857 года узаконений и принадлежит к числу важнейших, можно сказать коренных начал уголовного законодательства, принятых во всех новейших и лучших судопроизводствах иностранных»²⁵. Статья 754 Устава устанавливает, что фундаментом обвинительного приговора является несомненность происшедшего события преступления и причастность к нему подсудимого. Сомнения толкуются в пользу обвиняемого – статья 769 гласит: «При разделении голосов на два или более мнения за основание решения принимается то из них, которое соединяет в себе наиболее голосов; при равенстве их отдается предпочтение мнению, принятому председателем суда, а если мнения разделились так, что голос председателя не может дать перевеса, то тому из равносильных по числу голосов мнений, которое снисходительнее к участи подсудимого»²⁶.

И, вкратце, о предложении авторов законопроекта, связанном с «введением до-

²³ Записка Государственной Канцелярии об основных началах судоустройства и судопроизводства гражданского и уголовного. 1862. С. 134.

²⁴ Цит. по тексту, размещенному на: <http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/>

²⁵ Судебные уставы 20 ноября 1864 года с изложением рассуждений, на коих они основаны. Выпуск 2, С. 32.

²⁶ Цит. по тексту, размещенному на: <http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/>

²⁰ Судебные уставы 20 ноября 1864 года с изложением рассуждений, на коих они основаны. Выпуск 2, С. 202.

²¹ Судебные уставы 20 ноября 1864 года с изложением рассуждений, на коих они основаны. Выпуск 2, С. 222.

²² Духовской М. В. Русский уголовный процесс. Издание для студентов. – М., 1910.

полнительных требований в отношении должностных лиц, уполномоченных осуществлять от имени государства уголовное преследование»²⁷. Согласно пояснительной записке «им предписывается сохранять объективность и беспристрастность, не допуская обвинительного уклона в доказывании. Кроме того, для этих лиц предусматривается обязанность тщательно и всесторонне исследовать и оценивать обстоятельства, оправдывающие обвиняемого (подозреваемого) или смягчающие его наказание, и оценивать их наравне с обстоятельствами, изобличающими обвиняемого (подозреваемого) или отягчающими его наказание»²⁸. Действительно, в соответствии с Уставом уголовного судопроизводства 1864 г. следователь в ходе своей деятельности должен был сохранять объективность – статья 265 гласила: «При производстве следствия судебный следователь обязан с полным беспристрастием приводить в известность как обстоятельства, уличающие обвиняемого, так и обстоятельства, его оправдывающие». Однако ключевые слова здесь – судебный следователь. Как уже отмечалось выше, для целей отделения власти административной (обвинительной) от власти судебной и создания в России самостоятельного и независимого суда была заимствована континентальная система судопроизводства, причем ее французская модель, где следствие проводилось следственным судьей.

При разработке нового Устава уголовного судопроизводства, в связи с сохранением розыскного характера предварительного расследования, составители попытались придать данной стадии процесса характер судебной деятельности. При этом предварительное следствие поручалось судебному следователю, который имел должность служащего суда и находился в организационном и процессуальном подчинении окружного судьи. Именно за судом было закреплено право принятия основополагающих решений по делу, а при отсутствии фигуры защитника на предвари-

тельном следствии, «судебные следователи, подобно следственному судье во Франции, соединяли в себе функции и судьи, и обвинителя, и защитника».²⁹ Такое процессуальное положение судебного следователя объясняло необходимость для него сохранять объективность. В настоящее время, когда следователь выполняет функцию уголовного преследования, а состязательные начала процесса частично перенесены на стадию предварительного расследования (допуск защитника с момента задержания, ареста или предъявления обвинения; право защитника участвовать в проведении следственных действий, в которых участвует обвиняемый, проводить опросы и собирать материалы), уже невозможно говорить о сохранении следователем какой-либо объективности и беспристрастности.

В заключение хотелось бы еще раз подчеркнуть, что судебная реформа 1864 г. коренным образом изменила уголовное судопроизводство. Уставы 1864 г. заложили основу формирования новой исторической модели уголовного процесса, построенной на принципах гласности, устности, состязательности, равноправия сторон, презумпции невиновности. В недрах самодержавного строя зародились такие принципы и институты уголовной юстиции, которые позволили поставить во главу угла судебную власть, как самостоятельную и независимую ветвь государственной власти. Конечно же, составителям Уставов пришлось реформировать довольно архаичную судебную систему, и им не сразу удалось создать идеальную (тем более уж – «традиционную») модель уголовного процесса, однако произведенные преобразования были действительно передовыми, и не только для данного периода в истории нашей страны. До настоящего времени очень многие положения законодательства того периода являются актуальными, а его составителей можно назвать гораздо более прогрессивными, чем некоторых теперешних законодателей.

Библиография

1. Духовской, М. В. Русский уголовный процесс. Издание для студентов. – М., 1910 – 448 с.
2. Духовской, М. В. Понятие клеветы как преступления против чести частных лиц по русскому праву (по изданию 1873 года). – М.: Статут, 2004. – 409 с.
3. Фойницкий, И. Я. На досуге. Сборник юридических статей и исследований с 1870 г. Т. 2. (по изданию 1893 года). – М.: Статут, 2005. – 411 с.

²⁷ Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу», С. 6.

²⁸ Там же.

²⁹ Случевский В.К. Учебник русского уголовного процесса. Введение. Ч.1. Судоустройство. – М., 2008. – С.302.

4. Случевский, В. К. О значении опытного, научного и философского знания в практике судьи (по изданию 1904 года). – М.: Статут, 2003. – 93 с.
5. Tehan V. United States ex. rel. Shott, 382 US. 406, 416 (1966).
6. Случевский, В.К. Учебник русского уголовного процесса. Введение. Ч.1. Судостроительство. – М., 2008.
7. Розин, Н. Н. Уголовное судопроизводство. – Петроград, 1914. – С. 497–498.
8. Случевский, В.К. Учебник русского уголовного процесса. Введение. Ч.1. Судостроительство. – М., 2008. – С. 302.
9. Юй Ишэн. Юридическая истина в определении сущности предмета доказывания // LEX RUSSICA. – 2014. – 1. – С. 58–66. DOI: 10.7256/1729-5920.2014.1.10286.
10. Прохоров М.М. Истина и действительность // Философские исследования. – 2013. – 6. – С. 293–387. DOI: 10.7256/2306-0174.2013.6.333.
11. Жамборов, М.С. Конституционный принцип состязательности как способ аргументированного обоснования правовой позиции сторон в российском судопроизводстве // Актуальные проблемы российского права. – 2013. – 4. – С. 424–432.

References

1. Dukhovskoi, M. V. Russkii ugovolnyi protsess. Izdanie dlya studentov. – М., 1910–448 s.
2. Dukhovskoi, M. V. Ponyatie klevery kak prestupleniya protiv chesti chastnykh lits po russkomu pravu (po izdaniyu 1873 goda). – М.: Statut, 2004. – 409 s.
3. Foinitskii, I. Ya. Na dosuge. Sbornik yuridicheskikh statei i issledovaniy s 1870 g. T. 2. (po izdaniyu 1893 goda). – М.: Statut, 2005. – 411 s.
4. Sluchevskii, V. K. O znachenii opytnogo, nauchnogo i filosofskogo znaniya v praktike sud'i (po izdaniyu 1904 goda). – М.: Statut, 2003. – 93 s.
5. Tehan V. United States ex. rel. Shott, 382 US. 406, 416 (1966).
6. Sluchevskii, V. K. Uchebnik russkogo ugovolnogo protsessa. Vvedenie. Ch.1. Sudoustroistvo. – М., 2008.
7. Rozin, N. N. Ugolovnoe sudoproizvodstvo. – Petrograd, 1914. – S. 497–498.
8. Sluchevskii, V.K. Uchebnik russkogo ugovolnogo protsessa. Vvedenie. Ch.1. Sudoustroistvo. – М., 2008. – S. 302.
9. Yui Ishen. Yuridicheskaya istina v opredelenii sushchnosti predmeta dokazyvaniya // LEX RUSSICA. – 2014. – 1. – С. 58–66. DOI: 10.7256/1729-5920.2014.1.10286.
10. Prokhorov, M.M. Istina i deistvitel'nost' // Filosofskie issledovaniya. – 2013. – 6. – С. 293–387. DOI: 10.7256/2306-0174.2013.6.333.
11. Zhamborov, M.S. Konstitutsionnyi printsip sostyazatel'nosti kak sposob argumentirovannogo obosnovaniya pravovoi pozitsii storon v rossiiskom sudoproizvodstve // Aktual'nye problemy rossiiskogo prava. – 2013. – 4. – С. 424–432.

Материал поступил в редакцию 27 февраля 2014 г.

В.С. Балакшин*

ИНСТИТУТ НАПРАВЛЕНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ ДЛЯ ПРОИЗВОДСТВА ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ: АРГУМЕНТЫ «ЗА» И «ПРОТИВ»

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы возвращения института дополнительного расследования в действующий УПК РФ. В опубликованных статьях авторов, выступающих против института направления дел судом для дополнительного расследования, приводятся только аргументы, которые свидетельствуют о нецелесообразности сохранения данного института. В данной статье предлагается более объективно исследовать положительные и отрицательные моменты, характеризующие данный институт. Подробно анализируются доводы таких авторов, как Б. Я. Гаврилов, В. А. Лазарева и других. Приводятся контраргументы, подтверждающие необходимость предусмотреть в уголовно-процессуальном законе институт возвращения судом дел для производства дополнительного расследования. Высказываются соображения, изучив ранее действующие основания возвращения дел для дополнительного расследования, сформулировать иные основания, которые бы позволили устранять допущенные органами расследования ошибки и нарушения в разумные сроки. Сравнительный анализ Устава уголовного судопроизводства 1864 года и действующего уголовно-процессуального законодательства: методы исторического анализа, сравнительного правоведения. В статье формулируются дополнительные аргументы за возвращение института дополнительного расследования в УПК РФ. На основе анализа доводов авторов, придерживающихся позиции отказаться от данного института в российском уголовно-процессуальном законодательстве, приводятся теоретические и логические аргументы, свидетельствующие о возможности и необходимости реанимации данного института в российском уголовно-процессуальном законе. Выводы подтверждаются данными статистики возвращения уголовных дел судами, когда в ходе дополнительного расследования устранялись допущенные нарушения, восстанавливались права и интересы участников процесса, а дело при повторном рассмотрении в суде разрешалось в разумные сроки. Вывод: исследовать более глубоко данный институт, уточнить основания возвращения судом дел для дополнительного расследования, реанимировать данный институт в российском уголовном процессе.

Ключевые слова: Уголовный процесс, Институт направления дел, Основания направления дел, Аргументы против, Разумные сроки, Прав и свобод, Аргументы за, Сравнительный анализ, Формулирование оснований, Причины направления.

DOI: 10.7256/1994-1471.2014.4.11145

Одной из неожиданных новелл вступившего в действие с 01 июля 2002 г. УПК РФ, как известно, явилось полное аннулирование института направления судами уголовных дел для производства дополнительного расследования. Института, который длительный период времени позволял исправлять самые разные по своей сути ошибки органов предварительного расследования, прокуратуры и нижестоящих судов, кстати, обусловленных, в том числе, ненадлежащим исполнением

своих обязанностей отдельными представителями названных органов. Исправлять, заметим, не нарушая, а, напротив, восстанавливая права и законные интересы не только лиц, пострадавших от преступных посягательств, но и привлеченных к уголовной ответственности за тяжкие и особо тяжкие преступления.

Надо полагать, был «списан» как рудимент советской эпохи в угоду западных экспертов. А напрасно. Как напрасно и то, что большая группа ученых и практических работников

© Балакшин Виктор Степанович

* Доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса, Уральская государственная юридическая академия
[up@usla.ru]

620034, Россия, г. Екатеринбург, ул. Колмогорова, д. 54.

считает такое решение абсолютно правильным, а противников своей позиции в лучшем случае консерваторами.

Между тем данный институт – не изобретение советского законодателя, которого по разным причинам в последние два десятилетия пытаются представить эдаким монстром, ставившим своей целью как можно больше и любой ценой ограничить права и свободы личности. С точки зрения чистоты научных исследований хотя бы здесь следовало оценивать указанное обстоятельство объективно, преломляя результаты оценки через призму различных периодов и складывающейся в стране и на международном уровне ситуации. Так вот, институт возвращения уголовных дел для производства дополнительного расследования известен и российскому дореволюционному уголовному судопроизводству. Он был предусмотрен Уставом уголовного судопроизводства 1864 г. Согласно ст. 512 Устава «В случае очевидной неполноты произведенного следствия, не представляющей возможности составить правильное заключение о существе дела, прокурору предоставляется право или потребовать дополнительные сведения, или обратиться к доследованию»¹. Во второй главе Устава предусматривался аналог настоящего института судебного доследования. В ст. 534 говорилось следующее: «Признав следствие достаточно полным и произведенным без нарушения существенных форм и обрядов судопроизводства, палата постановляет окончательное определение о предании суду или о прекращении дела, а в противном случае обращает его к доследованию или законному направлению». В соответствии со ст. 536 судебной палате предписывалось в случае если при рассмотрении следствия она признает, что «лицо, навлекшее на себя подозрение, не было привлечено к делу или что обвиняемый в одном преступлении навлекает на себя подозрение еще и в другом, то поступает по правилам, постановленным в статьях 515 и 516-й». В статьях 515 и 516 Устава предусматривалось, выражаясь современным процессуальным языком, право суда принять одно из двух решений: а) направить уголовное дело для производства дополнительного расследования с целью установить все эпизоды преступной деятельности и всех лиц, причастных к преступлению, инкриминированному обвиняемому; б) придать данному делу дальнейшее «законное направление», одновременно выделив материалы по неисследованным эпизодам и (или) в отношении других лиц в отдельное производство². Таким

образом, в указанном кодифицированном законе содержались разумные и здравые положения, позволявшие устранять допущенные при расследовании уголовных дел ошибки и нарушения, выразившиеся, в том числе, в неполноте проведенного следствия.

Право и, более того, необходимость направления судом уголовного дела для производства дополнительного расследования предусматривались в Декрете от 7 марта 1918 г. № 2 «О суде», в Декрете ВЦИК от 30 ноября 1918 г. «О народном суде», а также в УПК РСФСР 1922 и 1923 гг.³. Так, в силу ч. 1 ст. 222 УПК РСФСР 1923 г. «Прокурор, получив в порядке статьи 105 Уголовно-процессуального кодекса материал дознания, рассматривает, является ли дело достаточно выясненным, и либо направляет дело для производства дополнительного дознания или для производства предварительного следствия, либо прекращает дело производством при наличии оснований, указанных в ст. ст. 4 и 202 Уголовно-процессуального кодекса, либо постановляет о предании обвиняемого суду»⁴. Статья 227 УПК РСФСР гласила: «Получив от следователя в порядке ст. 211 Уголовно-процессуального кодекса дело с обвинительным заключением, прокурор, признав следствие неполным, возвращает дело следователю с указанием на те обстоятельства, которые необходимо расследовать, каковое указание является для следователя обязательным». Суду право возвращать уголовные дела для производства дополнительного расследования предоставлялось в ст. ст. 233, 237, 238 УПК РСФСР.

УПК РСФСР 1960 г. развил институт дополнительного расследования, конкретизировав основания, по которым суд вправе был принять такое решение. В его части 1 ст. 232 предусматривалось, что суд в распорядительном заседании возвращает дело для дополнительного расследования в случаях: 1) неполноты произведенного дознания или предварительного следствия, которая не может быть восполнена в судебном заседании; 2) существенного нарушения уголовно-процессуального закона при производстве дознания или предварительного следствия; 3) наличия оснований для предъявления обвиняемому другого обвинения, связанного с ранее предъявленным, либо для изменения обвинения на более тяжкое или существенно отличающееся по фактическим обстоятельствам от обвинения, содержащегося в обвини-

³ См.: Конин В. В. Институт возвращения уголовных дел для производства дополнительного расследования: прошлое и настоящее // Адвокат. 2012, № 9.С. 21–23.

⁴ УПК РСФСР 1923 г.

¹ См.: СПС «Консультант Плюс».

² См.: СПС «Консультант Плюс».

тельном заключении; 4) наличия оснований для привлечения к уголовной ответственности по данному делу других лиц при невозможности выделить о них материалы дела; 5) неправильного соединения или разъединения дела. Полномочиями направить уголовное дело для дополнительного расследования были наделены кассационная и надзорная инстанции (ст. 348 ч. 2, ст. 378 п. 2 УПК РСФСР 1960 г.). Кроме того, такое же право предоставлялось судебной инстанции, рассматривавшей уголовное дело по вновь открывшимся обстоятельствам. В ст. 389 содержалось требование, согласно которому Президиум суда или Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР, рассмотрев дело по вновь открывшимся обстоятельствам, вправе были принять решение «об отмене приговора, определения или постановления суда и передаче дела для производства нового расследования или нового судебного разбирательства». К сожалению, в УПК РФ такой нормы длительное время не было, а редакция действующего с ... 2013 г. пункта 1.1 очень неконкретна и «застенчива» и не позволяет разрешать ситуаций, требующих после отмены судебных решений по новым или вновь открывшимся обстоятельствам направлять дело для дополнительного расследования.

Чем пришелся «не по душе и не по сердцу» институт дополнительного расследования его противникам? Почему они выступают против его возвращения в российский уголовный процесс даже по основаниям, которые, как нам представляется, более чем очевидны?

В обоснование своей позиции эти ученые приводят различные доводы, нередко ссылаясь на выводы, содержащиеся в Концепции судебной реформы, одобренной Верховным Советом РСФСР 24 июня 1991 года. Такой вывод в Концепции действительно был сделан, но не в отношении всего института. В разделе IV, названном ее составителями «ОСНОВНЫЕ ИДЕИ И МЕРОПРИЯТИЯ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ (подраздел 12. Уголовный процесс)» говорилось: «В пореформенном законодательстве должны отсутствовать все рудименты обвинительной роли суда, а именно: – право возбуждать уголовные дела; – обязанность суда направлять подсудимому копию обвинительного заключения; – обязанность восполнять пробелы предварительного расследования за счет самостоятельного поиска доказательств... – обязанность направлять уголовные дела на доследование при неполноте расследования...»⁵. Еще раз подчеркнем, что предлагалось отказаться не от института вооб-

ще, а от таких оснований возвращения уголовного дела для дополнительного расследования, которые выражались в *неполноте расследования*. Хотя и с этим предложением авторов Концепции без оговорки трудно согласиться.

Некоторые авторы, обосновывая неприемлемость «существования» в российском уголовном процессе рассматриваемого института, ссылаются на решение Конституционного Суда РФ, признавшего не соответствующими Конституции РФ требования пп. 1 и 3 ст. 232 УПК РСФСР, одновременно упрекая его и Верховный Суд РФ в непоследовательности и фактическом возврате этого института в практику. Так, по мнению В. А. Лазаревой, свою лепту в воссоздание института возвращения судом уголовного дела для дополнительного расследования внесли Верховный Суд РФ и Конституционный Суд РФ. Анализируя конкретные решения названных судов, она отмечает, что их усилиями новый в УПК РФ институт возвращения дела прокурору, задуманный как средство быстрого устранения препятствий рассмотрения его судом, шаг за шагом превратился в привычное дополнительное расследование. То есть, заключает она, в средство продолжения и усиления обвинительной деятельности, устранения неполноты расследования, усматривая в этом нереализованность идеи разделения процессуальных функций между официальными субъектами уголовного судопроизводства с учетом принадлежности их к судебной или обвинительной власти, что и является корнем многих проблем правоприменительной практики⁶.

А. П. Кругликов аналогичным образом применительно к исследуемому институту оценивает деятельность законодателя. «Включенная в новый УПК РФ статья 237 под названием «Возвращение уголовного дела прокурору», – с сожалением пишет он, – первоначально особых опасений не вызывала... Однако в связи с внесением ряда изменений в ст. 237 УПК РФ суд фактически получил право направлять уголовные дела для дополнительного расследования. Так, в связи с принятием Федерального закона от 2 декабря 2008 г. № 226-ФЗ утратили силу части 2, 4 и 5. Этими частями... устанавливался пятисуточный срок устранения допущенных нарушений, запрет на производство каких-либо следственных и иных процессуальных действий, не предусмотренный ст. 237 УПК РФ, содержалось требование о признании недо-

⁵ См.: Концепция судебной реформы в Российской Федерации / Сост. С. А. Пашин. – М.: Республика, 1992. С. 85, 93.

⁶ См.: Лазарева В. А. Проблема возвращения судом уголовного дела для дополнительного расследования в свете состязательности // Уголовно-процессуальное право. Актуальные проблемы теории и практики: учебник для магистров / под ред. В.А. Лазаревой, А.А. Тарасова. – М.: Издательство «Юрайт», 2012. С. 177.

пустимыми доказательств, полученных по истечении пятисуточного срока, либо при производстве процессуальных действий, не предусмотренных ст. 237 УПК РФ»⁷.

Одним из убежденных и непреклонных сторонников забвения названного института является Б. Я. Гаврилов. В статье, посвященной памяти уважаемой П. А. Лупинской, он привел ряд справедливых и обоснованных аргументов, указывающих на минусы исследуемого института. Так, вряд ли можно возразить против того, что нередко фактическим препятствием для реализации принципа о доступе граждан к правосудию и разумных сроках его осуществления является институт судебного доследования. Согласно данным, приведенным автором, в 1995–2001 гг. судами ежегодно направлялось «для дополнительного расследования от 42, 5 до 52, 8 тыс. уголовных дел, по которым арестовывалось 20 тыс. граждан»⁸. Далее Б.Я. Гаврилов в отдельном разделе статьи приводит несколько доводов за исключение из УПК РФ рассматриваемого института. Все они состоятельны, большинство подкреплены данными судебной и прокурорско-следственной практики. Разве можно, например, возразить против того, что «институт доследования использовался и в случаях, когда судья не желал (в силу различных причин) брать на себя ответственность за разрешение уголовного дела, в том числе и за вынесение оправдательного приговора». Или с тем, что за решениями судьи о направлении дела для производства дополнительного расследования «нередко скрывалась допущенная судами волокита»⁹. Бесмысленно возражать и против такого аргумента, что в ряде случаев доследование использовалось «как способ «развала» уголовного дела»¹⁰.

Однако ни названные справедливые претензии к институту направления судом уголовных дел для производства дополнительного расследования, ни неразрешенность в УПК РФ двух ситуаций, на наличие которых в уголовно-процессуальном законе обоснованно ссылается Б. Я. Гаврилов, недостаточны, по нашему мнению, для того, чтобы отказаться

от данного института. Настораживает и то обстоятельство, что противниками института дополнительного расследования проблема исследуется односторонне. Пытаясь убедить читателей в обоснованности своей позиции, они приводят только те данные, которые свидетельствуют о недостатках и порочности этого института. Между тем анализируемый институт может и должен быть показан с другой, обратной стороны. Однако никто из упомянутых авторов не привел, например, данные о том, сколько уголовных дел после производства дополнительного расследования было повторно направлено в суд и успешно рассмотрено с вынесением законного и обоснованного приговора или иного судебного решения. Не приводят данные и о том, сколько обвиняемых освобождено от уголовной ответственности или их действия переквалифицированы на более мягкие статьи УК по причине того, что преступления, которые им инкриминировались первоначально, были совершены другими лицами и при дополнительном расследовании именно эти лица были привлечены к уголовной ответственности. Не приводятся данные о том, скольким обвиняемым было восстановлено право на защиту, право давать показания на родном языке и пользоваться переводчиком. О восстановленных правах потерпевших, гражданских истцов и их представителей говорить стало не то чтобы несовременно, но даже чуть ли не цинично. А это вообще – своеобразный нонсенс современной России. Между тем, подобных положительных примеров немало и, пожалуй, больше, чем негативного характера. Об этом свидетельствуют данные, приведенные в обзоре Верховного Суда РФ «О практике направления уголовных дел для дополнительного расследования», опубликованного в 1999г. В нем говорится дословно следующее: «На протяжении многих лет стабильными остаются такие показатели: в среднем в год судами направляется на дополнительное расследование 10 процентов от общего количества поступивших дел; прокурорами опротестовывается около 20 процентов определений судов о направлении дел для дополнительного расследования; удовлетворяется 60 процентов протестов. Согласно статистике примерно 10 процентов от направленных для дополнительного расследования дел впоследствии прекращается органами дознания и предварительного следствия. Это свидетельствует о том, – констатируется в обзоре, – что, как правило, суды обоснованно направляли дела для дополнительного расследования»¹¹. Учитывая

⁷ Кругликов А.П. Концепция судебной реформы в Российской Федерации и возвращение судом уголовного дела на дополнительное расследование // Российская юстиция. 2013. № 10. С. 37– 38.

⁸ См.: Гаврилов Б. Я. Научная позиция П. А. Лупинской об институте судебного доследования // Доказывание и принятие решений в современном уголовном судопроизводстве. Мат-лы Межд. Науч. – практ. конфер., посвященной памяти д.ю.н., проф. П. А. Лупинской: Сб. науч. тр. – М.: ООО «Изд-во «Элит», 2011. С. 12.

⁹ См.: Гаврилов Б. Я. Указ. соч. С. 13.

¹⁰ См.: Гаврилов Б. Я. Указ. соч. С. 13.

¹¹ См.: СПС «КонсультантПлюс».

названные сведения, проведем расчеты применительно к 1998 г. В этом году в суд, по приведенным Б. Я. Гавриловым данным, направлено 1.147.839 уголовных дел. Следовательно, из них направлено для производства дополнительного расследования, округлим, 114.000 дел. По протестам прокуроров в суд возвращено с учетом процента удовлетворения протестов примерно 14.000. Из 100.000 оставшихся уголовных дел примерно 10.000 было прекращено органами дознания и предварительного следствия. Но 90.000 уголовных дел, за редким исключением повторных возвратов, нашли свое разрешение в суде и по ним постановлены законные и обоснованные приговоры. А, следовательно, тысячам граждан, включая не только потерпевших, но прежде всего обвиняемых, были восстановлены их права и законные интересы, которые оказались нарушенными при первоначальном расследовании. Не следует думать и о том, что при прекращении возвращенных судом на доследование уголовных дел органы расследования руководствовались только своими негативными, статистическими интересами.

Кроме того, совсем неправильно упускать из вида еще одно обстоятельство, которое автор настоящей статьи в свое время ощущал на своих следовательских плечах и профессиональном имидже: служебную и психологическую ответственность за судьбу дела. Направление уголовного дела судом следователю для производства дополнительного расследования расценивалось как серьезный брак в работе. И не потому, что могло отрицательно отразиться на карьере следователя, а потому что в душе любого нормального следователя это вызывало чувство неудовлетворенности своей деятельностью, если хотите, чувство профессиональной неполноценности. Последнее, пожалуй, и являлось самым большим стимулом работать добросовестно, оперативно, но соблюдая требования уголовно-процессуального закона. Отсюда вывод: затронутую проблему необходимо изучить глубже и всесторонней, без каких-либо эмоций, всегда приносящих больше вреда, нежели пользы, в том числе в научных изысканиях. Безусловно, рассматриваемый институт, предусмотренный в УПК РСФСР, был не без недостатков. Да, он использовался и органами предварительного расследования, и прокурорами, и судами для «улучшения» статистических отчетов. И даже для сокрытия серьезных нарушений уголовно-процессуального закона. Но разве это, позвольте спросить, дозволенный и честный аргумент для того, чтобы ратовать за отказ от данного института вообще. Собственно, как и любого другого, или, например, целой стадии.

Институт апелляционного обжалования судебных решений, выносимых мировыми судьями, имел немало недостатков. Однако это не помешало его сохранить и, более того, распространить практически на все уголовные дела, за исключением случаев, предусмотренных в ст. 389.27 УПК РФ. На стадии предварительного расследования допускается немало нарушений уголовного и уголовно-процессуального закона, в том числе серьезных, на что и ссылается названный автор. Из судов прокурорам в порядке ст. 237 УПК РФ для устранения нарушений закона, препятствующих рассмотрению дела в суде, ежегодно направляются тысячи уголовных дел. Разве данные институты не препятствуют реализации принципов доступа граждан к правосудию и рассмотрению дел в разумные сроки? Ответ представляется очевидным. Но данные институты плохо или хорошо позволяют решать задачи, стоящие перед уголовным судопроизводством. В них есть недостатки. Но это не основание от них отказываться вообще. Вопрос в другом. Несовершенство закона необходимо устранять, может быть, даже путем разработки и принятия новой модели УПК РФ, что уже не раз предлагалось¹². Если же следовать логике сторонников отказа от института дополнительного расследования, то так можно договориться до отказа и от стадии возбуждения уголовного дела, и от стадии предварительного расследования. Ибо обе требуют времени для собирания, проверки и оценки доказательств, нередко длительного, а следовательно, увеличивают самые разумные сроки, которые, к слову, никто не определил и вряд ли сможет определить. Не сможет по той причине, что в принципе нет, и не может быть, одинаковых дел, также как нет одинаковых следователей. А если это так, то не может быть и сколько-нибудь одинаковых сроков.

Изложенное, а также ряд других обстоятельств дают основания для вывода о том, что предназначением института направления уголовных дел судом для производства дополнительного расследования является решение своих специфических задач, которые не может в действующей модели российского уголовного процесса решить ни один другой институт. Кроме, пожалуй, института возобновления уголовных дел по новым или вновь открывшимся обстоятельствам. Но об этом противни-

¹² См., например: Халиулин А. Г. Уголовно-процессуальный кодекс РФ: требуется новая редакция // Материалы Международной науч. – практ. конференции «Актуальные проблемы уголовного судопроизводства: вопросы теории, законодательства, практики применения» (к 5-летию УПК РФ). М., 2007. С. 99–103.

ки анализируемого института, к сожалению, также умалчивают.

Между тем объективные исследования требуют всестороннего анализа «за» и «против». В этой связи несколько странным представляется довод о том, что позиция сторонников института дополнительного расследования обусловлена их настоящей или прошлой принадлежностью к суду или органам прокуратуры. Так, Б.Я. Гаврилов пишет дословно следующее: «Но особенно активно за восстановление в УПК РФ института возвращения судом уголовных дел для дополнительного расследования выступают представители прокуратуры и отдельные судьи. По своей сути их доводы о необходимости института доследования сводятся к практическим ситуациям, связанным с необходимостью изменения обвинения на более тяжкое, например, с ч. 2 ст. 111 УК РФ на ч. 4 данной статьи в связи со смертью потерпевшего после направления уголовного дела в суд, о чем указывает Т. Л. Оксюк, или в связи с необходимостью переквалификации действия подсудимого с ч. 1 ст. 105 УК РФ на ч. 2 данной статьи, чем обосновывает свое мнение В. П. Дегтярев. Однако они опять наступают на те же «грабли» – запрет Конституционного Суда РФ дополнения ранее предъявленного обвинения и перепредъявления обвинения на более тяжкое, изложенный в указанном Постановлении от 8 декабря 2003 г.»¹³. Позволим себе возразить данным доводам.

Представляется, что Т. Л. Оксюк и другие представители прокуратуры (автор также бывший работник прокуратуры) и суда выступают за восстановление прав института судебного доследования, во-первых, не в силу своего отношения к ведомству, а поскольку есть проблема. Проблема серьезная и, к сожалению, осложненная при принятии УПК весьма легким к ней отношением законодателя. Во-вторых, оценивать доводы указанных «представителей» как сводящиеся к практическим ситуациям – явное преувеличение. Здесь надо, что называется, просто захотеть за практической ситуацией разглядеть проблему. А проблема всегда есть там, где, по нашему мнению, один пример из правоприменительной практики как в зеркале отражает типичную (негативную или позитивную) тенденцию. Причем такую, если она негативная, которая нередко порождает процессуальные тупики. Т. Л. Оксюк приводит один из таких примеров. А каким образом можно возразить и дать четкий ответ И. В. Жеребятьеву? Анализируя правовую позицию Конституционного Суда РФ, изложенную в упомянутом

Б. Я. Гавриловым Постановлении от 8 декабря 2003 г., он справедливо пишет, что в ней (позиции) «имеется очень существенное противоречие, не позволяющее в принципе что-либо изменить посредством подобного возвращения уголовного дела прокурору» (без выполнения пробелов предварительного расследования – Б.В.С.). «Как, – поясняет он далее свой вывод, – можно устранить такие нарушения уголовно-процессуального закона, допущенные на предварительном расследовании, как, например: отсутствие в деле постановления о возбуждении уголовного дела или о принятии его к производству; отсутствие в деле постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого»¹⁴. Данный список можно продолжить другими примерами. Достаточно вспомнить о том, как использовали особенности возбуждения уголовного дела и привлечения в качестве обвиняемого некоторые депутаты разных уровней и члены участковых избирательных комиссий, раскрывая свой статус только при рассмотрении дела в суде. Каковы последствия данной ситуации, думается, раскрывать нет необходимости, они очевидны.

Оценивая изложенное в совокупности, есть основание заключить, что исследуемый и преследуемый институт российского уголовного судопроизводства необходимо возрождать.

Во-первых, он принципиально не противоречит Конституции РФ. Напомним правовую позицию Конституционного Суда РФ, сформулированную в Постановлении от 20 апреля 1999г. № 7–П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 3 части первой статьи 232, части четвертой статьи 248 и части первой статьи 258 УПК РСФСР в связи с запросами Иркутского районного суда Иркутской области и Советского районного суда города Нижний Новгород». В п. 1 данного Постановления сказано дословно следующее: «Положения пунктов 1 и 3 части первой статьи 232 и части первой статьи 258 УПК РСФСР, как возлагающие на суд обязанность по собственной инициативе возвращать уголовное дело прокурору в случае не исполнимой в судебном заседании неполноты расследования, а также при наличии оснований для предъявления обвиняемому другого обвинения либо для изменения обвинения на более тяжкое или существенно отличающееся по фактическим обстоятельствам от обвинения, содержащегося в обвинительном заключении, признать не соответствующими Конституции Российской Федерации, ее статьям 49 и 123 (часть 3), а

¹⁴ Жеребятьев И. В. Личность потерпевшего в современном уголовном судопроизводстве. Оренбург: РИК ГОУ ОГУ, 2004. С. 144, 145.

¹³ Гаврилов Б. Я. Указ. соч. С. 18.

также статьям 46 (часть 1) и 52»¹⁵. По нашему мнению, позиция Конституционного Суда РФ изложена достаточно четко и ее должны были воспринять и разработчики УПК РФ, и законодатель. Институт дополнительного расследования имел полные основания сохранить свой статус, но с ограничениями, касающимися права суда возвращать уголовные дела прокурору для организации дополнительного расследования *по инициативе суда*. Что касается возвращения прокурору дел для дополнительного расследования по инициативе сторон, то это право суда признано Конституционным Судом РФ соответствующим Конституции РФ.

Объективную и научно-обоснованную позицию, на наш взгляд, по данному вопросу занял Верховный Суд РФ. В постановлении Пленума «О практике применения судами законодательства, регламентирующего направление уголовных дел для дополнительного расследования» от 08 декабря 1999 г. Верховный Суд дал судам достаточно четкие установки, какие решения следует применять при необходимости применения законодательства, регламентирующего направление уголовных дел для дополнительного расследования. В Постановлении разъяснялось: «2. При решении вопроса о возвращении дела для дополнительного расследования судам следует иметь в виду, что в соответствии с Постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 20 апреля 1999 г. № 7–П положения пунктов 1 и 3 части 1 статьи 232 и части 1 статьи 258 УПК РСФСР, как возлагающие на суд обязанность по собственной инициативе возвращать уголовное дело прокурору в случае не восполнимой в судебном заседании неполноты расследования, а также при наличии оснований для предъявления обвиняемому другого обвинения либо для изменения обвинения на более тяжкое или существенно отличающееся по фактическим обстоятельствам от обвинения, содержащегося в обвинительном заключении, признаны не соответствующими Конституции Российской Федерации, ее статьям 49 и 123 (часть 3), а также статьям 46 (часть 1) и 52. По смыслу данного Постановления суд не вправе по собственной инициативе возвращать дело для дополнительного расследования и в случае, если имеется основание для привлечения к уголовной ответственности по этому делу других лиц при невозможности выделить о них материалы дела (пункт 4 части 1 статьи 232 УПК РСФСР).

3. Направление дел на дополнительное расследование по основаниям, предусмотренным пунктами 2 и 5 части 1 статьи 232 УПК РСФСР

(существенное нарушение уголовно-процессуального закона органами дознания или предварительного следствия; неправильное соединение или разъединение дел), может быть осуществлено также по инициативе самого суда как при судебном разбирательстве, так и на стадии назначения судебного заседания. Указанное положение в равной мере относится к деятельности не только суда первой инстанции, но и судов кассационной и надзорной инстанций.

4. Обратит внимание судов на то, что возвращение дела для дополнительного расследования по основаниям, предусмотренным пунктами 1, 3 и 4 части 1 статьи 232 УПК РСФСР, возможно лишь при наличии об этом ходатайства стороны»¹⁶.

Таким образом, в названных документах ни о каких дополнительных условиях, подобно тому, «если возвращение дела не связано с восполнением неполноты проведенного дознания или предварительного следствия» речи не велось. Строго говоря, не было для этого и оснований. Ибо не вытекало из положений Конституции РФ, а в рамки здравого смысла и необходимости обеспечить, с одной стороны, доступ потерпевшего к правосудию, а с другой, права и интересы обвиняемого, подсудимого на защиту, на объективное и справедливое рассмотрение дела независимым, в частности, от органов предварительного расследования и прокурора, судом не вписывалось. Пришлось обращаться к нормам Международного права и вырывать из них нормы, гарантирующие подозреваемым, обвиняемым, подсудимым на рассмотрение уголовного дела в разумные сроки.

Во-вторых, данный институт позволяет на законных основаниях, не делая, как в народе говорят, хорошую мину при плохой игре, разрешать патовые с точки зрения действующего УПК РФ ситуации. Например, когда в суде устанавливается, что преступление, инкриминируемое А., совершил Б., а А. – укрывательство и ему необходимо инкриминировать совершение этого преступления. В соответствии с частями 1, 1.1, 1.2 ст. 237 УПК РФ в действующей на настоящий момент редакции вернуть дело для перепредъявления А. и Б. обвинения, их допроса в качестве обвиняемых, выполнения других следственных и иных процессуальных действий суд не вправе. Ни по собственной инициативе, ни по ходатайству сторон. К сожалению, описанная ситуация не может быть разрешена и после признания Конституционным Судом РФ ч. 1 ст. 237 УПК РФ не соответствующей Конституции РФ, так как в данном случае,

¹⁵ СЗ РФ. 1999. № 17. Ст. 2205.

¹⁶ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 2.

называя вещи своими именами, невозможно устранить нарушения без восполнения пробелов, допущенных при первоначальном расследовании. Ибо следует уточнять, детализировать действия и А., и Б., а следовательно, речь идет о восполнении пробелов проведенного ранее предварительного расследования.

Есть ли выход из этой ситуации? Если придерживаться позиции противников анализируемого института, действующих норм УПК РФ, то да. Суд вправе и обязан постановить заведомо незаконный и необоснованный приговор, руководствуясь пределами предъявленного обвинения и, в то же время, дополнительно полученными доказательствами. Проще говоря, либо оправдать и того, и другого. Либо Б. оправдать, а А. признать виновным в совершении менее тяжкого преступления, т.е. укрывательстве преступления. Хотя это будет незаконным решением, поскольку изложенные фактические обстоятельства, которые суд опишет в приговоре, будут существенно отличаться от описанных в обвинительном заключении. Возникает вопрос: что делать дальше? Расследовать вновь открывшиеся обстоятельства? Однако это не те обстоятельства, которые могут расследоваться в порядке главы 49 УПК. Они установлены в суде. Поэтому, по мнению противников института дополнительного расследования, в этой и ей подобной ситуациях следует оправдывать подсудимых и ставить точку. Принцип состязательности и гуманности восторжествует, преступники, познав вкус безнаказанности, продолжат преступную деятельность, а принцип неотвратимости ответственности продолжит оставаться в статусе декларации. Это, в свою очередь, не укладывается ни в какие рамки о понятии гуманности по отношению к правам потерпевших, общественным интересам и, более того, на определенном этапе господства такой уголовной политики поставит под угрозу общественную безопасность государства. В этом смысле следует отдать должное Конституционному Суду РФ, который не сразу, но все-таки пришел к необходимости разрешать вопросы, касающиеся конституционности норм УПК РФ, комплексно, во взаимосвязи с принципами и требованиями уголовного закона, норм и принципов Международного права. Ибо как-то однобоко выглядели ситуации, когда нормы уголовно-процессуального закона блокировали Уголовный кодекс РФ. Поэтому

вывод, сделанный в указанном постановлении Конституционного Суда, предстает логически выверенным и убедительным. Сделан в названном Постановлении и еще один вывод, на наш взгляд, концептуального характера и призванного напомнить всем исследователям, ради чего принималась Концепция судебной реформы, почему в ст. 1 Конституции РФ провозглашено, что Россия есть демократическое федеративное правовое государство. Он обозначает положение суда в государстве, которое должно учитываться при разработке и принятии любой нормы закона, в том числе норм УПК РФ. Суть его в том, что «Безусловное следование инициативе стороны обвинения или защиты, заявленному заинтересованным лицом ходатайству, которые всегда преследуют собственный процессуальный интерес, означало бы недопустимое ограничение самостоятельности суда как носителя публичной по своей природе судебной власти, осуществляемой самостоятельно, свободно и независимо от позиции той или другой стороны».

Можно приводить и другие аргументы в пользу возрождения института дополнительного расследования. Однако рамки статьи не позволяют этого сделать. Поэтому коротко сформулируем третий, обобщающий аргумент. Он вытекает из приведенных выше. По мнению автора, необходимо честно, не лукавя, не прикрываясь демократическими идеями признать, что институт дополнительного расследования есть один из нормальных, правовых механизмов устранения ошибок и нарушений уголовно-процессуального закона, допущенных органами предварительного расследования как неумышленно, так и умышленно, независимо от того, какие цели при этом преследовались. При этом следует иметь в виду, что данный механизм позволяет устранять существенные нарушения закона намного быстрее, нежели, например, институт возобновления уголовных дел по новым или вновь открывшимся обстоятельствам, а следовательно, отвечает положениям закона о рассмотрении уголовного дела в разумные сроки. Разумеется, нормы данного института необходимо сформулировать ясно и четко как с точки зрения оснований возвращения уголовного дела прокурору для организации дополнительного расследования, так и с точки зрения порядка выполнения решений суда, прокурора, руководителя следственного органа и т. д.

Библиография

1. Конин В. В. Институт возвращения уголовных дел для производства дополнительного расследования: прошлое и настоящее // Адвокат. 2012. № 9.
2. Концепция судебной реформы в Российской Федерации / Сост. С. А. Пашин. – М.: Республика, 1992.

3. Лазарева В. А. Проблема возвращения судом уголовного дела для дополнительного расследования в свете состязательности // Уголовно-процессуальное право. Актуальные проблемы теории и практики: учебник для магистров / под ред. В.А. Лазаревой, А.А. Тарасова. – М.: Издательство «Юрайт», 2012.
4. Кругликов А.П. Концепция судебной реформы в Российской Федерации и возвращение судом уголовного дела на дополнительное расследование // Российская юстиция. 2013. № 10.
5. Гаврилов Б. Я. Научная позиция П. А. Лупинской об институте судебного доследования // Доказывание и принятие решений в современном уголовном судопроизводстве. Мат-лы Межд. Науч. – практ. конфер., посвященной памяти д.ю.н., проф. П. А. Лупинской: Сб. науч. тр. – М.: ООО «изд-во «Элит», 2011.
6. Халиулин А. Г. Уголовно-процессуальный кодекс РФ: требуется новая редакция // Материалы Международной науч. – практ. конференции «Актуальные проблемы уголовного судопроизводства: вопросы теории, законодательства, практики применения» (к 5-летию УПК РФ). М., 2007.
7. Жеребятьев И. В. Личность потерпевшего в современном уголовном судопроизводстве. Оренбург: РИК ГОУ ОГУ, 2004.

References

1. Konin V. V. Institut vozvrashcheniya ugovolnykh del dlya proizvodstva dopolnitel'nogo rassledovaniya: proshloe i nastoyashchee // Advokat. 2012. № 9.
2. Kontseptsiya sudebnoi reformy v Rossiiskoi Federatsii / Sost. S.A. Pashin. – М.: Respublika, 1992.
3. Lazareva V. A. Problema vozvrashcheniya sudom ugovolnogo dela dlya dopolnitel'nogo rassledovaniya v svete sostyazatel'nosti // Ugolovno-protsessual'noe pravo. Aktual'nye problemy teorii i praktiki: uchebnik dlya magistrrov / pod red. V.A. Lazarevoi, A.A. Tarasova. – М.: Izdatel'stvo «Yurait», 2012.
4. Kruglikov A.P. Kontseptsiya sudebnoi reformy v Rossiiskoi Federatsii i vozvrashchenie sudom ugovolnogo dela na dopolnitel'noe rassledovanie // Rossiiskaya yustitsiya. 2013. № 10.
5. Gavrilov B. Ya. Nauchnaya pozitsiya P. A. Lupinskoi ob institute sudebnogo dosledovaniya // Dokazyvanie i prinyatie reshenii v sovremennom ugovolnom sudoproizvodstve. Mat-ly Mezhd. Nauch. – prakt. konfer., posvyashchennoi pamyati d.yu.n., prof. P. A. Lupinskoi: Sb. nauch. tr. – М.: ООО «izd-vo «Elit», 2011.
6. Khaliulin A. G. Ugolovno-protsessual'nyi kodeks RF: trebuetsya novaya redaktsiya // Materialy Mezhdunarodnoi nauch. – prakt. konferentsii «Aktual'nye problemy ugovolnogo sudoproizvodstva: voprosy teorii, zakonodatel'stva, praktiki primeneniya» (k 5-letiyu UPK RF). М., 2007.
7. Zherebyat'ev I. V. Lichnost' poterpevshego v sovremennom ugovolnom sudoproizvodstve. Orenburg: RIK GOU OGU, 2004.

Материал поступил в редакцию 26 февраля 2014 г.

В.Б. Ястребов*

ФУНКЦИИ ПРОКУРОРА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ (БЫЛОЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ: НЕКОТОРЫЕ УРОКИ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ 1864 ГОДУ)

Аннотация: В статье рассматриваются функции прокурора в уголовном процессе как важный и необходимый элемент обеспечения прав человека. Эти функции определяются как обязанность выполнения должностным лицом прокуратуры определенных видов процессуальной деятельности, выражающих государственно-правовое предназначение прокуратуры в обеспечении законности расследования преступлений и рассмотрения уголовных дел в суде. Проводится сравнительный правовой анализ полномочий прокурора в современном российском уголовно-процессуальном законодательстве и Уставе уголовного судопроизводства, Учреждении судебных установлений Российской Империи. Анализируются результаты Судебной реформы 1864 г., с которой связано становление российской школы государственных обвинителей. Методологическую основу проведенного сравнительно-исторического правового исследования составили диалектический метод и базирующиеся на нем общенаучные и специальные методы познания. Научная новизна статьи заключается в оригинальном взгляде автора на существующие проблемы обеспечения законности в российском уголовном судопроизводстве, роль прокурора в их обеспечении. Им убедительно, на основе анализа уголовно-процессуального законодательства Российской Империи и современной России обосновывается необходимость использования наработанного положительного опыта прокурорской деятельности, приводятся дополнительные аргументы ошибочности новелл Федерального закона от 5 июня 2007 года № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации», существенно сократившего полномочия прокурора.

Ключевые слова: полномочия прокурора, уголовный процесс, Учреждение судебных установлений, Устав уголовного судопроизводства, Судебная реформа, уголовное преследование, государственный обвинитель, Уголовно-процессуальный кодекс, генерал-прокурор, орган предварительного расследования.

DOI: 10.7256/1994-1471.2014.4.11224

1. Функции прокурора в уголовном процессе представляют собой обязанность выполнения должностным лицом прокуратуры определенных видов процессуальной деятельности, выражающих государственно-правовое предназначение прокуратуры в обеспечении законности расследования преступлений и рассмотрения уголовных дел в суде. Функциям прокурора принадлежит ведущая роль в установлении его правового статуса как участника уголовного судопроизводства. Основными признаками, характеризующими функцию прокурора, являются: (1) признание ее законом, (2) связь с решением задач уголовного судопроизводства, (3) процессуально-правовая природа, (4) эксклюзивный характер обеспечиваемой

ее деятельности, исключающий дублирование другими государственными и негосударственными структурами. Функции прокурора в уголовном процессе, как и сам уголовный процесс, сформировались не сразу. Их появлению в современном виде, как известно, предшествовала достаточно длительная история.

2. В России прокуратура возникла как орган государева надзора, непосредственно призванный следить за исполнением законов. Как отмечал известный историк прокуратуры, занимавший должность Генерал-прокурора в 1894–1905 гг., Н.В. Муравьев, учреждение Петром Великим при Сенате должности генерал-прокурора, которому были даны вспомогательные прокурорские чины при всех

© Ястребов Владислав Борисович

* Доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Заслуженный юрист Российской Федерации
[18031937@rambler.ru]

119991, Россия, ГСП-1, Москва, Ленинские горы, д. 1, корп. 13–14 (4-й учебный корпус).

присутственных местах, «сложилось под очевидным влиянием» шведского и французского образцов, наиболее последовательно выражавших сущность прокурорского надзора того времени. При этом Н.В. Муравьев обоснованно посчитал необходимым пояснить: «это было подражание, но из тех, которые необходимы и неизбежны в прогрессивном упорядочении и совершенствовании молодого строя, пользующегося для этого опытом более старых организаций; это было заимствование, но такое, которое имеет непреложное основание в общих всем цивилизующимся государствам юридических потребностях, и потому, будучи взято из одного, находит в другом второе отечество»¹. Высоко оценил должность главы российской прокуратуры – генерал-прокурора, выдающийся знаток русской истории В.О. Ключевский, назвав его «маховым колесом всего управления»². Уникальные надзорные свойства прокуратуры как государственно-правового института, цементирующего российскую государственность, получили развитие в важнейшем законодательном акте времен нахождения на императорском троне Екатерины II, имевшего название «Учреждения для управления губерниями». Определенный «Учреждениями» правовой статус губернского прокурора позволил ему на долгое время стать одной из ключевых фигур в системе государственного управления. Надо отдать должное крупнейшему ученому-процессуалисту И.Я. Фойницкому, с большой точностью охарактеризовавшему роль губернского прокурора: «В истории насаждения законности на русской почве институт губернских прокуроров имеет высокое значение. Он сослужил огромную службу для перехода от системы управления по личному усмотрению к системе управления подзаконного»³.

3. В качестве органа правительственного надзора прокуратура действовала вплоть до Судебной реформы 1864 г. Судебные уставы 1864 г., включая Учреждения судебных установлений, явились крупным и, безусловно, знаменательным событием не только в законодательной практике, но и всей социальной и политической жизни страны. С ними было связано устранение зависимости судов от губернаторов, внедрение в судопроизводство самостоятельного начала, создание стройной системы учреждений судебной власти, учреждение

суда присяжных, отмена теории формальных доказательств и др. Кардинально изменилось содержание деятельности прокуратуры. В уголовном судопроизводстве на нее было возложено выполнение двух функций: уголовное преследование и надзор (наблюдение) за законностью расследования преступлений. Организацию и порядок осуществления данных функций непосредственно регламентировали два из четырех законодательных актов, воплотивших главные нововведения судебной реформы: Учреждение судебных установлений (далее – Учреждение) и Устав уголовного судопроизводства (далее – УУС).

4. Учреждением судебных установлений утверждалась четкая система «лиц прокурорского надзора», состоявших при судах. К ним относились прокуроры и определенное «штатами» число товарищей прокурора (далее – прокуроры) при каждом окружном суде и при каждой судебной палате. В высшем судебном органе государства – Сенате – при его кассационных департаментах прокуратура была представлена обер-прокурорами и их товарищами (далее – прокуроры). Система организации и деятельности прокуроров и их товарищей согласно актам Судебной реформы основывалась на принципах единства и централизации, что, несомненно, при общей немногочисленности состава сотрудников, являлось важной предпосылкой эффективного выполнения возложенных на них функций. Принцип, согласно которому нижестоящие прокуроры подчиняются вышестоящему прокурору, действовал с момента создания прокуратуры. Действует он и в наше время. Иное дело – принцип единства в условиях «судебной прокуратуры», он особенно необходим, прежде всего, для обеспечения непрерывности судебного разбирательства (статья 131 Учреждения: «По всякому делу, производящемуся в суде гражданском или уголовном каждый прокурор может заменить своего товарища», статья 597 УУС: отлучка прокурора не прерывает судебного заседания при условии его замены другим прокурором).

В целом продуманно были определены требования, которым должны соответствовать претенденты на должности прокуроров и их товарищей. Это, прежде всего, обязательный надлежащий уровень профессиональной подготовки, о чем свидетельствовало наличие специального образования и стаж работы по юридической специальности: от четырех лет для товарища окружного прокурора до двенадцати лет для обер-прокурора кассационного департамента Сената. Данный подход к определению правил зачисления на должность прокуроров в принципе наблюдается и в современном законодательстве о прокуратуре

¹ Муравьев Н.В. Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности. М., 1889, С. 269–270.

² Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций. М.: ОЛМА-ПРЕСС Образование. 2004. С. 522.

³ Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1912. С. 523.

Российской Федерации, хотя прямой аналогии, имея в виду существенные отличия между реформенной прокуратурой и нынешней, разумеется, быть не может.

5. Устав уголовного судопроизводства, оправдывая свое процессуальное предназначение, серьезное внимание уделил регламентации полномочий прокурора по осуществлению функции уголовного преследования. Возбуждение уголовного дела прокурором (статья 297 УУС) считается законным поводом к «начатию предварительного следствия». И хотя, по существу, возбуждение уголовного дела не без оснований может считаться действием, не имеющим прямого отношения к изобличению лица, причастного к совершению преступления, и, соответственно, может рассматриваться как акт, нейтральный по отношению к уголовному преследованию, без права возбуждения уголовного дела реализация функции уголовного преследования становится затруднительной, а подчас фактически и невозможной. Возбуждение уголовного дела представляет собой условие, причем условие, необходимое для осуществления уголовного преследования. В этой связи нельзя не заметить не вполне понятное изменение в 2007 г. правового статуса прокурора в УПК Российской Федерации, лишившее его права возбуждения уголовного дела. Актуальность восстановления данного полномочия очевидна, в том числе и в сопоставлении с соответствующими положениями Устава уголовного судопроизводства. Чем скорее оно произойдет, тем лучше будет для государства.

В целях реализации функции уголовного преследования прокурор мог воспользоваться своим правом присутствовать при производстве всех следственных действий. Прокурор не лишен возможности сообщать следователю свое мнение о мере пресечения в виде заключения под стражу. В данных ситуациях выполнение функции уголовного преследования, когда прокурор своими требованиями направлял предварительное следствие на получение доказательств обвинительного свойства, доказательств, необходимых для своевременного и безупречного предъявления обвинения, функция уголовного преследования смыкалась с функцией надзора за законностью расследования. Но это уже специфика прокурорской деятельности, характеризующейся взаимосвязью и известной условностью разделения названных функций. На досудебных стадиях уголовного процесса осуществляемые прокурором функции уголовного преследования и надзора за исполнением законов органами дознания и предварительного следствия достаточно тесно соприкасаются между собой, но каждая из них, бесспорно, является

самостоятельной. Уголовное преследование направлено на выявление, изобличение и привлечение к уголовной ответственности лиц, совершивших преступления. Надзор ставит и решает задачу обеспечения точного и единообразного применения закона в ходе расследования преступлений и рассмотрения уголовного дела судом. При этом, используя право участия в производстве следственных действий и давая оценку принимаемым в уголовном судопроизводстве процессуальным решениям, прокурор обязан был следить за тем, чтобы процесс получения, исследования и оценки доказательств ориентировался на установление сведений как уличающих лица, совершившего, так и оправдывающих его.

6. Устав уголовного судопроизводства наделил прокурора широкими полномочиями по реализации функции уголовного преследования при поступлении к нему уголовного дела по окончании расследования. В случае неполноты произведенного следствия прокурор имел право «потребовать дополнительные сведения или обратиться к доследованию» (статья 512 УУС). По результатам изучения материалов уголовного дела при достаточности данных для представления дела в суд прокурор составлял заключение в форме обвинительного акта (статья 519 УУС), к которому прилагался список лиц, подлежащих вызову в суд. Если прокурор приходил к выводу о том, что дело должно быть прекращено, он отражал его в заключении о прекращении уголовного дела, которое также направлялось в суд (статьи 510, 523 УУС). Следует отметить обоснованность положения закона, устанавливающего, что при направлении обвинительного акта или заключения о прекращении дела прокурор был обязан изложить свое мнение «относительно пресечения обвиняемому способов уклоняться от суда», если считал нужным изменить или отменить какую-либо из принятых ранее против него мер (статья 524 УУС).

Осуществляя уголовное преследование в суде, прокурор представлял сторону обвинения. Ему надлежало принимать активное участие в судебном следствии с тем, чтобы не допустить ослабления обвинения, сформулированного в обвинительном акте. Вместе с тем при неподтверждении выводов предварительного следствия в суде прокурор имел право и, соответственно, обязанность отказаться от обвинения. Создатели УУС нашли для выражения этой мысли слова, отражающие самые положительные свойства человеческого характера: «Если прокурор находит оправдание уважительным, то обязан заявить об этом суду по совести» (статья 749 УУС). Учитывая особенности рассмотрения уголовных дел судом с уча-

стием присяжных заседателей, от прокурора требовалось с высокой степенью ответственности подходить к прениям сторон по завершении судебного следствия. В соответствии с требованиями закона обвинительная речь прокурора не должна быть односторонней, в ней следовало объективно и полно освещать обстоятельства рассматриваемого судом дела.

7. Прокурорам Уставом уголовного судопроизводства определялось широкое поле деятельности для реализации функции надзора за законностью предварительного следствия. Наряду с названным выше правом принимать участие во всех следственных действиях, прокурор имел возможность беспрепятственно знакомиться с материалами уголовного дела, давать обязательные для следователей указания о направлениях расследования, производстве конкретных следственных действий, получать уведомления о применении в качестве меры пресечения содержания под стражей и др.

Прокурорский надзор за законностью рассмотрения судами уголовных дел («за судебными установлениями и должностными лицами судебного ведомства») «сосредоточивался» в лице министра юстиции как генерал-прокурора (статья 254 Учреждения). При этом «чины прокурорского надзора по праву наблюдения за охранением законов» о выявленных нарушениях законов обязаны были сообщать председателям судебных палат или прокурорам палат, а прокуроры палат информировать о них министра юстиции как генерал-прокурора (статья 253 Учреждения). Обращает на себя внимание культура стиля реагирования судов на действия прокуроров по устранению выявленных нарушений: «Ни судебные места, ни председательствующие в оных не входят в обсуждение действий лиц прокурорского надзора, но о неправильных или противозаконных их поступках сообщают высшим чинам сего надзора по принадлежности или доводят до сведения министра юстиции (статья 252 Учреждения). По существу, надзорный характер носило участие прокурора в рассмотрении дел судами апелляционной и кассационной инстанций.

8. Сопоставляя современное положение прокурора в уголовном процессе с правовым статусом прокурора, определенном Учреждением судебных установлений, можно отметить их несомненную общность по ряду позиций. Прежде всего, это совпадение функций, выполняемых прокурорами, форм реализации функций уголовного преследования и надзора, связанных с принятием решений по делам, поступившим к прокурору по окончании следствия, форм участия прокурора в рассмотрении судами уголовных дел и, пожалуй, все. Различий

больше и здесь счет складывается не в пользу современной прокуратуры.

В результате Судебной реформы 1864 г., как свидетельствовал Н.В. Муравьев, прокурор, «оставаясь «стражем закона» ... сделался сильным государственным обвинителем»⁴. Одновременно Н.В. Муравьев констатировал: «Прежде участие прокурора в деле, почти незаметное при предварительном производстве, выступало лишь после постановления приговора или решения, в форме просмотра или пропуски журналов или протеста на них. Теперь же это участие, всегда предшествующее разрешению дела, ...по уголовным (делам – В.Я.) – в виде деятельного наблюдения и непосредственного уголовного преследования от самого его возникновения и до конца»⁵. Современная российская прокуратура нам для подобных выводов достаточных оснований пока не дает. В соответствии со статьей 37 УПК Российской Федерации прокурор является должностным лицом, уполномоченным осуществлять от имени государства уголовное преследование и надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия. Действующий УПК РФ в первые годы после вступления в силу достаточно корректно и ответственно подходил к определению статуса прокурора в досудебных стадиях. Положение изменилось после принятия Федерального закона от 5 июня 2007 года № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации», которым в систему регулирования уголовно-процессуальных отношений были привнесены существенные новеллы. С их помощью был кардинально осуществлен пересмотр положений, определяющих статус участников уголовного судопроизводства – прокурора, руководителя следственного органа, следователя, начальника подразделения дознания. В отношении прокурора трансформация его полномочий оказалась настолько заметной, что среди определенной части юристов даже возникло мнение чуть ли не о полной утрате им ключевых позиций в отношении органов предварительного следствия.

Действительно, значительная, и притом существенная часть, по праву относящихся, к компетенции прокурора полномочий оказались переадресованными руководителю следственного органа. В полном объеме полномочия прокурора, связанные с реализацией функций уголовного преследования и надзора

⁴ Муравьев Н.В. указ. соч., С.438.

⁵ Муравьев Н.В. указ. соч., С.438.

за процессуальной деятельностью сохранились только в отношении дознавателей. Кроме того, прокурор лишился права возбуждения уголовного дела, отстранения следователя от дальнейшего производства расследования, из компетенции прокурора почти на 3 года было исключено право отмены незаконных и необоснованных постановлений следователя и т.д. Говорить при таких условиях об активном наблюдении прокурора за следствием, скорее всего, не приходится. Также затруднительно утверждать о возможностях прокурора осуществлять уголовное преследование от его «возникновения и до конца». Уроки шестидесятых годов девятнадцатого столетия, что называется, не оказали должного влияния на наших законодателей.

9. С Судебной реформой связано становление российской школы государственных обвинителей. Несмотря на появление принципиально новой системы судов, новых форм судебной деятельности, в том числе публичного характера, в России за сравнительно короткий срок сформировался свой, особый тип государственного обвинителя: лишенный позы, не склонный к унижению лиц, оказавшихся на скамье подсудимых, следующий голосу закона, разума и совести, рассудительно и беспристрастно стремящийся к поиску и утверждению истины. Не случайно А.Ф. Кони, прослуживший не один год в должности прокурора и судьи, выделял в качестве черт русского типа обвинителей такие, как: спокойствие, отсутствие личного озлобления против подсудимого, опрятность приемов обвинения, чуждая возбуждению страстей и искажению данных манера поведения, отсутствие лицедейства в голосе, в жесте и способе держать себя в суде. Настолько корректно вели себя обвинители в процессе рассмотрения уголовных дел, что, наблюдая их со стороны, подчас трудно было применить к ним понятие должностного лица, осуществлявшего судебное преследование. Хорошим уроком для современных правоведов, особенно представляющих прокурорский корпус в суде, может служить следование традициям, основанным блестящей плеядой судебных ораторов, выступавших государственными обвинителями: П.А. Александрова, С.А. Андреевского, В.И. Жуковского и др.

10. Забвение положительных нововведений, достигнутых благодаря Судебной реформе 1864 г. отнюдь не мешает некоторым критикам прокуратуры превозносить допущенные реформаторами ошибки, связанные со значительным ограничением надзорной функции прокуратуры, которая, если не безусловно, то, тем не менее, вполне удовлетворительно осуществлялась «губернской» прокуратурой.

Вспомним оценку, которую дал этой «теневой» стороне реформы крупнейший российский судебный деятель А.Ф. Кони, который сказал: «Совершенное изменение в характере деятельности прокурора, придавая ему «обвинительную обособленность», быть может, и выходило красивым с теоретической точки зрения, но противоречило условиям нашей административной жизни и шло вразрез с потребностями нашего губернского строя»⁶.

Нелишне отметить, что акцентирование внимания в устных высказываниях и печатных трудах отдельных авторов на существенном ограничении в документах Судебной реформы сферы действия надзорной функции в целом, негативно отражается и на практике реализации функции надзора прокуратуры за законностью процессуальной деятельности органов дознания и предварительного следствия. Маскируемые лозунгами обеспечения независимости следователей от влияния прокуратуры, акции, направленные на ослабление правозащитного потенциала прокурорского надзора, могут привести и, по сути, уже приводят к общественно опасным последствиям в виде обострения криминогенной ситуации в стране. Прокурор, когда имел право свободного доступа к уголовным делам в прошлые годы, никогда не вмешивался в работу следователя, пока расследование осуществлялось в нормальном режиме, без нарушения законов. Но он не мог проявлять безразличие, если следствие шло ошибочным путем, заходило в тупик, если возникла реальная опасность утверждения атмосферы беззакония. Вот тогда и появлялись указания прокурора. Большинство следователей такое вмешательство воспринималось с пониманием, а нередко и с благодарностью.

Сейчас практика взаимоотношений следователя и прокурора выглядит иначе. Их общение в соответствии с действующим законодательством осуществляется при посредничестве руководителя следственного органа, что трудно признать нормальным. И здесь полезно вспомнить о нормах, содержащихся в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г., согласно которым прокурор не был связан с какими-либо препятствиями в получении нужной информации о ходе расследования, а следователь, который, между прочим, считался членом окружного суда, с большим вниманием относился к указаниям и рекомендациям прокурора.

Надзорные полномочия прокурора повышают его возможности более эффективно выполнять роль органа уголовного преследования. В свою очередь, именно осуществляемые проку-

⁶ Кони А.Ф. Собр. Соч. Т.5. М., 1968, С. 7.

рором действия по уголовному преследованию придадут наблюдению за исполнением законов органами дознания и предварительного следствия точную целевую направленность, позволяют профессионально добиваться выполнения требований закона о том, чтобы каждый виновный получил заслуженное справедливое

наказание. Объективный анализ значения каждой из обеих функций, выполняемых прокурором на досудебных стадиях уголовного процесса, дает основания считать каждую функцию необходимой и обязательной, исключает любую возможность, в любой форме принижения значимости какой-либо одной из них.

Библиография

1. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1912.
2. Муравьев Н.В. Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности. М., 1889.
3. Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций. М.: ОЛМА-ПРЕСС Образование. 2004.

References

1. Foinitskii I.Ya. Kurs ugolovnogo sudoproizvodstva. SPb., 1912.
2. Murav'ev N.V. Prokurorskii nadzor v ego ustroistve i deyatel'nosti. M., 1889.
3. Klyuchevskii V.O. Russkaya istoriya. Polnyi kurs leksii. M.: OLMA-PRESS Obrazovanie. 2004.

Материал поступил в редакцию 1 марта 2014 г.

О.В. Химичева*, Г.П. Химичева**

О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ПРИНЦИПОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Аннотация: Предмет исследования составляет современное состояние системы принципов уголовного судопроизводства и направления ее совершенствования, которые обусловлены изменениями социально-политической жизни страны, которые находят отражение в уголовно-процессуальном законе. Корректировка данной системы в целом и отдельных принципов уголовного судопроизводства требует взвешенного подхода, основанного на обстоятельных теоретических исследованиях. Вызывает сомнение включение в число принципов положений, не имеющих для уголовного судопроизводства концептуального характера. Основной конституционный принцип уголовного судопроизводства – презумпция невиновности – должна быть распространена не только на обвиняемого и подозреваемого, но также на любое лицо, невиновность которого ставится под сомнение. Методологическую основу исследования составляют материалистические методы научного познания объективной действительности (дедукция, индукция, анализ и синтез, логический, историко-правовой, сравнительно-правовой, структурно-функциональный и др.). Научная новизна состоит в теоретическом осмыслении процесса корректировки правовой регламентации принципов уголовного судопроизводства, выработке предложений по совершенствованию системы принципов в целом и некоторых из них. Ввиду неопределенности правового понятия «подозреваемый» в уголовном судопроизводстве предлагается распространить действие презумпции невиновности не только на обвиняемого, подозреваемого, но также на любое лицо, невиновность которого ставится под сомнение.

Ключевые слова: Принципы уголовного судопроизводства, разумный срок, независимость судей, презумпция невиновности, обвиняемый, подозреваемый, Устав уголовного судопроизводства, уголовно-процессуальный закон, участники проверки, сокращенное дознание.

DOI: 10.7256/1994-1471.2014.4.11266

Для уголовно-процессуального права принципы – важнейший уголовно-процессуальный институт, формирующий основы, прежде всего, правового статуса участников уголовного процесса. Наличие пробелов в уголовно-процессуальных нормах, их несоответствие Основному закону – Конституции Российской Федерации¹ способно создать непреодолимые трудности для реализации полномочий, прав и обязанностей отдельных

участников уголовного судопроизводства. Это в равной мере относится как к государственным органам и должностным лицам, осуществляющим уголовное судопроизводство, так и к гражданам, вовлекаемым в него в том или ином качестве.

Современная система принципов уголовного судопроизводства прошла длительный путь становления. Безусловно, этот институт – один из самых «инертных» частей уголовно-процессуального права: при смене основных постулатов неизбежно трансформируется и весь облик уголовного судопроизводства, что при нынешней и так невысокой его эффективности крайне опасно.

Вместе с тем за последние три года к уже устоявшимся положениям главы 2 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федера-

¹ Конституция Российской Федерации принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, внесенными Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. – № 4. – ст. 445.

© Химичева Ольга Викторовна

* Доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса, Московский университет МВД России
[olga-him@mail.ru]

117437, Россия, Москва, ул. Академика Волгина, 12.

© Химичева Галина Петровна

** Доктор юридических наук, профессор кафедры права, Московский педагогический государственный университет

[olga-him@mail.ru]

119991, Россия, Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1.

ции², озаглавленной «Принципы уголовного судопроизводства», были добавлены два новых: разумный срок уголовного судопроизводства (ст. 6–1 УПК РФ) и независимость судей (ст. 8–1 УПК РФ), некоторые изменения произошли в содержании других принципов.

Полагаем, что включение этих двух норм в качестве именно принципов уголовного судопроизводства необходимостью не обусловлено. Так, положения о соблюдении разумного срока уголовного судопроизводства (ст. 6–1 УПК РФ), о независимости судей (ст. 8–1 УПК РФ) развивают предписания Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г.³, ч. 1 ст. 6 которой устанавливает, что каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях или при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона.

Но международные договоры Российской Федерации, к которым относится и указанная Конвенция, и без этого являются составной частью законодательства Российской Федерации, регулирующего уголовное судопроизводство, (ч. 3 ст. 1 УПК РФ) и не требуют «дублирующих» норм в УПК РФ.

Кроме того, данные положения, в той редакции, к которой они закреплены в ст. 6–1 и 8–1 УПК РФ, не носят базового, определяющего характера, что свойственно другим нормам-принципам, а представляют собой – более частные предписания, применяемые на отдельных стадиях уголовного судопроизводства, и по статусу более соответствуют общим условиям предварительного расследования или общим условиям судебного разбирательства. В связи с этим вряд ли оправдана позиция по возведению в ранг принципов правовых предписаний, не носящих концептуального характера.

На этом фоне совершенно иной статус имеет конституционное положение, определяющее правовое положение обвиняемого, подозреваемого в уголовном судопроизводстве, – презумпция невиновности, которая далеко не сразу стала принципом уголовного судопроизводства, да и вообще долгое время не была законодательно закреплена.

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в последующих редакциях) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52 (ч.1). – ст. 4921. Далее по тексту – УПК РФ.

³ См.: Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. // Бюллетень международных договоров. – 2001 г. – № 3.

Как известно, правовая идея о презумпции невиновности зародилось еще в Древнем Риме, но впервые получила регламентацию в результате Великой французской революции во французской Декларации прав человека и гражданина 1789 г.

В Российской Империи, несмотря на отсутствие законодательного регулирования презумпции невиновности, ученые уже в XIX в. обращали внимание на данную проблему. Впервые принцип презумпции невиновности сформулировал А.Н. Радищев, идею презумпции невиновности развивали декабристы⁴.

Однако, как отмечают исследователи, ко второй половине XIX в. в России осознание необходимости существования презумпции невиновности обвиняемого в уголовном судопроизводстве еще не достигло такого уровня, когда она была бы закреплена в уголовно-процессуальном законе⁵. Поэтому в Уставе уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 г.⁶ не было сформулировано правило о презумпции невиновности в современном его понимании.

И все же в Общих положениях Устава уголовного судопроизводства появилась ст. 14: «Никто не может быть наказан за преступление или проступок, подлежащие судебному ведомству, иначе как по приговору надлежащего суда, вошедшему в законную силу».

Очевидно, эта норма Устава уголовного судопроизводства похожую на современную трактовку презумпции невиновности, поскольку предусматривает, что наказание за совершенное преступление не может наступить произвольно, а возможно лишь по приговору суда. Однако в ст. 14 Устава уголовного судопроизводства речь идет о невозможности наказания за преступление до вступления в законную силу приговора суда, что, конечно, не может считаться тождественным современному предписанию ст. 14 УПК РФ о том, что каждый *считается невиновным* до вступления в силу обвинительного приговора суда.

Тем не менее ст. 14 Устава уголовного судопроизводства послужила прообразом презумпции невиновности в отечественном законодательстве, хотя самого понятия «презумпции

⁴ См.: Эсаулов С.В. Реализация принципа презумпции невиновности в доказывании на досудебных стадиях уголовного судопроизводства: Дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2014. – С. 27.

⁵ См.: Шахкелдов Ф.Г. Концептуальные аспекты презумпции невиновности в уголовном процессе: генезис и тенденции совершенствования: Дисс. ... докт. юрид. наук. – Майкоп, 2006. – С. 166.

⁶ См.: Устав уголовного судопроизводства // Российское законодательство X–XX веков. – в 9 т. – Т. 8: Судебная реформа. – М.: Юрид. лит., 1991.

невинности» уголовно-процессуальный закон середины XIX в. не содержит и в качестве принципа уголовного судопроизводства этой нормы не провозглашает.

Значение закрепления в Уставе уголовного судопроизводства положения о том, что никто не может быть наказан за преступление иначе как по приговору суда, вступившему в законную силу, состоит в том, что оно дало новый импульс теоретической разработке презумпции невинности выдающимися русскими юристами. Так, профессор И.Я. Фойницкий пишет: «Современный процесс исходит из предположения невинности, в силу которого на обвинении лежит обязанность доказать все элементы как объективной, так и субъективной виновности, рассеяв всякое разумное сомнение в пользу невинности».⁷ Он же не только говорит о сущности презумпции невинности, но также включает в это понятие и ряд следствий из этого правила: 1) об обязанности доказывания обвинения, которая должна лежать на стороне обвинения; 2) о толковании сомнений в пользу обвиняемого. Другие процессуалисты – Л.Е. Владимиров, С.В. Познышев, В.К. Случевский, Н.Н. Розин – считают, что подсудимый должен признаваться невинным, пока не будет доказано противное обвинителем.⁸

Так постепенно к концу XIX – началу XX вв. в России презумпция невинности была обожена и признана как научная идея.

Октябрьская революция 1917 г. повлекла переоценку положения о презумпции невинности в уголовном процессе. В советский период презумпция невинности получила «ярлык» буржуазного принципа и практически повсеместно отрицалась.

Отсутствие презумпции невинности в уголовно-процессуальном законе и в отечественной Конституции во многом обуславливало ущербное правовое положение обвиняемого в уголовном судопроизводстве и не позволяло в полной мере реализовывать даже предоставленные уголовно-процессуальным законом права.

Однако благодаря научным исследованиям выдающихся советских процессуалистов, прежде всего М.С. Строговича, презумпция невинности была закреплена в ст. 7 Основ уго-

ловного судопроизводства Союза ССР и союзных республик в 1958 г. («Никто не может быть признан виновным в совершении преступления и подвергнут уголовному наказанию иначе как по приговору суда»), а затем – и в УПК РСФСР 1960 г., хотя и не в статусе принципа уголовного судопроизводства.

Первым Основным законом, закрепившим норму о презумпции невинности, стала Конституция СССР 1977 г. (ст. 160).

В ст. 49 Конституции Российской Федерации этот принцип приобрел более развернутую формулировку: «Каждый обвиняемый в совершении преступления считается невинным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда» (ч. 1); «Обвиняемый не обязан доказывать свою невинность» (ч. 2); «Неустраняемые сомнения в виновности лица толкуются в пользу обвиняемого» (ч. 3).

Статья 14 УПК РФ закрепила презумпцию невинности в ранге принципа уголовного судопроизводства.

Как видим, презумпция невинности прошла длительный путь от научной идеи до закрепления в качестве принципа в уголовно-процессуальном законе. Тем не менее, о ее социальной природе, содержании и форме, о пределах действия и правовых следствиях до сих пор не прекращается полемика. Причиной во многом является противоречивость формулировок этого принципа, закрепленного в различных нормативных правовых актах.

Неопределенность существует, прежде всего, в вопросе о том, в отношении какого субъекта действует презумпция невинности.

Стоит отметить, что по вопросу распространения действия данного правового положения по кругу лиц не было единства и среди ученых конца XIX в. Так, В.К. Случевский, С.В. Познышев считали, что презумпция невинности должна действовать лишь в отношении подсудимого и ограничивали применение данного правила стадией судебного разбирательства; Н.Н. Розин распространял действие презумпции невинности также на обвиняемого⁹. Во многом этому способствовала абстрактная формулировка ст. 14 Устава уголовного судопроизводства: «никто не может быть наказан ...».

Если рассматривать современное понятие презумпции невинности, то в ст. 49 Конституции Российской Федерации речь идет о «каждом обвиняемом в совершении преступления». Похожие редакции норм использованы в

⁷ См.: Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Том II, СПб., изд. – во «Альфа», 1996. – С.208.

⁸ Цит. по: Хрестоматия по уголовному процессу России. Автор-составитель докт. юрид. наук, проф. Э.Ф. Куцова. М., «Городец», 1999. – С.84–85, 157; Владимиров Л.Е. Учение об уголовных доказательствах. Части Общая и Особенная. Изд. третье, измененное и законченное. СПб, 1910. – С. 416.

⁹ Цит. по: Хрестоматия по уголовному процессу России // Автор-составитель д-р юрид. наук, проф. Э.Ф. Куцова. М.: «Городец», 1999. – С.84–85, 157.

ч. 2 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. и в ч. 2 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах¹⁰.

Однако, в других нормативных правовых актах презумпция невиновности сформулирована иначе. Так, ч.1 ст. 11 Всеобщей декларации прав человека 1948 г.¹¹ предусматривает действие данного правила в отношении «каждого человека, обвиняемого в совершении преступления». Неопределенный круг лиц – «каждый человек» – позволяет любому вне зависимости от пола, расы, гражданства, а также конкретного процессуального статуса пользоваться вытекающими из презумпции невиновности правами. Вместе с тем указание на лицо, «обвиняемое в совершении преступления», предполагает, что субъект презумпции невиновности – это собирательное понятие: лицо, чья порядочность, законопослушность вызывает сомнения у уполномоченных на то органов и должностных лиц.

Статья 14 УПК РФ, провозглашающая презумпцию невиновности как принцип уголовного судопроизводства, воспроизводит конституционное положение о том, что обвиняемый считается невиновным, пока его виновность в совершении преступления не будет доказана в предусмотренном УПК РФ порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда (ч. 1). Однако, эта же статья в ч. 2 устанавливает отсутствие обязанности доказывать свою невиновность не только обвиняемого, но и подозреваемого. Таким образом, уголовно-процессуальный закон вполне оправданно расширяет по сравнению с Конституцией Российской Федерации круг субъектов, в отношении которых действует данный принцип.

Полагаем, для уголовного судопроизводства указанное обстоятельство имеет принципиальное значение, поскольку подозреваемый и обвиняемый – различные участники уголовного судопроизводства, процессуальное положение которых имеет существенную специфику. Более того, понятие «обвиняемого» четко определено ст. 47 УПК РФ, согласно которой обвиняемым считается лицо, в отношении которого вынесено постановление о привлечении его в качестве обвиняемого, вынесен обвинительный акт или составлено обвинительное постановление. Иными словами, это лицо, в отношении кото-

рого уже получены изобличающие его доказательства и сформулировано обвинение.

Очевидно, из сферы действия презумпции невиновности не должен исключаться и подозреваемый.

В соответствии с ч. 1 ст. 46 УПК РФ подозреваемым является лицо, если в отношении него возбуждено уголовное дело, если лицо задержано, к нему применена мера пресечения до предъявления обвинения, либо оно уведомлено о подозрении. Вместе с тем современный уголовно-процессуальный закон не включает в понятие подозреваемого лиц, в отношении которых указанные процессуальные решения не вынесены, но проводятся следственные и иные процессуальные действия по изобличению их в совершении преступления. Однако следователь (дознатель) в ходе расследования уголовного дела часто до последнего момента не ставят лицо в процессуальное положение подозреваемого, обвиняемого, чтобы не встречать противодействия расследованию с их стороны или со стороны их защитников. Лицо фигурирует в материалах уголовного дела в качестве свидетеля или вообще не имеет процессуального статуса, хотя прямо подвергается уголовному преследованию, и лишь на заключительном этапе предварительного расследования, когда все материалы, подтверждающие виновность лица, собраны, становится обвиняемым.

По этому поводу еще в 2000 г. Конституционный Суд Российской Федерации высказал суждение, что факт уголовного преследования против конкретного лица может подтверждаться не только актом о возбуждении в отношении него уголовного дела, но и проведением в отношении него следственных действий и иными мерами, предпринимаемыми в целях его изобличения¹².

Неслучайно в силу ч. 3 ст. 49 УПК РФ защитник допускается к участию в уголовном деле не только с момента «появления» в деле обвиняемого или подозреваемого, но и с начала осуществления иных мер процессуального принуждения или иных действий, затрагивающих права и свободы лица, подозреваемого в совершении преступления, с момента объявления лицу, подозреваемому в совершении преступления, постановления о назначении судебно-психиатрической экспертизы, а также с момента начала осуществления процессуальных действий, затрагивающих права и свобо-

¹⁰ См.: Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 1994. – № 12.

¹¹ См.: Всеобщая декларация прав человека (принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) от 10 декабря 1948 г.) // Российская газета. 1998. 10 декабря.

¹² См.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2000 г. №11-П по делу о проверке конституционности положений ч. 1 ст. 47 и ч.2 ст. 51 УПК РСФСР в связи с жалобой гражданина В. И. Маслова // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2000. – №27. – ст. 2882.

ды лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении.

Таким образом, четко сформулированное в ч. 1 ст. 46 УПК РФ понятие подозреваемого постепенно «размывается», и в уголовном судопроизводстве фигурирует, помимо подозреваемого, также «лицо, подозреваемое в совершении преступления», «лицо, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении». И если процессуальный статус подозреваемого обозначен в ст. 46 УПК РФ, то о правовом положении «лица, подозреваемого в совершении преступления», и «лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении», остается лишь догадываться. Соответственно, возникает вопрос, распространяется ли презумпция невиновности на таких лиц?

Определить более четко правовой статус таких «фактических подозреваемых» требуется и в связи с тем, что одной из основных тенденций развития современного уголовного судопроизводства является его упрощение и ускорение. Так, дознание в сокращенной форме, которое с марта 2013 г. предусмотрено в уголовно-процессуальном законе, предполагает существенные особенности доказывания обстоятельств совершенного преступления. Одной из таких особенностей является использование в качестве доказательств материалов, полученных в ходе проверки сообщения о преступлении (ч. 3 ст. 226–5 УПК РФ). Вместе с тем производство следственных и иных процессуальных действий в ходе проверки сообщения о преступлении в уголовно-процессуальном законе должным образом не урегулировано, правовой статус участников проверки сообщения о преступлении не определен, соответственно, возникает сомнение в том, что требование презумпции невиновности о доказанности виновности обвиняемого будет реализовано.

Библиография

1. Эсаулов С.В. Реализация принципа презумпции невиновности в доказывании на досудебных стадиях уголовного судопроизводства: Дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2014.
2. Шахкелдов Ф.Г. Концептуальные аспекты презумпции невиновности в уголовном процессе: генезис и тенденции совершенствования: Дисс. ... д-ра юрид. наук. – Майкоп, 2006.
3. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Том II, СПб.: «Альфа», 1996.

Это отнюдь не означает, что доказательства, полученные в ходе проверки сообщения о преступлении, – изначально ущербны; опасно, когда они являются единственными и составляют основу обвинительного приговора, постановления, как того требует ст. 226–9 УПК РФ, в особом порядке судебного разбирательства, то есть без судебного следствия.

В связи с этим представляется необходимым урегулировать порядок производства процессуальных действий, осуществляемых при проверке сообщения о преступлении (к примеру, получение объяснений), правовой статус участников проверки, в том числе «фактических подозреваемых».

Более того, действие презумпции невиновности вполне справедливо распространять не только на обвиняемого, подозреваемого в рамках понятий, зафиксированных в уголовно-процессуальном законе, но и на всякое лицо, невиновность которого ставится под сомнение.

Учеными уже предлагалось включить подозреваемого в конституционное определение презумпции невиновности¹³. Достаточно распространено и другое мнение¹⁴: презумпция невиновности должна распространяться вообще на всех лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство, и ее действие не следует ограничивать конкретными процессуальными фигурами.

Таким образом, подходы к пониманию даже такого традиционного для уголовного судопроизводства принципа, как презумпция невиновности, неизбежно реагируют на изменения, происходящие в обществе, в уголовно-процессуальном законе, что вызывает необходимость корректировки и самих «основополагающих положений». Корректировки системы принципов – процесс неизбежный, но требующий обстоятельной научной проработки.

¹³ См., напр.: Петрухин И. Л. Презумпция невиновности – конституционный принцип советского уголовного процесса // Советское государство и право. – 1978. – №12. – С. 18; Касумов Ч. С. Презумпция невиновности в советском праве. – Баку, 1984. С. 20.

¹⁴ См., напр.: Гуляев А. П. Социально-политический аспект презумпции невиновности // Советское государство и право. – 1988. – № 4. – С. 30; Либус И. А. Презумпция невиновности в советском уголовном процессе. – Ташкент: Издательство «Узбекистан», 1981. С. 58.

4. Петрухин И. Л. Презумпция невиновности – конституционный принцип советского уголовного процесса // Советское государство и право. – 1978. – №12.
5. Касумов Ч. С. Презумпция невиновности в советском праве. – Баку, 1984.
6. Гуляев А. П. Социально-политический аспект презумпции невиновности // Советское государство и право. – 1988. – № 4.
7. Либус И. А. Презумпция невиновности в советском уголовном процессе. – Ташкент: «Узбекистан», 1981.

References

1. Esaulov S.V. Realizatsiya printsipa prezumptsiy nevinovnosti v dokazyvanii na dosudebnykh stadiyakh ugovnogo sudoproizvodstva: Diss. ... kand. yurid. nauk. – M., 2014.
2. Shakhkeldov F.G. Kontseptual'nye aspekty prezumptsiy nevinovnosti v ugovnom protsesse: genezis i tendentsii sovershenstvovaniya: Diss. ... d-ra yurid. nauk. – Maikop, 2006.
3. Foinitskii I.Ya. Kurs ugovnogo sudoproizvodstva. Tom II, SPb.: «Al'fa», 1996.
4. Petrukhin I. L. Prezumptsiya nevinovnosti – konstitutsionnyi printsip sovetskogo ugovnogo protsesssa // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. – 1978. – №12.
5. Kasumov Ch. S. Prezumptsiya nevinovnosti v sovetskom prave. – Baku, 1984.
6. Gulyaev A. P. Sotsial'no-politicheskii aspekt prezumptsiy nevinovnosti // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. – 1988. – № 4.
7. Libus I. A. Prezumptsiya nevinovnosti v sovetskom ugovnom protsesse. – Tashkent: «Uzbekistan», 1981.

Материал поступил в редакцию 1 марта 2014 г.

КОНСТИТУЦИОННЫЙ ПРИНЦИП ЗАКОННОСТИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Аннотация: Предметом исследования является содержание конституционного принципа уголовного судопроизводства. Порядок уголовного судопроизводства определялся и определяется только законом: Уставом уголовного судопроизводства в дореволюционной России, Уголовно-процессуальным Кодексом в Российской Федерации, основанным на Конституции Российской Федерации. Необходимой предпосылкой правильного применения норм уголовно-процессуального права является их правильное толкование (интерпретация), поэтому в статье исследуются способы толкования уголовно-процессуального закона, которые имели место в теории права дореволюционной России и имеют место в теории права современной России. В статье проводится сравнительное исследование содержания принципа законности уголовного судопроизводства, предусмотренного в Уголовно-процессуальных кодексах РФ и Украины, республик Беларусь и Казахстан. Методологическую основу исследования образуют диалектический метод познания действительности, а также частнонаучный метод, методы исторического, сравнительного, логико-юридического, логико-структурного анализа. В статье впервые содержание принципа законности российского уголовного судопроизводства исследуются в связи с содержанием законности по Уставу уголовного судопроизводства, УПК РФ и Украины, республики Беларусь и Казахстан. Обосновывается необходимость введения в УПК РФ в качестве самостоятельных принципов всесторонности, полноты и объективности исследования всех обстоятельств уголовного дела, а также справедливости рассмотрения и разрешения уголовного дела.

Ключевые слова: Конституция РФ, Применение норм права, Толкование (интерпретация) закона, Устав уголовного судопроизводства, Законность, УПК РФ, Порядок уголовного судопроизводства, Справедливость, Аналогия закона, Принципы уголовного судопроизводства.

DOI: 10.7256/1994-1471.2014.4.11101

Устав уголовного судопроизводства был принят в ходе великой отечественной судебной реформы 1864 г., значение и роль которой в государственной жизни России трудно переоценить. Данная реформа была тщательно продумана и подготовлена в отличие от всех наших реформ, в том числе и судебной. Значение Устава уголовного судопроизводства 1864 г. А.Ф. Кони определил следующим образом: «Законы о судопроизводстве уголовном, помимо своего значения, как ряд действующих правил об отправлении уголовного правосудия, имеют значение историческое, политическое и этическое. Историческое – в смысле показателя путей и степени развития народа к восприятию господствующих форм и обрядов уголовного процесса и усвоение себе связанных с ним учреждений; политическое – в смысле обеспечения личных прав и свободы и степени ограничения самовластия органов правосудия и произвола в способах отправления последнего; этическое – в смысле развития

правосознания народа и проникновения в процессуальные правила нравственных начал».¹

Порядок уголовного судопроизводства определялся и определяется только законом: Уставом уголовного судопроизводства в дореволюционной России, Уголовно-процессуальным кодексом в Российской Федерации. Законы необходимы для регулирования взаимоотношений ветвей государственной власти, государства и гражданина, государства и общества. Если политика – это искусство, умение управлять государством, то закон является методом такого управления. Поэтому законность представляет собой прежде всего политико-правовой режим государства.

Верховенство закона устанавливает Конституция Российской Федерации. Статья 1

¹ Кони А.Ф. Введение. Устав уголовного судопроизводства. Систематический комментарий. Вып.1. ст. ст. 1–84. М., 1914. С. 1.

Конституции РФ провозглашает: «Российская Федерация – Россия есть демократическое, федеративное, правовое государство с республиканской формой правления». Согласно ч.2 ст. 4 Конституции РФ Конституция Российской Федерации и федеральные законы имеют верховенство на всей территории Российской Федерации. В политико-правовой режим законности входят также конституционно-правовые нормы ст. 15, ч.1 ст. 49, ч.2 ст. 50 Конституции РФ, получившие свое закрепление и в УПК РФ.

Несмотря на различные мнения по вопросу о понятии принципов уголовного судопроизводства, большинство ученых понимает под уголовно-процессуальными принципами основные правовые положения, которые выражают сущность уголовного процесса.

Уголовный процесс имеет место только тогда, когда реализуются уголовно-процессуальные нормы, уголовно-процессуальный закон. Поэтому принцип законности является главным, ведущим, основным принципом уголовного судопроизводства.

Законы, определяющие порядок уголовного судопроизводства, указаны в ст. 1 УПК РФ. Это: УПК РФ, основанный на Конституции Российской Федерации, имеющей высшую юридическую силу и прямое действие на всей территории Российской Федерации /ч.1 ст. 15 Конституции РФ/; общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры, являющиеся составной частью правовой системы Российской Федерации /ч.4 ст. 15 Конституции РФ/, а также составной частью законодательства Российской Федерации, которое регулирует уголовное судопроизводство. Кроме того, в ч.4 ст. 15 Конституции РФ и в ч.3 ст. 1 УПК РФ указано: если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом УПК РФ, то применяются правила международного договора.

Конституция Российской Федерации устанавливает обязанность органов государственной власти, органов местного самоуправления, должностных лиц, граждан и их объединений соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы /ч.2 ст. 15 Конституции РФ/. Согласно ч.2 ст. 1 УПК РФ для судов, органов прокуратуры, органов предварительного следствия и органов дознания, а также иных участников уголовного судопроизводства является обязательным порядок уголовного судопроизводства, установленный УПК РФ. Таким образом, все законы, образующие правовую систему Российской Федерации, обязаны исполняться и применяться в ходе производства по уголовным делам.

Выражением принципа законности является и положение ст. 1 Устава уголовного судопроизводства: «Никто не подлежит судебному преследованию за преступление или проступок, не быв привлечен к ответственности в порядке, определенном правилами сего Устава».

Любая деятельность, не соответствующая уголовно-процессуальному закону, не может считаться уголовным процессом. Вне законности нет производства по уголовному делу. Законность – внутреннее, неотъемлемое свойство уголовного судопроизводства; она не может находиться вне его. Уголовный процесс должен быть законным. Только в этом случае возможно выполнение его предназначения: установление уголовно-правового отношения, то есть лица, виновного в совершении преступления, его осуждение и наказание. Поэтому, мягко выражаясь, странным представляется наименование статьи седьмой УПК РФ «Законность ПРИ /выделено нами/ производстве по уголовным делам». Самое распространенное значение предлога «при» – возле, около. Стало быть, законность возле, около производства по уголовным делам, а не в самом производстве по уголовным делам. В любом законе такие двусмысленности не допустимы.

Нормы уголовно-процессуального права реализуются путем их применения, исполнения, соблюдения. Причем применение норм уголовно-процессуального права является обязанностью государственных органов – участников уголовного процесса, от которых зависит весь ход производства по уголовному делу и его разрешение. Часть 1 ст. 7 УПК РФ устанавливает, что суд, прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель не вправе применять федеральный закон, противоречащий УПК РФ. Следовательно, нормы уголовно-процессуального права имеют преимущество перед нормами права, содержащимися в других федеральных законах. Особое правило предусмотрено частью второй ст. 7 УПК РФ, которое обязывает суд принимать решение в соответствии с УПК РФ, если в ходе производства по уголовным делам установит несоответствие федерального закона или иного нормативно-правового акта УПК РФ.

Необходимой предпосылкой правильного применения норм уголовно-процессуального права является их правильное толкование /интерпретация/. Толкование правовых текстов как индивидуальный интеллектуальный процесс направлен на установление смысла правовых текстов применительно к поведению правовых субъектов /уяснение права/ и на разъяснение этого смысла другим субъектам правовой коммуникации /разъяснение

права./² Статьи 12 и 13 Устава уголовного судопроизводства содержали общие правила толкования. Статья 12 Устава уголовного судопроизводства гласила: «Все судебные установления обязаны решать дела по точному разуму существующих законов, а в случае неполноты, неясности или противоречия законов, коими судебное деяние воспрещается под страхом наказания, должны основывать решение на общем смысле законов». Статья 13 Устава уголовного судопроизводства запрещала «оставлять решение суда под предлогом неполноты, неясности противоречия законов. За нарушение сего правила виновные подвергаются ответственности как за противозаконное бездействие власти».

Толкование закона, представляющее собой установление истинного смысла закона, его содержания, необходимо для реализации закона и в первую очередь для его применения, так как, применяя нормы права, государственные органы в уголовном процессе принимают решения, среди которых главным является приговор суда; им уголовное дело разрешается по существу. Для правильного толкования, а, следовательно, и для правильного применения законов первостепенное значение имеет определенность правовых норм, что является атрибутом законности и в таковом качестве есть характерная черта любого культурного цивилизованного общества.³

В уголовном процессе уясняется смысл не только уголовно-процессуальных норм права, но и уголовно-правовых, а также иных норм права, которые следует применить. Толкование закона является и правом, и обязанностью компетентных органов государства, участвующих в уголовном судопроизводстве, но оно не может создавать новых правовых норм. Это относится также и к судебным прецедентам, которые как установившееся толкование направляет правоприменительную практику к единообразному применению закона, но прецедент не равносильен и не может быть равносильным закону. Суд как орган судебной власти осуществляет правосудие, он не является органом законодательной власти, которая единственная из трех ветвей власти вправе принимать законы. Федеральное собрание – парламент Российской Федерации является представительным и законодательным органом Российской Федерации /ст.94 Конституции РФ/. Суд не может одновремен-

но создавать законы и применять их, так как в этом случае теряет смысл основа конституционного строя РФ – разделение властей: Государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную. Органы законодательной, исполнительной и судебной власти самостоятельны /ст.10 Конституции РФ/.

Толкование норм права тесно связано с ее субъективным восприятием того, кто применяет данную норму права. Правильность толкования правовой нормы зависит от правосознания, профессионализма, правовой культуры юриста. «...критерием правильности толкования правовой нормы в процессе ее применения служит действительное содержание такой нормы отнюдь не в отрыве от ее субъективного восприятия интерпретатором, а наиболее полное и точное соответствие суждений лиц, толкующих и применяющих правовую норму, выраженной в ней государственной воле».⁴ Толкование норм права, которое имеет место в уголовно-процессуальных решениях, а главное – в приговоре, должно быть обоснованным и мотивированным. Согласно ч.4 ст. 7 УПК РФ определение суда, постановление судьи, прокурора, следователя, дознавателя должны быть законными, обоснованными и мотивированными. Приговор суда должен быть законным, обоснованным и справедливым /ч.1 ст. 297 УПК РФ/. Не понятно, почему законодатель не установил к приговору такое требование, как мотивированность. К менее значимым процессуальным решениям данное требование имеет место, а к главному решению – приговору суда, которым устанавливается виновность либо невиновность привлеченного к уголовной ответственности лица, законодатель такого требования не предъявляет. Однако в ст. ст. 305 и 307 УПК РФ указывается на изложение мотивов по некоторым вопросам содержания оправдательного и обвинительного приговоров.

В систематическом комментарии Устава уголовного судопроизводства определены цель и задача толкования следующим образом: «Задача толкования: руководствуясь разумом закона, мыслью законодателя, извлечь содержание закона из того изложения, которое дано разъясняемому постановлению законодательной властью, т.к. только мысль законодателя, воплотившаяся в слове закона, составляет закон. Основная цель толкования: постановление решения, соответствующего истинному смыслу

² См.: Поляков А.В. Общая теория права. СПб., 2004. С. 804.

³ См.: Аверин А.В. Истина и судебная достоверность / Постановка проблемы. 2-е издание, дополненное. СПб., 2007. С. 158.

⁴ Элькин П.С. Толкование и применение норм уголовно-процессуального права. М., 1967. С. 59.

закона /«точному разуму» или «общему смыслу» существующих законов».^{5/}

Толкование закона необходимо не ради самого толкования, а для принятия в правоприменительной деятельности только таких решений, которые соответствуют значению правовой нормы, выраженной в ней воли законодателя. Для достижения данной цели необходимо раскрыть содержание нормы уголовно-процессуального права, уяснить понятия, в ней содержащиеся и облеченные в словесную форму.

Влад. Набоков различал две формы толкования: 1) основная – /по точному разуму существующих законов/; 2) дополнительная – /по общему смыслу их/. Последняя форма применяется в случае неполноты, неясности или противоречия законов.⁶ Комментарии Влад. Набокова относились к уголовному закону, однако они вполне приемлемы и к уголовно-процессуальному закону, особенно в наше время, когда появляются законы противоречивые, неясные, неполные, когда нет стабильного законодательства. Депутаты развивают бешеную деятельность по приему многочисленных новых законов, бесконечно изменяют и дополняют их. Возмущают заявления депутатов типа: «Мы сейчас быстренько примем закон, в ходе его применения выявим ошибки и недостатки, а затем изменим и дополним закон». Но такой закон – инвалид будет какое-то время действовать /!!!/, в соответствии с ним будут приниматься решения, нередко судьбоносные для граждан, общества, государства. Депутаты забывают, что написать и принять можно любой закон, любую норму права, но каждый закон, каждая норма права должна входить в единую систему законов, пронизанных общим смыслом и общим духом, общим назначением и направленностью.

Ниже приведенное мнение Влад. Набокова о противоречивости законов, их неясности и неполноты представляют интерес для современных юристов и законодателей.⁷ Законы противоречивы, когда из них могут быть выведены два или несколько противоположных решений по одному и тому же вопросу. В этих случаях следует избирать закон, непосредственно относящийся к данному случаю и руководствоваться при этом общими правилами толкования. Однако устранять действительное противоречие путем толкования недопустимо.

⁵ Устав уголовного судопроизводства. Систематический комментарий. С. 67.

⁶ См.: Набоков Влад. Комментарий к ст. ст. 12, 13 Устава уголовного судопроизводства. Устав уголовного судопроизводства. Систематический комментарий. С. 68.

⁷ См.: Набоков Влад. Указ. соч. С. 68–69.

Закон неясен, когда из его содержания нельзя вывести точный смысл, предполагавшийся законодателем. Цель толкования в данном случае заключается в выяснении этого смысла, опираясь на начала логики, теории права, целесообразности и справедливости.

Закон неполон, когда его буквальный /адекватный/ смысл не совпадает с другими частями законодательства. При толковании такого закона применительно к уголовному процессу следует учитывать основные положения УПК РФ.

В правоприменительной деятельности ее участники могут обнаружить пробелы в законодательстве, для восполнения которых используют аналогию закона и аналогию права. Если Уголовный кодекс РФ запрещает применение аналогии уголовного закона /ч.2 ст. 3/, то в уголовно-процессуальном кодексе РФ подобная норма отсутствует. Применение закона по аналогии должно ограничиваться, однако при существующих пробелах /недостатках, упущениях/ в уголовно-процессуальном законодательстве отказаться от аналогии невозможно. Поэтому в случае применения уголовно-процессуального закона по аналогии следует соблюдать следующие правила: 1) «отношения, к которым применяется норма аналогии, должны быть схожи с уже урегулированными этой нормой отношениями в существенных, а не случайных признаках; 2) необходимо использовать ближайшую аналогию»;⁸ 3) аналогия должна применяться в строгом соответствии с назначением уголовного судопроизводства и его принципами; 4) аналогия может иметь место лишь при условии полного и точного соблюдения всех процессуальных прав участников уголовного процесса.

УПК РФ в законность «при производстве по уголовному делу» включает также правило о том, что нарушение норм УПК РФ судом, прокурором, следователем, органом дознания или дознавателем в ходе уголовного судопроизводства влечет за собой признание недопустимыми полученных таким путем доказательств /ч.3 ст. 7 УПК РФ/. Но при особом порядке судебного разбирательства доказательства, собранные на предварительном следствии, не исследуются и не оцениваются, то есть определить, являются ли они допустимыми или недопустимыми, можно только по письменным материалам уголовного дела. Согласно ч.2 ст. 9 УПК РФ никто из участников уголовного судопроизводства не может подвергаться насилию, пыткам, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению. Если эта уголов-

⁸ См.: Поляков А.В. Общая теория права. СПб., 2004. С. 799.

но-процессуальная норма была нарушена на предварительном следствии, в протоколе следственных действий, естественно, данное обстоятельство не отражено, то каким образом судья узнает, что доказательство, полученное таким образом, является недопустимым? Подсудимый может заявить о применении к нему насилия в ходе судебного разбирательства, а свидетель – нет, ибо он не вызывается в судебное разбирательство. Получается, что суд при особом порядке судебного разбирательства исходит из непогрешимости органов предварительного расследования, не говоря уже о том, что в данном случае нарушаются конституционный принцип презумпции невиновности и уголовно-процессуальный принцип непосредственности, а приговор не соответствует требованию обоснованности, без которого нельзя судить и о его справедливости. Таким образом, приговор, вынесенный в особом порядке судебного разбирательства, не соответствует двум требованиям, предъявляемым к нему законом.

Часть 2 ст. 9 Уголовно-процессуального кодекса Украины «Законность» устанавливает обязанность прокурора, руководителя органа досудебного расследования, следователя всесторонне, полно и беспристрастно исследовать обстоятельства уголовного производства. Включение данного положения в содержание принципа законности производства по уголовному делу является вполне логичным, так как без всестороннего, полного и объективного исследования всех обстоятельств уголовного дела не может быть речи о законности уголовного процесса. Уголовный процесс, реализуя уголовно-процессуальные нормы, для того и существует, чтобы всесторонне, полно и беспристрастно разобраться в уголовном деле установить и наказать лицо, действительно совершившее преступление. Однако представляется, что значение всестороннего, полного и объективного исследования всех обстоятельств уголовного дела столь велико, что его следует выделить в самостоятельный принцип уголовного процесса. Всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств уголовного дела должно происходить только на основании закона, в строгом соответствии с конституционным принципом законности. Но, не нарушая закон, можно проводить исследование и односторонне, и неполно, и не объективно, то есть по известной ленинской цитате: формально правильно, а по существу издевательство. Делаем все по закону, а осуждаем невиновного и оправдываем виновного. Поэтому всесторонность, полнота и объективность исследования всех обстоятельств уголовного дела должны быть самостоятельным принципом уголовного процесса.

В УПК Республики Беларусь и УПК Республики Казахстан в понятие законности уголовного судопроизводства включено также положение о том, что нарушение закона в ходе производства по уголовному делу недопустимо и влечет установленную законом ответственность и признание решений не имеющими юридической силы /ч.2 ст. 8 УПК Республики Беларусь/, признание недействительными незаконных актов и их отмену /ч.3 ст. 10 УПК Республики Казахстан/. Подобную норму следует включить и в статью 7 УПК РФ. Обязанность государственных органов правильно применять и исполнять законы должна обеспечиваться ответственностью за их нарушение и, что очень важно, признанием незаконных актов не имеющими юридической силы и их обязательной отменой.

Законность тесно связана со справедливостью, поэтому А.Ф. Кони, раскрывая уже отмеченное этическое значение Устава уголовного судопроизводства, указал на проникновение в процессуальные правила нравственных начал. Главным нравственным началом в уголовном процессе является справедливость. Одно из значений понятия правосудия – справедливое решение дела, спора⁹; правый суд – это суд справедливый, содержащий правду.¹⁰ Таким образом, понятие правосудия /правового суда/ прежде всего предполагает справедливое разрешение уголовного дела. Поскольку правосудие должно осуществляться в строгом соответствии с законом, постольку только законные приговор, решения, действия могут быть справедливыми. Но справедливость и законность – это не одно и то же: если законность – понятие только правовое, то справедливость выражает еще и нравственные представления, чувства, оценки.

Справедливость как общеправовой принцип в первую очередь должен соблюдаться законодателем, законодательной властью. «... в содержательном смысле справедливость в рамках концепции верховенства права выполняет функцию «критерия качества» позитивного законодательства, его соответствия идее права».¹¹ Чем справедливее законы, тем успешнее они будут применяться и исполняться.

В УПК РФ требование справедливости предъявляется к приговору суда /ч.2 ст. 297, ст. ст. 383, 389¹⁵/. В ч.2 ст. 6 УПК РФ указывается на справедливое наказание. Согласно ст. 332 УПК РФ присяжный заседатель в присяге торжест-

⁹ См.: Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1989. С. 575.

¹⁰ См.: Там же.

¹¹ Пресняков М.В. Конституционная концепция справедливости // Правоведение. 2011. №6. С. 127.

венно клянется разрешать уголовное дело как свободный гражданин и справедливый человек. В соответствии со ст. 389²⁸ УПК РФ в апелляционном приговоре, определении, постановлении указываются основания, по которым приговор признается законным, обоснованным, справедливым. Таким образом, российское уголовно-процессуальное законодательство ориентировано не только и не столько на так называемую процедурную справедливость, сколько на результат – справедливое

разрешение уголовного дела. Именно справедливое разрешение уголовного дела, справедливые решения по нему и в первую очередь, и главным образом справедливый приговор, оказывают воспитательно-профилактическое воздействие на общество и отдельных граждан. Высший смысл, высшее предназначение уголовного судопроизводства – справедливое разрешение уголовного дела в результате его справедливого расследования и рассмотрения в строгом соответствии с законом.

Библиография

1. Аверин А.В. Истина и судебная достоверность (Постановка проблемы): 2-е издание, дополненное. – СПб., 2007.
2. Кони А.Ф. Введение. Устав уголовного судопроизводства. Систематический комментарий: Вып.1. ст. ст. 1–84. – М., 1914.
3. Набоков Влад. Комментарий к ст. ст. 12, 13 Устава уголовного судопроизводства. Систематический комментарий: Вып.1. ст. ст. 1–84. – М., 1914.
4. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М., 1989.
5. Пресняков М.В. Конституционная концепция справедливости: Правоведение. 2011. №
6. Элькинд П.С. Толкование и применение норм уголовно-процессуального права. – М., 1967.

References

1. Averin A.V. Istina i sudebnaya dostovernost' (Postanovka problemy): 2-e izdanie, dopolnennoe. – SPb., 2007.
2. Koni A.F. Vvedenie. Ustav ugolovnogo sudoproizvodstva. Sistematiceskii kommentarii: Vyp.1. St.st. 1–84. – M., 1914.
3. Nabokov Vlad. Kommentarii k st.st. 12, 13 Ustava ugolovnogo sudoproizvodstva. Sistematiceskii kommentarii: Vyp.1. St.st. 1–84. – M., 1914.
4. Ozhegov S.I. Slovar' russkogo yazyka. – M., 1989.
5. Presnyakov M.V. Konstitutsionnaya kontseptsiya spravedlivosti: Pravovedenie. 2011. №
6. El'kind P.S. Tolkovanie i primenenie norm ugolovno-protsessual'nogo prava. – M., 1967.

Материал поступил в редакцию 20 февраля 2014 г.

СУДЬБА СУДЕБНЫХ РЕФОРМ В РОССИИ: ВЕК XIX И ВЕК XXI

Аннотация: Исследуются исторические, социальные и политические основания, обусловившие необходимость проведения судебных, правовых и уголовно-процессуальных реформ в России в середине 19-го и в конце 20-го веков в комплексе иных социальных преобразований, их обоснование в научных источниках. Рассматриваются порядок реализации судебных реформ, их основные этапы, нормативные источники (Судебные уставы 1864 года и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, органическое уголовно-процессуальное законодательство), их характеристика в научных источниках и источниках судебной практики, их ключевые итоги. Анализируются контрреформы, их реализация в уголовно-процессуальном законодательстве и характеристика в научных источниках и судебной практике. Применяются диалектический, сравнительно-правовой, исторический, формально-догматический методы научного анализа, общенаучные методы анализа и синтеза, использованы современные достижения науки уголовно-процессуального права. Выявлены и охарактеризованы общесоциальный фон, содержательные и общественно-психологические причины, цели и направления реформ 1864 года и 90-х годов 20-го века, юридическая технология их проведения, особенности развития в уголовном процессе положений реформ, причины и следствия их постепенного отторжения юридической практикой, вызвавшего явление «контрреформы». Обосновано уникальное сходство всех этих моментов, несмотря на очевидное различие исторических этапов в развитии отечественного государства, правосудия и уголовного судопроизводства. Аргументировано признание большей результативности и несопоставимой структурной логичности Судебных Уставов 1864 года по сравнению с уголовно-процессуальным правом современной России. Сделаны выводы о тождественности судьбы судебных реформ в России, заключающейся в нереализованности их социального потенциала, что является основанием для разработки концепций новой судебно-правовой реформы.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, уголовно-процессуальное законодательство, судебно-правовая реформа, Судебные Уставы, разделение процессуальных функций, независимость суда, судебный следователь, судебная контрреформа, дополнительное расследование, объективная истина.

DOI: 10.7256/1994-1471.2014.4.11261

...законными и полезными могут быть признаны только такие реформы, которые являются дальнейшим развитием новой системы, а не возвращением, явным или скрытым, к прежнему порядку вещей.

К.К. Арсеньев, 1870 г.¹

«Все возвращается на круги своя...», «история развивается по спирали», «история имеет свойство повторяться» – кому не известны эти знаменитые изречения, характеризующие ход и развитие исторического процесса? Оглядываясь на историю отечественного правосудия

и уголовного судопроизводства, нельзя не заметить, насколько эти слова справедливы для характеристики 150-летнего пути, который прошли российское следствие и суд, да и в целом российская государственность с момента принятия Судебных Уставов 1864 года, которым было суждено оставить неизгладимый след в процессуальной науке и практике. В сущности, с того момента понятие «судебно-правовая реформа» прочно вошло в лексикон ученых-юристов и фактически не покидает его (за редкими перерывами) до настоящего времени. Так, вслед за реформой 1864 года, были реформы начала XX-го века, потом советские декреты о суде и первые уголовно-процессуальные кодексы. В 50–60-е годы на волне «хрущевской оттепели» проходила еще одна масштабная реформа уголовно-процессуального

¹ Арсеньев К.К. От автора // Арсеньев К.К. Предание суду и дальнейший ход уголовного дела до начала судебного следствия. Сборник практических заметок. – С. – Петербург, 1870. – С. III.

законодательства. Наконец, с началом нового, демократического этапа в развитии России, ознаменованного всенародным принятием действующей Конституции и одобрением в 1991 году Концепции судебной реформы², началась и новая судебно-правовая реформа³.

Именно сравнительному анализу реформ, начавшихся в середине XIX века и на рубеже XX и XIX веков, стоит уделить особенное внимание: их причинам, ходу, а главное, их итоговой судьбе.

Причины обеих реформ удивительно похожи не только по своему содержанию, но и по обще-социальному фону, в котором им предстояло развиваться. И в XIX веке, и в конце века XX Россия стояла перед фундаментальным выбором, куда двигаться дальше, притом, что практически все понимали, что оставаться на дореформенных позициях общество уже не в состоянии. В первом случае проблемы явно обнажило поражение в Крымской войне, во втором – банкротство коммунистической идеологии и социалистического типа экономики вкуче с исчезновением Советского Союза как геополитической реальности. В обоих случаях реформы не предполагались как обособленные проекты, а должны были быть включены в систему масштабной перестройки всей совокупности общественных и государственных

институтов в стране. В Российской Империи наряду с судебно-правовой были в итоге осуществлены крестьянская (отмена крепостного права), земская, военная, административная и иные реформы. В современной России вслед за принятием Конституции во многом заново были разработаны все отрасли права: конституционное, гражданское, трудовое, земельное, уголовное, гражданское процессуальное, уголовно-процессуальное. Появились ранее не известные отрасли финансового, налогового, арбитражно-процессуального, пенсионного, муниципального права. Были приняты новые законы, регламентирующие деятельность суда и правоохранительных органов, были созданы новые судебные (арбитражные суды и мировые судьи) и правоохранительные органы (ФСКН, Следственный комитет и др.).

С содержательной стороны, обе анализируемые судебно-правовые реформы имели в качестве миссии утверждение новых ценностей процессуального порядка с тем, чтобы его лицо повернулось от безличного образа государственной власти к лицу конкретного гражданина, будь то потерпевший или обвиняемый.

В Судебных Уставах 1864 года утверждалось отделение суда от административной власти, упразднение его сословного характера, вводились гарантии его независимости, закреплялось разделение процессуальных функций обвинения, защиты и разрешения дела по существу, само обвинение изымалось из прерогатив полицейской власти в пользу власти прокурорской. Существенному ограничению подверглось розыскное начало в уголовном процессе, была сформирована такая стадия уголовного процесса, как предварительное расследование, полномочия по которому опять же были переданы представителю власти судебной в лице ее особого должностного лица – судебного следователя, наделенного соответствующей самостоятельностью. Формальная оценка доказательств заменялась свободой оценки по внутреннему убеждению, тайный характер судебного заседания сменился его гласностью, у основных участников уголовного процесса появились процессуальные права в современном их понимании, в том числе и право на защиту. Подданным также предоставлялось право участия в отправлении правосудия (через суд присяжных заседателей), учреждался институт мировой юстиции, максимально приближенный к нуждам местного населения⁴. С учетом изменений судебной, прокурорской,

² Концепция судебной реформы в Российской Федерации / Сост. С. А. Пашин. – М.: Республика, 1992. – 111 с.

³ В 2004 году автору настоящей статьи на одной из конференций, проходившей в МГУ им. М.В. Ломоносова, посчастливилось наблюдать удивительно тонкую и доброжелательную дискуссию, возникшую между выдающимися учеными-процессуалистами профессором Константином Федоровичем Гуценко, к сожалению, недавно ушедшим в мир иной, и профессором Надеждой Георгиевной Муратовой по поводу того, что есть судебно-правовая реформа, нужна ли она, шла ли она в действительности в то время и т.д. Константин Федорович в целом склонялся к тому, что существенных изменений УПК России, принятый в 2001 году, в систему уголовного процесса не привнес, особенно на фоне оставшейся неизменной организационной структуры предварительного расследования и судебной системы, а потому все научные публикации, повествовавшие о реформе, несколько не корректны. Надежда Георгиевна в ответ на это рассказала историю, что при подготовке докторской диссертации она проанализировала все сборники материалов научных конференций, проводившихся в Казанском университете, начиная с 60-х годов XIX века и заканчивая началом века XXI, и выявила их удивительное качество: почти все из них в названии имели слово «реформа». Надежда Георгиевна заметила, что, исходя из этого, судебно-правовая реформа в России, начавшись в 1864 году, так и не завершилась, а потому мы жили, живем и, видимо, будем еще долго жить в условиях ее проведения. Весьма меткое замечание, если учесть объем обновления отечественного уголовно-процессуального законодательства, которое ежегодно проводится законодателем и сегодня в России.

⁴ См.: Розин Н.Н. Уголовное судопроизводство. – Пг., 1916. // Хрестоматия по уголовному процессу России: Учебное пособие / Автор-сост. проф. Э.Ф. Куцова. – М.: Городец, 1999. – С. 36–44.

полицейской систем и учреждения присяжной адвокатуры, российский уголовный процесс выстраивался в смешанный тип, тяготеющий к французской его модели, учрежденной Наполеоном в 1808 году.

Точно так же и в начале 90-х годов XX века с содержательной стороны ключевым направлением судебно-правовой реформы было определено расширение и развитие в его смешанном типе (а поздний советский уголовный процесс, вне сомнения, относился именно к смешанному типу) демократических, состязательных, а также диспозитивных начал, что выразилось в закреплении и последовательном проведении, во многом благодаря активной позиции Конституционного Суда России⁵, принципов состязательности, уважения чести и достоинства, неприкосновенности личности, жилища, презумпции невиновности, обеспечения подозреваемому и обвиняемому права на защиту, свободы оценки доказательств и свободы обжалования процессуальных решений и действий, ограничивающих права и свободы личности, либо создающих угрозу их ограничения, либо затрудняющих доступ к правосудию. Так же как и в XIX столетии, остро стояла проблема внедрения принципа разделения властей и обеспечения независимости суда от административных, а до падения СССР – партийных, органов государства, отвечавших за эффективную борьбу с преступностью, освобождения его от несвойственных ему обвинительных функций, достижения реального равноправия сторон обвинения и защиты, а также укрепления прав и потерпевшего, и обвиняемого даже где-то в ущерб обезличенному публичному интересу.

Отдельно следует сказать о таком важном с точки зрения эффективности правового регулирования общественных отношений моменте, как конечность и временная разумность уголовного судопроизводства, которые в совокупности образуют формальную определенность уголовно-процессуальной формы. Так, Н.Н. Розин, описывая дореформенный уголовный процесс XIX века, указывал, что до 87,5 % судебных приговоров содержали решение «об оставлении в подозрении», что негативно сказывалось на стабильности общественных отношений⁶. В советском же уголовном процессе самым активным образом применялся институт возвращения уголовного дела из

суда для производства дополнительного расследования. Верховный Суд даже предпринимал отчаянные попытки искоренения практики вынесения судами таких решений вместо оправдания подсудимого⁷, на которое судьи, не обладавшие реальной независимостью, часто просто не могли решиться. Возможность многократного и по сути бесконечного движения уголовного дела в суд и обратно позволяло в советские времена фактически «оставлять подсудимого в подозрении».

С общественно-психологической точки зрения причины обеих реформ состоят и в крайне негативном общественном мнении, которое сложилось в отношении системы уголовной юстиции – как в середине XIX века, так и в конце века XX.

Наконец, с позиции юридической технологии проведение обеих реформ опиралось на очевидное сочетание положительного, как казалось их авторам, отечественного опыта, так и разумное заимствование уголовно-процессуальных институтов зарубежных стран, а в случае с нашей современной реформой – еще и международных стандартов в отправлении правосудия по уголовным делам. Уже упоминался институт судебного следователя, который фактически был заимствован из французского уголовного процесса и переработан в условиях российской действительности середины XIX столетия, аналогично авторы реформы поступили и с судом присяжных, и с кассационным порядком проверки законности и обоснованности приговоров. Современный же российский уголовный процесс на основе зарубежного опыта получил процессуальную форму исключения доказательств ввиду их недопустимости, институты принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением и досудебного соглашения о сотрудничестве, процессуальный порядок получения судебного разрешения на производство в стадии предварительного расследования следственных действий, ограничивающих конституционные права граждан, а также судебный порядок избрания самых строгих мер пресечения в отношении обвиняемого и подозреваемого.

Оценивая ход судебно-правовых реформ XIX и конца XX веков и внедрение их положений в

⁷ Постановление Пленума Верховного Суда России от 17 апреля 1984 г. № 2 «О некоторых вопросах, связанных с применением судами уголовно-процессуальных норм, регулирующих возвращение дел для дополнительного расследования» (в ред. постановления Пленума от 21 декабря 1993 г. № 11) (утратило силу) // Сборник постановлений Пленумов Верховных Судов СССР и Российской Федерации по уголовным делам. – М., 1996. – С. 240–246.

⁵ Некоторые авторитетные ученые считали данную позицию излишне активной, например, В.П. Божьев. См.: Божьев В. «Тихая революция» Конституционного Суда в уголовном процессе Российской Федерации // Российская юстиция. – 2000. – № 10. – С. 9–11.

⁶ См.: Розин Н.Н. Указ. соч. – С. 35.

жизнь, следует снова вспомнить об удивительной повторяемости истории. Дело в том, что, начавшись с радужных приветствий со стороны большей части юридической общественности, обе реформы, несмотря на очевидные успехи, позволяющие их назвать движением вперед, и, по крайней мере, не признать безрезультатными или ошибочными, столкнулись с самого начала набравшим силу противодействием, которое в исторической науке в отношении Судебных Уставов 1864 года получило обозначение «контрреформа». В отношении же современных преобразований столь жесткий термин в науке пока не применяется, хотя необходимость в нем все более ощущается.

Если бы стояла задача кратко сформулировать главное и общее завоевание обеих судебно-правовых реформ, то при всем субъективизме собственного суждения можно было бы смело назвать небывалый рост юридической активности и юридического самосознания населения страны. Именно эти два явления позволили и в XIX веке, и на рубеже тысячелетий существенно поднять престиж юридической профессии, дать мощнейший толчок к развитию института адвокатуры и всей системы судебной защиты прав личности. И это в равной степени, хоть и в разных масштабах, характеризует обе судебно-правовые реформы.

В остальном же следует признать, что Судебные Уставы 1864 года оказались куда более продуктивными с точки зрения свершения процессуальной революции в отечественном уголовном судопроизводстве, нежели реформа конца XX – начала XXI веков. Конечно, переход от позднесредневекового розыскного уголовного процесса в XIX веке к смешанному не может не быть более ярким событием, чем пусть и принципиальная, но все же модернизация советского смешанного уголовного процесса до смешанного нового российского. Тем не менее, создается стойкое убеждение, что проведенные в самодержавной России преобразования оставили нам процессуальное наследие «на века», а вот новеллы Уголовно-процессуального кодекса России 2001 года могут не прожить и 20-ти – 30-ти лет. Так, в современном уголовном процессе были возрождены институты мировой юстиции и суд присяжных, которые были учреждены именно в XIX веке, да и организация следственной и прокурорской деятельности в основе своей корнями уходит в Уставы 1864 года. И связано это с тем, что при всех недостатках и компромиссных решениях, которых нельзя было избежать в ходе подготовки и утверждения Судебных Уставов, у реформы 1864 года была стройная логическая структура, суть которой – уголовное преследование организационно не может корректи-

ровать объективное познание обстоятельств совершенного преступления и воздействовать на власть судебную. Отсюда возникает институт именно судебного следователя, пусть и с известными издержками, объективного и беспристрастного, которому, разумеется, можно доверить такую цель уголовного процесса, как достижение пресловутой объективной истины по делу. При этом ему не мешают чрезмерные формально-юридические барьеры в процессе доказывания или в системе стадий уголовного процесса, нет даже стадии возбуждения уголовного дела, хотя водораздел между полицейской и процессуальной следственной деятельностью уже ощутим. В то же время логично, что в уголовном процессе самодержавной России при ее особом внимании к публичности сферы борьбы с преступностью не применяются никакие элементы концепции «уголовного иска», вроде сделок о признании вины или целесообразности уголовного преследования.

Современный же уголовный процесс, будучи результатом реформы 90-х годов XX века, как раз прослыл образцом противоречивости, эклектичности и непоследовательного внедрения идей концепции «уголовного иска» в традиционную (еще с дореволюционных времен) ткань уголовно-процессуальной формы, нацеленной на достижение объективной истины. В результате, демократические принципы, соответствующие этой концепции, обреченно увязли в старой структуре досудебного производства и уголовно-процессуального доказывания, характерной для парадигмы «объективная истина». Вот почему среди предложений по совершенствованию действующего уголовно-процессуального права к числу наиболее обсуждаемых в науке относятся объективная истина и гарантии ее установления⁸, отказ от стадии возбуждения уголовного дела⁹ (а первый шаг на данном пути в марте 2013 года был сделан), а также возрождение института судебного следователя¹⁰. Опять же странно, что ког-

⁸ Этой проблеме был посвящен специальный номер журнала «Библиотека криминалиста. Научный журнал». См.: Дискуссионная трибуна // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2012. – № 4. – С. 5–287.

⁹ См.: Гаврилов Б.Я. Влияние уголовно-процессуального законодательства на состояние борьбы с преступностью: цифры и факты // Уголовно-процессуальное законодательство в современных условиях: проблемы теории и практики: сб. статей / [Абрамочкин В.В. и др.]. – М.: Волтерс Клувер, 2010. – С. 16–17.

¹⁰ См.: Рябина Т.К., Козьявин А.А. Системные противоречия процессуальной формы предварительного расследования и пути их разрешения // Российский следователь. – 2009. – № 21. – С. 10–13; Рябина Т.К. Следственный комитет или судебный следователь // Уголовное судопроизводство. – 2011. – № 1. – С. 17–21.

да данные предложения облакаются в форму законодательной инициативы, они нелогично друг друга не предполагают¹¹.

Пожалуй, лишь одна процедура в современном российском уголовном процессе, если проанализировать практику, действительно удалась – это особый порядок судебного разбирательства в порядке главы 40.1 УПК России, столь активно практикующийся в российской судебной системе.

Ход обеих судебно-правовых реформ, как уже было указано выше, с течением времени лишь усиливал противодействие им. И здесь снова вспомним об историческом свойстве «возвращаться на круги своя», которое вызвало к жизни единую логику законодательной «контрреформы» и в XIX, и в XXI века: усиление полицейского, розыскного, публичного начала в ущерб состязательности и правам личности, независимости суда.

Так, в 1870 году министру юстиции позволили командировать для осуществления функций судебных следователей своих чиновников, в 1874 г. установлена зависимость адвокатуры от судов, в 1885 году появились изъятия из принципа судейской несменяемости, в 1887 г. введены ограничения для гласности в судах, в 1871, 1872 и 1878 годах судебное разбирательство по государственным преступлениям заменено административным производством, в 1878 и 1889 годах сокращена компетенция суда присяжных и т.д.¹²

В современном же российском уголовном процессе произошло нечто похожее, причем усилия в «контрреформе» почти поровну разделили законодатель и Конституционный Суд России. Так, в 2003 году впервые с момента реформы расширены основания для возвращения уголовного дела прокурору в порядке ст. 237 УПК России, в 2008 и 2013 году состоялось очередное их расширение. Фактически был реанимирован институт возвращения уголовного дела из суда для производства дополнительного расследования, весьма популярный среди ученых-процессуалистов и практиков¹³,

в том числе и в целях предъявить обвиняемому более тяжкое обвинение, в том числе и по инициативе суда, как неожиданно и наперекор ранее сформулированным правовым позициям указал Конституционный Суд¹⁴.

В 2005 году снят принципиальный запрет на поворот к худшему при проверке уже вступивших в законную силу приговоров суда, а в 2007 году – при возобновлении производства ввиду новых и вновь открывшихся обстоятельств. В 2006 году введена возможность проведения заочного судебного разбирательства при отсутствии согласия подсудимого. В 2007 году усложнено производство дознания, существенно урезаны полномочия прокурора по надзору за следствием с их передачей руководителям следственных органов, прокурор лишился права возбудить уголовное дело самостоятельно и давать согласие на возбуждение каждого уголовного дела. В 2008 году существенно сужена подсудность суда с участием присяжных заседателей. В 2011 году созданием Следственного комитета России началось реформирование следственных органов, которое, как утверждают многие, должно завершиться созданием на основе Следственного комитета сверхмощного и сверхцентрализованного единого следственного органа с лишением МВД и ФСКН их следственных аппаратов. В 2014 году в Государственную Думу внесен законопроект об усечении презумпции невиновности, снятии всех барьеров для возвращения уголовного дела из суда на следствие, о восстановлении такого основания, как отмене приговора, как неполнота, необъективность и односторонность исследования обстоятельств уголовного дела¹⁵. Нет определенности, устоят ли особые правила, введенные в эпоху президентства Д.А. Медведева, в отношении поводов к возбуждению

Кальницкий В.В., Куряхова Т.В. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации по вопросу возвращения уголовного дела в досудебное производство // Уголовное право. – 2009. – № 4. – С. 96–100; Они же. Существо и порядок реализации позиции Конституционного Суда России по вопросу о возвращении дела прокурору для усиления обвинения <<http://www.iaaj.net/node/1409>> (последнее посещение – 24 февраля 2014 г.).

¹⁴ См.: Постановление Конституционного Суда России от 2 июля 2013 г. № 16–П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б.Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда» // Российская газета. – 2013. – 12 июля.

¹⁵ Александр Бастрыкин добрался до истины: инициатива силовиков о второстепенности презумпции невиновности внесена в Госдуму <http://www.ng.ru/politics/2014-01-31/1_bastrykin.html> (последнее посещение – 24 февраля 2014 г.).

¹¹ Обсуждение законопроектов: проект федерального закона "О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу" <<http://www.sledcom.ru/discussions/?SID=3551>> (последнее посещение – 24 февраля 2014 г.).

¹² См.: Розин Н.Н. Указ. соч. – С. 41.

¹³ Давыдов В.А. Пересмотр в порядке надзора судебных решений по уголовным делам: производство в надзорной инстанции: Науч. – практ. пособ. – М., 2006. С. 99–100; Лукожев Х.М. Возвращение уголовного дела для дополнительного расследования // Научные труды. РАЮН. Выпуск 5: В 3-х т. – М., 2005. – Т. 3. – С. 135–136;

уголовного дела, оснований его прекращения и порядка избрания меры пресечения в виде заключения под стражу применительно к преступлениям в сфере предпринимательства.

Безусловно, каждое из состоявшихся изменений уголовно-процессуальной формы является отдельным объектом для дискуссии, и в задачу настоящей статьи не входит оценка их правильности или ошибочности. Вместе с тем, общая тенденция возвращения на дореформенные позиции и в XIX, и в XIX веках все-таки прослеживается: в России демократические, состязательные начала не приживаются и постепенно сворачиваются¹⁶.

Есть у такой общей судьбы судебно-правовых реформ XIX и XXI века и удивительно общие исторические причины: в России традиционно не было и нет ни одной социальной сферы, где реально стимулируется конкуренция, а без конкуренции в экономике, производстве, политике, науке, образовании, медицине и социальной сфере не может быть и конкуренции (состязательности) в уголовном судопроизводстве и в системе отправления правосудия вообще. Ей объективно не было места в самодержавном российском государстве века XIX, так и не решившемся на завершение всего комплекса социальных реформ учреждением Конституции и конституционной монархии с принципом разделения властей. Поэтому отчасти неудачи судебно-правовой реформы, как и крестьянской, историки связывают с их так называемой «половинчатостью». Примечательно, что большинство дореволюционных ученых (И.Я. Фойницкий, Н.Н. Розин, Вл. Случевский и др.) в своих трудах не раз обосновывали значимость принципа разделения властей в государственном организме, опираясь на уже внедренный Судебными Уставами 1864 г. принцип разделения процессу-

альных функций обвинения, защиты и юстиции¹⁷. Увы, нет конкуренции места и сейчас – в государстве, пронизанном всеобъемлющим монополизмом.

Поэтому не удивительно, что основным аргументом в пользу отступления от ключевых положений судебно-правовой реформы является несоответствие новых процессуальных форм менталитету российского народа, его правовым традициям, а также конкретному историческому моменту и его общегосударственным задачам. Так мотивировал необходимость контрреформ в объяснительной записке министр юстиции Российской Империи Н.В. Муравьев¹⁸, таковы же и доводы современных ученых-процессуалистов, политических деятелей и руководителей государственных органов и служб¹⁹.

В отличие от Судебных Уставов 1864 года, сохранивших свою силу и значимость в большинстве тех сфер, которые не касались государственного самодержавного строя, и упраздненных лишь в результате тотального социального потрясения – Октябрьской революции 1917 года, российская судебно-правовая реформа XXI века, все более усугубляя разрыв между декларированными принципами и реальной уголовно-процессуальной деятельностью, вряд ли оставит потомкам какое-либо оригинальное правовое наследие.

Нужно признать, что у обеих судебно-правовых реформ одинаковая судьба – в той или иной степени остаться совокупностью несбывшихся надежд, ибо заложенный в них социальный потенциал, направленный на правовое воспитание социально активного населения и развитие гражданского общества, в целом был не реализован. Возможно, в этом видится основание для разработки новой концепции судебно-правовой реформы в России.

Библиография

1. Арсеньев К.К. Предание суду и дальнейший ход уголовного дела до начала судебного следствия. Сборник практических заметок. – С. – Петербург, 1870. – 235 с.
2. Божьев В. «Тихая революция» Конституционного Суда в уголовном процессе Российской Федерации // Российская юстиция. – 2000. – № 10. – С. 9–11.

¹⁶ Об этом в частности убедительно докладывала на конференции «Уголовная юстиция: связь времен» профессор В.А. Лазарева. См.: Лазарева В.А. Стереотипы мышления как тормоз становления состязательности в уголовном процессе Российской Федерации // Уголовная юстиция: связь времен. Избранные материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург, 6–8 октября 2010 года / Сост. А.В. Смирнов, К.Б. Калининский. – М.: ЗАО «Акцион-Медиа», 2012. – С. 71–77.

¹⁷ См.: Хрестоматия по уголовному процессу России: Учебное пособие / Автор-сост. проф. Э.Ф. Куцова. – М.: Городец, 1999. – С.119–186.

¹⁸ См.: Высочайше учрежденная комиссия для просмотра законоположений по судебной части. Объяснительная записка к проекту новой редакции учреждения судебных установлений. – СПб., 1900. – Т. 1. – С. 65 и сл.

¹⁹ Судьям предложат не полагаться на позиции прокуроров и адвокатов < <http://www.rbcdaily.ru/society/562949990413884> > (последнее посещение – 24 февраля 2014 г.)

3. Высочайше учрежденная комиссия для пересмотра законоположений по судебной части. Объяснительная записка к проекту новой редакции учреждения судебных установлений. – СПб., 1900. – Т. 1. – 94 с.
4. Гаврилов Б.Я. Влияние уголовно-процессуального законодательства на состояние борьбы с преступностью: цифры и факты // Уголовно-процессуальное законодательство в современных условиях: проблемы теории и практики: сб. статей / [Абрамочкин В.В. и др.]. – М.: Волтерс Клувер, 2010. – С. 15–23.
5. Давыдов В.А. Пересмотр в порядке надзора судебных решений по уголовным делам: производство в надзорной инстанции: Науч. – практ. пособ. – М., 2006. – 280 с.
6. Кальницкий В.В., Куряхова Т.В. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации по вопросу возвращения уголовного дела в досудебное производство // Уголовное право. – 2009. – № 4. – С. 96–100.
7. Кальницкий В.В., Куряхова Т.В. Существо и порядок реализации позиции Конституционного Суда России по вопросу о возвращении дела прокурору для усиления обвинения (последнее посещение – 24 февраля 2014 г.).
8. Концепция судебной реформы в Российской Федерации / Сост. С. А. Пашин. – М.: Республика, 1992. – 111 с.
9. Лазарева В.А. Стереотипы мышления как тормоз становления состязательности в уголовном процессе Российской Федерации // Уголовная юстиция: связь времен. Избранные материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург, 6–8 октября 2010 года / Сост. А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский. – М.: ЗАО «Акцион-Медиа», 2012. – С. 71–77.
10. Лукожев Х.М. Возвращение уголовного дела для дополнительного расследования // Научные труды. РАЮН. Выпуск 5: В 3-х т. – М., 2005. – Т. 3. – С. 135–136.
11. Рябинина Т.К. Следственный комитет или судебный следователь // Уголовное судопроизводство. – 2011. – № 1. – С. 17–21.
12. Рябинина Т.К., Козявин А.А. Системные противоречия процессуальной формы предварительного расследования и пути их разрешения // Российский следователь. – 2009. – № 21. – С. 10–13.
13. Хрестоматия по уголовному процессу России: Учебное пособие / Автор-сост. проф. Э.Ф. Куцова. – М.: Городец, 1999. – 272 с.
14. Щедрина Ю.В. Обеспечение независимости судей специальных (сословных) судов в России в 60-е – 80-е гг. XIX в.: проблемы правового регулирования (на примере духовного суда) // Политика и Общество. – 2012. – 11. – С. 126–133.
15. Щедрина Ю. В. Несменяемость судей в России во второй половине 60-х-конце 80-х гг. XIX в.: законодательное закрепление и практика реализации // Право и политика. – 2012. – 9. – С. 1618–1627.

References

1. Arsen'ev K.K. Predanie sudu i dal'neishii khod ugovnogo dela do nachala sudebnogo sledstviya. Sbornik prakticheskikh zametok. – S. – Peterburg, 1870. – 235 s.
2. Bozh'ev V. «Tikhaya revolyutsiya» Konstitutsionnogo Suda v ugovnom protsesse Rossiiskoi Federatsii // Rossiiskaya yustitsiya. – 2000. – № 10. – S. 9–11.
3. Vysochaishe uchrezhdennaya komissiya dlya peresmotra zakonopolozhenii po sudebnoi chasti. Ob'yasnitel'naya zapiska k proektu novoi redaktsii uchrezhdeniya sudebnykh ustanovlenii. – SPb., 1900. – Т. 1. – 94 s.
4. Gavrilov B.Ya. Vliyaniye ugovno-protseual'nogo zakonodatel'stva na sostoyanie bor'by s prestupnost'yu: tsifry i fakty // Ugovno-protseual'noe zakonodatel'stvo v sovremennykh usloviyakh: problemy teorii i praktiki: sb. statei / [Abramochkin V.V. i dr.]. – М.: Volters Kluver, 2010. – S. 15–23.
5. Davydov V.A. Peresmotr v poryadke nadzora sudebnykh reshenii po ugovnym delam: proizvodstvo v nadzornoj instantsii: Nauch. – prakt. posob. – М., 2006. – 280 s.
6. Kal'nitskii V.V., Kuryakhova T.V. Pravovye pozitsii Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii po voprosu vozvrashcheniya ugovnogo dela v dosudebnoe proizvodstvo // Ugovnoe pravo. – 2009. – № 4. – S. 96–100.
7. Kal'nitskii V.V., Kuryakhova T.V. Sushchestvo i poryadok realizatsii pozitsii Konstitutsionnogo Suda Rossii po voprosu o vozvrashchenii dela prokuroru dlya usileniya obvineniya (poslednee poseshchenie – 24 fevralya 2014 g.).
8. Kontseptsiya sudebnoi reformy v Rossiiskoi Federatsii / Sost. S.A. Pashin. – М.: Respublika, 1992. – 111 s.

9. Lazareva V.A. Stereotipy myshleniya kak tormoz stanovleniya sostyazatel'nosti v ugovnom protsesse Rossiiskoi Federatsii // Ugolovnaya yustitsiya: svyaz' vremen. Izbrannye materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Sankt-Peterburg, 6–8 oktyabrya 2010 goda / Sost. A.V. Smirnov, K.B. Kalinovskii. – M.: ZAO «Aktion-Media», 2012. – S. 71–77.
10. Lukozhev Kh.M. Vozvrashchenie ugovnogo dela dlya dopolnitel'nogo rassledovaniya // Nauchnye trudy. RAYuN. Vypusk 5: V 3–kh t. – M., 2005. – T. 3. – S. 135–136.
11. Ryabinina T.K. Sledstvennyi komitet ili sudebnyi sledovatel' // Ugolovnoe sudoproizvodstvo. – 2011. – № 1. – S. 17–21.
12. Ryabinina T.K., Kozyavin A.A. Sistemnye protivorechiya protsessual'noi formy predvaritel'nogo rassledovaniya i puti ikh razresheniya // Rossiiskii sledovatel'. – 2009. – № 21. – S. 10–13.
13. Khrestomatiya po ugovnomu protsessu Rossii: Uchebnoe posobie / Avtor-sost. prof. E.F. Kutsova. – M.: Gorodets, 1999. – 272 s.
14. Shchedrina Yu.V. Obespechenie nezavisimosti sudei spetsial'nykh (soslovnykh) sudov v Rossii v 60–e – 80–e gg. XIX v.: problemy pravovogo regulirovaniya (na primere dukhovnogo suda) // Politika i Obschestvo. – 2012. – 11. – С. 126–133.
15. Shchedrina Yu. V. Nesmenyaemost' sudei v Rossii vo vtoroi polovine 60–kh-kontse 80–kh gg. XIX v.: zakonodatel'noe zakreplenie i praktika realizatsii // Pravo i politika. – 2012. – 9. – С. 1618–1627.

Материал поступил в редакцию 1 марта 2014 г.

РОЛЬ УСТАВА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА 1864 ГОДА В СТАНОВЛЕНИИ И РАЗВИТИИ ТАДЖИКСКОГО УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Аннотация: С момента принятия и введения в действие Устава уголовного судопроизводства 1864 г. прошло 150 лет. Постепенное, планомерное распространение по всей территории России предписаний новых законодательных актов и частичное их распространение на территории дореволюционного Таджикистана стало одним из тех исторических судебно-правовых реформ, которые останутся в истории навсегда. Поэтапное действие Судебных уставов, образование Туркестанского генерал-губернаторства на территории Таджикистана стало одним из основных толчков, которые предопределили дальнейшую судьбу таджикского народа. Смешанное уголовно-процессуальное законодательство не соответствовало политическому режиму, судебной системе и судопроизводству в целом, но с огромным трудом пробивало себе дорогу. Ряд причин, к которым можно отнести действие мусульманского права и его соотношения с имперским законодательством, противоречия, возникновение и формирование новых моделей решения ряда процессуальных конфликтов, стало особенностью развития правовой системы Таджикистана в анализируемой сфере. Сформировавшаяся и обогатившаяся в различных исторических периодах уголовно-процессуальное законодательство Таджикистана и по сей день отражает суть и неразрывную связь с отдельными положениями Судебных уставов, которые заложили основу действующему уголовно-процессуальному законодательству. Сравнительно-правовой анализ частично восполняет пробелы в научных исследованиях.

Ключевые слова: Судебные уставы, Туркестанское генерал-губернаторство, дореволюционный Таджикистан, Средняя Азия, мусульманское право, имперское законодательство, судебная система, смешанная модель, уголовно-процессуальное законодательство, уголовное судопроизводство.

DOI: 10.7256/1994–1471.2014.4.11226

Царь Александр II 20 ноября 1864 г. подписал Указ, утвердивший четыре законодательных акта: Учреждение судебных установлений, Устав уголовного судопроизводства, Устав гражданского судопроизводства и Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. В последующем эти акты стали кратко именоваться «Судебными уставами». В Указе, в частности, отмечалось: «Рассмотрев сии проекты, мы находим, что они вполне соответствуют желанию нашему водворить в России суд скорый, правый, милостивый и равный для всех подданных наших, возвысить судебную власть, дать ей надлежащую самостоятельность и вообще утвердить в народе нашем то уважение к закону, без которого невозможно обществен-

ное благосостояние и которое должно быть постоянным руководителем действий всех и каждого, от высшего до низшего».

19 октября 1865 г. было утверждено Положение о введении в действие Судебных уставов, которое предусматривало постепенное, планомерное распространение по всей территории России предписаний новых законодательных актов. В таком же русле и были частично распространены нормы Судебных уставов и на территории Туркестанского генерал-губернаторства, в состав которого и входил нынешний Таджикистан.

Значение судебной реформы 1864 г. трудно переоценить. Она была, безусловно, прогрессивной не только на фоне существовавших

тогда на Западе судебных систем, но и в исторической перспективе – основные ее идеи сохраняют актуальность и в настоящее время. Российская судебная реформа отнюдь не была слепком с судебных систем, сложившихся в государствах Европы и Северной Америки. Ее основные положения строились с учетом специфики конкретных экономических, социальных, политических, демографических, этнических, религиозных и иных условий, сложившихся в Российской империи.

Одной из центральных достижений реформы было создание вместо множества сословных судов единой для всего государства системы судебных органов. К ним относились две группы судов: общие судебные установления и местные судебные установления. Наряду с ними были созданы и военные суды.

Тем не менее, созданная в 1864 г. судебная система России просуществовала до событий 1917 г. без каких-либо принципиальных изменений. В 1916 г. А.Ф. Кони, выдающийся дореволюционный юрист в своих заметках подчеркивал, что Судебные уставы за этот период приобрели много надстроек и пристроек, испытали значительные перестройки, но коренные их устои – гласность, устность, состязательность, непосредственность восприятия и руководство внутренним убеждением – сохранились так же, как и участие представителей общественной совести в деле суда¹.

Таким же темпом и распространялись нормы и положения Судебных уставов в дореволюционном Таджикистане, но стоит отметить, что с некоторыми изъятиями. Такой тенденции в основном способствовал прочный менталитет таджикского народа и действие имперского права наряду с мусульманским правом. В данном сочетании в основном развивались и апробировались каждый раз правоотношения, деятельность государственных органов и должностных лиц с местным населением и обратно.

Таким образом, судебная реформа 1864 г. предусматривала установление буржуазного смешанного уголовного процесса. Но поскольку тип уголовного процесса в этот период мог быть лишь переходным (к буржуазному) ввиду сохранения значительной власти феодалам (помещиками), а смешанная форма уголовного процесса не соответствовала бюрократическому (деспотическому) политическому режиму царской власти, следовало ожидать задержки, затруднений и реакционных изменений в действительном осуществлении судебной рефор-

мы. Историческая действительность это полностью подтверждает. Прежде всего, Судебные уставы 1864 г. вводились в действие в течении 1866 г. только в Петербургском и Московском округах, а позднее – еще в нескольких округах центральной России. В большинстве губерний, включая все окраины Российской империи (Сибирь, Закавказье, Среднюю Азию, Прибалтику и т.д.), судебная реформа так и не была проведена². Такому противоречивому мнению отсутствуют какие-либо доказательственные факты и цифры.

Вся правовая система того времени условно была поделена на две части. Судя по рукописям историков, для местных жителей действовали нормы мусульманского права, для русскоязычного населения – нормы Судебных уставов. Судебные процессы также проходили в таком разрозненном варианте и в основном были направлены на определение норм, которыми необходимо было руководствоваться при решении конкретного конфликта интересов или случая.

В Бухарском эмирате источниками права служило мусульманское право, обычное право кочевых народов, некоторые нормы и правила, выработанные представителями купеческого сословия, а также нормы договоров между Бухарой и другими, в том числе русскими властями.

Одним из таких договоров и был мирный договор от 23 июня 1868 г. между Бухарой и Россией³. Подписанный договор в основном регулировал торговые отношения между государствами и создавал благоприятные условия для русских купцов. Шесть из 12 статей договора были посвящены этим вопросам. Вопросы политических и правовых отношений между сторонами их обязательства рассматривались в статьях 5, 8, 9 и 11.

В ст. 9 предусматривалась ответственность за проступки и преступления, совершенные русскоподанными на территории Бухары. Последние должны отвечать не перед бухарскими, а перед русскими властями. Россия изъяла своих граждан из ведения местных судов пока еще суверенного государства, договор устанавливал для них права экстерриториальности. Русскоподанные должны были за уголовные преступления отвечать перед туркестанскими властями.

Распространение общеимперских норм, теснивших специальные нормы и норму мусуль-

¹ Кони А. Ф. Собрание сочинений. Т. 1. М.: Юридическая литература, 1966. С. 417.

² Цит. по: Виленский Б. В. Судебная реформа и контрреформа в России. Саратов, 1969 // Курс советского уголовного процесса / под ред. А. Д. Бойкова, И. И. Карпеца. М., 1989. С. 395.

³ Терентьев М. А. История завоевания Средней Азии. В 3-х т. Т. 1. СПб., 1906. С. 388, 474.

манского права, шло постоянно, не прекращаясь. Об этом свидетельствует и проведенный анализ Положения от 1886 г. и его редакция в 1911 и 1916 гг.

В других сферах действие мусульманско-правовых норм и конкретных отраслей мусульманского права здесь не было ограничено. В Бухарском эмирате, в частности на территории дореволюционного Таджикистана, прежде всего, наблюдалось изымание дел субъектов правоотношений по признакам гражданства и вероисповедания, поэтому параллельное действие имперского и мусульманского права на последнее существенного влияния не оказало.

Особенностью действия мусульманского права на территории Туркестанского генерал-губернаторства являлось то, что, несмотря на регулирующие сферы, оно играло второстепенную роль, которая устанавливалась и постоянно ограничивалась господствующим имперским законодательством, в отличие от территории бухарского эмиратства, где оно играло ведущую роль⁴.

Профессор Ф.Т. Тахиров, изучая проблемы действия имперского права на территории дореволюционного Таджикистана и Средней Азии в целом, делит все действовавшие законы на две группы. Первые – это общеимперские законы, нормативно-правовые акты, издаваемые для всей империи, распространяющиеся и на территорию Туркестанского генерал-губернаторства с некоторыми изъятиями. Многие из этих законов применительно к колониальным условиям Туркестанского края содержали отдельные нормы, которые были направлены на то, чтобы обеспечить интересы империи и уже потом – интересы всех прочих. Конкретно это положение можно проследить в каждом законе или распоряжении царского правительства, регламентирующих вопросы подсудности имперских или местных судов⁵.

Вторая группа – это специальные законы, изданные только для Туркестанского генерал-губернаторства. Именно в них находили свое яркое проявление реакционные положения и принципы законодательства царской России, таких как великодержавные интересы, признанные сословных привилегий и т.д.

Распространение имперского права и, как следствие этого, ограничение сферы действия мусульманского права происходило в основном четырьмя путями:

1) распространение общеимперских норм законодательства, 2) изданием специальных законов – Положений, последний из которых был принят 12 июня 1886 г. Издание специальных законов было обусловлено тем, что с помощью общеимперских законов нельзя было разрешить все вопросы, связанные с оперативным управлением и подавлением национально-освободительной борьбы угнетенных народов⁶; 3) определения, выносимые Правительствующим Сенатом и его Департаментами; 4) на основе ввода норм имперского права, постоянное изменение норм специальных законов на нормы общероссийского законодательства.

Если с 1886 г. большинство вопросов правовой сферы, касающихся как управления краем, так и компетенции судебных органов и процесса проведения суда, регулировались непосредственно Положением, то в дальнейшем по мере упрочения власти метрополии на местах ситуация изменяется. В издании Положения от 1903 г. и особенно 1910 г. большинство статей Положения изменено, дополнено или вовсе заменено общеимперскими нормами, регулирующими данное отношение. Так, в ст. 117 (прежде это была статья о системе суда) в редакции 1910 г. перечисляются законы империи, непосредственно действующие в Туркестанском крае. При анализе норм права второго раздела Положения, посвященного судебному устройству и судопроизводству, особенно ясно видно, какие изменения претерпело само Положение и в каком направлении. Статья 117 в редакции 1886 г. гласила: «В Туркестанском крае судебная власть принадлежит мировым Судам, Областным Судам и Правительствующему Сенату». По изменениям и дополнениям та же статья в издании 1911 и 1914 гг. устанавливает, что судебные органы действуют на основании правил, изложенных в Судебных Уставах. Также двумя приложениями к ст. 117 устанавливается круг ведомств имперского мирового суда в Бухарском и Хивинских ханствах. Таким же образом заменены статьи от 119 до 128, от 130–139, от 145 до 192 и от 194 до 206. Исключены или отменены ст. 129 (от 1898 г.), прим. 2 к ст. 140 (от 1901 г.) и ст. 193 (от 1902 г.) ввиду непосредственного регулирования отношений общероссийскими законами. В общей сложности из 137 статей Положения от 1886 г. (ст. 117–254) заменено 79 статей, т.е. больше половины. Предусматривалось распространение норм в связи с развитием новых отношений и видов услуг, ранее неизвестных населению края.

⁴ Буриев И. Б. История государства и права Таджикистана. Т. 1. Ч. 1–2 (от древнейших времен и до начала XX века) / отв. ред. Ф. Т. Тахиров. Душанбе: Ирфон, 2007. С. 210, 203, 204, 227, 229.

⁵ Тахиров Ф. Т. Развитие советского права в Таджикистане. Душанбе: Ирфон, 1994. С. 26.

⁶ Тахиров Ф. Т. Развитие советского права в Таджикистане. Душанбе: Ирфон, 1994. С. 26.

Таким образом, необходимо отметить, что второй и четвертый пути распространения основополагающих принципов и норм общероссийского права и законодательства в крае был главным. Кроме того, в Положение был введен пункт о председательствовании должностных лиц русской администрации в крае (до 1886 г.), о предоставлении им надзорных полномочий, а также право привлечения ими местного населения к дисциплинарным и административным наказаниям, что также вело к сужению действия мусульманско-правовых норм.

В правовой сфере единообразии норм права и процесса достигалось административными путями, т.е. правовая надстройка не соответствовала общественным отношениям и не вытекала из них⁷. Изменения, введенные в крае в такой короткий срок, не учитывали изменений в правосознании людей, как известно, самом консервативном звене правовой системы. Поэтому констатация исследователями того факта, что «ни один туземец добровольно не шел судиться к имперским судам, несмотря на его преимущества⁸», является вполне закономерным выводом. Зная о недостатках судопроизводства, русские власти никаких мер, исправляющих положение дел, не предпринимали⁹. Деятельность властей была направлена в основном на ограничение сфер применения мусульманского права и обычного; на взятие под свой контроль выборов казиев, на подкуп, взяточничество, уменьшение их роли в решении дел, что, в свою очередь, должно было привести к падению авторитета последних.

В официальных документах не указывалось на наличие писанного мусульманского права и адата у местного населения. Решением Государственного Совета было признано необходимым исключить всякое упоминание о письменном мусульманском праве, а равно и упразднить в законе название судей казиями и биями, присвоив суду лишь название народного и постановив, что этот суд руководствуется местными обычаями. Это решение вошло в Положение об управлении Туркестанским краем нормой ст. 210, гласившей: «Оседлые туземцы и кочевники имеют отдельные народные суды, разрешающие подсудные им дела на основании существующих в каждой из означенных частей населения обычаев». Несмотря на это, К.К. Па-

лен в своей работе утверждает, что мотивом разработки «Опыта»¹⁰ было отсутствие правовых обычаев у местного населения¹¹, тезис, справедливо критикованный исследователями¹². Главная цель, поставленная перед администрацией края, заключалась в том, чтобы максимально сблизить общественное, государственное, в том числе и судебное устройство Туркестана с другими областями империи с тем расчетом, чтобы облегчить управление краем.

Распространение и применение законодательства империи оказались возможными благодаря созданному аппарату колониального управления краем, полностью подчинившего своему влиянию все стороны его жизни, «царская Россия, распространяя общеимперские законы и создавая новые для Туркестанского края в праве, воплощала свою колониальную политику, закрепляла и регулировала важнейшие отношения, связанные с «устройством и деятельностью колониального государственного аппарата»¹³.

Несмотря на политическую волю и господство неких размышлений, правовая система дореволюционного Таджикистана медленными темпами шла вперед. Разделение и действие Судебных уставов, в свою очередь, сильно подтолкнули тогдашнюю судебную систему, которая с развитием и присоединением к Советской власти стала претерпевать кардинальные изменения.

Тогда во главе судебной власти в Бухаре стоял Верховный судья – казикалон. Судебная система состояла из Казикалона, казиев областей и бекств эмирата. В области могли назначать более одного судьи. Судьи должны были решать дела по Шариату, выполнять нотариальные функции, подготовить и удостоверить документы на куплю-продажу, брак и разводы, осуществлять надзор за имуществом малолетних наследников, их опекой, а также вакфным имуществом.

В осуществлении правосудия помогали муфтии, законоведы, назначенные на должность. Они составляли фетва – ривоят на основе мусульманских источников права, и скрепляли их своей печатью.

⁷ Тахиров Ф. Т. Развитие советского права в Таджикистане. Душанбе: Ирфон, 1994. С. 21.

⁸ Южаков Ю. Д. Итоги 27-летнего управления Туркестанским краем. СПб., 1891. С. 9–10.

⁹ Буриев И. Б. Из истории деятельности мусульманских судов XXI в. // Известия Академии наук Республики Таджикистан. Серия «Философия и правоведение». 1996. № 2. С. 69.

¹⁰ Опыт систематического изложения главнейших начал шариата, применяемых ныне в коренных областях Туркестанского края. Ташкент, 1909. 126 с.

¹¹ Пален К. К. Правовой быт туземного населения. Т. IV. СПб., 1910. С. 6.

¹² Усманов О. У. История становления и развития советского гражданского законодательства Таджикской ССР в период строительства социализма: Дис. ... д-ра юрид. наук. Ташкент, 1975. С. 14.

¹³ Тахиров Ф. Т. Развитие советского права в Таджикистане. Душанбе: Ирфон, 1994. С. 22.

Казий тоже являлся важным чиновником местной администрации. Суд носил религиозный характер и возглавлялся представителями духовенства, которое включалось в государственный аппарат. Несмотря на то, что должность судьи была государственной, судьи за свою работу определенное жалование не получали. Они собирали специальный налог с населения. В осуществлении правосудия был причастен и муфтий, который подготавливал ривоят – справки по конкретным делам. В основу судопроизводства были положены нормы Шариата и адатов¹⁴.

Интересные примеры из истории уголовного судопроизводства Таджикистана приводит профессор М.М. Муллаев по примирению сторон, где в отношении преступлений, не затрагивающих интересы государства, потерпевшим являлось отдельное частное лицо, вопрос о наказании становился частным делом в зависимости от требовательности потерпевшего. Если потерпевший не требовал возбудить дело, то обвиняемый оставался безнаказанным. Дела об убийствах, кражах, телесных повреждениях и т.п., рассматривались в судах только по требованию потерпевшего или его родственника. В связи с этим часто дело кончалось тем, что обвиняемый уговаривал потерпевшего, или его родственника, давал им вознаграждение и дело не доводило до суда. Потерпевшие же, в особенности из числа трудящихся, зная, что доведение дела до суда влечет за собой хлопоты и расходы (для дачи взятки), соглашались с ними¹⁵.

Вкратце хотелось бы проанализировать несколько норм и установлений Положения об управлении Туркестанским краем, который, в свою очередь, в то время являлся основным регулятором правоотношений в сфере власти и управления краем.

Разработанный проект Положения об управлении Туркестанским краем в 1867 г. Фон Кауфманом не был официально утвержден, только в 1886 г. было принято новое Положение. Положение об управлении Туркестанским краем (1886 г.)¹⁶ внесло существенные изменения в управлении краем и в устройстве суда казиев.

В крае была установлена единая судебная система. Она состояла из общеимперских ор-

ганов правосудия, в состав которых входили: мировые суды, Областной суд, Правительствующий Сенат (ст. 7) и суды местного права. Первую инстанцию последних составлял единоличный народный суд для оседлого населения или бийские для кочевых народов, а вторую – съезд народных судей. Администрация областей и уездов могли вызвать чрезвычайные съезды народных судов. Согласно ст. 249 Положения, они действовали на основании правил, установленных для обыкновенных съездов народных судов, но порядок их созыва, состав и конкретная сфера их компетенции в разборе и решении дел дает нам основание считать их отдельными инстанциями, как это сделано в Положении (ст. 230). В число рассматриваемых съездом дел входили разбор тяжб и споров между жителями разных уездов или волостей, и решения по ходатайствам съезда народных судей о высылке лиц местной национальности (ст. 247)¹⁷.

Предпосылки совершенствования законодательства и судебной системы в целом, несмотря на ряд ограничений в действиях, создали масштабную платформу для дальнейшего совершенствования и оптимизации данных сфер. В данном исследовании целиком и полностью, хоть и частично, но удалось сформировать комплекс тех знаний о судьбе и роли Судебных уставов, которые слепили и сформировали, в том числе, и уголовно-процессуальное законодательство дореволюционного и советского Таджикистана.

Неоценимый вклад Судебных уставов в развитии отечественного уголовно-процессуального законодательства принимается в научных кругах неоднозначно, как в России, так и в Таджикистане. В Таджикистане данная проблематика не исследована и составляет целый комплекс научных знаний, который требует своего анализа и тщательного переосмысления. Единственная научная работа, которая посвящена развитию уголовно-процессуального законодательства Таджикской ССР¹⁸, оставила не исследованным этот особенный исторический этап развития и становления отечественного уголовно-процессуального законодательства.

Шестой период, как утверждают ученые, предусматривал введение буржуазного смешанного уголовного процесса (Судебные уставы 1864 г.), но в действительности уста-

¹⁴ Буриев И. Б. История государства и права Таджикистана. Т. 1. Ч. 1–2 (от древнейших времен и до начала XX века) / отв. ред. Ф. Т. Тахиров. Душанбе: Ирфон, 2007. С. 195, 199.

¹⁵ Муллаев М. М. История уголовного права Таджикской ССР (До издания Уголовного кодекса Таджикской ССР 1935г.): Дис. ... канд. юрид. наук. Ташкент, 1956. С. 17.

¹⁶ См.: Положение об управлении Туркестанским краем // Свод законов Российской Империи. В 2-х томах. – М., 1889. Т. 2. ч. 1. – С. 234–260.

¹⁷ Буриев И. Б. История государства и права Таджикистана. Т. 1. Ч. 1–2 (от древнейших времен и до начала XX века) / отв. ред. Ф. Т. Тахиров. Душанбе: Ирфон, 2007. С. 216.

¹⁸ Раджабов С. Р. Развитие уголовно-процессуального законодательства Таджикской ССР: Дис. ... канд. юрид. наук. Душанбе, 1967. С. 124.

навливают уголовный процесс переходного (к буржуазному) типа в преимущественно розыскной форме с одновременным сохранением элементов смешанной (следственно-обвинительной) формы по общеуголовным делам в судебных округах Центральной России. Лишь в конце этого периода после победы февральской буржуазно-демократической революции 1917 г. буржуазное Временное правительство, оказавшееся слишком непоследовательным и нерешительным в деле окончательной ликвидации феодального общественного строя и бюрократического политического режима, пыталось восстановить и провести в жизнь основные положения Судебной реформы 1864 г. Но и для этого у него не оказалось ни сил, ни времени. Победа Великой Октябрьской социалистической революции впервые в мире привела к возникновению и открыла дорогу развитию социалистического общественного строя и Советского государства с соответствующим ему советским социалистическим уголовным процессом¹⁹.

Даже 25 марта 1917 г. Временное правительство приняло постановление «Об образовании комиссии для восстановления основных положений судебных уставов и согласования их с происшедшей переменой в государственном устройстве»²⁰.

Резюмируя все вышеизложенное, прихожу к такому выводу, что роль Устава уголовного судопроизводства 1864 г. в становлении и дальнейшем развитии таджикского уголовно-процессуального законодательства неопределима и по сей день. Корни и оттенки этого законодательного акта и в настоящее время не потеряли свою актуальность. Спорные точки зрения ученых – историков, теоретиков и других не умаляют достоинство Устава уголовного судопроизводства 1864 г., а, наоборот, раскрывают в той или иной степени весь реальный механизм реализации, пробелы, спорные моменты и формирование нового смешанного уголовно-процессуального законодательства в тогдашнем Таджикистане. Все это в совокупности, хоть и частично, но также свидетельствует о неопределимом вкладе в общем всех норм и положений Судебных уставов, которые заметно сдвинули и перевернули всё уголовное судопроизводство на территории дореволюционного и советского Таджикистана.

Поэтапное развитие и дальнейшее становление уголовно-процессуального законодательства Таджикистана в Советский период его развития шло параллельно на Основах уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, УПК Узбекской ССР 1926, 1929 гг., УПК Таджикской ССР 1935 г. и УПК Республики Таджикистан (в ред. 1961 г.) в шаблонном порядке.

Библиография

1. Буриев И. Б. Из истории деятельности мусульманских судов XXI в. // Известия Академии наук Республики Таджикистан. Серия «Философия и правоведение». 1996. № 2. – С. 69–74.
2. Буриев И. Б. История государства и права Таджикистана. Т. 1. Ч. 1–2 (от древнейших времен и до начала XX века) / отв. ред. Ф. Т. Тахиров. Душанбе: Ирфон, 2007. – 244 с.
3. Виленский Б. В. Судебная реформа и контрреформа в России. Саратов, 1969. – 426 с.
4. Кони А. Ф. Собрание сочинений. Т. 1. М.: Юридическая литература, 1966. – 728 с.
5. Курс советского уголовного процесса / под ред. А. Д. Бойкова, И. И. Карпеца. М., 1989. – 639 с.
6. Муллаев М. М. История уголовного права Таджикской ССР (До издания Уголовного кодекса Таджикской ССР 1935 г.) : Дис. ... канд. юрид. наук. Ташкент, 1956. – 456 с.
7. Опыт систематического изложения главнейших начал шариата, применяемых ныне в коренных областях Туркестанского края. Ташкент, 1909. – 296 с.
8. Пален К. К. Правовой быт туземного населения. Т. IV. СПб., 1910. – 400 с.
9. Раджабов С. Р. Развитие уголовно-процессуального законодательства Таджикской ССР: Дисс. ... канд. юрид. наук. Душанбе, 1967. – 408 с.
10. Тахиров Ф. Т. Развитие советского права в Таджикистане. Душанбе: Ирфон, 1994. – 260 с.
11. Терентьев М. А. История завоевания Средней Азии. В 3-х т. Т. 1. СПб., 1906. – 474 с.
12. Усманов О. У. История становления и развития советского гражданского законодательства Таджикской ССР в период строительства социализма: Дисс. ... д-ра юрид. наук. Ташкент, 1975. – 766 с.
13. Южаков Ю. Д. Итоги 27-летнего управления Туркестанским краем. СПб., 1891. – 293 с.
14. Лазарева В. А. Уголовный процесс как способ защиты прав и свобод человека и гражданина (назначение уголовного судопроизводства) // LEX RUSSICA. – 2010. – 3. – С. 540–550.

¹⁹ Курс советского уголовного процесса / под ред. А. Д. Бойкова, И. И. Карпеца. М., 1989. С. 398.

²⁰ Курс советского уголовного процесса / под ред. А. Д. Бойкова, И. И. Карпеца. М., 1989. С. 397.

15. Масленникова Л.Н. Внешние факторы, определяющие тенденции в развитии уголовного судопроизводства // LEX RUSSICA. – 2010. – 5. – С. 1008–1028.
16. Ветрова Г.Н. Решения в механизме правового регулирования уголовно-процессуальной деятельности // LEX RUSSICA. – 2009. – 6. – С. 1341–1364.
17. Масленникова Л.Н. УПК РФ и перспективы развития уголовного судопроизводства в России // LEX RUSSICA. – 2010. – 3. – С. 551–567.
18. Максимова О.Д. Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1924 года: обсуждение, принятие и внесение изменений в Центральном Исполнительном Комитете СССР // Право и политика. – 2014. – 2. – С. 219–226. DOI: 10.7256/1811-9018.2014.2.10818.

References

1. Buriev I. B. Iz istorii deyatel'nosti musul'manskikh sudov XXI v. // Izvestiya Akademii nauk Respubliki Tadjikistan. Seriya «Filosofiya i pravovedenie». 1996. № 2. – S. 69–74.
2. Buriev I. B. Istoriya gosudarstva i prava Tadjikistana. T. 1. Ch. 1–2 (ot drevneishikh vremen i do nachala XX veka) / otv. red. F. T. Takhirov. Dushanbe: Irfon, 2007. – 244 s.
3. Vilenskii B. V. Sudebnaya reforma i kontreformy v Rossii. Saratov, 1969. – 426 s.
4. Koni A. F. Sobranie sochinenii. T. 1. M.: Yuridicheskaya literatura, 1966. – 728 s.
5. Kurs sovetskogo ugovnogo protsessa / pod red. A. D. Boikova, I. I. Karpetsa. M., 1989. – 639 s.
6. Mullaev M. M. Istoriya ugovnogo prava Tadjikskoi SSR (Do izdaniya Ugovnogo kodeksa Tadjikskoi SSR 1935 g.) : Dis. ... kand. yurid. nauk. Tashkent, 1956. – 456 s.
7. Opyt sistematicheskogo izlozheniya glavneishikh nachal shariata, primenyaemykh nyne v korennykh oblastyakh Turkestanskogo kraja. Tashkent, 1909. – 296 s.
8. Palen K. K. Pravovoi byt tuzemnogo naseleniya. T. IV. SPb., 1910. – 400 s.
9. Radzhabov S. R. Razvitie ugovno-protsessual'nogo zakonodatel'stva Tadjikskoi SSR: Dis. ... kand. yurid. nauk. Dushanbe, 1967. – 408 s.
10. Takhirov F. T. Razvitie sovetskogo prava v Tadjikistane. Dushanbe: Irfon, 1994. – 260 s.
11. Terent'ev M. A. Istoriya zavoevaniya Srednei Azii. V 3–kh t. T. 1. SPb., 1906. – 474 s.
12. Usmanov O. U. Istoriya stanovleniya i razvitiya sovetskogo grazhdanskogo zakonodatel'stva Tadjikskoi SSR v period stroitel'stva sotsializma: Dis. ... d-ra yurid. nauk. Tashkent, 1975. – 766 s.
13. Yuzhakov Yu. D. Itogi 27-letnego upravleniya Turkestanskim kraem. SPb., 1891. – 293 s.
14. Lazareva V.A. Ugolovnyi protsess kak sposob zashchity prav i svobod cheloveka i grazhdanina (naznachenie ugovnogo sudoproizvodstva) // LEX RUSSICA. – 2010. – 3. – С. 540–550.
15. Maslennikova L.N. Vneshnie faktory, opredelyayushchie tendentsii v razvitii ugovnogo sudoproizvodstva // LEX RUSSICA. – 2010. – 5. – С. 1008–1028.
16. Vetrova G.N. Resheniya v mekhanizme pravovogo regulirovaniya ugovno-protsessual'noi deyatel'nosti // LEX RUSSICA. – 2009. – 6. – С. 1341–1364.
17. Maslennikova L.N. UPK RF i perspektivy razvitiya ugovnogo sudoproizvodstva v Rossii // LEX RUSSICA. – 2010. – 3. – С. 551–567.
18. Maksimova O.D. Osnovnye nachala ugovnogo zakonodatel'stva Soyuznogo SSSR i soyuznykh respublik 1924 goda: obsuzhdenie, prinyatie i vnesenie izmenenii v Tsentral'nom Ispolnitel'nom Komitete SSSR // Право и политика. – 2014. – 2. – С. 219–226. DOI: 10.7256/1811-9018.2014.2.10818.

Материал поступил в редакцию 3 марта 2014 г.

К.Ю. Хатмуллин*

СРОКИ ПО УСТАВУ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА 1864 ГОДА

Аннотация: Предметом исследования является регламентация процессуальных сроков и их исчисление по Уставу уголовного судопроизводства 1864. В статье кратко раскрывается история создания Устава уголовного судопроизводства 1864 года, длительность работы над этим документом, трудности в его создании, называются авторы-разработчики Устава. Автор подробно рассматривает технику регламентации сроков на стадии предварительного расследования и в суде с точки зрения установления сроков для государственных органов и должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство и сроков, которые установлены для сторон. Использован анализ норм Устава уголовного судопроизводства 1864 года, в которых регламентируются сроки проведения процессуальных действий и принятия решений, на основе описания и обобщения этих норм сделаны выводы. Делает вывод о том, что регламентация сроков в Уставе уголовного судопроизводства 1864 года имела своей целью – ускорение уголовного судопроизводства, поэтому для принятия решения и совершения действий государственными органами и должностными лицами использовались такие слова, как «немедленно», «своевременно», «безотлагательно», а если и устанавливался определенный период времени, то такие сроки продлению, как правило, не подлежали. По иному регламентировались сроки для сторон, как правило, пропуск стороной срока по уважительной причине подлежал восстановлению, а отказ в восстановлении срока мог быть обжалован.

Ключевые слова: Процессуальные сроки, Процессуальные действия, уголовное судопроизводство, регламентация, должностные лица, стороны, стадия предварительного расследования, следователь, мировой судья, судебные установления.

DOI: 10.7256/1994–1471.2014.4.11139

Принятию Устава уголовного судопроизводства 1864 года предшествовала длительная, огромная работа, которая простекала не одно десятилетие. Н.Н. Розин достаточно подробно описывает эту деятельность в Пособии к лекциям по уголовному судопроизводству¹. Отсчет создания Устава Розин Н.Н. ведет еще от 1767 года, когда Десницкий представляет Екатерине II проект преобразований, в котором указывает на необходимость гласности, несменяемости судей, состязательного начала уголовного судопроизводства, самостоятельной адвокатуры и суда присяжных. В проекте, представленном комиссии в 1804 году, Радищев настаивает на равенстве всех сословий пред законом, отмене допросов с пристрастием, введении судов с присяжными и публичности уголовного судопроизводства. В проекте, составленном Сперанским в 1803 году, указывается на необходимость отделения суда от полиции, введение суда присяжных, публичность

судопроизводства и введение окончательного производства в Сенате, без дальнейшего производства верховной властью.

В 1896 году вносится проект Балугьянского «Черты судебного устройства», который охватывает судебную реформу в полном объеме, он указывает на необходимость отделения судебной власти от власти правительственной и повышения самостоятельности суда и независимости судей. План судебных преобразований разрабатывается комиссией Блудова к середине 1850-х годов.

22 января 1862 года была составлена и разослана для обсуждения членам Государственного Совета записка «Об основных началах». Кроме того, по инициативе председательствующего в Судебных Департаментах князя Гагарина Александр II повелел «Изложить в общих чертах соображения Государственной Канцелярии и прикомандированных к ней юристов от тех главных начал несомненное достоинство коих признано в настоящее время наукой и опытом европейских государств и по коим должны быть преобразованы судебные части

¹ Розин Н.Н. Уголовное судопроизводства. Пособие к лекциям. Петроград, 1916. С. 63.

© Хатмуллин Камиль Юнусович

* Соискатель, кафедра уголовного процесса и криминалистики, Южно-Уральский государственный университет
[acifna@mail.ru]
454080, Россия, г. Челябинск, ул. Коммуны, д. 149, ауд. 301.

в России». Эта кропотливая работа была выполнена под главным руководством Государственного Секретаря В.П. Буткова и его ближайшего сотрудника С.И. Зарудного при участии Н.А. Буцковского, А.Н. Вилинбахова, П.Н. Давневского, А.М. Плавского, К.П. Победоносцева, Д.А. Ровинского, Н.И. Стояновского и С.П. Шубина. Предложения этой комиссии были внесены в соединенные Департаменты Государственного Совета, данное учреждение посвятило их обсуждению 16 заседаний, с апреля по июль 1862 года. Выработанные ими «Основные Положения» судебной реформы были утверждены Александром II. В конце декабря 1863 года разработанные на основании этих Положений проекты были внесены в Государственный Совет, который закончил их рассмотрение в течение 1864 года. 20 ноября 1864 года устав уголовного судопроизводства был утвержден Императором Александром II.

Н.Н. Розин так писал о разработчиках Устава уголовного судопроизводства 1864 года: «Отцы Судебных Уставов» распались на четыре главные группы. Первую составляли чистые теоретики, вносившие в свои предложения строго логические выводы, построенные на отвлеченных политико-юридических принципах; ко второй принадлежали подражатели, стремившиеся без серьезной критики перенести на нашу почву целиком западно-европейские порядки, предлагая преимущественно французские образцы с большей или меньшей примесью английских судебных обычаев. Представителями третьей группы были люди, не решавшиеся сразу оторваться от существующих уже учреждений и приемов судопроизводства и желавшие медленного, осторожного и постепенного перехода от старого к новому. Четвертую группу составляли практические судебные деятели, желавшие полного обновления старого судебного строя, для разрыва с которыми они черпали основания не из теоретических соображений или слепой подражательности, но из знаний русской жизни в ее судебно-бытовых проявлениях и из доверия к умственным и нравственным силам народа, способного к восприятию новых начал уголовного судопроизводства»².

Безусловно являясь концентрацией лучшей правовой мысли, основываясь на знании русской жизни и действительности, Устав уголовного судопроизводства явился, не только первым, но и лучшим российским Уголовно-процессуальным кодексом, который просуще-

ствовал наиболее длительный период сравнительно с иными процессуальными кодексами.

Его отмена была обусловлена Октябрьской революцией 1917 года, и был ли он отменен, это еще вопрос, поскольку действовал, по крайней мере, до 1919 года, в части, не противоречащей революционному правосознанию. С учетом того, что Положение о военных следователях 1919 года, а затем и УПК РСФСР 1922 и 1923 годов восприняли многие его положения, по сути, переписав нормы, посвященные предварительному расследованию. В юридической литературе верно отмечается, что сравнительный анализ советских Уголовно-процессуальных кодексов с ныне действующим УПК показывает, что данные Кодексы построены на единой идее, основу которой заложил Устав уголовного судопроизводства. При этом УПК РСФСР 1922, 1923, 1960 гг. и УПК РФ не содержат каких-либо принципиально новых идей уголовного судопроизводства и являются, по мнению многих процессуалистов, «бледной тенью» Устава уголовного судопроизводства 1864 г.³

Изучение Устава представляет интерес не только потому, что этот Кодекс является первоосновой всего процессуального права России, но и одним из наиболее совершенных процессуальных кодексов. Многие процедурные решения, существовавшие в УУС 1864 г. и не воспринятые советским, а затем и российским законодателем, как представляется, не потеряли своей актуальности и в настоящее время.

Особо для нас представляет интерес регламентация сроков уголовного судопроизводства. Необходимо отметить, что отдельно главы, посвященной срокам и порядку их исчисления, Устав уголовного судопроизводства не содержал. Длительности и сроки устанавливались при регламентации совершения конкретных действий и принятия конкретных решений. Устав уголовного судопроизводства 1864 года предусматривал также ряд норм, направленных на быструю и рациональную организацию процесса. Например, в соответствии со ст. 295 УУС производство предварительного следствия должно было проводиться «со всевозможной скоростью» и не останавливалось ни в воскресные, ни в праздничные дни, если этого требовали обстоятельства дела. Важным препятствием затягивания производства по делу служила и ст. 251 Учреждения судебных установлений, наделявшая председателей судебных мест правом надзора «за скорым и пра-

² Розин Н.Н. Уголовное судопроизводство. Пособие к лекциям. Петроград, 1916. С. 63.

³ Маслов И.В. Процессуальная форма дознания и предварительного следствия по Уставу уголовного судопроизводства Российской империи 1864 года // Уголовное судопроизводство, 2007, № 4.

вильным движением дел»⁴. М.В. Духовской в то время писал, что «вопрос об ускорении процесса составляет действительно предмет особой важности», так как медленный суд вынуждает долго томиться под гнетом неопределенности, а «всякое замедление в наказании виновных создает опасность для правосудия, а вместе с тем и для общественного порядка»⁵.

Так, в ст. 266 УУС было закреплено, что судебный следователь должен принимать своевременные меры, необходимые для собраний доказательств, и в особенности не допускать никакого промедления в обнаружении и сохранении таких следов и признаков преступления, которые могут изгладиться». Статья 267 УУС уточняла данное положение применительно к выемке и отображению вещественных доказательств, указывая, что к данным следственным действиям необходимо приступать при самом открытии сих вещей, т.е. в момент их обнаружения немедленно. ст. 309 УУС устанавливала, что «если судебный следователь в сообщении полицейских или других присутственных мест и должностных лиц не найдет достаточно оснований к производству следствия, то немедленно сообщает о том прокурору или его товарищу».

В ст. 317 УУС устанавливалось, что осмотры и освидетельствования, кроме случаев, не терпящих отлагательств, производятся днем. Аналогичная норма содержится в ст. 363 УУС применительно к обыскам и выемкам: «Обыск и выемка производятся днем. Но в случае необходимости, дозволяются и ночью, не иначе, однако как с объяснением в протоколе причин, побудивших следователя прибегнуть к этой чрезвычайной мере». Н.Н. Розин, рассуждая о случаях, когда следственные действия могут быть произведены чинами и должностными лицами органов полиции, а не судебным следователем, указывает на примерный перечень случаев, не терпящих отлагательств: когда полицию застигнуто совершающееся или только совершенное деяние, а также когда до прибытия на место судебного следователя, следы преступления могли бы изгладиться. Предполагается, что в этих же случаях осмотры, освидетельствования, обыски и выемки могут производиться в ночное время.

Статья 328 УУС указывает, что сведущие люди по требованию судебного следователя должны являться немедленно, и за неявку могут быть подвергнуты той же ответственности,

что и понятые. В ст. 323 УУС устанавливается, что за неявку к следствию без уважительной причины понятые могут быть подвергнуты денежному взысканию не свыше двадцати пяти рублей. В ст. 344 УУС регламентируется срок передачи акта освидетельствования от врача следователю: «вслед за освидетельствованием и никак не позже трех суток».

Ст. 381 УУС устанавливает срок, в соответствии с которым призываемому повесткой к следствию назначается срок явки, сообразно с расстоянием и местными средствами сообщения. В соответствии со ст. 382 УУС «предъявитель повестки отмечает на ней время ее вручения и требует, чтобы в данной о том расписке было означено время получения повестки. Если призываемый откажется дать расписку, то предъявитель повестки приглашает двух свидетелей, которым заявляет отказ призываемого и отмечает на обоих экземплярах повестки, кому и когда именно она вручена и почему нет расписки принявшего». ст. 398 УУС регламентирует порядок и время допроса обвиняемого: «Судебный следователь обязан снять с обвиняемого первоначальный допрос немедленно и приказ не позже суток после его явки или его привода». Причины отсрочки, если он не был сделан в течение первых двенадцати часов после явки или привода, означаются в протоколе, с которого копия выдается обвиняемому по его требованию (ст. 399 УУС). Если следователь не прибывает в течение суток по приводу обвиняемого к следствию, то полиция составляет о том протокол, приобщаемый к делу и объявляет обвиняемому, насколько это ей известно, о причинах его задержания (ст. 400 УУС). В регулировании сроков Устав уголовного судопроизводства достаточно часто применяет слово своевременно: «Не ограничиваясь показаниями самого обвиняемого следователь своевременно собирает сведения о звании его и о том, не имеет ли он каких-либо особых заслуг и отличий, а также не находился ли прежде всего под судом и если находился, то какой постановлен по его делу приговор; но за неполучением сих сведений дело не останавливается в дальнейшем ходе его».

При применении взятия под стражу к обвиняемому как меры пресечения в соответствии со ст. 431 УУС «постановление о взятии под стражу предъявляется обвиняемому при самом отправлении его в место заключения и, во всяком случае, – до истечения суток от времени его задержания. Копия с сего постановления доставляется в место заключения обвиняемого».

Примечательно, что в соответствии со ст. 437 УУС время для явки свидетелей назначается, по возможности, в которое они свободны от занятий. В соответствии со ст. 440 УУС если

⁴ См. Апостолова Н.Н. Разумный срок уголовного судопроизводства // Российская юстиция. 2010. № 9.

⁵ Духовской М.В. Русский уголовный процесс. М., 1905. С. 165.

свидетель, подвергнутый за неявку к следствию денежному взысканию, представит в двухнедельный срок со дня объявления ему о наложенном взыскании удостоверение, что он явиться не мог, то судебный следователь освобождает его от взыскания.

Не реже чем слово «своевременно» в Уставе уголовного судопроизводства употребляется для регулирования сроков производства действия слово «немедленно». Так, в соответствии со ст. 441 УУС «Свидетели допрашиваются немедленно по явке их. В случае какого-либо препятствия к снятию допроса в течение двенадцати часов после явки, причины сего означаются в протоколе, с которого копия выдается свидетелю по его требованию».

Необходимо отметить, что регулирование сроков производства у мировых судей по Уставу уголовного судопроизводства также направлено на его ускорение. Так, в соответствии со ст. 116 УУС «Разбирательство и решение каждого дела оканчивается у мирового судьи по возможности в одно заседание». В соответствии со ст. 117 УУС мировой судья по усмотрению из обстоятельств дела, что оно не подлежит его разбирательству, обязан немедленно передать дело судебному следователю, или, если нет надобности в производстве следствия, непосредственно прокурору. Одним из условий постановления заочного приговора мировым судьей являлся тот факт, что обвиняемый в проступке, за который полагается наказание не свыше ареста, не явится и не пришлет поверенного к назначенному сроку или же хотя и пришлет поверенного, но по такому делу, по которому он сам вызывался лично. Приговор также мог быть постановлен заочно мировым судьей, если в случае неотыскания к назначенному сроку обвиняемого в таком преступном деянии, за которое в законе положено заключение в тюрьме или наказание более строгое, мировой судья, отлагая суждение о наказании впредь до привода отыскиваемого лица, постановляет по иску о вознаграждении за вред и убытки заочное решение по правилам гражданского судопроизводства (ст. 134 УУС). Однако если до постановления заочного приговора мировой судья узнает, что причиной неявки обвиняемого были какие-либо непреодолимые препятствия или что повестка о вызове не была своевременно доставлена, то, отложив разрешение дела, назначает на явку обвиняемого новый срок, о чем и ставляет его в известность (ст. 136 УУС). Обвиняемый, пропустивший назначенный на явку срок, но прибывший на суд до постановления приговора по существу дела, допускается к словесным объяснениям. Постановленный приговор не почитается заочным (ст. 139 УУС).

В соответствии со ст. 145–147 УУС на неокончательные приговоры мирового судьи может быть подан отзыв сторонами в двухнедельный срок со времени объявления приговора. В соответствии со ст. 151 УУС «Отзыв, поданный в установленный срок, останавливает исполнение приговора. Но принесением отзыва лишь по предмету вознаграждения за вред и убытки не останавливается исполнение приговора о наказании». В соответствии со ст. 152 УУС на медленность производства у мирового судьи могла быть подана частная жалоба отдельно от отзыва. Данное положение также являлось гарантией быстрого рассмотрения дела у мирового судьи.

В соответствии со ст. 517 УУС прокурор по получении предварительного следствия обязан дать указанный в законе ход всякому следствию, в течение недели от времени его получения.

Следует отметить, что ст. 512–515 Устава уголовного судопроизводства также направлены на ускорение процесса расследования и передачи дела в суд. В соответствии со ст. 512 «В случае очевидной неполноты произведенного следствия, не представляющей возможности составить правильное заключение о существе дела, прокурору представляется право или потребовать дополнительные сведения, или обратиться к дознанию. При этом обнаруженные при исследовании какого-либо преступления или проступка противозаконные действия лиц, не участвовавших в том преступлении или проступке, не могут быть поводом обращения к дополнению, но должны быть предметом особого следствия (ст. 513 УУС). Прокурору воспрещается под опасением законной ответственности останавливать течение дела для пополнения следствия сведениями несущественными (ст. 514 УУС). В соответствии со ст. 515 УУС, если при совокупности преступлений обвиняемого важнейшее из них уже вполне исследовано, а для обнаружения обстоятельств преступного деяния менее важного необходимо продолжительное время, то оконченому по важнейшему преступлению следствию может быть дан дальнейший ход, когда по деянию менее важному нет ввиду ни соучастников обвиняемого, ни гражданского иска о вознаграждении».

Для регламентации сроков приготовительных к суду распоряжений в ст. 548 УУС устанавливается: «При предварительном рассмотрении дела разрешаются безотлагательно и все возбужденные жалобами и заявлениями сторон вопросы».

Таким образом, можно сделать заключение, в соответствии с которым относительно сроков действий и решений, осуществляемых

органами и должностными лицами, ведущими уголовное судопроизводство в Уставе уголовного судопроизводства 1864 года наиболее часто употребляются слова «своевременно», «незамедлительно» и «безотлагательно», в отношении иных участников уголовного судопроизводства устанавливаются сроки как определенный период времени, пропуск которого по уважительной причине не влечет за собой для участника каких-либо негативных последствий.

И.Я. Фойницкий писал о сроках в уголовном судопроизводстве следующим образом. Если предполагается выполнение действия судебным установлением или лицом, приглашенным в помощь ему, то срок имеет значение делопроизводственное, представляясь мерой внутреннего порядка судебной деятельности; так, например, мировой судья обязан отослать представленный ему апелляционный или кассационный отзыв вместе с делом к непременно члену в течение трех дней (ст. 149 УУС), а частную жалобу – в течение суток (ст. 154 УУС)». Ученый полагал, что «более крупное» значение имеют сроки, которыми предполагается выполнение какого-либо действия стороной – и такие сроки следует именовать процессуальными в отличие от делопроизводственных, поскольку от их соблюдения или пропуска ставится в зависимость само существование процессуального права. Кроме того, он считал, что процесс инквизиционный, следственный, усматривавший во всяком вмешательстве сторон в это дело вред и опасность для правосудия, само собой, должен был крайне отрицательно относиться к процессуальным срокам. Процесс смешанный восстанавливает их, вводя деятельность сторон как интегральную часть судебного разбирательства⁶.

Порядок исчисления сроков Уставом уголовного судопроизводства не определялся. И.Я. Фойницкий также писал, что в делах уголовных принято гражданское исчисление сроков. Первым днем срока признавался день, следующий за тем, когда состоялось судебное следствие, с которого начинается право жалобы. Например, вручение стороне копии приговора; этот

момент оставлен действующим правом в двух случаях: 1) для принесения отзывов на заочные приговоры (ст. 139, 834.5 УУС) и для казенных управлений при обжаловании им приговоров мировых судей и съездов (ст. 1190 УУС). Однако по общему правилу, когда приговор провозглашается публично, начальным моментом срока признается объявление приговора в публичном заседании (ст. 153, 895 УУС).

Течение срока начинается со дня, следующего за днем судебного действия, конечный момент – последний день срока. При этом остается неясным, как исчислялись сроки, определяемые в неделях.

Сторона, пропустившая срок, может обратиться с ходатайством к суду о восстановлении срока. Если суд признает указанные причины уважительными, он восстанавливает срок, в противном случае отклоняет ходатайство (ст. 868 УУС). Сам Устав Уголовного судопроизводства 1864 года не предусматривает возможность обжалования отказа в восстановлении срока. При этом практика допускает такое обжалование вплоть до третьей инстанции⁷.

Таким образом, в Уставе уголовного судопроизводства 1864 года устанавливались длительности и сроки для должностных лиц и государственных органов, осуществляющих уголовное судопроизводство с помощью слов «незамедлительно», «своевременно», «безотлагательно», установление для этих лиц и органов сроков в виде определенного периода времени не предполагало его продление, а любое промедление в реализации установленного срока требовало указания причин для этого. При этом продление таких сроков не допускалось.

При установлении сроков для сторон предусматривался определенный период времени, пропуск которого по уважительной причине влек за собой его восстановление.

Следует отметить, что сроков предварительного расследования, рассмотрения дел в судебных установлениях не предусматривалось, исключением из этого правила, пожалуй, можно назвать только установление рассмотрения дела у мирового судьи в одно заседание.

Библиография

1. Розин Н.Н. Уголовное судопроизводство. Пособие к лекциям. Петроград, 1916.
2. Маслов И.В. Процессуальная форма дознания и предварительного следствия по Уставу уголовного судопроизводства Российской империи 1864 года // Уголовное судопроизводство. 2007. № 2.
3. Апостолова Н.Н. Разумный срок уголовного судопроизводства // Российская юстиция, 2010. № 9.

⁶ См. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Том II. СПб. 1996. С. 346–347.

⁷ Указ соч. С. 348.

4. Духовской М.В. Русский уголовный процесс. М., 1905.
5. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Том II. СПб. 1996.

References

1. Rozin N.N. Uголовное судопроизводство. Posobie k lektsiyam. Petrograd, 1916.
2. Maslov I.V. Protsessual'naya forma doznaniya i predvaritel'nogo sledstviya po Ustavu uголовного судопроизводства Rossiiskoi imperii 1864 goda //Uголовное судопроизводство. 2007. № 2.
3. Apostolova N.N. Razumnyi srok uголовного судопроизводства //Rossiiskaya yustitsiya, 2010. № 9.
4. Dukhovskoi M.V. Russkii uголовnyi protsess. M., 1905.
5. Foinitskii I.Ya. Kurs uголовного судопроизводства. Том II. SPb. 1996.

Материал поступил в редакцию 23 февраля 2014 г.

Д.В. Зотов*

НЕОБХОДИМЫЕ ПРЕДЕЛЫ ДОКАЗЫВАНИЯ В УСЛОВИЯХ КОНЦЕПЦИИ СВОБОДЫ ВНУТРЕННЕГО СУДЕЙСКОГО УБЕЖДЕНИЯ

Аннотация: Одним из выдающихся судебных преобразований России 1864 года остается отмена формальной теории доказательств и провозглашение принципа свободы внутреннего убеждения судьи. Однако полного устранения количественного критерия, присущего системе законных доказательств из новой системы доказывания не произошло. Дореволюционные юристы признавали существование «преимущественных доказательств» в уголовном процессе. Вопрос о преимущественных доказательствах остается проявлением искусственной теории доказательств и связан с понятием достаточных и необходимых пределов доказывания. Вопрос о достаточных пределах доказывания решается неоднозначно. Использован сравнительно-исторический метод исследования работы отечественных ученых по проблемам реформы уголовного судопроизводства 60-х годов XIX столетия. Уголовно-процессуальное познание не безгранично. Его ретроспективность, с одной стороны, и нацеленность на установление истинности существующих сведений о фактах, с другой, предполагают определение пределов познавательного процесса. Если эти пределы исследования преступления выражены в установленной законом процессуальной форме, их принято называть пределами доказывания. Под пределами доказывания понимается число доказательств, требуемое для определения их достаточности; предпринята попытка определения необходимого и оправданного числа доказательств, позволяющего субъектам доказывания обосновать позицию по делу.

Ключевые слова: пределы доказывания, обязательные доказательства, необходимые пределы, достаточные пределы, достаточность, преимущественные доказательства, источники доказательств, информационный подход, Устав уголовного судопроизводства, процесс доказывания.

DOI: 10.7256/1994-1471.2014.4.11256

В ряду блестящих судебных преобразований России 1864 года стоит реформа концепции доказывания – переход от формальной к свободной оценке доказательств. От решения вопроса, какую теорию доказательств (формальную или по внутреннему убеждению) принять, «зависят не только главные формы судопроизводства, но и самое устройство суда»¹. Поэтому провозглашение свободы судебного убеждения в доказывании явилось фундаментальным, связующим, а главное – органичным и неизбежным условием для реформирования отечественной судебной системы и уголовного процесса.

По мнению разработчиков реформы, свобода оценки доказательств не безгранична: поми-

мо условий процессуальной формы, в которой формируется судебское убеждение, существует и система общественного контроля, проявляющаяся в гласности и открытости процесса.

Предпосылкой свободной оценки, конечно, следует считать провозглашенные принципы **непосредственности** и **устности** судебного разбирательства. Личное восприятие доказательств из первоисточника, а не «из вторых рук», без каких-либо промежуточных звеньев, а равно устное обсуждение всех материалов, имеющих значение для дела, выступают важной гарантией внутренней убежденности.

Свободная оценка, предполагающая отсутствие заранее определенной силы доказательства и их достаточной совокупности, вносит новые акценты в формирование профессионального судебного мировоззрения. На смену безынициативному судье, применявшему количественный алгоритм подсчета доказательств по формуле закона, основанного

¹ Соображения Государственной канцелярии о судопроизводстве гражданском, уголовном и судостроительстве // Материалы по судебной реформе России 1864 г. Т. 18, ч.2. С. 4.

© Зотов Денис Валентинович

* Кандидат юридических наук, доцент кафедры организации судебной власти и правоохранительной деятельности, Воронежский государственный университет [zotov78@mail.ru]

394000, Россия, г. Воронеж, пл. Ленина, д. 10 а.

на приблизительных житейских презумпциях, приходит судья-мыслитель, сознающий уникальность события преступления, исследование которого свободно от предрешенной искусственной системы улик, и где есть место разумным сомнениям. Такие метаморфозы заставляют творцов судебной реформы озаботиться тем, чтобы судебское усмотрение, с одной стороны, не превратилось в безответственную вседозволенность судьи, а с другой, свобода оценки, как и любая другая свобода, подлежит охране и защите от незаконного воздействия. Все это послужило предпосылками для закрепления идей **самостоятельности, независимости и беспристрастности** суда.

Какой была бы **российская адвокатура**, зародившись в теории формальных доказательств? Случился ли бы феномен отечественной правозащиты в условиях шаблонного доказывания? Сколько бы еще надежда поверенного «достучаться до судьи» пряталась за непроницаемым забралом предрешенных улик? Провозглашение свободы оценки доказательств породило принципиально новую адвокатуру, видевшую основания для защиты в возможности открытой аргументации не скованной искусственной шкалой предрешенных доказательств.

Через призму свободы судебское усмотрение открываются новые стороны в организации **прокурорского надзора**. Одно лишь закрепление того, что споры между следователем и прокурором решались в суде, позволяло авторам реформы надеяться на незамыленное судебское отношение к различным проблемам доказывания.

Свободная оценка личных доказательств предполагает их восприятие независимо от субъективных характеристик источника доказательства (происхождение, должностное, социальное, имущественное положение и пр.), если это не имеет отношение к делу. Таким образом, и **идея всесловности (равенства всех перед законом и судом)** находится в органической связи с концепцией свободной теории доказательств.

И последним, пожалуй, самым радикальным следствием провозглашения принципа свободы внутреннего убеждения было введение **суда присяжных**. Неоднократно отмечалось, что российский суд присяжных представлял собой феномен демократических преобразований в условиях абсолютизма, где правила судебных доказательств не стесняют совести представителей народа.

Названные новеллы реформаторов отличались взвешенной системностью, органическим единством, затрагивали весь судостроительный и судопроизводственный механизм, содер-

жали последовательный порядок реализации основных преобразований, а главное, здесь не было половинчатых полумер, что и заставило назвать судебные преобразования Александра II самыми радикальными в чреде великих реформ. Отстаивая радикализм преобразований, один из «отцов» реформы С.И. Зарудный заявлял: «Полумеры не могли привести ни к чему. Здание новой юстиции должно быть построено на слишком прочных основаниях, чтобы его не разрушила та болотистая почва, на которой его нужно было строить»².

Конечно, такой радикализм, меняющий не только всю систему законодательства, но и требующий коренного перелома правосознания (в том числе и сложившегося) у правоприменителя не мог не вызвать критику как всех положений реформы, а в большей части ее основного революционного положения – введение принципа свободной оценки доказательств.

Характер критических замечаний различался. Здесь было и реакционное нежелание вообще каких-либо изменений, олицетворяемое министром юстиции графом В.Н. Паниным. Неодобрение с позиций «исторических начал» слышалось из лагеря славянофилов, которые как «умы боязливые испугались радикализма этой реформы, обрекающей на забвение все старинные заблуждения судебного управления, завещанные Екатериной II... Мысль, что Россия может руками и ногами ухватиться за простые теории демократического кодекса Наполеона, кажется этим трусливым натурам какой-то безмерной дерзостью, делом несбыточным, способным породить страшные беспорядки в общественной экономике России»³. Более мягкое и вдумчивое отношение к идеям реформы выражал глава II отделения императорской канцелярии граф Д.Н. Блудов, который «хотел улучшить судопроизводство и судостроительство без существенных изменений, исправляя его однозлые недостатки путем синтеза «исторических начал» российского законодательства и элементов западноевропейского»⁴.

Однако представители буржуазно-либеральных настроений отстаивали необходимость полномасштабных коренных реформ, а не штучного эволюционного развития. Значимым в этом отношении была просвети-

² Зарудный С.И. По поводу судебной реформы // Журнал Министерства юстиции. 1864. № 12. С. 365–380.

³ Критический обзор судебных преобразований: ежемесячное приложение к газете «Народное богатство». Спб., 1968. С. 34.

⁴ Коротких М.Г. Судебная реформа 1864 года в России (сущность и социально-правовой механизм формирования). Воронеж, 1994. С. 206.

тельская деятельность выдающихся отечественных юристов. Так, осенью 1860 года были прочитаны, а в дальнейшем опубликованы публичные лекции В.Д. Спасовича. Они стали заметным явлением в общественной жизни России. После них теория формальных доказательств, составляющая «центральный узел всей системы судопроизводства, душу всего уголовного процесса»⁵ и предпосылку судостройства была отменена в сознании каждого образованного человека⁶. Будущий «король адвокатуры» доказал, что без отмены теории формальных доказательств нельзя улучшить правосудие. Меняя ее на оценку доказательств по внутреннему убеждению, необходимо изменить систему судостройства и судопроизводства, иначе это будет «бумажная реформа». Однако реформа теории доказательств сама, в свою очередь, зависит от множества иных коренных преобразований в судостройстве и судопроизводстве. Ее плодотворное влияние должно обеспечиваться механизмом, построенным на принципах отделения судебной власти от исполнительной, гласности и устности судебного процесса, независимости суда от прокурора, наделенного обвинительной властью, адвокатской судебной защиты.

Какие факты, связи между ними и при каких условиях способны сформировать судебское убеждение – заранее определить чрезвычайно сложно. Однако несправедливо было бы утверждать о полном устранении количественного критерия, присущего системе законных доказательств из новой системы доказывания. Несмотря на отсутствие дифференцированных и особых производств в Уставе уголовного судопроизводства, на широкую практику суда присяжных как олицетворения свободной оценки доказательств, дореволюционные юристы все равно признавали существование «преимущественных доказательств»⁷ в уголовном процессе.

Вопрос о преимущественных доказательствах остается проявлением искусственной теории доказательств и органически связан с понятием достаточных и необходимых пределов доказывания.

Вопрос о достаточных пределах доказывания решается неоднозначно.

С одной стороны, излишнее обоснование одного и того же факта различными способами и

средствами свидетельствует о нерациональности уголовно-процессуального познания, влечет потерю времени и сил функционеров судопроизводства, мешает целеустремленности субъектов доказывания. К отрицательным проявлениям неоправданного переизбытка доказательств следует отнести отрыв лиц от своих занятий, повышение материальных затрат судопроизводства, нарушение принципа разумности сроков и экономичности процесса.

С другой стороны, количественный критерий достаточных пределов доказывания призван гарантировать надежность и прочность собранных доказательств. Сложно опровергнуть известную формулу, согласно которой достоверность доказательств пропорциональна их числу. Вопросы количественной оценки доказательств занимали Л.Е. Владимирову: «Увеличивая число свидетелей, мы, следовательно, действуем по тому же способу, по какому индуктивный исследователь устанавливает причинную связь между двумя явлениями посредством постепенного исключения влияния случайных обстоятельств. Умножая число свидетелей, мы вычитаем причины случайные (физиологическую, интеллектуальную негодность) и причины, отклоняющие свидетеля от правдивого показания (страсти, интересы, предрассудки), пока не достигаем такого числа свидетелей, которое обеспечит чистоту свидетельского показания»⁸. Не потеряли своей актуальности взгляды Г.М. Миньковского: «С увеличением количества доказательств, с объективно совпадающим или частично перекрывающимся (подкрепляющим) содержанием увеличивается и их надежность, а следовательно, и надежность установления обстоятельств, входящих в предмет доказывания»⁹. Обоснованные опасения дискредитации доказательств, а равно и реальное противодействие расследованию, предполагают «сознательное допущение некоторой избыточности доказательств, обеспечиваемой дублированием наиболее «узких мест» и установлением дополнительных связей между доказательствами»¹⁰. Вследствие этого А.Р. Белкин, задаваясь вопросом «а можно ли утверждать, что эта система доказательств, составляющая пределы доказывания, не только достаточна, но и *необходима*, т.е. в ней нет излишних, избыточных элементов и звеньев?» пришел к пониманию пределов доказывания

⁵ Спасович В.Д. О теории судебно-уголовных доказательств в связи с судостройством и судопроизводством. М., 2001. С. 4. (репринтное издание).

⁶ Коротких М.Г. Указ. соч. С. 122.

⁷ См., например: Духовский М.В. Русский уголовный процесс. М., 1910. С. 202.

⁸ Владимиров Л.Е. Учение об уголовных доказательствах. Тула, 2000. С. 53.

⁹ Теория доказательств в советском уголовном процессе / Отв. ред. Н.В. Жогин. М., 1973. С. 191.

¹⁰ Белкин А.Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве. М., 2007. С. 51.

как «разумно избыточной» системы доказательств, при этом отнюдь не необходимой¹¹.

Разумная избыточность как относительная категория не позволяет заранее назвать оправданное число доказательств, требуемых для установления искомого факта. Необходимо учитывать, что оценка числа доказательств постоянно меняется. Хотя собранная совокупность доказательств до определенного момента позволяет считать те или иные обстоятельства предмета доказывания установленными, эта оценка до окончания доказывания всегда является лишь предварительной и подвергается перепроверке. Самые разнообразные факторы могут влиять на расширение или сужение пределов доказывания: выявление новых обстоятельств дела, выдвижение версий, перемена субъекта доказывания, переход в новую стадию процесса, ошибки расследования и пр. Принципиально лишь то, что основным условием, определяющим пределы оправданной избыточности, выступает уникальность конкретного уголовного дела. Сугубая индивидуальность преступного события прошлого делает невозможным предварительный расчет совокупности доказательств, дублирующих и страхующих друг друга. Каждое уголовное дело формирует только ему присущее оправданно-разумное число доказательств, которое и выражает понятие фактических пределов доказывания по конкретному делу.

Важно, что фактические пределы доказывания представляют определение числа источников доказательств, требуемых для обоснования выводов по делу, а вовсе не количественную оценку содержащихся в них сведений. Предположения о возможностях математического анализа достоверности выводов из системы доказательств были критически оценены и сделан верный вывод о преждевременности подобных попыток. Аргументация сводилась к тому, что в каждом случае субъекты доказывания сталкиваются с неповторимым комплексом доказательств, где «могут фигурировать не только типичные для данного вида преступления доказательства, частота встречаемости которых может получить количественную оценку вероятностно-статистическими методами, но и доказательства «атипичные», сугубо индивидуальные по своему характеру, ценность которых не только нельзя выразить количественно, но и даже предвидеть»¹². Остается лишь добавить, что фактические пределы подлежат установлению не только для итоговых выводов по делу,

но и для отдельных фактов материального и процессуального характера, нуждающихся в доказывании.

Несмотря на то, что свобода оценки доказательств, в том числе их численности, обуславливает невозможность просчета разумной избыточности доказательств, тем не менее, это не исключает попыток определения случаев, когда пределы доказывания заранее следует признать неоправданными. Причины неоправданной избыточности связаны с допущением характерных ошибок (просчетов):

- 1) материальных (*например*, установление обстоятельств, не предусмотренных диспозицией Особенной части УК РФ);
- 2) процессуальных (*например*, собирание недопустимых доказательств в силу процессуальных правил доказывания; установление обстоятельств, не входящих в предмет доказывания, фактов, не требующих доказывания, общеизвестных фактов; игнорирование преюдициальных фактов и т.п.);
- 3) организационно-тактических (*например*, неправильная организация процесса расследования, приведшая к расширению круга источников одной и той же информации, при возможности ее получения более простым способом; расчет на получение доказательств определенного вида научно необоснованными способами);
- 4) персональных (*например*, личные качества субъекта доказывания, мешающие ему определить пределы разумной избыточности доказательств; случаи, когда функционер доказывания не «может остановиться» в процессе формирования доказательств).

Названные причины связаны, в том числе, и с оценкой содержательной стороны доказательства, а не только с фактом самого наличия источника доказательства, но, тем не менее, приведенные просчеты однозначно влекут необоснованное количественное превышение пределов доказывания.

Определенное распространение в науке получила точка зрения о том, что в ходе расследования и судебного разбирательства фактические пределы доказывания должны стремиться к необходимым пределам¹³. Однако какие-либо аргументы в пользу приведенного утверждения не приводятся. Представляется, что уязвимость подобных суждений состоит в 1) неверном определении категории «необходимость», 2) неправомерном отождествлении

¹¹ Там же. С. 50.

¹² Хмыров А.А. Косвенные доказательства в уголовных делах. М., 2005. С. 207–208.

¹³ Теория доказательств ... С.193–194; Горский Г.Ф., Кокорев Л.Д., Элькин П.С. Проблемы доказательств в советском уголовном процессе. Воронеж, 1978. С. 90–91; Кокорев Л.Д., Кузнецов Н.П. Уголовный процесс: доказательства и доказывание. Воронеж, 1995. С. 239.

понятий «необходимые пределы доказывания» и «необходимые доказательства».

Недостатком приведенных взглядов является восприятие необходимых пределов доказывания в качестве требуемого в идеале либо желательного числа доказательств, устанавливающего тот или иной факт. Такой подход противоречит философскому пониманию необходимости, представляющей собой «характеристику явления, однозначно определённого некоторой областью действительности, предсказуемого в рамках знания о ней»¹⁴. Ключевым моментом здесь выступает предсказуемость характеристик, их предварительная известность, заблаговременная предрешенность. Очевидно, что такое понимание не совместимо с постоянно меняющимся, неопределённым, а порой и размытым числом источников доказательств в рамках единственного в своей неповторимости конкретного уголовного дела. Признание того, что фактические пределы доказывания должны стремиться к необходимому, а не довольствоваться разумной избыточностью, означало бы запрограммированность уголовно-процессуальной деятельности, лишение субъектов доказывания инициативности, сведение процесса доказывания к формальным установкам вне свободной оценки доказательств.

Вместе с тем, философское понимание необходимости вполне уместно для уяснения категории «необходимые пределы доказывания», под которыми следует понимать такое число доказательств, без которых невозможно обоснование позиции по делу либо оценка их достаточности. Необходимые пределы доказывания есть обязательное и неизбежное число доказательств, отсутствие которых тормозит доказательственную деятельность. Достижение необходимых пределов доказывания свидетельствует о позитивной возможности дальнейшего развития процесса доказывания. Иначе говоря, необходимые пределы доказывания – это не число доказательств, к которому следует стремиться, а число доказательств, без которого доказывание практически невозможно.

Необходимые пределы доказывания в процессуальной литературе встречаются под названием обязательных источников доказательств. «Под обязательными можно понимать такие источники доказательств и доказательства, – пишет Р.С. Белкин, – при отсутствии которых нельзя сделать вывод о полном и всестороннем расследовании уго-

ловного дела, а собранные доказательства – признать достаточными»¹⁵. Важно, что в этом определении разграничиваются обязательные источники и обязательные доказательства. Если первые отражают количественную сторону процесса доказывания, то вторые – качественную. Если «необходимые пределы доказывания» – наличие определенного числа доказательств, то понятие «необходимые доказательства» характеризует их с информативно-содержательных позиций, требуемых для формирования обоснованных выводов по делу.

При этом неповторимость и индивидуальность каждого уголовного дела вовсе не мешают определению необходимых пределов доказывания, которые, по сути, отражают стандартное число доказательств в наиболее типичных ситуациях. В состав необходимых пределов доказывания следует включать заключение эксперта, в случаях когда назначенные экспертизы обязательно, вещественные доказательства или иные документы являющиеся предметами преступления или средствами совершения преступления в случаях, прямо предусмотренных диспозициями Особенной части УК РФ.

Необходимые пределы доказывания не обладают заранее установленной доказательственной силой, не имеют каких-то преимуществ. Но при отсутствии обязательных источников доказательств невозможно установить обстоятельства, подлежащие доказыванию. Отсутствие необходимых пределов ведет к затягиванию процесса, а в итоге – к невозможности правильного разрешения дела.

Логичным в доказывании выглядит цепочка, при которой определение пределов доказывания обязательно предшествует оценке достаточности доказательств, после чего субъекты доказывания формируют выводы по делу. Иначе говоря, в основе принятия решения лежат сведения, полученные из надлежащего источника.

Однако традиционная причинно-следственная связь «пределы – достаточность» в уголовном судопроизводстве проявляется не всегда. Не редки исключения, когда позиция по делу может быть сформирована либо за счет пределов доказывания, либо на основе оценки достаточности без учета числа доказательств.

В первом случае речь идет о необходимых пределах доказывания, которые сами по себе свидетельствуют о возможности прямого вывода без анализа их содержания. Само число

¹⁴ Левин Г. Д. Необходимость и случайность// Новая философская энциклопедия/ Ин-т философии РАН. М., 2010.

¹⁵ Белкин Р.С. Собрание, исследование и оценка доказательств. Сущность и методы. М., 1966. С. 92.

источников доказательств выступает «достаточным» условием для обоснования процессуальной позиции. Примерами, когда достаточность сводится, как правило, к заранее предусмотренному числу источников доказательств, могут служить различные проявления сокращенных и упрощенных производств. Так, если подозреваемый признает свою вину, характер и размер причиненного преступлением вреда, а также не оспаривает правовую оценку деяния, приведенную в постановлении о возбуждении уголовного дела, то это является основанием для производства дознания в сокращенной форме (ст. 226.1 УПК РФ). Что касается упрощенных производств, то законодатель не требует процессуальной оценки достаточности сведений, содержащихся в заявлении потерпевшего по уголовному делу частного обвинения. Решение о возбуждении уголовного дела мировой судья основывает на факте наличия самого заявления (рассматриваемого как доказательство), а не на уяснении содержащихся в нем сведений.

Обратной ситуацией являются случаи, когда необходимые пределы доказывания отсутствуют, но вывод о достаточности может быть сделан. Такой вывод, как правило, имеет отрицательное значение. Оценка достаточности сводится к признанию «недостаточным» числа доказательств, а, следовательно, и невозможности обоснования позиции по делу. Так «классическим» подтверждением этого правила выступают положения ст. 77 УПК РФ, запрещающие формировать обвинение лишь на основе собственного признания вины обвиняемым при отсутствии других доказательств.

Таким образом, пределы доказывания являются желательной, но не обязательной предпосылкой оценки достаточности доказательств. И наоборот.

Приведенные суждения свидетельствуют о значительной роли количественного критерия в оценке доказательств, не умаляя критерия содержательного. При этом число доказательств (пределы доказывания) выступает необходимой предпосылкой оценки их качества.

Библиография

1. Соображения Государственной канцелярии о судопроизводстве гражданском, уголовном и судоустройстве // Материалы по судебной реформе России 1864 г. Т. 18, ч.2.
2. Зарудный С.И. По поводу судебной реформы // Журнал Министерства юстиции. 1864. № 12. С. 365–380.
3. Коротких М.Г. Судебная реформа 1864 года в России (сущность и социально-правовой механизм формирования). Воронеж, 1994.
4. Спасович В.Д. О теории судебно-уголовных доказательств в связи с судоустройством и судопроизводством. М., 2001.
5. Духовский М.В. Русский уголовный процесс. М., 1910.
6. Владимиров Л.Е. Учение об уголовных доказательствах. Тула, 2000.
7. Теория доказательств в советском уголовном процессе / Отв. ред. Н.В. Жогин. М., 1973.
8. Белкин А.Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве. М., 2007.
9. Хмыров А.А. Косвенные доказательства в уголовных делах. М., 2005.
10. Горский Г.Ф., Кокорев Л.Д., Элькинд П.С. Проблемы доказательств в советском уголовном процессе. Воронеж, 1978.
11. Кокорев Л.Д., Кузнецов Н.П. Уголовный процесс: доказательства и доказывание. Воронеж, 1995.
12. Левин Г. Д. Необходимость и случайность // Новая философская энциклопедия/ Ин-т философии РАН. М., 2010.
13. Белкин Р.С. Собрание, исследование и оценка доказательств. Сущность и методы. М., 1966.

References

1. Soobrazheniya Gosudarstvennoi kantselyarii o sudoproizvodstve grazhdanskom, ugovnom i sudoustroistve // Materialy po sudebnoi reforme Rossii 1864 g. T. 18, ch.2.
2. Zarudnyi S.I. Po povodu sudebnoi reformy // Zhurnal Ministerstva yustitsii. 1864. № 12. S. 365–380.
3. Korotkikh M.G. Sudebnaya reforma 1864 goda v Rossii (sushchnost' i sotsial'no-pravovoi mekhanizm formirovaniya). Voronezh, 1994.
4. Spasovich V.D. O teorii sudebno-ugolovnykh dokazatel'stv v svyazi s sudoustroistvom i sudoproizvodstvom. M., 2001.
5. Dukhovskii M.V. Russkii ugovnyi protsess. M., 1910.
6. Vladimirov L.E. Uchenie ob ugovnykh dokazatel'stvakh. Tula, 2000.

7. Teoriya dokazatel'stv v sovetskom ugovnom protsesse / Otv. red. N.V. Zhogin. M., 1973.
8. Belkin A.R. Teoriya dokazyvaniya v ugovnom sudoproizvodstve. M., 2007.
9. Khmyrov A.A. Kosvennye dokazatel'stva v ugovnykh delakh. M., 2005.
10. Gorskii G.F., Kokorev L.D., El'kind P.S. Problemy dokazatel'stv v sovetskom ugovnom protsesse. Voronezh, 1978.
11. Kokorev L.D., Kuznetsov N.P. Ugolovnyi protsess: dokazatel'stva i dokazyvanie. Voronezh, 1995.
12. Levin G. D. Neobkhodimost' i sluchainost' // Novaya filosofskaya entsiklopediya/ In-t filosofii RAN. M., 2010.
13. Belkin R.S. Sobiranie, issledovanie i otsenka dokazatel'stv. Sushchnost' i metody. M., 1966.

Материал поступил в редакцию 1 марта 2014 г.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ НА ДОСУДЕБНЫХ СТАДИЯХ ПРАВОВЫХ КОНСТРУКЦИЙ УСТАВА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ СОБЛЮДЕНИЯ ПРИНЦИПА ЗАКОННОСТИ СРЕДСТВАМИ СУДЕБНОГО КОНТРОЛЯ И ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА

Аннотация: В статье рассмотрены ключевые проблемы осуществления судебного контроля и прокурорского надзора на досудебных стадиях уголовного процесса в контексте сопоставления современной модели с моделью деятельности суда и прокурора по Уставу уголовного судопроизводства 1864 года. Автор рассматривает роль суда, прокурора и следователя при заключении обвиняемого под стражу, предъявления ему обвинения и составления обвинительного заключения, предания обвиняемого суду. Автор уделяет особое внимание фигурам судебного следователя и прокурора в их взаимодействии с судом. Путем проведения исторического исследования были получены выводы о модели деятельности судебного следователя, прокурора и суда в Российской Империи. Обобщив положительный исторический опыт и современное состояние российского уголовного процесса, автор проанализировал возможные варианты преодоления существующих проблем уголовного судопроизводства с целью повышения его эффективности. В итоге, автор обосновывает необходимость введения в российском уголовном процессе фигуры следственного судьи для осуществления процедур судебного контроля на досудебных стадиях. Кроме того, автор считает, что именно прокурор должен по результатам предварительного расследования составлять обвинительные заключения, акт, постановление и представлять его следственному судье при предании обвиняемого суду.

Ключевые слова: уголовный процесс, судебный контроль, прокурорский надзор, следственный судья, предание суду, обвинительное заключение, судебный следователь, Устав уголовного судопроизводства, прокурор, заключение под стражу.

DOI: 10.7256/1994-1471.2014.4.11202

Исследуя вопросы судебного контроля в обеспечении соблюдения принципа законности в уголовно-процессуальной деятельности, автор последовательно отстаивает идею создания в судебной системе Российской Федерации института следственных судей как специализированной федеральной структуры¹.

Необходимо заметить, что идея института следственных судей и в зарубежных странах, и в России не является новой. К примеру, И.Ф. Демидов еще в 90-е годы выступал за «создание института специализированных органов судебной власти – федеральных следствен-

изводстве и ее причины: монография. – М.: Юрлитинформ, 2014. С. 72–73.

¹ Назаров А.Д. Феномен ошибки в уголовном судопро-

© Назаров Александр Дмитриевич

* Кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса, Сибирский федеральный университет
[anazarov61@mail.ru]

660075, Россия, г. Красноярск, ул. Маерчака, д. 6.

ных судей, осуществляющих исключительно функцию судебного контроля и свободных от полномочий по отправлению правосудия не только по делу, по которому они принимали решение на этапе досудебного производства, но также по любому другому делу. Следственный судья не может входить в состав какого-либо суда, однако должен иметь свой офис с соответствующим вспомогательным персоналом»².

В ст. 26 Закона РФ «О судебной системе РФ» предусмотрена возможность учреждения специализированных федеральных судов, но лишь для рассмотрения гражданских и административных дел. Иные задачи и у мировых судей (ст. 28 указанного Закона).

Мы предлагаем ст. 26 Закона РФ «О судебной системе РФ» сформулировать следующим образом:

«Ст. 26 Специализированные федеральные суды.

Специализированные федеральные суды по рассмотрению гражданских и административных дел, а также следственные суды, учреждаются путем внесения изменений и дополнений в настоящий Федеральный Конституционный закон.

Полномочия, порядок образования и деятельности специализированных федеральных судов устанавливаются федеральным конституционным законом».

Разрешение вопросов, связанных с заключением подозреваемого, обвиняемого под стражу, продлением сроков его содержания под стражей является особой процессуально-значимой ситуацией, должно определяться повышенной степенью сложности уголовно-процессуальной формы³.

Здесь важно суду⁴ не допустить ошибки, вовремя выявить и исправить ошибочные на-

мерения дознавателя, следователя, которые возникают у них в силу различных причин (обвинительный уклон при расследовании дела, желание уберечь себя от неблагоприятных последствий в виду непредсказуемости поведения подозреваемого, обвиняемого и др.) и влекут за собой принятие ими решений ходатайствовать перед судом о заключении подследственного под стражу или продлении срока содержания его под стражей.

В период действия Устава уголовного судопроизводства Российской Империи⁵ (далее – Устава) в решении вопроса о заключении обвиняемого под стражу участвовали судебный следователь, прокурор и суд: статья 283 Устава – *«При взятии обвиняемого под стражу Судебный Следователь об основаниях такого распоряжения немедленно уведомляет ближайшее лицо прокурорского надзора, которое может требовать, чтобы Следователь ограничился мерой менее строгой, если обвиняемый не навлекает на себя достаточного подозрения в преступлении, влекущем за собой лишение всех прав состояния или всех особенных прав и преимуществ»*; статья 284 Устава – *«Судебный Следователь уведомляет Прокурора или его Товарища и о причинах, по которым не взят под стражу или освобожден из-под стражи обвиняемый в преступлении...»*; статья 285 Устава – *«Прокурор или его Товарищ имеет право предложить Следователю о задержании обвиняемого, оставленного на свободе или освобожденного из-под стражи. Но если Следователь встретит в том препятствие по тому, что обвиняемый не навлекает на себя*

(А.Д.Бойков), о том, что создание единого следственного комитета «расставило бы все государственные органы по присущим им местам: суд, не вторгаясь в деятельность органов, осуществляющих предварительное расследование, был бы полностью свободен при исполнении функции правосудия; прокурор, лишенный функции процессуального руководства, смог бы стать объективным органом надзора, и тогда бы отпала необходимость в обсуждении предложения о введении новой процессуальной фигуры – следственного судьи... так как предлагаемые ему полномочия – по сути надзорные полномочия прокурора» (А.С.Барабаш), заслуживают внимания. Тем более, опыт советского уголовного судопроизводства, где прокурор, а не суд, санкционировал арест, обыск и др., осуществлял всеобъемлющий надзор за предварительным расследованием уголовных дел, не во всем был отрицательным. См.: Свиридов М.К. Соотношение функции разрешения уголовных дел и судебного контроля в деятельности суда // Правовые проблемы укрепления российской государственности. Вып.7. Томск: ТГУ, 2001. С. 5–6; Бойков А.Д. Третья власть в России. Книга вторая – продолжение реформ. М., 2002. С. 32; Барабаш А.С. Публичное начало российского уголовного процесса. СПб., 2009. С. 71–72.

⁵ Беренштам М.В., Новиков В.Н. Устав уголовного судопроизводства. – С.Петербург, 1909. – 358 с.

² Демидов И.Ф. Судебная реформа и новые проблемы науки уголовного процесса // Вопросы укрепления законности в уголовном судопроизводстве в свете правовой реформы: матер. конференции. М., 1995. С. 24–25. Идею возрождения института следственных судей поддерживали также А.Б. Соловьев, М.Е. Токарева и А.Г. Халиулин. См.: Соловьев А.Б., Токарева М.Е., Халиулин А.Г. и др. Законность в досудебных стадиях уголовного процесса России. – М., 1997. С. 59.

³ О теоретическом обосновании сложных уголовно-процессуальных форм см.: Якимович Ю.К., Ленский А.В., Трубникова Т.В. Дифференциация уголовного процесса. Томск, 2001. С. 13.

⁴ Международно-правовые стандарты отправления правосудия и положения национального законодательства, прежде всего – Конституции РФ, обязывают нас учитывать, что судебный контроль на досудебных стадиях уголовного процесса является сегодня реальностью. Но взгляды ученых о противоречивом характере судебного контроля (А.К.Свиридов), смешении процессуальных функций расследования и правосудия

достаточного подозрения в преступлении..., то, не исполняя такого требования, представляет о том Суду».

Таким образом, суд в Российской Империи в ситуации конфликта между судебным следователем и прокурором выполнял функцию судебного контроля. В период действия Устава, когда следователи именовались судебными следователями и состояли в штате суда, вводить дополнительную процессуальную фигуру следственного судьи не было необходимости. Тем более, что заключение под стражу не было, в отличие от современного периода, одной из самых распространенных мер пресечения, а перечень самих мер пресечения был более разнообразен, чем сейчас.

Так, в статье 416 Устава предусматривалось: *«Для воспрепятствования обвиняемому уклониться от следствия принимаются следующие меры: 1) Отобрание вида на жительство или обязанность их подпиской о явке к следствию и неотлучке с места жительства; 2) Отдача под особый надзор полиции; 3) Отдача на поруки; 4) Взятие залога; 5) Домашний арест, и 6) Взятие под стражу».*

Необходимо обратить внимание, что в отличие от современного подхода законодателя в Уставе «взятие под стражу» стояло на последнем месте. Практиковалась «отдача под особый надзор полиции» – мера пресечения, которую, на наш взгляд, можно было бы применять и в современной уголовно-процессуальной деятельности по аналогии с действующим административным надзором полиции.

Стоит при этом иметь в виду, что, согласно статье 295 Устава, *«Предварительные следствия должны быть производимы со всевозможной скоростью».*

Предложения о необходимости составлять обвинительное заключение (акт, постановление) и даже постановление о привлечении в качестве обвиняемого прокурором в «консилиуме» со следователем высказываются российскими процессуалистами⁶.

Еще одну достаточно оригинальную форму «юридического консилиума», прежде всего, – для локализации ошибок, предлагает А.А.Тришева⁷.

По ее мнению, суд, осуществляющий правосудие, не может осуществлять функцию проверки законности обвинения и достаточности оснований для внесения уголовного дела в судебное заседание. Эту функцию должен выполнять судебный орган, но не занятый отправлением правосудия.

Данное мнение нам импонирует, как и позиция А.В. Смирнова о том, что судебный контроль не может быть непосредственно продолжен правосудием, ибо он превращает состязательность в розыск. Судей как минимум должно быть двое: один для предварительного следствия и предания суду, другой – для правосудия⁸.

По мнению этих и ряда других ученых, именно такими соображениями продиктована необходимость создания в российском уголовном процессе института следственных судей. Введение института следственных судей с возложением на них контрольных функций в досудебном производстве вполне укладывается в существующую тенденцию дифференциации судебных органов (судья общей юрисдикции, мировой судья, следственный судья), при четком разграничении компетенции каждого из указанных направлений судебной власти.

В предмет ведения вновь созданного судебного органа кроме традиционных форм судебного контроля, существующих в настоящее время в досудебном производстве, должны войти вопросы, связанные с проверкой качества проведенного предварительного следствия и предания обвиняемого суду. Для реализации указанных полномочий следует, по мнению А.А.Тришевой⁹, установить порядок, в соответствии с которым оконченное производством уголовное дело с утвержденным прокурором обвинительным заключением направляется в коллегию следственных судей соответствующего районного (городского) административного – территориального образования.

Работа при производстве по делу, как представляется А.А.Тришевой, должна быть организована в форме слушаний, проводимых следственным судьей с участием сторон на началах состязательности. Принятие же решений по принципиальным вопросам, определяющим дальнейшее направление движения дела (возвращение дела прокурору, предание обвиняемого суду и т.п.), – коллегиальное, по докладу одного из членов коллегии (следственного судьи – докладчика).

⁶ Шичанин И.И. Деятельность прокурора по подготовке обвинительного заключения и направлению уголовного дела в суд // Российский следователь. 2010. №17. С. 11–13; Шичанин И.И. Деятельность прокурора по составлению постановления о привлечении в качестве обвиняемого и предъявлению обвинения // Российский следователь. 2010. №12. С. 13–16.

⁷ Тришева А.А. Институт следственных судей – необходимое условие состязательного судопроизводства // Законность. 2009. №7. С. 3.

⁸ Смирнов А.В. Модели уголовного процесса. СПб., 2000. С. 50–52.

⁹ Тришева А.А. Указ.соч. С. 6.

По результатам рассмотрения уголовного дела на этой стадии указанному автору представляется правильным предусмотреть возможность принятия коллегией одного из следующих решений:

- 1) о предании суду;
- 2) о предании суду и изменении обвинительного заключения;
- 3) о возвращении дела на дополнительное расследование; наделение коллегии следственных судей полномочиями возвращать уголовное дело прокурору для дополнительного расследования предполагает полное восстановление этого института, включая возможность обращения дела к рассмотрению по основаниям неполноты и односторонности проведенного предварительного следствия;
- 4) о прекращении уголовного дела;
- 5) о направлении дела по подсудности.
- 6) необходимости изменения обвинения, связанного с предъявлением более тяжкого либо не соответствующего по фактическим обстоятельствам обвинению, содержащемуся в обвинительном заключении; существенного нарушения уголовно-процессуального закона, препятствующего рассмотрению дела судом, и другим основаниям, которые предусматривались ст. 232 УПК РСФСР.

Сторонник обозначенного выше подхода А.А. Юнусов обращает внимание на то, что названные изменения при их практической реализации позволят навсегда снять традиционно проблемный на этом этапе вопрос о праве суда войти в предварительную оценку (доказанности) фактической стороны обвинения, как единственно законном и объективно необходимом основании для обоснованного внесения уголовного дела в суд с целью его разрешения по существу¹⁰.

Рассмотренные выше положения как инновационные, опять же, можно аргументировать успешной практикой действия в свое время Устава: статья 510—«По получении предварительного следствия Прокурор Окружного Суда обязан рассмотреть: 1) подлежит ли дело ведению прокурорской власти; 2) произведено ли следствие с надлежащей полнотой, и 3) следует ли обвиняемого предать суду или же дело о нем должно быть прекращено или приостановлено»; статья 519—«Заключение прокурора о предании обвиняемого суду излагается в форме обвинительного акта»; — статья 520—«В обвинительном акте должны быть означены: 1) событие, заключающее в себе признаки преступ-

ного деяния; 2) время и место совершения сего преступного деяния, насколько это известно; 3) звание, имя, отчество и фамилия или прозвище обвиняемого; 4) сущность доказательств и улики, собранных по делу против обвиняемого; 5) определение по закону: какому именно преступлению соответствуют признаки рассматриваемого деяния»; статья 521—«К обвинительному акту Прокурор прилагает список лиц, которые, по его мнению, должны быть вызваны к судебному следствию».

Устав предусматривал обязательную процедуру распорядительного судебного заседания по преданию обвиняемого суду. Причем, это заседание, как и вообще все судебные заседания, проходили в составе коллегии судей.

При предании суду прокурор в своем заключении представлял обвинительный акт, а затем коллегия судей в отсутствие прокурора обсуждала все вопросы, связанные с преданием обвиняемого суду (статья 533 Устава). Осуществляя контрольные функции на этой стадии, суд мог направить дело прокурору на дополнительное расследование; изменить обвинение, в том числе – и в худшую сторону.

Следуя правилу, установленному статьей 277 Устава («Производство следствия может быть прекращено только Судом»), только суд мог прекратить уголовное дело, а также приостановить его.

Долгие годы **прокурорский надзор** в России считался высшим надзором за законностью, а прокурора называли не иначе, как «хозяином» уголовного процесса: прокурорской властью арестовывались подозреваемые и обвиняемые, прокурор продлял им сроки содержания под стражей и он же продлял сроки следствия по уголовным делам, санкционировал обыски, имел свой собственный следственный аппарат, мог сам возбуждать уголовные дела, отменять любое постановление дознавателя и следователя, давать им письменные указания по расследуемым делам, а при желании мог сам фрагментарно или полностью провести расследование любого уголовного дела.

Вопрос о месте прокуратуры, ее организационном построении и деятельности является далеко не праздным для уголовного судопроизводства. Попытки ликвидировать надзорную функцию прокуратуры, превратить ее только в одну из сторон (сторону обвинения) в уголовном процессе, не соответствуют реальным потребностям сегодняшнего дня.

Ряд ученых высказывали и продолжают высказывать серьезную тревогу по поводу сворачивания властно-распорядительных полномочий прокурора при осуществлении им надзора за предварительным следствием (в отношении органов дознания у прокуро-

¹⁰ Юнусов А.А. Теория и практика эффективной подготовки уголовного дела к судебному разбирательству: дисс. ... д-ра юрид. наук. Н.Новгород, 2006. С. 159.

ра пока остаются широкие полномочия). По мнению А.Б.Соловьева, «внесение изменений в УПК РФ превращает прокурора в декоративную фигуру, лишенную возможности реально осуществлять надзор за исполнением законов следователями. Образовался своего рода процессуальный вакуум для реализации надзорной функции. Более того, принятыми решениями законодатель практически ликвидировал функцию надзора в досудебных стадиях уголовного судопроизводства»¹¹.

Значительное количество ученых ратуют за полное или частичное восстановление утраченных прокурором полномочий по надзору за предварительным следствием, в том числе – полномочия возбуждать уголовные дела¹².

Другие ученые считают, что в условиях проводимой реформы прокурорской и следственной власти «возврат к «прокурорскому дознанию» невозможен»¹³. Тем более, что у прокурора по-прежнему остается достаточно широкий круг полномочий по обеспечению законности предварительного следствия: он отменяет незаконные или необоснованные постановления следователя о возбуждении уголовного дела или об отказе в возбуждении уголовного дела, о приостановлении уголовного дела, о прекращении уголовного дела; возвращает на дополнительное расследование уголовное дело, поступившее к нему с обвинительным заключением; участвует в рассмотрении судом ходатайств следователя о даче разрешения на проведение ряда процессуальных действий; направляет в следственные органы свои требования об устранении нарушений федерального законодательства; изымает уголовные дела у следователей различных ведомств и передает их следователям Следственного Комитета России; получает от следователя уведомления о проведении им

(ввиду неотложности без разрешения суда) обыска, выемки в жилище и других действий, требующих по общему правилу разрешения суда, а также копии постановлений о возбуждении уголовного дела, о привлечении в качестве обвиняемого и др.; имеет право выехать на место происшествия; подписывает статистические карточки на выявленное преступление (практически это означает, что без согласия прокурора не может быть возбуждено ни одно уголовное дело), о результатах расследования (где содержится вся информация о проведенном предварительном следствии); и др.

По мнению Л.М.Володиной¹⁴, прокурор в уголовном процессе выполняет свою основную функцию – надзор за исполнением закона, а также при этом осуществляет функции уголовного преследования, процессуального руководства расследованием уголовных дел и поддержания государственного обвинения в суде¹⁵.

Н.П.Кириллова отводит прокурору в значительной степени миссию государственного обвинителя, но при этом отмечает, что «принцип состязательности не предполагает поддержания государственного обвинения во что бы то ни стало и любыми средствами, а реализация правозащитной функции прокуратуры предусматривает обязанность государственного обвинителя отказаться от обвинения, если оно не нашло своего подтверждения в суде»¹⁶.

А.С.Барабаш полагает, что прокурор приходит в процесс не как обвинитель, а как представитель органа надзора, поскольку ни в рамках процессуального руководства расследованием, ни в рамках утверждения обвинительного заключения по делу прокурор не участвовал в исследовании доказательств¹⁷.

Реформации, проводимые в последние годы, существенно ослабили влияние прокурорского надзора в уголовном процессе. Однако и сейчас прокурорская власть могущественна. По мнению В.К.Гавло и Н.А.Дудко, «наиболее эффективной формой контроля за предварительным расследованием является прокурорский надзор: он обеспечивает более быстрое

¹¹ Соловьев А.Б. Проблема обеспечения законности при производстве предварительного следствия в связи с изменением процессуального статуса прокурора // Уголовное судопроизводство. 2007. №3. С. 14.

¹² Буланова Н. Правовая регламентация прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия // Уголовное право. 2009. №3. С. 73–76; Никитин Е.Л. Концептуальный подход к определению функций и системы полномочий прокуратуры в России // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ. 2008. №6. С. 60; Халиулин А.Г. Полномочия прокурора по надзору за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия // Законность. 2007. №9. С. 15–20; Осюк Т. Усмотрение прокурора в уголовном процессе // Законность. 2010. №3. С. 3–9 и др.

¹³ Шейфер С.А. Реформа предварительного следствия: правовой статус и взаимоотношения прокурора и руководителя следственного органа // Государство и право. 2009. №4. С. 55.

¹⁴ Володина Л.М. Проблемы уголовного процесса: закон, теория, практики. М., 2006. С. 308–313.

¹⁵ См. также: Приказ Генпрокурора РФ №28 от 3 июня 2002 года «Об организации работы прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства» // СПС «Консультант Плюс».

¹⁶ Кириллова Н.П. Процессуальные функции профессиональных участников состязательного судебного разбирательства уголовных дел. СПб., 2007. 408 С.96.

¹⁷ Барабаш А.С. Природа российского уголовного процесса, цели уголовно-процессуальной деятельности и их установление. СПб., 2005. С. 40–45.

выявление и устранение пробелов и ошибок расследования»¹⁸.

Те полномочия, которыми в настоящее время располагает прокурор, позволяют ему в определенных пределах стратегически влиять на процесс прогнозирования, выявления, устранения и предупреждения ошибок при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности следователями, а также при отправлении правосудия по уголовным делам.

Необходимо заметить, что современное состояние прокурорского надзора в значительной степени и сейчас выстроено в контексте той модели, которая была в свое время представлена в Уставе: статья 278—«Прокуроры и их товарищи предварительных следствий сами не производят, но дают только предложения о том Судебным следователям и наблюдают постоянно за производством сих следствий»; статья 280 — «Прокуроры и их товарищи имеют право присутствовать при всех следственных действиях и рассматривать на месте подлинное производство, не останавливая однако хода следствия»; статья 281—«По всем предметам, относящимся

к исследованию преступления и к собиранию доказательств, Судебный следователь исполняет законные требования Прокурора или его Товарищей, с отметкой в протоколе, какие именно меры приняты по его требованию»; статья 282 — «Если в исполнении требований Прокурора или его Товарища встретится препятствие, то Судебный Следователь, принимая меры к исполнению требуемого, насколько это возможно, уведомляет о том предъявившего требование и ожидает его разрешения»; статья 286 «Прокурор или его Товарищ может требовать дополнения предварительного следствия по сделанным им указаниям, хотя бы Судебный Следователь и признал следствие конченным».

Таким образом, бережное обращение к богатому наследию своего национального уголовно-процессуального законодательства и использование в процессе реформирования его удачных конструкций, что на примере Устава уголовного судопроизводства Российской Империи можно многократно демонстрировать, будет способствовать становлению и развитию России как правового государства.

Библиография

1. Барабаш А.С. Природа российского уголовного процесса, цели уголовно-процессуальной деятельности и их установление. – СПб., 2005.
2. Барабаш А.С. Публичное начало российского уголовного процесса. – СПб., 2009.
3. Беренштам М.В., Новиков В.Н. Устав уголовного судопроизводства. – СПб., 1909.
4. Бойков А.Д. Третья власть в России. Книга вторая – продолжение реформ. – М., 2002.
5. Буланова Н. Правовая регламентация прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия // Уголовное право. 2009. №3.
6. Володина Л.М. Проблемы уголовного процесса: закон, теория, практики. – М., 2006.
7. Гавло В.К. Избранные труды. – Барнаул, 2011.
8. Гавло В.К., Дудко Н.А. Институт возвращения судом дел на дополнительное расследование нуждается в совершенствовании // Известия Алтайского государственного университета. 2001. №2.
9. Демидов И.Ф. Судебная реформа и новые проблемы науки уголовного процесса // Вопросы укрепления законности в уголовном судопроизводстве в свете правовой реформы: матер. конференции. – М., 1995.
10. Кириллова Н.П. Процессуальные функции профессиональных участников состязательного судебного разбирательства уголовных дел. – СПб., 2007.
11. Назаров А.Д. Феномен ошибки в уголовном судопроизводстве и ее причины: монография. – М., 2014.
12. Никитин Е.Л. Концептуальный подход к определению функций и системы полномочий прокуратуры в России // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ. 2008. №6.
13. Осюк Т. Усмотрение прокурора в уголовном процессе // Законность. 2010. №3.
14. Свиридов М.К. Соотношение функции разрешения уголовных дел и судебного контроля в деятельности суда // Правовые проблемы укрепления российской государственности. Вып.7. Томск: ТГУ, 2001.
15. Смирнов А.В. Модели уголовного процесса. – СПб., 2000.

¹⁸ Гавло В.К., Дудко Н.А. Институт возвращения судом дел на дополнительное расследование нуждается в совершенствовании // Известия Алтайского государственного университета. 2001. №2. С. 45–50. Цит. по: Гавло В.К. Избранные труды. Барнаул, 2011. С. 489–502.

16. Соловьев А.Б. Проблема обеспечения законности при производстве предварительного следствия в связи с изменением процессуального статуса прокурора // Уголовное судопроизводство. 2007. №3.
17. Соловьев А.Б., Токарева М.Е., Халиулин А.Г. и др. Законность в досудебных стадиях уголовного процесса России. – М., 1997.
18. Тришева А.А. Институт следственных судей – необходимое условие состязательного судопроизводства // Законность. 2009. №7.
19. Халиулин А.Г. Полномочия прокурора по надзору за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия // Законность. 2007. №9.
20. Шейфер С.А. Реформа предварительного следствия: правовой статус и взаимоотношения прокурора и руководителя следственного органа // Государство и право. 2009. №4.
21. Шичанин И.И. Деятельность прокурора по подготовке обвинительного заключения и направлению уголовного дела в суд // Российский следователь. 2010. №17.
22. Якимович Ю.К., Ленский А.В., Трубникова Т.В. Дифференциация уголовного процесса. – Томск, 2001.

References

1. Barabash A.S. Priroda rossiiskogo ugovnogo protsessa, tseli ugovno-protsessual'noi deyatel'nosti i ikh ustanovlenie. – SPb., 2005.
2. Barabash A.S. Publichnoe nachalo rossiiskogo ugovnogo protsessa. – SPb., 2009.
3. Berenshtam M.V., Novikov V.N. Ustav ugovnogo sudoproizvodstva. – SPb., 1909.
4. Boikov A.D. Tret'ya vlast' v Rossii. Kniga vtoraya – prodolzhenie reform. – M., 2002.
5. Bulanova N. Pravovaya reglamentatsiya prokurorskogo nadzora za protsessual'noi deyatel'nost'yu organov predvaritel'nogo sledstviya // Uголовное право. 2009. №3.
6. Volodina L.M. Problemy ugovnogo protsessa: zakon, teoriya, praktiki. – M., 2006.
7. Gavlo V.K. Izbrannye trudy. – Barnaul, 2011.
8. Gavlo V.K., Dudko N.A. Institut vozvrashcheniya sudom del na dopolnitel'noe rassledovanie nuzhdaetsya v sovershenstvovanii // Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta. 2001. №2.
9. Demidov I.F. Sudebnaya reforma i novye problemy nauki ugovnogo protsessa // Voprosy ukrepleniya zakonnosti v ugovnom sudoproizvodstve v svete pravovoi reformy: mater. konferentsii. – M., 1995.
10. Kirillova N.P. Protsessual'nye funktsii professional'nykh uchastnikov sostyazatel'nogo sudebnogo razbiratel'stva ugovnykh del. – SPb., 2007.
11. Nazarov A.D. Fenomen oshibki v ugovnom sudoproizvodstve i ee prichiny: monografiya. – M., 2014.
12. Nikitin E.L. Kontseptual'nyi podkhod k opredeleniyu funktsii i sistemy polnomochii prokuratury v Rossii // Vestnik Akademii General'noi prokuratury RF. 2008. №6.
13. Osyuk T. Usmotrenie prokurora v ugovnom protsesse // Zakonnost'. 2010. №3.
14. Sviridov M.K. Sootnoshenie funktsii razresheniya ugovnykh del i sudebnogo kontrolya v deyatel'nosti suda // Pravovye problemy ukrepleniya rossiiskoi gosudarstvennosti. Vyp.7. Tomsk: TGU, 2001.
15. Smirnov A.V. Modeli ugovnogo protsessa. – SPb., 2000.
16. Solov'ev A.B. Problema obespecheniya zakonnosti pri proizvodstve predvaritel'nogo sledstviya v svyazi s izmeneniem protsessual'nogo statusa prokurora // Uголовное судопроизводство. 2007. №3.
17. Solov'ev A.B., Tokareva M.E., Khaliulin A.G. i dr. Zakonnost' v dosudebnykh stadiyakh ugovnogo protsessa Rossii. – M., 1997.
18. Trisheva A.A. Institut sledstvennykh sudei – neobkhodimoe uslovie sostyazatel'nogo sudoproizvodstva // Zakonnost'. 2009. №7.
19. Khaliulin A.G. Polnomochiya prokurora po nadzoru za protsessual'noi deyatel'nost'yu organov predvaritel'nogo sledstviya // Zakonnost'. 2007. №9.
20. Sheifer S.A. Reforma predvaritel'nogo sledstviya: pravovoi status i vzaimootnosheniya prokurora i rukovoditelya sledstvennogo organa // Gosudarstvo i pravo. 2009. №4.
21. Shichanin I.I. Deyatel'nost' prokurora po podgotovke obvinitel'nogo zaklyucheniya i napravleniyu ugovnogo dela v sud // Rossiiskii sledovatel'. 2010. №17.
22. Yakimovich Yu.K., Lenskii A.V., Trubnikova T.V. Differentsiatsiya ugovnogo protsessa. – Tomsk, 2001.

Материал поступил в редакцию 28 февраля 2014 г.

Е.И. Идиров*

СТАНОВЛЕНИЕ ИНСТИТУТА СЛЕДСТВЕННОГО СУДЬИ: НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ КАЗАХСТАНСКОГО УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Аннотация: В данной статье анализируются некоторые положения проекта уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан, касающиеся создаваемого института следственного судьи в досудебном производстве. Опыт европейских государств, а также стран СНГ, использованный при разработке законопроекта, свидетельствует о важности расширения судебно-контрольных полномочий в стадии расследования уголовного дела в целях обеспечения судебной защиты прав и свобод лиц, вовлеченных в уголовный процесс. Проект нового УПК обсуждается в Парламенте страны и уже одобрен в первом чтении. Предполагаемая дата его введения в действие – 01 июля 2014 года. В работе используются историко-правовой и сравнительно-правовой методы на основе изучения положительного опыта зарубежных стран романо-германской правовой системы. Институт следственного судьи имеет давнюю историю и успешно функционирует в ряде цивилизованных стран. Для Республики Казахстан создание данной фигуры является новшеством, в связи с чем автором принимаются некоторые попытки освещения специфики его деятельности, а также мнения представителей юридической общественности относительно предлагаемого варианта законопроекта его разработчиком. Вносятся предложения по повышению правового статуса и безотлагательному расширению полномочий следственного судьи.

Ключевые слова: проект УПК РК, следственный судья, суд, судебный контроль, санкция, уголовное судопроизводство, реформа уголовного процесса, негласные следственные действия, полномочия, прокуратура.

DOI: 10.7256/1994–1471.2014.4.11134

На протяжении XIX века во многих западноевропейских и азиатских государствах происходило широкомасштабное реформирование систем судостроительства и судопроизводства. С учетом зарубежного опыта, в особенности Франции, Александром II в рамках объявленной Судебной реформы были утверждены Судебные уставы от 20 ноября 1864 года, среди которых – Устав уголовного судопроизводства (УСС)¹. Реформирование судостроительства привело к становлению судебной системы и на территории современного Казахстана, являвшегося к тому времени составной частью Российской империи, где до этого времени правосудие вершилось народными судами биев².

УСС предусматривал переход от инквизиционного к состязательному уголовному процессу, где предварительное следствие осуществлялось судебными следователями, переданными в подчинение от административной к судебной власти, образовывались суды присяжных, вводились такие демократические принципы, как гласность и публичность судопроизводства, презумпция невиновности, равноправие сторон, право на судебную защиту, независимость судов³.

Реформаторы XIX века понимали необходимость расширения и судебно-контрольных полномочий, в особенности, в стадии досудебного производства, в связи с чем в главе 12 раздела 2 УСС было закреплено право участников уголовного процесса до поступления дела в суд приносить жалобы на всякое действие следователя, нарушающее или стесняющее их права, непосредственно в окружной суд. Применение мер пресечения, таких как отдача под особый надзор полиции, взятие залога, домашний арест и

¹ Устав уголовного судопроизводства // <http://constitution.garant.ru>; сайт конституции Российской Федерации: (дата обращения 22.02.2014).

² Тукиев А. Нормы заочного уголовного судопроизводства в обычном праве казахов // Тураби. 2004. №4. С. 107–113.

© Идиров Ерлан Илишевич

* Аспирант кафедры уголовно-процессуального права, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА) [travian.2014@mail.ru]

140800, Республика Казахстан, Павлодарская обл., Майский район, село Коктобе, ул. Сыздыкова, д. 1.

взятие под стражу и других, предусмотренных ст. 416 УСС, также являлось прерогативой судебной власти, учитывая, что судебные следователи являлись ее представителями.

Многие фундаментальные положения УСС спустя полтора века сохранились в современных законодательных актах, регулирующих вопросы уголовного судопроизводства, ряда государств, в том числе стран СНГ. Все большее внимание стало уделяться вопросу расширения сферы судебного контроля в досудебном производстве по уголовным делам, целью которого является своевременная судебная защита прав и свобод лиц, вовлеченных в уголовный процесс.

Одним из действенных методов решения данного вопроса видится в создании новой (для постсоветских стран) процессуальной фигуры на уголовно-правовом поле – следственного судьи, призванного осуществлять весь комплекс судебно – контрольных полномочий на досудебной стадии и, что важно, отделенно от функций по расследованию дел.

Еще в советские годы д.ю.н. В.Коган задавался вопросом: «Почему бы не быть следственному судье?», объясняя необходимость его введения в уголовное судопроизводство многочисленными фактами нарушений законности в процессе расследования преступлений. Он утверждал, что «введение следственного судьи позволит защите пользоваться возможностями прокурора, следователя и органов дознания для сбора и проверки информации не посредством обращения к другой стороне, как это делается сейчас, а посредством обращения к следственному судье, указания которого будут обязательными для сторон»³.

Научные дискуссии по поводу введения данного института обретают новый характер в связи с проводимыми судебными реформами последнего времени и заявлениями высших должностных лиц. К примеру, председатель Конституционного Совета Российской Федерации В.Зорькин, выступая на Всероссийском съезде судей в декабре 2012 года, отметил о назревшей необходимости разработки и принятия законодательных решений о создании института следственных судей. По его мнению, это «... не только повысит эффективность судебного контроля в ходе расследования и эффективность судебного разбирательства, но и поможет разорвать «обвинительную связку» между следствием и судом...»⁴.

В поддержку института следственного судьи выступают многие современные ученые, среди них доктора юридических наук Ковтун Н.Н., Колоколов Н.А., Муратова Н.Г., Гуськова А.П., Сулейменова Г.Ж. и многие другие. В то же время имеются и противники подобных новшеств в уголовном процессе. Так, профессор А.С. Барабаш, сомневаясь в оправданности «... параллельного существования судебного контроля и прокурорского надзора за предварительным следствием...» аргументированно утверждает, что вопрос об ограничении конституционных прав может решать не только суд, но и прокурор⁵.

Как известно, в мировой практике институт следственного судьи получил развитие еще при Наполеоне Бонапарте в связи с принятием Уголовного кодекса Франции в 1810 году, по которому такие судьи являлись, однако, следователями при суде, наделенными всеми полномочиями по самостоятельному ведению предварительного следствия. По аналогии с французской моделью должности судебных следователей в XIX веке появлялись и в ряде других западных стран, а также были предусмотрены в УСС Российской империи, где судебный следователь сам расследовал преступления.

В современном мире значимость следственного судьи видится именно как юрисдикционного судебного органа, не связанного с непосредственными функциями по расследованию дел. Заметная активность по внедрению данного института в уголовное судопроизводство своих стран наблюдается и на территории постсоветского пространства, с учетом своих особенностей. В прибалтийских государствах, Молдове и Украине судебно – контрольные функции на досудебной стадии осуществляют специализированные судьи, которым предоставлен широкий круг полномочий для реальной защиты конституционных прав и свобод граждан. В России и Киргизии, несмотря на отсутствие следственного судьи, пределы оперативного судебного контроля распространены на ряд негласных следственных действий, ограничивающих права граждан, проведение которых невозможно без разрешения суда.

Впервые должность следственного судьи на просторах СНГ введена в Украине в связи с принятием в 2012 году нового УПК, в котором определен круг его полномочий – это осуществ-

российском съезде судей. Москва. 18 декабря 2012 года // Сайт Совета судей Российской Федерации: (дата обращения: 22.02.2014).

³ Коган В. Почему бы не быть следственному судье? // Советская юстиция. – М.: Юрид. лит., 1988, №7. – С. 26–27.

⁴ Из выступления председателя Конституционного Суда Российской Федерации В.Д. Зорькина на VIII Все-

⁵ Барабаш А.С. Прокурор – следственный судья // Уголовная юстиция: связь времен. Избранные материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург, 6–8 октября 2010 года. – М.: ЗАО «Акцион-Медиа», 2012. – С. 6–12.

вление судебного контроля за соблюдением прав, свобод и интересов лиц в уголовном производстве⁶.

Следственные судьи в Украине состоят в структуре судов первой и апелляционной инстанции общей юрисдикции и, в зависимости от этого, различаются порядком наделения соответствующими полномочиями и компетенцией. Так, если следственный судья в суде первой инстанции избирается собранием судей из состава судей этого суда, то в апелляционной инстанции следственным судьей определяет председатель соответствующего суда. Причина неоднообразного подхода при назначении следственного судьи объясняется, видимо, разграничением круга их полномочий, поскольку лишь следственный судья уровня апелляционной инстанции наделяется правом рассмотрения ходатайств органов уголовного преследования о проведении негласных следственных (розыскных) действий. Всеми остальными судебными контрольными полномочиями на досудебной стадии обладают соответствующие следственные судьи первой инстанции.

Украинский законодатель наделил следственного судью достаточно широким объемом юрисдикционных полномочий в целях защиты прав и свобод личности путем установления судебного контроля за применением мер обеспечения уголовного судопроизводства, в том числе мер пресечения, судебного контроля за проведением негласных следственных (розыскных) действий и судебного контроля по рассмотрению жалоб на органы досудебного расследования или прокурора во время досудебного расследования.

Республика Казахстан, взяв курс на реформирование уголовного судопроизводства с учетом опыта вышеуказанных и других европейских стран, осознает важность расширения пределов судебного контроля в досудебном производстве. Об этом и других перспективах развития судебной системы говорится в Концепции правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 по 2020 годы⁷. В этих целях уже с 01 июля 2014 года предполагается принятие совершенно нового УПК Казахстана, предусматривающего наряду с другими новеллами, введение должности следственного судьи в уголовное судопроизводство. Законопроект в настоящее время об-

суждается в стенах Парламента и уже одобрен в первом чтении⁸.

Президент страны Н.А. Назарбаев в своем выступлении на VI Съезде судей Республики Казахстан 20 ноября 2013 года выразил свою позицию по данному вопросу, отметив, что «введение института следственных судей повысит роль судов в контроле за досудебным производством, расширится круг санкционируемых судом следственных действий»⁹. По его поручению с 2014 года в Казахстане увеличивается количество судей на 450 единиц, то есть на 25%. Таким образом, позиция главы государства не оставляет сомнений в том, что новая судебская фигура в ближайшее время займет свое достойное место в уголовном судопроизводстве страны.

На официальном сайте разработчика законопроекта – Генеральной прокуратуры Республики Казахстан представлен проект УПК по состоянию на 01 октября 2013 года для общественного обсуждения¹⁰. Предыдущие версии проекта подвергались неоднократной корректировке, однако, касательно компетенции следственного судьи, серьезных изменений не произошло.

Несмотря на заверения экс-председателя Верховного Суда Республики Казахстан Б.А. Бекназарова о том, что новый УПК Казахстана будет на 90% похож на украинский кодекс¹¹, относительно создаваемого института следственного судьи анонсированный опыт Украины и других европейских стран, к сожалению, был перенят незначительно, как всегда, с учетом своих особенностей. Лишь во внешней их схожести убежден заслуженный юрист Украины, д.ю.н. Онищук Н.В., который доказывает, что УПК Украины предусматривает гораздо большее количество (примерно в 3 раза) полномочий следственного судьи, чем проект УПК Казахстана¹². Это при том, что Украина не

⁸ Пострадавшим – гарантированную компенсацию // Юридическая газета. 2014. 7 февраля. С. – 4.

⁹ Из выступления Президента РК Н.А. Назарбаева на VI Съезде судей Республики Казахстан // Зангер. 2013. №11. С. 7.

¹⁰ Проект Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан по состоянию на 1 октября 2013 года // <http://prokuror.gov.kz>; Официальный сайт Генеральной прокуратуры Республики Казахстан: (дата обращения: 22.02.2014).

¹¹ Бекназаров Б.А. Новый УПК Казахстана почти на 90% будет похож на украинский кодекс // Закон и Бизнес. 2013. 22–28 июня.

¹² Онищук Н.В. Проект Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан и Уголовно-процессуального кодекса Украины: схожесть и основные различия. Материалы международной экспертно-практической конференции. Астана. 15.11.2013. С. 13–17.

⁶ Уголовно-процессуальный Кодекс Украины // Голос Украины. 2012. 19 мая.

⁷ Указ Президента Республики Казахстан от 24 августа 2009 года № 858 «О Концепции правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 по 2020 годы» // Казахстанская правда. 2009. 27 августа.

является лидером по распространению судебного контроля на досудебной стадии уголовного процесса.

Действительно, по УПК Украины только с разрешения следственного судьи возможны отвод участников досудебного производства (следователей, прокуроров, представителей, защитников), применение всех мер пресечения, проведение следственных действий, таких как осмотр и обыск жилища, помещения и иного владения юридического лица, допрос свидетеля, потерпевшего на досудебной стадии, проведение 9 из 12 предусмотренных негласных следственных действий (аудио- и видеоконтроль лица, арест, осмотр и выемка корреспонденции, снятие информации, осмотр публично недоступных мест, жилища и иного владения лица, установление места расположения радиоэлектронного средства, слежка за лицом, местом, вещью, аудио-, видеоконтроль места, негласное получение образцов для сравнительного исследования). Конечно же, опыт Украины в данной сфере не является уникальным и безукоризненным и имеет свои недостатки, на которые, к примеру, обращает внимание Ковтун Н.Н.¹³, но украинский законодатель, создав впервые среди стран СНГ должность следственного судьи и наделив его реальными судебными полномочиями на основе европейского опыта, показал свою принципиальную позицию относительно ключевого места и роли суда в досудебном судопроизводстве по уголовным делам, призванного защищать права и свободы человека.

К сожалению, на данном этапе в проекте УПК Казахстана не планируется распространение оперативного судебного контроля за производством следственных действий, ограничивающих конституционные права и свободы личности, как одного из главных юрисдикционных функций следственного судьи. Санкционирование всех негласных следственных действий (аудио, видеоконтроль лица и места, наблюдение, прослушивание и запись разговоров, снятие информации со всех устройств, контроль почтовых и иных отправлений, проникновение в жилое и иное помещение и другие) предполагается оставить за прокурором. Причем их проведение будет возможным даже по преступлениям, относящимся к категории небольшой тяжести (ч.4 ст. 232 проекта УПК РК). Такая позиция разработчиков законопроекта изначально вызывала наибольшее воз-

мущение юридической общественности¹⁴. Оно и понятно, так как совершенно очевидно, что наделение прокуратуры, как стороны государственного обвинения в уголовном процессе, правом давать разрешение на проведение действий, связанных с ограничением конституционных прав и свобод, в отношении другой стороны – стороны защиты, не соответствует принципу состязательности и равноправия сторон обвинения и защиты. Г.Насыров убежден, что «отказ от расширения контрольного полномочия суда отбрасывает казахстанское судопроизводство в эпоху господства процессуального упрощенства и массового произвола, невинной жертвой которого легко может оказаться любой из нас»¹⁵. К месту отметить, практически во всех странах, опыт которых и использован при разработке проекта нового УПК Казахстана, проведение негласных следственных действий невозможно без судебного разрешения. Хотелось бы верить, что законодательным органом страны будет дана принципиальная оценка данному вопросу в ходе обсуждения законопроекта.

Другой важной проблемой рассматриваемого законопроекта, на наш взгляд, является предлагаемый порядок избрания/назначения следственного судьи и его оставление в составе суда общей юрисдикции. Правовой статус данного судьи имеет первостепенное значение при реформировании оперативного судебного контроля на досудебной стадии.

Так, согласно ч.1 ст. 56 проекта УПК РК, следственный судья (судьи) избирается собранием судей суда первой инстанции из числа судей этого суда, а при численности судей менее пяти – назначается председателем этого суда. При необходимости замены следственного судьи он может быть переизбран или переназначен.

Как видим, предлагается два способа наделения полномочиями следственного судьи из числа действующих судей – путем избрания либо назначения в зависимости от штатной численности суда. Если учесть, что большинство районных судов в Казахстане не превышает пяти судей, можно утверждать, что выборность

¹⁴ См., например, Канафин Д. К. Совершенствование правового статуса адвоката в свете разработки нового уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан // Юрист. 2012. № 12. С. 47–55.; Обращение Республиканской коллегии адвокатов по вопросам реформирования уголовного судопроизводства в рамках разработки проекта уголовно-процессуального кодекса Казахстана // Сайт республиканской коллегии адвокатов: <http://> (дата обращения: 22.02.2014).

¹⁵ Насыров Г. Переселят ли интересы общества ведомственные амбиции правоохранительных органов в споре за расширение контрольных полномочий суда // Тураби. 2005. № 2. С. 19–25.

¹³ Ковтун Н.Н. Следственный судья Украины: анализ юрисдикционных и следственных функций в контексте российских процессуальных аналогов // Уголовное судопроизводство. №3/2013. С. 26–32.

следственных судей будет проводиться лишь в городских многосоставных судах. На районном же уровне определение таких кандидатов ставится в зависимость от субъективного усмотрения председателя этого суда. При этом, следственный судья не освобождается от рассмотрения по существу уголовных дел, по которым он не участвовал в досудебном производстве, а также гражданских, административных и иных категорий дел, подсудных судам общей юрисдикции. Предлагаемый способ наделения полномочиями следственного судьи на одного из судей свидетельствует также о том, что данная должность не будет являться самостоятельной штатной единицей в судебной системе и постоянной для лица ее занимающего, а больше напоминать «дополнительную нагрузку для судьи». Очевидно, что новый институт следственного судьи в предложенном варианте (учитывая ограниченный круг предоставленных ему полномочий) не свидетельствует о кардинальном реформировании оперативного судебного контроля и будет незначительно отличаться от существующей модели судебного контроля на досудебной стадии уголовного судопроизводства.

Более реальным механизмом обеспечения независимости следственного судьи от внешнего (со стороны правоохранительных структур и региональной власти) и внутреннего (корпоративного) воздействия видится в его автономном функционировании от других судов, а также в организации его работы по экстерриториальному принципу, то есть вне пределов определенной административной территориальной единицы. Это могут быть межрайонные (окружные) суды по примеру функционирующих в Казахстане специализированных межрайонных экономических судов, судов по уголовным делам и по делам несовершеннолетних.

В необходимости дистанцирования следственного судьи от иных судей убеждены ряд ученых. Так, профессор Ковтун Н.Н. считает, что «автономно выделенный из структуры судов районного звена, организационно независимый от диктата вышестоящих судебных инстанций, изначально наделенный необходимыми процессуальными средствами для независимой и всесторонней проверки действий и решений следственных органов и прокурора, институт специализированных следственных судей может и должен стать необходимым звеном в системе сдержек и противовесов в механизме правового регулирования»¹⁶. Такого же мнения

придерживается профессор Сулейменова Г.Ж., полагая «важным для обеспечения процессуальной и организационной независимости судьи, осуществляющего судебный контроль за расследованием, его дистанцирование от судей, рассматривающих дело по существу»¹⁷.

Функционирование автономных межрайонных следственных судей позволило бы им специализироваться исключительно на судебном контроле в досудебном производстве по уголовным делам и наиболее профессионально разрешать возникшие споры между участниками процесса, не отвлекаясь на рассмотрении иных категорий дел. Помимо обеспечения независимости, автономность позволила бы избежать необходимости образования таких должностей в каждом районном суде, учитывая их низкую загруженность по подобной категории дел, что существенно сократит расходование бюджетных средств как один из аргументов противников введения данного института. Избираемость следственных судей в случае их дистанцирования от других судов будет невозможной, так как судьи местных судов, по Конституции страны, назначаются Указом Президента и не ограничены в сроке пребывания в должности. Однако, учитывая особую специфику работы следственных судей и тесное взаимодействие с органами уголовного преследования, профилактикой слияния их интересов и иных негативных последствий вполне могло бы стать законодательное закрепление их ротации либо сменяемости по примеру ограничительного срока пребывания в должности председателя местного суда.

В целях пополнения рядов следственных судей наиболее квалифицированными кадрами предлагается предусмотреть в качестве требований к кандидатам на данные должности наличие стажа работы судьей по рассмотрению уголовных дел не менее 5 лет по аналогии с законодательным требованием 5-тилетнего судейского стажа для претендентов на должность судьи областного и приравненного к нему суда¹⁸. Данные требования позволили бы исключить случаи наделения полномочиями следственного судьи не только лиц, впервые назначенных на судейскую должность, но и действующих судей, ранее не имевших достаточную практику рассмотрения уголовных дел, поскольку от этого зависит качество опе-

¹⁶ Ковтун Н.Н. Следственный судья в уголовном судопроизводстве: за и против // Российская юстиция. – М.: Юрист, 2010, №9. С. 44.

¹⁷ Сулейменова Г. Ж. Заключение научно-правовой экспертизы Концепции проекта Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан // Юрист. 2012. №12.

¹⁸ Конституционный Закон Республики Казахстан от 25 декабря 2000 года №132 «О судебной системе и статусе судей РК» // «Ведомости Парламента Республики Казахстан», 2000 г., № 23, ст. 410.

ративного судебного контроля. Стимулом для достойных кандидатов было бы и закрепление статуса следственного судьи на уровне судей областной инстанции, что отразится и на раз- мере оплаты их труда. Как отмечалось выше, в Украине судьи апелляционной инстанции также могут наделяться полномочиями след- ственного судьи. В Казахстане уже имеется подобный пример наделения судов первой ин- станции статусом областного и приравненного к нему суда¹⁹.

Расширение судебного контроля и, как след- ствие, создание нового института следствен-

ного судьи в уголовном процессе Республики Казахстан вызывает интерес всего общества и находит заслуженную поддержку, поскольку в правовом государстве именно суд как вер- шитель правосудия призван защищать права и свободы граждан на досудебной стадии уго- ловного судопроизводства. Остается надеять- ся, что законодательным органом страны в процессе обсуждения проекта нового УПК бу- дет учтен положительный опыт зарубежных стран, а также мнение юридической общест- венности, по становлению важнейшего судеб- ного института.

Библиография

1. Тукиев А. Нормы заочного уголовного судопроизводства в обычном праве казахов // Тура- би. 2004. №4. С. 107–113.
2. Коган В. Почему бы не быть следственному судье? // Советская юстиция. – М.: Юрид. лит., 1988, №7. – С. 26–27.
3. Барабаш А.С. Прокурор – следственный судья // Уголовная юстиция: связь времен. Избран- ные материалы международной научной конференции. Санкт–Петербург, 6–8 октября 2010 года. – М.: ЗАО «Актион-Медиа», 2012. – С. 6–12.
4. Бекназаров Б.А. Новый УПК Казахстана почти на 90% будет похож на украинский кодекс // Закон и Бизнес. 2013. 22–28 июня.
5. Онищук Н.В. Проект Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан и Уголовно- процессуального кодекса Украины: схожесть и основные различия. Материалы междуна- родной экспертно-практической конференции. Астана. 15.11.2013. С. 13–17.
6. Ковтун Н.Н. Следственный судья Украины: анализ юрисдикционных и следственных фун- кций в контексте российских процессуальных аналогов // Уголовное судопроизводство. 2013. №3. С. 26–32.
7. Насыров Г. Переселят ли интересы общества ведомственные амбиции правоохранитель- ных органов в споре за расширение контрольных полномочий суда // Тураби. 2005. № 2. С. 19–25.
8. Ковтун Н.Н. Следственный судья в уголовном судопроизводстве: за и против // Российская юстиция. – М.: Юрист, 2010, №9. С – 44.
9. Канафин Д. К. Совершенствование правового статуса адвоката в свете разработки нового уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан // Юрист. 2012. № 12. С. 47–55.
10. Сулейменова Г. Ж. Заключение научно-правовой экспертизы Концепции проекта Уголовно- процессуального кодекса Республики Казахстан // Юрист. 2012. №12.
11. Идилов Е.И. Следственный судья в проекте нового УПК Республики Казахстан // Вопросы права и политики. – 2013. – № 9. – С. 14–26. DOI: 10.7256/2305–9699.2013.9.9555.
12. Лазарева В.А. Уголовный процесс как способ защиты прав и свобод человека и граждани- на (назначение уголовного судопроизводства) // LEX RUSSICA (РУССКИЙ ЗАКОН). – 2010. – № 3. – С. 540–550.
13. Мельников В.Ю. Обеспечение прав и законных интересов граждан в ходе уголовного процес- са // Актуальные проблемы российского права. – 2011. – № 3. – С. 210–218.

References

1. Tukiev A. Normy zaochного ugolovного sudoproizvodstva v obychnom prave kazakhov // Turabi. 2004. №4. S. 107–113.
2. Kogan V. Pochemu by ne byt' sledstvennomu sud'e? // Sovetskaya yustitsiya. – М.: Yurid. lit., 1988, №7. – S. 26–27.

¹⁹ Указом Президента Республики Казахстан от 17 ав- густа 2006 года № 158 образован специализированный финансовый суда в городе Алматы, приравненный к областному суду.

3. Barabash A.S. Prokuror – sledstvennyi sud'ya // Ugolovnaya yustitsiya: svyaz' vremen. Izbrannye materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Sankt–Peterburg, 6–8 oktyabrya 2010 goda. – M.: ZAO «Aktion-Media», 2012. – S. 6–12.
4. Beknazarov B.A. Novyi UPK Kazakhstana pochti na 90% budet pokhozhoz na ukrainskii kodeks // Zakon i Biznes. 2013. 22–28 iyunya.
5. Onishchuk N.V. Proekt Ugolovno-protssessual'nogo kodeksa Respubliki Kazakhstan i Ugolovno-protssessual'nogo kodeksa Ukrainy: skhozhest' i osnovnye razlichiya. Materialy mezhdunarodnoi ekspertno-prakticheskoi konferentsii. Astana. 15.11.2013. S. 13–17.
6. Kovtun N.N. Sledstvennyi sud'ya Ukrainy: analiz yurisdiktsionnykh i sledstvennykh funktsii v kontekste rossiiskikh protssessual'nykh analogov // Ugolovnoe sudoproizvodstvo. 2013. №3. S. 26–32.
7. Nasyrov G. Peresilyat li interesy obshchestva vedomstvennye ambitsii pravookhranitel'nykh organov v spore za rasshirenie kontrol'nykh polnomochii suda // Turabi. 2005. № 2. S. 19–25.
8. Kovtun N.N. Sledstvennyi sud'ya v ugolovnom sudoproizvodstve: za i protiv // Rossiiskaya yustitsiya. – M.: Yurist, 2010, № 9. S – 44.
9. Kanafin D. K. Sovershenstvovanie pravovogo statusa advokata v svete razrabotki novogo ugolovno-protssessual'nogo kodeksa Respubliki Kazakhstan // Yurist. 2012. № 12. S. 47–55.
10. Suleimenova G. Zh. Zaklyuchenie nauchno-pravovoi ekspertizy Kontseptsii proekta Ugolovno-protssessual'nogo kodeksa Respubliki Kazakhstan // Yurist. 2012. №12.
11. Idirotov E.I. Sledstvennyi sud'ya v proekte novogo UPK Respubliki Kazakhstan // Voprosy prava i politiki. – 2013. – № 9. – С. 14–26. DOI: 10.7256/2305–9699.2013.9.9555.
12. Lazareva V.A. Ugolovnyi protsess kak sposob zashchity prav i svobod cheloveka i grazhdanina (naznachenie ugolovno sudoproizvodstva) // LEX RUSSICA (RUSSKII ZAKON). – 2010. – № 3. – С. 540–550.
13. Mel'nikov V.Yu. Obespechenie prav i zakonnykh interesov grazhdan v khode ugolovno protsessa // Aktual'nye problemy rossiiskogo prava. – 2011. – № 3. – С. 210–218.

Материал поступил в редакцию 23 февраля 2014 г.

СЛЕДСТВЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ ПО УСТАВУ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Аннотация: Анализируется система следственных действий по Уставу уголовного судопроизводства 1864 г., отражающая типичный ход предварительного расследования по уголовному делу того времени. Подчеркивается, что осмотр и освидетельствование обычно рассматривались как два вида (простое и сложное) одного действия, при возможности раздельного их осуществления, а процедуры обыска и выемки также свидетельствовали о двуедином понимании их сущности: как единого следственного действия и как действий самостоятельного значения. Предусматривались два вида допроса: обвиняемого и свидетеля, а проведение очной ставки было возможно только между ранее допрошенными свидетелями. Наряду с видами следственных действий в Уставе упоминались и их группы, имеющие собственное наименование: первоначальные, повторные, не терпящие отлагательства. В основе исследования системы следственных действий по Уставу уголовного судопроизводства использованы методы анализа, синтеза, обобщения, а также исторический, логический, сравнительный. В статье обосновывается, что решение современных проблем регламентации следственных действий возможно за счет использования прогрессивных достижений науки и фундаментальных разработок выдающихся дореволюционных ученых-процессуалистов. Отмечается, что согласно Уставу уголовного судопроизводства 1864 г. в ходе предварительного расследования проводились такие следственные действия, как осмотр, освидетельствование, обыск, выемка, допрос обвиняемого, свидетеля, отдельные правила которых могли бы быть полезны и сегодня. Указывается на отсутствие в тексте Устава термина «экспертиза», поскольку такая деятельность считалась разновидностью осмотра и освидетельствования. Предлагается рассматривать судебную экспертизу как следственное действие вопреки утверждениям отдельных авторов, что экспертиза не следственное, а процессуальное действие.

Ключевые слова: Устав, следственные, осмотр, освидетельствование, допрос, обыск, выемка, экспертиза, доказательства, повторные.

DOI: 10.7256/1994-1471.2014.4.11004

По утверждению юристов Древнего Рима, история – учительница жизни (*historia est magis travitae*). Действительно, не зная истории возникновения, становления и развития уголовно-процессуальных институтов, невозможно объективно подойти к решению современных актуальных проблем уголовного судопроизводства, включая институт следственных действий. Анализ предписаний УПК РФ 2001 г. показывает, что институт следственных действий подвергся существенным преобразованиям за счет прогрессивных достижений уголовно-процессуальной науки, фундаментальных разработок выдающихся дореволюционных, советских и постсоветских ученых-процессуалистов. Правда, по-прежнему остаются дискуссионными некоторые традиционные проблемы процессуальной регламентации следственных действий.

До сих пор в тексте УПК РФ отсутствует понятие следственных действий, что привело к истолкованию этой правовой категории либо в широком смысле, т. е. как всех тех действий, которые следователь осуществляет на основе уголовно-процессуального закона, либо в узком смысле, как действий познавательного характера. Нет ясности по вопросам о том, какова система следственных действий, закрепленная законодателем в названиях глав 24-27 УПК РФ, сущность фактических и юридических оснований, условия и общие правила производства следственных действий, средства фиксации хода и результатов их производства. Эти и иные вопросы обуславливают актуальность исследования института следственных действий, в том числе путем обращения к тексту Устава уголовного судопроизводства 1864 г. (далее – Устав).

© Семенцов Владимир Александрович

* Доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса, Кубанский государственный университет
[crimpro@yandex.ru]

350000, Россия, г. Краснодар, ул. Рашпилевская, д. 43.

Достоинство Устава – прогрессивный характер его идей, когда на смену инквизиционному розыскному процессу пришел процесс состязательный, основанный на свободной оценке судом доказательств, рассмотренных в ходе гласного судебного разбирательства. Впервые в России был применен системный подход к формированию института следственных действий как упорядоченного, внутренне согласованного и взаимообусловленного комплекса процессуальных действий, направленных на соби́рание и проверку доказательств.

В Уставе следственные действия компактно закреплены во втором разделе «О предварительном следствии», в нескольких его главах – четвертой, пятой и седьмой, а в главах второй и девятой определены соответственно условия производства предварительного следствия, включая производство следственных действий, и правила их протоколирования. Следственные действия регламентировались в логической последовательности, отражающей типичный ход предварительного расследования по уголовному делу, – осмотр, освидетельствование, обыск, выемка, допрос обвиняемого, свидетеля. К сожалению, законодатель того времени не установил компактного и исчерпывающего перечня следственных действий. Этот недостаток, как справедливо отмечается в литературе¹, стал «хроническим» для последующих российских уголовно-процессуальных кодексов, что приводило и приводит в настоящее время к затяжным дискуссиям ученых по этому вопросу и в определенной степени дезориентирует практику.

Вместе с тем ни в Уставе, ни в его толкованиях Сенатом, объединяющим и направляющим всю деятельность судебных учреждений «по правильному и единообразному применению законов», не было дано определений понятий осмотра, освидетельствования, обыска и выемки.

При этом осмотр и освидетельствование рассматривались как два вида (простое и сложное) одного действия, которые обычно дополняли друг друга, но могли осуществляться и раздельно. Понятие «освидетельствование» трактовалось как квалифицированный вид осмотра, осмотр-исследование, о чем свидетельствуют предписания ст. 330 Устава, где предусмотрено, что перед тем как приступить к «освидетельствованию... чрез сведущих людей, судебный следователь производит предварительный внешний осмотр».

¹ Трухачев В.В., Барсукова Т.В. Возникновение и развитие системы следственных действий // Комплексные меры – ключевой фактор стабилизации производства и решения социальных проблем: сб. науч. тр.: в 2 ч. Воронеж: Истоки, 2003. Ч. 2. С. 37.

Не было единства мнений у авторитетных ученых при формулировании дефиниций понятий «обыск» и «выемка». Так, И.Я. Фойницкий считал, что «осмотр, производящийся в жилых помещениях, получает техническое название обыска. Выемка есть взятие каких-либо предметов внешнего мира для приобщения их к делу, производящееся обыкновенно при обыске, но возможное и независимо от обыска»².

П.В. Макалинский полагал, что «обыск есть розыскание в известном, определенном месте скрываемых обвиняемых или предметов, необходимых для разъяснения состава преступления и виновности или невиновности обвиняемого, а выемка – следствие обыска, взятие найденного»³.

В.К. Случевский отмечал, что «действия, предпринимаемые органами следственной власти с целью разыскания... вещественных доказательств, выражаются в обысках, а также выемках, как результат их»⁴.

Анализ закрепленной в Уставе процедуры обыска и выемки, позиций ученых того времени позволяет сделать вывод о двуедином понимании их сущности: 1) как единого следственного действия, когда обыск осуществлялся для отыскания предметов, имеющих значение для дела, или самого обвиняемого, а выемка – для изъятия обнаруженного при обыске; 2) как действий самостоятельного значения, когда обыск можно было провести без выемки, а выемку – без обыска, о чем свидетельствуют правила ст. 359 и 371 Устава, где обыск и выемка упоминаются с использованием разделительного союза «или», и ст. 267 Устава, регламентировавшей порядок выемки вещественных доказательств.

Законом от 30 октября 1878 г. Устав был дополнен ст. 368.1, предоставившей следователю право осмотра и выемки корреспонденции с санкции окружного суда и в присутствии должностного лица почтово-телеграфного ведомства. При этом допускались осмотр и выемка только той корреспонденции, которая поступала от имени или на имя лиц, привлеченных к уголовному делу в качестве обвиняемых.

В Уставе предусматривались два вида допроса: обвиняемого (ст. 398–414) и свидетеля (ст. 433–453).

В соответствии со ст. 398 Устава первоначальный допрос обвиняемого производился

² Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства: в 2 т. СПб., 1996. Т. 2. С. 322.

³ Макалинский П.В. Практическое руководство для судебных следователей. 6-е изд. СПб., 1907. С. 326.

⁴ Случевский В.К. Учебник русского уголовного процесса. Ч. 2: Судопроизводство / под ред. В.А. Томсинова. М.: Зерцало, 2008. С. 50.

немедленно либо не позже суток после его явки или привода, «чтобы не оставлять его продолжительное время под стражей в неизвестности, за что он подвергнут задержанию, и чтобы дать ему возможность, если он задержан неправильно, разъяснить эту неправильность»⁵. Нарушение установленного в законе суточного срока допроса обвиняемого рассматривалось как серьезный проступок и влекло ответственность по ст. 430 Уложения о наказаниях вплоть до отрешения от должности. Если допрос обвиняемого «не был сделан в течение первых двенадцати часов после явки или привода», то причины отсрочки следовало указать в протоколе, копия которого выдавалась обвиняемому по его требованию (ст. 399 Устава).

Предписания ст. 410 Устава о том, что «к допросу обвиняемого, объясняющегося на языке, не понятном для судебного следователя, приглашается лицо, сведущее в этом языке», истолковывались как наделяющие следователя, для которого язык был понятен, правом выступать в качестве переводчика, с записью в протоколе показаний обвиняемого на русском языке.

Процедура допроса свидетеля осуществлялась по правилам, отдельные из которых могли бы быть полезны и сегодня. Так, в ст. 437 Устава отмечалось, что «для явки свидетелей назначается, по возможности, время, в которое они свободны от занятий», в ст. 434 рекомендовалось производить «допрос многих свидетелей, находящихся в одном околотке... в том месте, где они находятся», а в соответствии со ст. 438 привод свидетеля при отсутствии законных причин неявки осуществлялся после повторной неявки.

Свои показания свидетель давал следователю под присягой или без присяги. Свидетель приводился к присяге в трех случаях: 1) если он собрался в дальний путь и возвращение может замедлиться; 2) находится в болезненном состоянии, угрожающем опасностью его жизни; 3) имеет жительство вне округа того суда, которому подсудно дело, и притом такой отдаленности от места судебных заседаний, что ему без особенного затруднения явиться в суд невозможно (ст. 442 Устава). В остальных случаях судебный следователь не приводил свидетеля к присяге, а лишь разъяснял ему необходимость «показать всю правду по чистой совести» (ст. 443 Устава).

В ст. 452 Устава, размещенной в главе седьмой «О вызове и допросе свидетеля», устанавли-

вались отдельные правила очной ставки, проводимой между ранее допрошенными свидетелями для «разъяснения противоречий в их показаниях», от которых «зависит дальнейшее направление следствия». Поскольку обвиняемый имел право присутствовать при допросе свидетеля (ст. 446, 448 Устава), то признавалось излишним проведение очной ставки между ним и свидетелем, а также, как разъяснил Сенат, в случае его присутствия при допросе других обвиняемых. А вот об очных ставках с участием потерпевших ничего не говорилось ни в законе, ни в его толкованиях.

В тексте Устава не применялся термин «экспертиза», поскольку, по мнению его составителей, экспертиза не может рассматриваться как самостоятельное следственное действие. Вместо него использовались иные понятия: «осмотр и освидетельствование чрез сведущих людей вообще» (ст. 325–335), «осмотр и освидетельствование чрез врачей» (ст. 336–352), «освидетельствование обвиняемого, оказавшегося сумасшедшим или безумным» (ст. 353–356), а лицо, проводившее такие осмотр и освидетельствование, опять же не именовалось экспертом, хотя и должно было быть сведущим в науке, искусстве, ремесле, промысле или каком-либо занятии.

Были сформулированы основные требования к сведущим лицам: «иметь все качества достоверных свидетелей» (ст. 326), т. е. незаинтересованность в исходе дела; возможность проявления инициативы в целях установления «признаков, на которые следователь не обратил внимание, но исследование коих может привести к открытию истины» (ст. 333), формулирование результатов исследования в заключении (ст. 334) и др.

В то же время в циркуляре Министерства юстиции от 10 января 1877 г. предписывалось помещать экспертов (заметим, не сведущих лиц, а именно экспертов) не в общий список свидетелей, подлежащих вызову в суд, а в особый список. В циркуляре Министерства юстиции от 17 февраля 1879 г. сообщалось, что старшим председателям судебных палат и председателям окружных судов выделяется аванс в сумме 300 руб. на расходы по оплате экспертов, вызываемых в суды по уголовным делам. В циркуляре Министерства юстиции от 21 мая 1870 г. отмечалось, что вопрос о выдаче вознаграждения экспертам, вызывавшимся к судебному следователю, подлежит разрешению «тотчас же по получении от него счета, не ожидая окончательного решения дела по существу»⁶.

⁵ Судебные уставы 20 ноября 1864 г., с изложением рассуждений, на коих они основаны, изданные Государственной канцелярией: в 5 ч. 2-е изд., доп. и изм. СПб., 1867. Ч. 2. С. 153.

⁶ Российское законодательство X–XX веков. Т. 8: Судебная реформа. М.: Юрид. лит., 1991. С. 317, 349, 350.

Отсутствие в тексте Устава указания на такой познавательный прием, как экспертиза, встретило серьезную критику еще в русской дореволюционной литературе, и к тому были объективные основания: закон подробно регламентировал порядок проведения предшественников современных медицинских, психиатрических, химических и других видов экспертиз, хотя такая деятельность считалась разновидностью осмотра и освидетельствования, а к заключению эксперта относились как к свидетельским показаниям.

Несмотря на то, что в тексте Устава термин «экспертиза» не использовался, а лицо, проводившее исследование, именовалось экспертом лишь в циркулярах Министерства юстиции, возможность широкого использования научных познаний сыграла позитивную роль в повышении эффективности предварительного следствия и судебного разбирательства по уголовным делам, обусловила необходимость решения организационных проблем, связанных с созданием сети экспертных учреждений. 28 июля 1912 г. был принят закон о создании в России первого специализированного судебно-экспертного учреждения – кабинета научно-судебной экспертизы. При этом использовался опыт работы судебно-фотографической лаборатории, учрежденной в 1893 г. при прокуратуре Санкт-Петербургской судебной палаты, и экспертных учреждений Европы⁷.

Постепенно в среде ученых стало преобладать мнение об экспертизе как самостоятельном виде доказательств (С.И. Викторский, М.В. Духовской, Н.Н. Рогозин, В.К. Случевский). Например, С.И. Викторский писал: «Наши законы смотрят на экспертизу как на самостоятельный вид доказательств, что явствует из следующего: 1) в них нет постановлений об обязательном совпадении осмотра с экспертизой; 2) в них имеется запрещение спрашивать свидетеля, каково он мнения о факте; 3) заключение экспертов по ним подлежит контролю и свободной судейской оценке»⁸.

И.Я. Фойницкий отмечал: «Не будучи ни судебным решением, ни видом осмотра, ни, наконец, особым видом свидетельского показания, экспертиза представляется особым судебным доказательством. Она есть доказательство, потому что экспертиза частью дает известным суду обстоятельствам новое освещение, выясняющее их истинное значение, частью при помощи употребляемых ею

приемов обнаруживает и раскрывает перед судом обстоятельства, которые остались ему неизвестными»⁹.

Сегодня уже нет сомнений в самостоятельном доказательством значении заключения эксперта, которое, однако, «не имеет заранее установленной силы, не обладает преимуществом перед другими доказательствами и, как все иные доказательства, оценивается по общим правилам в совокупности с другими доказательствами»¹⁰.

Современный законодатель рассматривает судебную экспертизу как «процессуальное действие, состоящее из проведения исследований и дачи заключения экспертом по вопросам, разрешение которых требует специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла и которые поставлены перед экспертом судом, судьей, органом дознания, лицом, производящим дознание, следователем, в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу»¹¹.

Законодательное определение судебной экспертизы как процессуального действия послужило основанием для утверждения, что судебная экспертиза – не следственное действие. Так, С.Б. Россинский считает, что судебную экспертизу нельзя отождествлять со следственными действиями по трем причинам: во-первых, следственные действия осуществляются самим следователем, а судебная экспертиза – особым субъектом уголовно-процессуальной деятельности – экспертом; во-вторых, судебные экспертизы, в отличие от следственных действий, всегда связаны с использованием специальных знаний и проводятся в том случае, когда без их применения невозможно установить те или иные значимые для уголовного дела обстоятельства; в-третьих, результаты судебной экспертизы оформляются не протоколом, а специальным процессуальным документом – заключением эксперта¹².

Следователь, действительно, не проводит исследование, поскольку уполномочен собирать доказательства, но не создавать их. Именно поэтому порядок проведения исследования

⁹ Фойницкий И.Я. Указ. соч. С. 289.

¹⁰ П. 19 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной экспертизе по уголовным делам» от 21 декабря 2010 г. № 28 // Российская газета. 2010. 30 декабря.

¹¹ Ст. 9 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ (с изм. на 25 ноября 2013 г.) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 23. ст. 2291; Собрание законодательства РФ. 2013. № 48. ст. 6165.

¹² Россинский С.Б. Уголовный процесс: учебник. М.: Эксмо, 2009. С. 415–416.

⁷ Россинская Е.Р., Галяшина Е.И., Зинин А.М. Теория судебной экспертизы: учеб. / под ред. Е.Р. Россинской. М.: Норма, 2009. С. 23.

⁸ Викторский С.И. Русский уголовный процесс. М., 1997. С. 295.

нормами УПК РФ не регламентируется. В то же время следователь назначает судебную экспертизу и в ходе исследования обеспечивает реализацию обширного комплекса уголовно-процессуальных правоотношений, участниками которых является он сам, а также эксперт, подозреваемый, обвиняемый, защитник, потерпевший и свидетель.

Процедурные правила назначения и производства судебной экспертизы завершают в разделе VIII УПК РФ систему следственных действий. Объем этих правил столь велик, что вызвал необходимость их регламентации в рамках отдельной главы. Судебная экспертиза отвечает общим требованиям, предъявляемым законом к следственным действиям.

Производство судебной экспертизы связано с использованием специальных познаний, как справедливо отмечает С.Б. Россинский, но это присуще и другим следственным действиям. Следователь по своему усмотрению может привлечь к участию в любом следственном действии лицо, обладающее специальными познаниями (ст. 168 УПК РФ). Если лицо, обладающее специальными познаниями, назначено в установленном законом порядке для производства судебной экспертизы, то его процессуальное положение – эксперт. Использование специальных познаний обязательно не только при судебной экспертизе, но и при осмотре трупа и эксгумации (чч. 1, 4 ст. 178 УПК РФ), освидетельствовании (чч. 3, 4 ст. 179 УПК РФ).

Что касается процессуальной формы судебной экспертизы, то это не только заключение эксперта, но и постановление следователя о назначении судебной экспертизы, протоколы ознакомления заинтересованных участников с указанным решением, постановление и протокол получения образцов для сравнительного исследования, протокол допроса эксперта.

Вызывает также возражение утверждение отдельных авторов о том, что эксперт не участник процесса, не субъект процессуальной деятельности: он источник получения доказательств, его заключение является доказательством наряду с другими (показаниями свидетелей, документами и др.)¹³. В разделе II УПК РФ, именуемом «Участники уголовного судопроизводства», в числе иных участников назван эксперт, процессуальное положение которого регламентируется в ст. 57 УПК РФ. Эксперт, как и любой иной участник уголовного судопроизводства, наделен рядом процессуальных

прав, позволяющих ему выполнить должным образом свою функцию. Обязанности эксперта сформулированы в форме запрета совершать определенные действия. Предусмотрена и ответственность за заведомо ложное заключение, разглашение данных предварительного расследования.

Кроме того, следует иметь в виду, что определение в законе «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» судебной экспертизы как процессуального действия соответствует предписанием п. 32 ст. 5 УПК РФ, где следственные действия указаны как разновидность процессуальных действий.

Таким образом, с нашей точки зрения, судебная экспертиза есть следственное действие, состоящее в поручении лицу, обладающему специальными познаниями в науке, технике, искусстве или ремесле (эксперту), произвести исследование выявленных при проверке сообщения о преступлениях и (или) расследовании уголовного дела материалов и дать заключение по вопросам, имеющим значение для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию.

А теперь рассмотрим еще один момент, связанный с тем, что в системе следственных действий традиционно выделяются не только самостоятельные их виды, но и группы, имеющие собственное наименование. Для этого вновь обратимся к анализу Устава, где можно найти указания законодателя на группу первоначальных (имеющих целью получение первичных сведений) и повторных следственных действий (имеющих ту же цель, что и ранее выполненные).

В частности, применительно к допросу обвиняемого в ст. 398 Устава используется термин «первоначальный», а в ст. 412 закреплено, что «к повторению допросов судебный следователь не должен прибегать без особой в том надобности». Из содержания ст. 446 и 451 Устава следует, что «если окажется нужным», то первоначально свидетели допрашиваются «в отсутствие обвиняемых и прикосновенных к делу лиц», а «в случае необходимости следователь может передпросить свидетеля». О возможности проведения повторного освидетельствования упоминается в ст. 345 и 346 Устава.

Отсутствие в Уставе, как, впрочем, и в ныне действующем УПК РФ, указания на возможность повторного производства некоторых других следственных действий, не исключало повторного проведения осмотра места происшествия и обыска.

В современной системе следственных действий принято выделять группу следственных

¹³ Сорокотягина Д.А., Сорокотягин И.Н. Судебная экспертиза (экспертология): учеб. пособие. Екатеринбург, 2000. С. 16.

действий, именуемых неотложными. В отечественном дореволюционном уголовно-процессуальном законодательстве это понятие отсутствовало (впервые термин «неотложные следственные действия» появился в ст. 29 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 г.). Вместе с тем ст. 258 Устава предусматривала следственные действия, не терпящие отлагательства. Полиции предписывалось в случаях, когда «застигнуто совершающееся или только совершившееся преступное деяние», а «следы преступления могли бы изгладиться», заменять судебного следователя в осмотрах, освидетельствованиях, обысках и выемках.

В то же время полиции запрещалось допрашивать свидетелей, обвиняемых, за исключением случаев, когда «кто-либо из них оказался тяжело больным и представилось бы опасение, что он умрет до прибытия следователя». По этому поводу составители судебных уставов отмечали следующее: «по важности формальных допросов, производство их должно быть отнесено к обязанностям судебных следователей, а не полицейских чинов, от которых не требуется качеств, необходимых для судьи, а снятие допросов принадлежит к действиям чисто судебного свойства»¹⁴.

Вследствие запрета на производство допроса полиция не имела права на вызов и привод свидетеля, который не обязан был давать показания полиции, действующей как орган дознания. Полиция даже не имела права на составление какого-либо протокола, в котором показания были бы засвидетельствованы подписью иных, кроме дознавателя, лиц. В инструкции прокуроров судебных палат чинам полиции предписывалось: «Сведения, собранные полицией при дознании, заносятся с указанием источника, из которого они получены, в один общий акт, за подписью только одного должностного лица, производившего дознание»¹⁵.

Несмотря на это полиция стремилась к составлению протоколов, подписанных свидетелями и иными лицами, «для того чтобы оградить себя от нареканий или обвинений в неправильности действий»¹⁶, но показания, записанные в таких протоколах, нередко опровергались на следствии и на суде.

Подводя итог рассмотрению вопроса о системе следственных действий по Уставу уго-

ловного судопроизводства 1864 г., можно сделать следующие выводы.

1. Решение современных актуальных проблем регламентации следственных действий возможно за счет использования прогрессивных достижений науки и фундаментальных разработок выдающихся дореволюционных ученых-процессуалистов, когда в России впервые был применен системный подход к формированию института следственных действий.
2. В Уставе следственные действия регламентировались в логической последовательности, отражающей типичный ход предварительного расследования, – осмотр, освидетельствование, обыск, выемка, допрос обвиняемого, свидетеля, но без формулирования их понятий.
3. Осмотр и освидетельствование обычно рассматривались как два вида (простое и сложное) одного действия, при возможности раздельного их осуществления, а процедуры обыска и выемки также свидетельствовали о двуедином понимании их сущности: как единого следственного действия и как действий самостоятельного значения.
4. Отдельные правила допроса свидетеля могли бы быть полезны и сегодня: о назначении явки свидетелей «по возможности, на время, в которое они свободны от занятий», о «допросе многих свидетелей, находящихся в одном околотке... в том месте, где они находятся», о приводе свидетеля «после повторной неявки». Согласно Уставу проведение очной ставки было возможно только между ранее допрошенными свидетелями.
5. В тексте Устава термин «экспертиза» не использовался, а лицо, проводившее исследование, именовалось экспертом лишь в циркулярах Министерства юстиции. Такая деятельность считалась разновидностью осмотра и освидетельствования, но постепенно в среде ученых стало преобладать мнение об экспертизе как самостоятельном доказательстве. Сегодня судебная экспертиза отвечает общим требованиям, предъявляемым законом к следственным действиям.
6. Наряду с видами следственных действий в Уставе упоминались и их группы, имеющие собственное наименование: первоначальные, повторные, не терпящие отлагательства.

¹⁴ Судебные уставы 20 ноября 1864 г., с изложением рассуждений... Ч. 2. С. 118.

¹⁵ Муравьев Н.В. Инструкция чинам полиции округа С. – Петербургской судебной палаты. СПб., 1884. С. 5.

¹⁶ Макалинский П.В. Указ. соч. С. 34.

Библиография

1. Трухачев В.В., Барсукова Т.В. Возникновение и развитие системы следственных действий // Комплексные меры – ключевой фактор стабилизации производства и решения социальных проблем: сб. науч. тр.: в 2 ч. Воронеж: Истоки, 2003.
2. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства: в 2 т. СПб., 1996. Т. 2.
3. Макалинский П.В. Практическое руководство для судебных следователей. 6-е изд. СПб., 1907.
4. Случевский В.К. Учебник русского уголовного процесса. Ч. 2: Судопроизводство / под ред. В.А. Томсинова. М.: Зерцало, 2008.
5. Россинская Е.Р., Галяшина Е.И., Зинин А.М. Теория судебной экспертизы: учеб. / под ред. Е.Р. Россинской. М.: Норма, 2009.
6. Викторский С.И. Русский уголовный процесс. М., 1997.
7. Россинский С.Б. Уголовный процесс: учебник. М.: Эксмо, 2009.
8. Сорокотягина Д.А., Сорокотягин И.Н. Судебная экспертиза (экспертология): учеб. пособие. Екатеринбург, 2000.
9. Муравьев Н.В. Инструкция чинам полиции округа С. – Петербургской судебной палаты. СПб., 1884.

References

1. Trukhachev V.V., Barsukova T.V. Vozniknovenie i razvitie sistemy sledstvennykh deistvii // Kompleksnye mery – klyuchevoi faktor stabilizatsii proizvodstva i resheniya sotsial'nykh problem: sb. nauch. tr.: v 2 ch. Voronezh: Istoki, 2003.
2. Foinitskii I.Ya. Kurs ugovnogo sudoproizvodstva: v 2 t. SPb., 1996. T. 2.
3. Makalinskii P.V. Prakticheskoe rukovodstvo dlya sudebnykh sledovatelei. 6–e izd. SPb., 1907.
4. Sluchevskii V.K. Uchebnik russkogo ugovnogo protsessa. Ch. 2: Sudoproizvodstvo / pod red. V.A. Tomsinova. M.: Zertsalo, 2008.
5. Rossinskaya E.R., Galyashina E.I., Zinin A.M. Teoriya sudebnoi ekspertizy: ucheb. / pod red. E.R. Rossinskoj. M.: Norma, 2009.
6. Viktorskii S.I. Russkii ugovnyi protsess. M., 1997.
7. Rossinskii S.B. Ugovnyi protsess: uchebnik. M.: Eksmo, 2009.
8. Sorokotyagina D.A., Sorokotyagin I.N. Sudebnaya ekspertiza (ekspertologiya): ucheb. posobie. Ekaterinburg, 2000.
9. Murav'ev N.V. Instruktziya chinam politsii okruga S. – Peterburgskoi sudebnoi palaty. SPb., 1884.

Материал поступил в редакцию 10 февраля 2014 г.

О.В. Гладышева*

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ И ПРАВ ПОТЕРПЕВШЕГО В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Аннотация: Предметом исследования выступают труды известных российских, советских и постсоветских ученых-процессуалистов, рассматривающих в своих работах проблемы обеспечения прав и законных интересов потерпевшего в уголовном судопроизводстве. Особый интерес представляет та часть обеспечительной деятельности, которая направлена на охрану и защиту имущественных интересов потерпевшего. Отмечается необходимость осуществления нескольких направлений обеспечительной деятельности: в отношении законных интересов, прав гражданина и прав участника уголовного судопроизводства. Ограничения прав в уголовном судопроизводстве может иметь законный и незаконный характер. При этом ограничения прав участника уголовного судопроизводства могут носить исключительно незаконный характер. В основе проведенного исследования находятся методы анализа, синтеза, обобщения, а также исторический, формально-юридический, логический, сравнительный. В статье подчеркивается, что неверное научное восприятие нормативного регулирования в части обеспечения имущественных прав потерпевшего в русском дореволюционном уголовном судопроизводстве сказывается на современных представлениях об этом процессуальном институте. Обеспечение прав потерпевшего, в том числе в части имущественных взысканий, требует более тщательного изучения исторического наследия, бережного его сохранения в качестве основы системы правообеспечения в уголовном судопроизводстве Российской Федерации.

Ключевые слова: устав, уголовное, судопроизводство, законность, потерпевший, права, интересы, ограничения, гражданин, участник.

DOI: 10.7256/1994-1471.2014.4.11006

Современное нормативно-правовое регулирование уголовного судопроизводства строится на основе сформулированного в ст. 6 УПК РФ назначения, в содержании которого первое место отведено идее защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений. Применительно к положениям ст. 6 УПК РФ уместно привести следующую точку зрения: «К сожалению, приходится констатировать, что столь важное положение действующего закона (п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК РФ – О.Г.) носит чисто декларативный характер, пока что это никак не способствовало повышению эффективности защиты прав и интересов потерпевшего в уголовном процессе»¹.

Тем не менее, исходя из данного приоритета, уголовно-процессуальный закон уста-

навливает совокупность процессуальных прав потерпевших от преступлений, регулирует порядок признания потерпевшим, обязанности должностных лиц по отношению к данному участнику уголовного судопроизводства, а также устанавливает правила осуществления, защиты, охраны и восстановления прав потерпевшего. Наличие указанных направлений процессуального регулирования положения потерпевшего в уголовном судопроизводстве учеными оценивается по-разному, есть и достаточно категоричные высказывания. Например, С.В. Юношев считает, что положения действующего УПК РФ «не содержат сколько-нибудь эффективного механизма обеспечения прав и законных интересов потерпевшего»².

¹ Божьев В.П. Участие потерпевшего на предварительном следствии // Российский следователь. 2010. № 15. С. 20.

² Юношев С.В. Проблема обеспечения прав потерпевшего ждет своего разрешения // Российская юстиция. 2008. № 1. С. 63–64.

© Гладышева Ольга Владимировна

* Доктор юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса, Кубанский государственный университет
[volkolup@yandex.ru]

350000, Россия, г. Краснодар, ул. Рашпилевская, д. 43.

Причины недостатков закона хорошо выразил В.А. Азаров, который справедливо считает, что: «При подготовке правовых нововведений законодатель вынужден исходить из имеющегося к тому моменту уровня научной разработки тех или иных понятий и проблем уголовного судопроизводства»³. Очевидно, что сложная ситуация с правовым регулированием положения потерпевшего в уголовном судопроизводстве обусловлена отсутствием в современной науке уголовного процесса достаточно обоснованных и практически выверенных рекомендаций по его совершенствованию.

Современное состояние процессуального положения потерпевшего характеризуется перманентными и достаточно острыми дискуссиями по самым разным вопросам. Предметом научных споров становятся различные аспекты процессуального регулирования и, в подавляющем большинстве случаев, речь идет об откровенно неудачных либо спорных механизмах обеспечения законных интересов и прав потерпевшего.

Важный аспект в разрешении возникающих проблем – теоретическое обоснование законных интересов в уголовном судопроизводстве, раскрытие их сущности, выделение видов и, как наиболее перспективное направление – определение уголовно-процессуальных средств их обеспечения. Есть мнение по данному поводу: «Интересы гражданина можно проследить во всех областях жизни и деятельности общества. Однако в сфере уголовного судопроизводства они имеют свою специфику, многие аспекты проблемы освещаются учеными-процессуалистами по-разному, и точки зрения по некоторым вопросам порой диаметрально противоположны»⁴.

С теоретической точки зрения следует согласиться и с таким утверждением: «Права, обязанности и интересы в уголовном процессе являются самостоятельными элементами, носят частный, общественный, государственный характер»⁵. Несмотря на отдельные вопросы к данной позиции (в частности, элементами какой именно совокупности выступают права, обязанности и интересы потерпевшего; почему в этом ряду интересы, при очевидно ведущей роли, занимают заключительное место и др.), в целом следует согласиться с общей концепцией о том, что интерес в уголовном

процессе – категория самостоятельная, имеющая собственное содержание, а при таких обстоятельствах – подлежащая обеспечению отдельной совокупностью специфических процессуальных средств, отличающихся по своей сущности, характеру и содержанию от средств обеспечения прав.

Таким образом, в уголовном судопроизводстве, применительно к процессуальной фигуре потерпевшего должно действовать две системы обеспечения: 1) по отношению к его законным интересам; 2) в отношении его прав.

Следует отметить ряд проблемных теоретических аспектов и применительно к обеспечению прав. Современные исследователи обеспечения прав личности в уголовном судопроизводстве в отдельных теоретических моментах высказываются не всегда четко и корректно. Так, В.Ю. Мельников пишет: «Государство в лице своих компетентных органов и должностных лиц может ограничить некоторые права участников уголовного судопроизводства, при наличии законодательно закрепленных условий и оснований такого ограничения и только в соответствии с установленным законом порядком»⁶. С данным высказыванием можно поспорить.

Подходя к оценке этой мысли со строго теоретических позиций, следует поставить акцент на категории «участник уголовного судопроизводства». Если считать, что ограничению подлежат права лиц, только как участников уголовного судопроизводства, то нельзя четко представить не только весь объем прав, но и ту их категорию, которая действительно может быть ограничена. Соответственно, неясным остается содержание возможных правоограничений, и, что еще важнее, невозможно раскрыть весь спектр средств возможного их (прав) обеспечения.

Участник уголовного судопроизводства – особое правовое положение *гражданина*, приобретаемое им в связи с определенными юридическими фактами: возбуждением уголовного дела, вынесением процессуального решения о привлечении к участию в уголовном деле в определенном процессуальном статусе и др. В связи с вовлечением в производство по уголовному делу гражданин, становясь участником уголовного судопроизводства, как следствие, становится носителем совокупности *процессуальных* прав, однако при этом он не утрачивает прав гражданских, определенных в Конституции РФ. Как-то принято считать, уголовно-процессуальные права рассматриваются

³ Азаров В.А. Проблемы теории и практики охраны имущественных интересов личности в уголовном судопроизводстве. Омск, 1995. С. 7.

⁴ Азаров В.А. Указ. работа. С. 8.

⁵ Чепрасов М.Г. Законные интересы обвиняемого и их реализация в уголовном процессе Российской Федерации. Оренбург, 2012. С. 11.

⁶ Мельников В.Ю. Гарантии прав и законных интересов граждан в уголовном процессе. Ростов-н/Д, 2010. С. 8.

как продолжение или конкретизация прав конституционных. Но конституционные права – самостоятельная и наиболее важная группа прав граждан, которые в уголовном судопроизводстве приобретают лишь определенную плоскость применения, но не теряют своей самостоятельности. Следовательно, в уголовном судопроизводстве речь должна идти о двух группах прав, как гражданина (конституционные права) и как участника уголовного судопроизводства (уголовно-процессуальные права). Ограничения могут распространяться на любую из этих групп. Соответственно, должно существовать два направления обеспечения прав.

Ограничения прав могут быть законными и незаконными. Попробуем представить ограничение процессуальных прав потерпевшего. В соответствии со ст. 42 УПК РФ потерпевший вправе знать о предъявленном обвинении; давать показания; представлять доказательства; заявлять отводы и ходатайства и т. д. Ограничения в осуществлении этих и иных процессуальных прав потерпевшего не могут иметь законного характера и при любом ограничении должны вступать в действие механизмы их защиты и восстановления.

Ограничения конституционных прав могут иметь как законный, так и незаконный характер. Например, применение заключения под стражу ограничивает личную свободу и другие конституционные права гражданина, являющегося участником уголовного судопроизводства. Для определения характера таких ограничений существуют специальные процедуры проверки, результат которых и определяет возможность «включения» впоследствии защитных и восстановительных механизмов.

Две группы прав (конституционные и уголовно-процессуальные), различия в их ограничениях, очевидно, требуют различий и в подходах к формированию системы правообеспечения.

Применительно к реалиям сегодняшнего дня особенного внимания требуют вопросы по обеспечению имущественных интересов и соответствующих прав участников уголовного судопроизводства. Отправной точкой в научных изысканиях данного направления можно назвать разработку терминологического аппарата. А.М. Эрделевский в конце 20 века отмечал наличие разнородных терминов, применяемых в части характеристики ущерба, причиненного преступлением и его возмещения, как на уровне уголовного, уголовно-процессуального права, так и в цивилистических отраслях⁷. Следует

отметить, что за прошедшее время, в том числе и после принятия УПК РФ 2001 г., в данной области мало что изменилось в лучшую сторону.

Развивая теорию вопроса об имущественном ущербе, А.В. Азаров и С.В. Супрун пишут: «При раскрытии и расследовании преступлений вред может быть причинен как личности, так и имуществу гражданина. Вред, причиненный личности, выражается, как известно, либо в повреждении здоровья (увечье), либо в причинении смерти. В обоих случаях вред проявляется, с одной стороны, в физических и нравственных страданиях, которые испытывает потерпевший, а с другой – в имущественном ущербе, являющемся результатом правонарушений должностных лиц правоохранительных органов»⁸.

А.Д. Бойков разграничивает две формы причиняемого вреда: преступный результат и преступные последствия, а также типы вреда, причиняемого преступным действием и преступным бездействием и виды вреда, в зависимости от характера нарушенного блага⁹. Причиненный преступлением вред рассматривается как фактор, определяющий характер и степень общественной опасности преступления¹⁰.

Отметим точку зрения Ж.В. Самойловой, которая пишет: «В русском уголовном процессе безоговорочно признавалась возможность требовать возмещения имущественного (материального) вреда, как единственно оценимого и единственно вознаграждаемого денежным или иным вещественным образом»¹¹. В подтверждение приводится выдержка из работы С.И. Викторского: «имущественно заинтересованные лица, чтобы называться гражданскими истцами, должны доказать наличность или, по крайней мере, возможность возникновения вреда от преступления, и притом вреда непременно имущественного, хотя бы таковой и понимался в самом широком смысле»¹².

⁸ Азаров В.А., Супрун С.В. Охрана имущественных интересов в сферах оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности. Омск, 2001. С. 9.

⁹ Бойков А.Д. Жертвы преступлений в России, правовые и социальные проблемы их защиты. Третья власть в России. В 2 кн. Кн. 2: Продолжение реформ. М., 2002. С. 34.

¹⁰ Курс уголовного права. Общ. ч. в 2 т. Т. 1. Учение о преступлении: учебник для вузов / под ред. Н.Ф. Кузнецовой и И.М. Тяжковой. М., 2002. С. 233.

¹¹ Самойлова Ж.В. Процессуальное положение гражданского истца на стадии предварительного расследования в российском уголовном судопроизводстве. М., 2013. С. 9.

¹² Викторский С.И. Русский уголовный процесс: учеб. пособие. М., 1997. С. 282.

⁷ См.: Эрделевский А.М. Компенсация морального вреда. М., 1996. С. 10 и др.

Однако теоретические источники уголовного судопроизводства конца XIX начала XX века содержат и следующую позицию: «осуществившееся в преступлении нарушение правовой нормы влечет за собой создаваемую необходимость восстановления того положения вещей, которое существовало до совершения преступления. Возникающая отсюда деятельность суда не исчерпывается одним присуждением потерпевшему вознаграждения за причиненный ущерб. Суду приходится, кроме того, позаботиться о возможно более полном уничтожении результатов преступных действий. Он должен поэтому принять меры к восстановлению не только имущественного, но и по возможности личного состояния потерпевшего, существовавшего до совершения преступления»¹³.

Получается, что в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. (далее – Устав) говорилось не только об имущественном ущербе, но и моральном вреде. Одновременно признавалась активная роль суда в восстановлении негативных последствий совершенного преступления.

Различия в современной интерпретации теоретических позиций возмещения имущественного вреда, предусматривавшегося Уставом, существенным образом влияют на современное решение этой проблемы. Полагаю, что истинную предысторию нормативного регулирования правообеспечительных и компенсационных механизмов в уголовном судопроизводстве можно почерпнуть в первоисточнике – положениях Устава.

Отметим, что большинство статей, регламентирующих вопросы возмещения вреда, находятся в разделе «Общие положения», что свидетельствует о значении, которое им придавалось российским законодателем. В соответствии со ст. 6 Устава лицо, потерпевшее от преступления или проступка, но пользующееся правами частного обвинителя, в случае заявления иска о вознаграждении во время производства уголовного дела, признается участвующим в деле гражданским истцом. Следующая ст. 7 также посвящена гражданскому истцу и предусматривает, что, если гражданский истец не заявил иска о вознаграждении до открытия судебного заседания по уголовному делу, то он теряет право начинать «иск порядком уголовным, но может предъявить его в гражданском суде после окончательного решения уголовного дела».

В ст. 15 Устава определялось, что «в делах уголовных всякий несет ответственность только сам за себя. В вознаграждении вреда,

причиненного преступлением или проступком, за подсудимого могут отвечать и другие лица, но лишь в указанных законом случаях».

В ряде статей Устава предусматривались процессуальные последствия отказа от гражданского иска. Так, в ст. 19 закреплялось: «Отречением от вознаграждения за вред и убытки, причиненные преступлением или проступком, производство дела об уголовной ответственности обвиняемого не прекращается», а, согласно ст. 20 Устава, примирение в таком деле, которое «по закону может быть прекращено миром, освобождает обвиняемого от личной ответственности и признается с тем вместе за отречение от вознаграждения, если обиженный не оставил за собой право на иск гражданский».

О значимости суммы ущерба для решения процессуальных вопросов свидетельствуют положения ст. 34 Устава. На их основе уголовное дело с суммой иска больше 500 руб. «влечет изъятие уголовного дела из подсудности мирового судьи». В наше время это обстоятельство прямо законодательством не предусматривается, но учитывается размер причиненного материального вреда в конструкциях уголовно-правовых норм, когда это влечет изменение квалификации совершенного преступления, и, как следствие, ведет к изменению подсудности.

Производство предварительного следствия в Уставе не имело нормативного регулирования порядка обеспечения имущественных интересов потерпевшего. В определенной части предусматриваются процессуальные правила по рассмотрению гражданского иска в судебном разбирательстве. Причем, уже тогда существовало несколько форм судебного разбирательства, что приводило, в том числе, к процедурным особенностям рассмотрения и разрешения гражданско-исковых требований.

В частности, при производстве у мирового судьи «количество вреда и убытков, так и цена похищенного при разногласии о том сторон определяются мировым судьей по представленным сторонами доказательствам или же по выслушиванию мнения сведущих людей» (ст. 113 Устава). Как предусматривалось ст. 122 Устава, при признании виновным мировой судья приговаривал осужденного к уплате «вознаграждения за причиненный им вред и убытки, если обвинитель или гражданский истец того требовали».

В окружном суде гражданский истец был вправе получить извещение о поступлении обвинительного заключения и самостоятельно получить копию этого документа (ст. 559 Устава). Кроме того, гражданскому истцу либо его поверенному предоставлялось право в 7-дневный срок от получения извещения просить о

¹³ Случевский В.К. Учебник русского уголовного процесса. В 2 ч. Ч. II. Судопроизводство / Под ред. В.А. Томсинова. М., 2008. С. 145.

дополнении списка лиц, подлежащих вызову в суд (ст. 560 Устава). В соответствии со ст. 570 Устава гражданский истец и его поверенный были вправе «во всякое время рассматривать в канцелярии суда подлинное дело и выписывать из него все нужные им сведения в присутствии и под наблюдением секретаря или его помощника».

При производстве по уголовному делу с участием присяжных заседателей гражданский истец «объяснения свои о причиненных ему убытках и доказательства, на которых основано требование его о вознаграждении, представляется по постановлению присяжными решения» (ст. 743 Устава). Как предусматривалось ст. 821 Устава «По выслушиванию заключения прокурора или частного обвинителя председатель суда приглашает гражданского истца объяснить законные права свои на получение требуемого им вознаграждения».

В соответствии со ст. 776 Устава вопрос о вознаграждении за убытки относится к разряду «других последствий преступления» и разрешается после основных вопросов о виновности подсудимого.

Рассматривая приведенные и иные положения Устава уголовного судопроизводства можно заключить следующее:

- существовавшие в Уставе положения о порядке возмещения причиненного преступлением ущерба образовывали единую систему и были направлены к защите имущественных интересов потерпевшего;
- не исключалось, а скорее предполагалось взыскание не только материального ущерба, но и морального вреда;

Библиография

1. Божьев В.П. Участие потерпевшего на предварительном следствии // Российский следователь. 2010. № 15.
2. Юношев С.В. Проблема обеспечения прав потерпевшего ждет своего разрешения // Российская юстиция. 2008. № 1.
3. Азаров В.А. Проблемы теории и практики охраны имущественных интересов личности в уголовном судопроизводстве. Омск, 1995.
4. Чепрасов М.Г. Законные интересы обвиняемого и их реализация в уголовном процессе Российской Федерации. Оренбург, 2012.
5. Мельников В.Ю. Гарантии прав и законных интересов граждан в уголовном процессе. Ростов-н/Д, 2010.
6. Эрделевский А.М. Компенсация морального вреда. М., 1996.
7. Азаров В.А., Супрун С.В. Охрана имущественных интересов в сферах оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности. Омск, 2001.
8. Бойков А.Д. Жертвы преступлений в России, правовые и социальные проблемы их защиты. Третья власть в России. В 2 кн. Кн. 2: Продолжение реформ. М., 2002.
9. Курс уголовного права. Общ. ч. в 2 т. Т. 1. Учение о преступлении: учебник для вузов / под ред. Н.Ф. Кузнецовой и И.М. Тяжковой. М., 2002.
10. Самойлова Ж.В. Процессуальное положение гражданского истца на стадии предварительного расследования в российском уголовном судопроизводстве. М., 2013.
11. Викторский С.И. Русский уголовный процесс: учеб. пособие. М., 1997.

- гражданский истец пользовался довольно широкими процессуальными возможностями только в рамках судебного разбирательства;
- суд был обязан принимать меры к возмещению ущерба, но в пределах доводов гражданского истца.

Подводя итог, сформулируем основные выводы.

1. заблуждения современных ученых относительно сущности нормативного регулирования обеспечения имущественных интересов потерпевшего в русском дореволюционном уголовном судопроизводстве ведут к ошибочным выводам и искажению представлений о действительном положении потерпевшего и его возможных притязаниях в рамках уголовного судопроизводства. Вследствие этого складывается ошибочное мнение о современных возможностях обеспечения прав потерпевшего, в том числе и применительно к восстановлению имущественного его положения от преступления.
2. Отсутствие подробной процедуры компенсационных средств имущественного и иного вида вреда, но наличие их основ в Уставе уголовного судопроизводства свидетельствуют о становлении этого механизма, что было прервано революционным переворотом 1917 г. В современных условиях восстановление процессуальных средств обеспечения законных интересов и прав потерпевшего требует более тщательного изучения исторического наследия и тщательного его сохранения в качестве основы системы правообеспечения в уголовном судопроизводстве Российской Федерации.

12. Случевский В.К. Учебник русского уголовного процесса. В 2 ч. Ч. II. Судопроизводство / Под ред. В.А. Томсинова. М., 2008.

References

1. Bozh'ev V.P. Uchastie poterpevshego na predvaritel'nom sledstvii // Rossiiskii sledovatel'. 2010. № 15.
2. Yunoshev S.V. Problema obespecheniya prav poterpevshego zhdet svoego razresheniya // Rossiiskaya yustitsiya. 2008. № 1.
3. Azarov V.A. Problemy teorii i praktiki okhrany imushchestvennykh interesov lichnosti v ugovnom sudoproizvodstve. Omsk, 1995.
4. Cheprasov M.G. Zakonnye interesy obvinyaemogo i ikh realizatsiya v ugovnom protsesse Rossiiskoi Federatsii. Orenburg, 2012.
5. Mel'nikov V.Yu. Garantii prav i zakonnykh interesov grazhdan v ugovnom protsesse. Rostov-n/D, 2010.
6. Erdelevskii A.M. Kompensatsiya moral'nogo vreda. M., 1996.
7. Azarov V.A., Suprun S.V. Okhrana imushchestvennykh interesov v sferakh operativno-rozysknoi i ugovno-protsessual'noi deyatel'nosti. Omsk, 2001.
8. Boikov A.D. Zhertvy prestuplenii v Rossii, pravovye i sotsial'nye problemy ikh zashchity. Tret'ya vlast' v Rossii. V 2 kn. Kn. 2: Prodolzhenie reform. M., 2002.
9. Kurs ugovnogo prava. Obshch. ch. v 2 t. T. 1. Uchenie o prestuplenii: uchebnik dlya vuzov / pod red. N.F. Kuznetsovoi i I.M. Tyazhkovoii. M., 2002.
10. Samoilova Zh.V. Protssual'noe polozhenie grazhdanskogo isttsa na stadii predvaritel'nogo rassledovaniya v rossiiskom ugovnom sudoproizvodstve. M., 2013.
11. Viktorskii S.I. Russkii ugovnyi protsess: ucheb. posobie. M., 1997.
12. Sluchevskii V.K. Uchebnik russkogo ugovnogo protsessa. V 2 ch. Ch. II. Sudoproizvodstvo / Pod red. V.A. Tomsinova. M., 2008.

Материал поступил в редакцию 10 февраля 2014 г.

МОЖЕТ ЛИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ФОРМА РЕАЛЬНО ОБЕСПЕЧИТЬ ПРАВО НА ЗАЩИТУ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ?

Аннотация: Представлен авторский взгляд на нормы уголовно-процессуального права на примере важнейшего принципа уголовного процесса – обеспечения права на защиту в уголовном процессе. Правовую основу анализируемого в публикации законодательства составляет законодательство Республики Беларусь (следует отметить, что значительная часть территории современной Беларуси входила в состав Российской империи, а на современном этапе происходит унификация законодательства в рамках Союзного государства России и Беларуси). Проводятся исторические и правовые параллели между уголовно-процессуальной формой, характерной для Устава уголовного судопроизводства 1864 г., и современным отечественным законодательством. Предпринята попытка изучения норм, регламентирующих обеспечение права на защиту, не столько с позиции конструирования новых форм, сколько с позиции глубокого структурного анализа уголовно-процессуальной нормы как социального регулятора, ее внутренней структуры, нравственной компоненты, взаимосвязи нормотворчества и правоприменения. В основу методологии положены системный и структурно-функциональный подходы, базирующиеся на современных представлениях о диалектическом научном познании объективной действительности. Автор использовал общенаучные методы познания: компаративный анализ и синтез, индукцию и дедукцию, абстрагирование и моделирование. Предлагается авторская интерпретация вердикта присяжных по делу В. Засулич как яркого примера взаимодействия новой формы правосудия в виде суда присяжных и института присяжных поверенных (новеллы Устава уголовного судопроизводства 1864 г.), создавшего качественно иной формат обеспечения защиты прав лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, выходящий за рамки исключительно формального подхода. Обосновывается вывод о невозможности реального обеспечения права на защиту в уголовном процессе посредством совершенствования одной лишь юридической техники.

Ключевые слова: право на защиту, адвокатура, суд присяжных, присяжные поверенные, норма права, уголовно-процессуальная форма, Устав уголовного судопроизводства, принципы уголовного процесса, нравственные начала, уголовный процесс.

DOI: 10.7256/1994–1471.2014.4.11300

Согласно ст. 62 Конституции Республики Беларусь: «Каждый имеет право на юридическую помощь для осуществления и защиты прав и свобод, в том числе право пользоваться в любой момент помощью адвокатов и других своих представителей в суде, иных государственных органах, органах местного управления, на предприятиях, в учреждениях, организациях, общественных объединениях и в отношениях с должностными лицами и гражданами. В случаях, предусмотренных законом, юридическая помощь оказывается за счет государственных средств. Противодействие оказанию правовой помощи в Республике Беларусь запрещается».

В свою очередь, ст. 17 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь раз-

вивает конституционные положения: «1. Подозреваемый, обвиняемый имеют право на защиту. Это право они могут осуществлять как лично, так и с помощью защитника в порядке, установленном настоящим Кодексом; 2. Орган уголовного преследования и суд обязаны разъяснить подозреваемому, обвиняемому их права и обеспечить возможность защищаться установленными законом средствами и способами, а также обеспечить охрану их личных и имущественных прав; 3. В предусмотренных законом случаях лица, ведущие производство по материалам и уголовному делу, обязаны обеспечить участие защитника подозреваемого, обвиняемого; 4. В случаях, предусмотренных настоящим Кодексом, юридическая помощь подозре-

© Пурс Алексей Геннадьевич

* Кандидат юридических наук, управляющий партнер, Адвокатское бюро «Пурс и партнеры»

[6868768@mail.ru]
220004, Республика Беларусь, г. Минск, проспект Победителей, д. 23, корпус 1, офис 710А.

ваемому, обвиняемому оказывается за счет средств местного бюджета».

В п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 24 сентября 2009 г. № 7 «Об обеспечении права на защиту в уголовном процессе» внимание судов обращается на то, что обеспечение права на защиту является принципом уголовного процесса, который выражается в предоставлении каждому подозреваемому, обвиняемому реальной возможности осуществлять защиту своих прав и интересов в уголовном процессе как лично, так и с помощью защитника. Поэтому орган, ведущий уголовный процесс, обязан неукоснительно соблюдать установленные законом предписания о средствах и способах защиты подозреваемого, обвиняемого, создавая необходимые условия для реализации стороной защиты своих процессуальных прав и выполнения обязанностей.

Вышеуказанные положения действующего законодательства в совокупности с иными принципами уголовного процесса, такими как презумпция невиновности; всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств уголовного дела; осуществление правосудия на основе состязательности и равенства сторон и другие, являются важнейшим правовым инструментарием для защиты лиц, привлекаемых к уголовной ответственности.

Несмотря на отличающиеся формулировки, концептуально вышеизложенный арсенал основополагающих руководящих начал свойственен и для российской правовой действительности, что четко легитимирует декларируемые на уровне основных законов постулаты строящихся правовых и демократических государств. Указанные положения значительно развивают векторы, заданные еще Уставом уголовного судопроизводства 1864 г. (далее – УУС 1864 г.).

Именно с УУС 1864 г. начинается свою историю отечественная адвокатура, система построения которой была заимствована из французской правовой модели. Согласно нормам УУС 1864 г., защитник допускался только со стадии подготовки дела к слушанию судом, вместе с тем регламентировался принцип состязательности сторон – прокурор и защитник пользовались в судебном заседании одинаковыми правами.

Примерно в течение первых полутора десятилетий своего существования к адвокатуре наблюдалось весьма прохладное отношение к ней. «Общество относилось к ней не лучше, чем правительство». Не только в число частных поверенных, но и в число присяжных поверенных попадали люди, смотревшие на адвокатские занятия «как на торговлю словом», что давало

обществу повод нередко судить об адвокатах подобным же образом¹.

Однако со временем скептический настрой, а в ряде случаев и гнев общества в отношении института присяжных поверенных сменился на милость. Перемены произошли в результате принципиального отстаивания высоконравственной и профессиональной позиции конкретных личностей при осуществлении ими защиты в судебном разбирательстве по громким делам того времени. Такие адвокаты, как В. Д. Спасович, Д. В. Стасов, П. А. Александров, Ф. Н. Плевако, А. И. Урусов и др., сформировали высочайшие стандарты защиты в уголовном процессе, даже не столько в профессиональном, сколько в высоконравственном аспекте этой деятельности.

Фундаментом реформы и гарантом демократических принципов организации судопроизводства стал суд присяжных, который обеспечивал непосредственное участие населения в отправлении правосудия и был более демократичной формой судостроительства, что позволило уйти от инквизиционной системы процесса, господствовавшей до 1864 г., к демократической, на принципах которой действуют суды демократических государств и в настоящее время².

В совокупности с судом присяжных эффективность деятельности адвокатского корпуса была весьма значительна, даже несмотря на несовершенную правовую регламентацию положений об обеспечении права на защиту в XIX веке.

В некотором роде апогеем эффективности реального правоприменения в аспекте обеспечения права на защиту можно считать судебное разбирательство по известному уголовному делу Веры Засулич.

Напомним, что Вера Засулич в присутствии нескольких полицейских чиновников стреляла в градоначальника Трепова, вины своей она не отрицала. Но многое зависело и от юридической оценки ее действий. Перед слушанием дела министр юстиции граф Пален неоднократно беседовал с председательствующим А. Ф. Кони. Министр начал понимать, что поступил легкомысленно, передав дело Засулич на рассмотрение суда присяжных. Он пытался убедить А. Ф. Кони, что преступление – дело личной мести и присяжные обвинят Засулич: «Теперь все зависит от вас, от вашего умения

¹ Стешенко Л.А., Шамба Т.М. Адвокатура в Российской Федерации. – 2-е изд., перераб. – М.: Норма, 2008. С. 23.

² Смоленский М.Б. Адвокатская деятельность и адвокатура Российской Федерации. – 2-е изд., испр. и доп. – Ростов н/Д: Феникс, 2003. С. 24.

и красноречия». «Граф, – отвечал Кони, – умение председателя состоит в беспристрастном соблюдении закона, а красноречивым он быть не должен, ибо существенные признаки резюме – беспристрастие и спокойствие. Мои обязанности так ясно определены в уставах, что теперь уже можно сказать, что я буду делать в заседании. Нет, граф! Я вас прошу не ждать от меня ничего, кроме точного исполнения моих обязанностей...». Оглашая опросный лист, старшина успел только сказать «Не виновата», что вызвало бурные аплодисменты в зале. Кони объявил Засулич, что она оправдана и приказ о ее освобождении будет подписан немедленно³. За рубежом также с большим интересом отнеслись к известию об оправдании Засулич. Подробно осветили процесс газеты Франции, Германии, Англии и США. Пресса отмечала особую роль адвоката П. А. Александрова и председательствующего А. Ф. Кони. Однако российское правительство подобных восторгов не разделяло⁴. Интересно, почему?

Решение об оправдании Засулич, невысказанное для практики современного правосудия, было принято в эпоху действия именно УУС 1864 г., в котором регламентация процессуальных гарантий лица, привлекаемого к уголовной ответственности, в том числе и обеспечения права на защиту, находилась далеко от современного уровня. Так что же это было? Нарушение закона? Отнюдь.

А. Ф. Кони, председательствующий в названном процессе, являлся в высшей степени законником, который, напротив, несмотря на существенное давление со стороны государственной власти, явил подлинный пример независимости суда и подчинения его только закону. Но какому? Только лишь писаному?

В сущности, дело даже не в оправдательном вердикте присяжных. В отношении подсудимой Засулич орган, ведущий уголовный процесс, смог создать все необходимые условия для реального обеспечения ее правом на защиту. Это выразилось в полном, объективном и всестороннем исследовании всех материалов дела, обеспечении возможности для полноценного участия профессионального правозащитника, состязательности сторон обвинения и защиты при непредвзятом суде.

³ Дмитриев И. Почему присяжные оправдали террористку Веру Засулич // Право.ru [Электронный ресурс] // <<http://pravo.ru/process/view/17103>> (последнее посещение – 25.02.2014).

⁴ Дмитриев И. Почему присяжные оправдали террористку Веру Засулич // Право.ru [Электронный ресурс] // <<http://pravo.ru/process/view/17103>> (последнее посещение – 25.02.2014).

Мог ли А. Ф. Кони вмешаться в реальный ход процесса, в результате чего был бы вынесен обвинительный вердикт присяжных? Полагаем, что мог. Но в этом случае приговор был бы ангажирован под исключительно государственно-властный интерес. Да, он был бы вполне закономерен с точки зрения формального сопоставления деяний Засулич и норм действующего на тот момент законодательства (собственно, именно так это и происходит в настоящее время). Однако коллегия присяжных заседателей пошла иным путем. Граждане, а не юристы-профессионалы, допущенные законом к процедуре отправления правосудия, приняли решение, которое не основывалось на исключительно формально-юридическом подходе, а синтезировалось другой логикой.

А. Ф. Кони впоследствии прокомментировал этот вердикт: «Вдумываясь в тогдашнее настроение общества, действительно трудно было сказать утвердительно, что по делу Засулич последует обвинительный приговор. Такой приговор был бы несомненен в Англии, где живое правосознание разлито во всем населении, где чувство законности и государственного порядка вошло в плоть и кровь общества и где, наверное, все, что было понятного в возмущении Засулич поступком Трепова и трогательного в ее самопожертвовании, повлияло бы только на мягкость приговора, но не на существо его. Но надо заметить, что в Англии, да и во всякой свободной стране, злоупотребление Трепова давно уже вызвало бы запросы в палате, оценку по достоинству в печати и, вероятно, соответствующее взыскание или, по крайней мере, неодобрение правительства... И если бы поступок Трепова имел эти же свойства в Англии, то во взыскании с него или в порицании его, выраженном публично, общественное мнение нашло бы значительное удовлетворение. Инцидент был бы исчерпан – и оставалась бы одна Засулич со своим самосудом... Но так ли было у нас?!»⁵. Таким образом, присяжные приняли во внимание и положили в основу решения те обстоятельства, которые никогда бы не приняли профессиональные юристы. Можно предположить, что эти обстоятельства прямо не предусмотрены действующей правовой формой. Или же формой права?..

Представляется разумным обратить более пристальное внимание на понятийно-категориальный аппарат, а также провести ряд логи-

⁵ Крючкова А. Эхо от выстрела. Почему присяжные оправдали Веру Засулич // Аргументы и факты в Беларуси [Электронный ресурс] // <<http://www.aif.by/timefree/item/16928-zasulich.html>> (последнее посещение – 22.02.2014).

ческих построений для ответов на обозначенные выше вопросы.

Итак, обратим внимание на классическое для нормативно-позитивистской концепции понятие права как совокупности установленных или санкционированных государством общеобязательных правил поведения (норм), соблюдение которых обеспечивается мерами государственного воздействия. Данное определение вполне актуально для современной правовой действительности. Само по себе правило (как составная часть права) есть некая форма. В сущности, право и есть семантическая (буквенно-символьная) форма.

Для того чтобы уяснить понятие формы права, необходимо хотя бы в самых общих чертах остановиться на категории «форма» – одной из центральных и сложнейших в философии. Парной категорией для нее выступает другая философская категория – «содержание», понимаемое как определенная сторона целого, представленного в единстве всех составных элементов объекта, его свойств, связей, состояний, тенденций развития. Что же касается формы, то она есть способ существования, выражения и преобразования содержания. Различают внутреннюю и внешнюю формы явления. Когда термин «форма» употребляется для обозначения внутренней организации содержания, то он связан с понятием структуры. При относительном единстве содержания и формы первое представляет собой подвижную, динамичную сторону целого, а форма охватывает систему устойчивых связей предмета. Порой возникающее в ходе развития несоответствие содержания и формы в конечном счете разрешается «сбрасыванием» старой и возникновением новой формы, адекватной развивающемуся содержанию.

Под уголовно-процессуальной формой понимается опосредованная нормами уголовно-процессуального права структура правоприменительной деятельности (называемая уголовным судопроизводством), которая включает в себя всю последовательность производства по уголовному делу, в том числе на каждой из его стадий, а также определенный порядок производства отдельных процессуальных действий или принятия процессуальных решений.

Обратимся к значению слова «опосредованный». «Опосредованный – данный не непосредственно, а через посредство чего-нибудь другого. Знание, опосредованное (опосредствованное) опытом»⁶. Другими словами, уголов-

но-процессуальная форма – это данная через посредство норм уголовно-процессуального права структура правоприменительной деятельности (называемая уголовным судопроизводством). То есть через нормы определяется структура правоприменения, что тождественно еще более общей конструкции – «правила определяют правоприменение». Казалось бы, очевидный и бесспорный вывод, но это лишь с одной стороны.

Так, выше упоминалось положение п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь. Это яркий пример уголовно-процессуальной формы (нормы, правила). На первый взгляд, смысл (содержание) вышеуказанных норм (форма) очевиден и предельно понятен. Но, глядя «издалека», данные формулировки напоминают картины известного русского художника Н. К. Рериха: возникает ощущение гармонии восприятия чего-то вполне целостного, а именно – конституционных принципов уголовного процесса, надежно гарантирующих права и законные интересы лиц, привлекаемых к уголовной ответственности. Если же подойти к полотну (процессуальной форме) вплотную, то мы увидим лишь весьма грубые мазки различными красками – «обеспечение права на защиту выражается в предоставлении... реальной возможности осуществлять... поэтому орган, ведущий уголовный процесс, обязан неукоснительно соблюдать... создавая необходимые условия для реализации...». А что стоит за этими «мазками»? Какое действительно содержание скрывает эта процессуальная форма? Ведь, как мы уже определили, через нормы права дается структура правоприменения, под которой понимается совокупность устойчивых связей объекта, обеспечивающих его целостность и тождественность самому себе, т.е. сохранение основных свойств при различных внешних и внутренних изменениях⁷. В сущности, с поправкой на несовершенство и условность любых словесных построений, структура – это содержание, а значит, «через нормы права (форму) дается структура (содержание) правоприменения». Из сказанного можно сделать вывод: содержание правовых норм должно раскрываться в случае их применения.

Создателем правовых норм (форм) является законодатель в лице соответствующих государственных органов, которые на физическом плане представляют некую совокупность людей. В этой связи возникает очередной риториче-

⁶ Опосредованный // Мой словарь [Электронный ресурс] // <<http://my-dictionary.ru/word/19477/oposredovannyy>> (последнее посещение – 25.02.2014).

⁷ Структура // Яндекс.Словари [Электронный ресурс] // <<http://slovari.yandex.ru/структура%20%20это/БСЭ/Структура%20%28философ.%29>> (последнее посещение – 25.02.2014).

ческий вопрос: современное законодательство, состоящее из правовых норм (форм), регулирующее общественные отношения, – это продукт коллективного сознания или же коллективного бессознательного? Существует ли четко определенный дух закона (содержание), который полностью заполняет закон (форму), и как они между собой связаны?

Все эти вопросы отнюдь не являются праздным философствованием и теоретизированием. Дело в том, что современный правоприменитель, применяя тот или иной закон (другими словами, конкретный юрист воспринимает и осознает конкретную законодательную формулировку, а после накладывает «трафарет» своего разумения этой нормы на конкретную жизненную ситуацию), четко воспринимая форму (буквенно-символьную информацию, формирующую внешнюю оболочку нормы права), не имеет возможности ясно определить содержание (смысл, формирующий внутреннее содержание нормы права), сформулированное нормотворцем. И здесь кто-то может возразить, что этот смысл очевиден всем участникам правоприменительного процесса. Однако давайте на мгновение представим, одинаково ли (точно и единообразно) понимают смысл таких словосочетаний, как «реальная возможность осуществлять», «неукоснительно соблюдать», «необходимые условия для реализации» (рассматриваемый пример с нормами из Постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь), следовательно, у которого в производстве находится уголовное дело, защитник, обвиняемый и другие участники? Для того чтобы понимание духа закона (смысла) у всех участников было единым, оно, во-первых, должно быть ясно определено в момент создания нормы (произведена увязка формы и содержания), а во-вторых, должны существовать взаимообусловленные не только эталон словесной формы, но и эталон смыслового содержания, к которому всегда можно обратиться в спорных ситуациях. Именно такая норма права была бы полноценной, обеспечивающей точное и единообразное ее применение.

Одной из причин дисбаланса формы и содержания конкретной нормы права в конкретной ситуации ее применения является субъективизм правоприменителя, который может искажать содержательный аспект конкретной нормы права в угоду тех или иных обстоятельств или интересов и который появляется в отсутствие явно выраженного объективизма законодателя. Именно в этот момент начинаешь лучше понимать выражение: «Два юриста – три мнения». В таком ключе правоведение трансформируется в казуистику.

Обратившись к истории вопроса, отметим интересную позицию В. Княгинина, выделявшего несколько волн рецепции Россией зарубежного права, а также и продолжающуюся и по сей день вестернизацию российского государства и права. Рациональный человек Запада, созданный Ренессансом и Реформацией, был уверен, что все или почти все проблемы можно решить при помощи разума. Соответственно, западное право Нового и Новейшего времени стало рациональной технологией решения социальных проблем, а ее теория – юриспруденция – выступила частью общего процесса модернизации западного общества. Западная модернизация как преобразование жизни общества на разумных началах, воплощаемых в утвердившихся в XVII–XIX вв. в Европе новой науке и технике, включила в себя и новую полностью секулярную, очищенную от влияния религии юриспруденцию с развитой юридической техникой правотворчества, специальным образованием, чрезвычайной важностью для общества профессиональной роли юристов и прочее⁸. При этом тотальная рецепция западных правовых лекал хотя и привела к ускоренной модернизации отечественного права, в то же время создала рассматриваемую нами проблематику – дисгармонию формы и содержания нормы права как регулятора конкретных социальных отношений с учетом особенностей менталитета правоприменителя. Опять-таки, обращаясь к пословицам, запечатлевшим квинтэссенцию отличия отечественного и западного правоприменительного вектора, сопоставим высказывания «Закон суров, но это закон» (фиксирующее четкий примат формы над содержанием, свойственное для западной ментальности) и «Закон что дышло: куда повернешь, туда и вышло» (указывающее на непринятие примата формы и ее содержательное искажение волей правоприменителя, как реакция славянской ментальности на регулирование общественных отношений по западным лекалам). Фактически эти изречения наглядно иллюстрируют негативные последствия тотальной вестернизации отечественного государства, продуцирующего соответствующее нормотворчество.

Такой законодатель, создавая достаточно четкую форму права, не производит соностройку с соответствующим ей четким смыслом (как жидкость принимает форму емкости, которую наполняет). Эту правовую форму (пу-

⁸ Княгинин В. Рецепция зарубежного права как способ модернизации российской правовой системы // ucheba.dlldata.com [Электронный ресурс] // <<http://ucheba.dlldata.com/docs/index-23355.html>> (последнее посещение – 27.02.2014).

стую емкость) заполняет чем-то своим (по содержанию, плотности, объему и т.д.) правоприменитель, тем самым достигая собственной сонстройки между формой и содержанием правовой нормы. Очевидно, что дисгармония находится не столько в плоскости формы (емкости), сколько в содержании и их сонстройке (субстанции, ее наполняющей, а также их взаимосвязи (например, вода в емкости и камень в емкости – разное соприкосновение)). В итоге константой является лишь семантическая конструкция (словесно-буквенная форма) нормы права, а ее содержание и их сонстройка будут переменными величинами, зависящими от конкретного правоприменителя. Вместе с тем, если бы эти три величины были константами на этапе создания (нормотворчества) законодателем и в неизменном виде передавались правоприменителю, который, в свою очередь, в первоначальном виде ретранслировал (применял) их для регулирования (обустройства) социальной реальности, то в таком ключе можно было бы установить точное соответствие формы содержанию, понимать «дух» и «тело» правила в их неразрывном единстве, что позволило бы точнее настраивать данный регулятор в зависимости от целей и задач, стоящих перед силами, созидающими правовые нормы (социальные регуляторы).

На основании вышеизложенного становится более понятным и не таким уж абсурдным решение коллегии присяжных по делу Засулич, не соответствующее исключительно формальным лекалам романо-германской юриспруденции, лишенным тонкой сонстройки с содержательным аспектом, однако вполне адекватное правовым и социальным реалиям того времени. УУС 1864 г. одной из форм правосудия предусмотрел рассмотрение уголовных дел коллегией присяжных заседателей из числа обычных граждан, а не профессиональных юристов. Таким образом, законодатель заполнил уголовно-процессуальную форму «коллегия присяжных заседателей» содержанием «превалирующего именно общественного, а не юридического сознания», что вполне логично создает крепкий фундамент в сонстройке буквы и духа закона, в которой недопустим примат одного над другим и наоборот, а только лишь их тонкая сонстройка, основанная имплементация нравственных и духовных начал в структурирование общественных отношений посредством норм (правил), созданных законодателем и используемых правоприменителем. Чему же тогда удивляться, если присяжные представляли собой индикатор общественного мнения (в некотором смысле мерило социальной справедливости в то время и в том месте), а правоприменитель в лице председа-

тельствующего в судебном процессе А. Ф. Кони точно и единообразно выполнил все требования, соответствующие букве и духу УУС 1864 г., тем самым создал условия для полного, объективного и всестороннего исследования обстоятельств дела, а также вынесения не формально справедливого, а социально справедливого решения? Собственно, важнейший критерий законного и обоснованного приговора – это его справедливость, но ведь понятие справедливости не может носить лишь формальный характер, это глубоко содержательная категория. К слову, А. Ф. Кони был не только судьей, его перу принадлежит и такой фундаментальный труд, как «Нравственные начала в уголовном процессе», в котором он еще в XIX веке заглядывал вглубь права, тонко чувствовал сонстройку его формы и содержания. Ярким подтверждением тому служит его напоминание участникам судебного состязания, что «суд в известном отношении есть школа для народа, из которой, помимо уважения к закону, должны выноситься уроки служения правде и уважения к человеческому достоинству»⁹.

Таким образом, научное увлечение лишь совершенствованием формы права и даже его содержания, и даже в их предполагаемой сонстройке совершенно не означает аутентичной имплементации такой полноценной нормы в социальную реальность, для которой она и создается. В отсутствие равнозначного нравственного базиса правотворца и правоприменителя, которые в современной правовой реальности либо не основываются на едином нравственном базисе, либо основываются на едином, но безнравственном, не возможна истинная эволюция государства и права. При этом, если фокусировать внимание лишь на их сонстройке в плоскости формы права, то предстает яркий и бесконечно многогранный мир современной отечественной юриспруденции.

Что же касается ответа на вопрос, с которого начиналось данное исследование, то, основываясь на вышеизложенном, осмелимся утверждать, что современная уголовно-процессуальная форма в любой своей вариации не сможет реально обеспечить право на защиту в уголовном процессе, однако с легкостью обеспечивает его виртуально, если вывод о тождественности производится на основании сопоставления нескольких процессуальных форм (буква закона и буква приговора) в отрыве от сонстройки с их содержательным аспектом (дух закона и дух приговора).

⁹ Кони А.Ф. Нравственные начала в уголовном процессе // sbiblio.com. [Электронный ресурс] // <http://sbiblio.com/BIBLIO/archive/koni_nrav> (последнее посещение – 25.02.2014).

Библиография

1. Стешенко Л.А., Шамба Т.М. Адвокатура в Российской Федерации. – 2-е изд., перераб. – М.: Норма, 2008. – 518 с.
2. Смоленский М.Б. Адвокатская деятельность и адвокатура Российской Федерации. – 2-е изд., испр. и доп. – Ростов н/Д: Феникс, 2003. – 249 с.
3. Дмитриев И. Почему присяжные оправдали террористку Веру Засулич // Право.ru [Электронный ресурс] // (последнее посещение – 25.02.2014).
4. Крючкова А. Эхо от выстрела. Почему присяжные оправдали Веру Засулич // Аргументы и факты в Беларуси [Электронный ресурс] // (последнее посещение – 22.02.2014).
5. Княгинин В. Рецепция зарубежного права как способ модернизации российской правовой системы // ucheba.dlldata.com [Электронный ресурс] // (последнее посещение – 27.02.2014).
6. Кони А.Ф. Нравственные начала в уголовном процессе // sbiblio.com. [Электронный ресурс] // (последнее посещение – 25.02.2014).

References

1. Steshenko L.A., Shamba T.M. Advokatura v Rossiiskoi Federatsii. – 2-e izd., pererab. – M.: Norma, 2008. – 518 s.
2. Smolenskii M.B. Advokatskaya deyatel'nost' i advokatura Rossiiskoi Federatsii. – 2-e izd., ispr. i dop. – Rostov n/D: Feniks, 2003. – 249 s.
3. Dmitriev I. Pochemu prisyazhnye opravdali terroristku Veru Zasulich // Pravo.ru [Elektronnyi resurs] // (poslednee poseshchenie – 25.02.2014).
4. Kryuchkova A. Ekho ot vystrela. Pochemu prisyazhnye opravdali Veru Zasulich // Argumenty i fakty v Belarusi [Elektronnyi resurs] // (poslednee poseshchenie – 22.02.2014).
5. Knyagin V. Retseptsiya zarubezhnogo prava kak sposob modernizatsii rossiiskoi pravovoi sistemy // ucheba.dlldata.com [Elektronnyi resurs] // (poslednee poseshchenie – 27.02.2014).
6. Koni A.F. Nravstvennye nachala v ugovnom protsesse // sbiblio.com. [Elektronnyi resurs] // (poslednee poseshchenie – 25.02.2014).

Материал поступил в редакцию 3 марта 2014 г.

ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СВИДЕТЕЛЯ ПО УСТАВУ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Аннотация: Статья посвящена законодательной регламентации процессуального статуса свидетеля, его освобождения от обязанности свидетельствовать, особенностям и условиям допроса на следствии и в суде в Уставе уголовного судопроизводства. В связи с отсутствием понятия свидетеля в УУС дается характеристика различных определений свидетеля, данных в трудах дореволюционных ученых-процессуалистов. Анализируются нормы УУС, освобождавшие свидетелей от дачи показаний, основания этого освобождения. Кроме этого приводятся и комментируются положения Проекта УУС, разработанного в 1900 г. Исследуются положения УУС, касающиеся дачи показаний свидетелями под присягой на следствии и в суде, дается характеристика значимости присяги, данная в трудах дореволюционных русских процессуалистов. Автором использован метод исторического анализа положений УУС, а также сравнительно-правовой метод, позволивший определить как законодательный подход к регулированию правового положения свидетеля, так и научные мнения по различным аспектам процессуального статуса свидетеля. В статье впервые дан конкретный анализ норм УУС, посвященных процессуальному статусу свидетеля, правилам его допроса на предварительном следствии и в суде, а также значения и роли присяги свидетеля для обеспечения достоверности показаний. На основании проведенного анализа норм УУС формулируется вывод: именно УУС заложил основы современного института свидетельствования в уголовном судопроизводстве, многие его положения восприняты УПК РФ.

Ключевые слова: Устав уголовного судопроизводства, Судебная реформа, свидетель, освобождение от свидетельствования, свидетельский иммунитет, допрос свидетеля, присяга свидетеля, освобождение от присяги, показания свидетеля, поверенный.

DOI: 10.7256/1994-1471.2014.4.11149

«Свидетели – альфа и омега уголовного процесса»

А.В. Скопинский

Устав уголовного судопроизводства (далее – УУС) в сравнении с предыдущим законодательством привел в определенную и достаточно четкую систему нормы, регулировавшие процессуальное положение свидетеля. Вместе с тем, нормы, в которых бы давалось понятие свидетеля и определялись требования, предъявляемые к свидетелям, отсутствовали.

Русские ученые-процессуалисты давали различные определения свидетеля. И.Я. Фойницкий исходил из того, что свидетель есть «физическое лицо, имеющее об обстоятельствах производимого в суде дела сведения, добытые путем личного их наблюдения и призванное к суду, для удостоверения пред ним этих обстоятельств в установленном законом порядке»¹.

П.В. Макалинский полагал, что свидетелями являются «лица, могущие дать показания в пользу или против обвиняемых, или же относительно состава преступления»².

По мнению В.К. Случевского, свидетелями по делу могли быть «все лица, которые в состоянии дать судебной власти полезные указания к обнаружению материальной истины в отношении совершившегося преступления посредством изложения всего виденного или слышанного по делу»³. Из приведенных определений можно сделать вывод, что главным признаком свидетеля считалась его способность дать показания о том, что им виделось или слышалось.

В 2-х тт. Том 2. СПб., 1912. С. 266.

² Макалинский П.В. Практическое руководство для судебных следователей, состоящих при окружных судах: В 2-х чч. Часть I. СПб., 1894. С. 234.

³ Случевский В.К. Учебник русского уголовного процесса: судостроительство: В 2-х чч. Часть I. СПб., 1891. С. 427.

¹ Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства:

© Смолькова Ираида Вячеславовна

* Доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора, Байкальский государственный университет экономики и права [kupik@isea.ru]

664003, Россия, г. Иркутск, ул. Ленина, д. 11, каб. 6–301.

Некоторые категории лиц по УУС освобождены от свидетельствования. В Объяснительной записке к УУС по данному поводу отмечалось: «следовало бы не отстранять никого от свидетельства, предоставить благоразумию судей определение значения каждого показания соответственно степени его достоверности; изъятие из этого правила может быть допущено только для тех случаев, когда свидетель по своим душевным или телесным недостаткам не мог познать свидетельствуемого предмета или же когда показание его против подсудимого было бы нарушением тайны, вверенной свидетелю такого звания, в котором он может приносить пользу обществу лишь при надлежащем доверии к его скромности»⁴. Эти мотивы и были положены в основу ст. 704 УУС.

Так, в соответствии со ст. 704 УУС не допускались к даче свидетельских показаний: «1) безумные и сумасшедшие; 2) духовные лица – в отношении к признанию, сделанному им на исповеди; 3) присяжные поверенные и другие лица, исполнявшие обязанности защитников подсудимых – в отношении к признанию, сделанному им доверителями во время производства о них дела».

Оценивая запрет допрашивать в качестве свидетелей «безумных и сумасшедших», Правительствующий Сенат отметил, что «было бы совершенно несогласно с достоинством правосудия пользоваться для его целей источниками, явно ненадежными или опасными для общественной нравственности, а к таким источникам, несомненно, принадлежат показания лиц, кои по душевным недостаткам не могли показать свидетельствуемого предмета». А.В. Скопинский подверг критике данное суждение, заметив, что «некоторые психически ненормальные лица могут давать осмысленные показания»⁵.

В последующем Комиссия, специально созданная для пересмотра законоположений УУС, признала целесообразным упразднить исключение из числа свидетелей психически больных, исходя из того, что «на практике провести грань между слабоумными и безумными иногда прямо-таки невозможно ... а умалишенные могут иногда верно передать событие, с ними или при них случившееся». На этом основании в Проекте новой редакции УУС, подготовленном данной Комиссией, была предложена следующая формулировка: «Безумные, сумасшедшие и слабоумные не допрашивают-

ся в качестве свидетелей; но для разъяснения дела судья, производящий следствие, может, по соображениям с состоянием их умственных способностей, расспрашивать этих лиц по возможности, при содействии врача, ни в каком случае не приводя их к присяге» (ст. 371)⁶.

«Безумных и сумасшедших» не допускали к свидетельству исходя из того, что они не могли быть приведены к присяге. Священники и присяжные поверенные освобождались от свидетельства в силу доверительных отношений с подсудимым, которые складываются при исполнении ими своих обязанностей.

Небезынтересно отметить, что при обсуждении Проекта УУС предлагалось не допускать священников к свидетельству «в отношении к признанию, сделанному им на исповеди или при подаче духовной помощи». При обсуждении же данного Проекта Государственный Совет признал, что «случаи и способы подания духовной помощи, если они выходят из пределов исповеди, могут быть весьма разнообразны и неопределенны, и недопущение в сих случаях к свидетельству священников могло бы послужить препятствием к раскрытию истины»⁷.

В дореволюционной юридической литературе существовала позиция, в соответствии с которой «если кающийся уполномочил духовника заявить о данном им ранее неправильном показании, могущем повлечь за собою наказание невиновного, устранение свидетельского показания священника могло послужить препятствием к раскрытию истины»⁸.

Данная позиция подверглась обоснованной критике. Так, блестящий мастер слова А.Ф. Кони в этой связи писал: «попытки судебных практиков прямо отменить или косвенно обойти правила о недопросе священника относительно исповеди, в интересах успешного уголовного преследования, не могут вызывать сочувствия: они стремятся сделать таинственное общение человека с Богом орудием земного правосудия, освобождая его представителей от труда над раскрытием истины общепринятыми способами»⁹.

Освобождались от дачи свидетельских показаний и присяжные поверенные. В русском дореволюционном уголовном процессе адвокат, защитник обвиняемого (подсудимого),

⁴ Судебные уставы 20 ноября 1864 года с изложением рассуждений, на коих они основаны: В 4-х чч. Часть Вторая. СПб., 1866. С. 255.

⁵ Скопинский А.В. Свидетели по уголовным делам. М., 1911. С. 28.

⁶ Проект новой редакции Устава уголовного судопроизводства, составленный Высочайше утвержденною комиссией для пересмотра законоположений по судебной части. СПб., 1900. С. 225.

⁷ Судебные уставы 20 ноября 1864 года. С. 255.

⁸ Скопинский А.В. Указ. соч. С. 31.

⁹ Энциклопедический словарь / Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. В 82-х тт. Том 64. СПб., 1901. С. 494.

именовался присяжным поверенным. Согласно Словарю русского языка С.И. Ожегова поверенный – лицо, официально уполномоченное действовать от чьего-нибудь имени; тот, кому доверена тайна, секрет; а присяжный – связанный присягой, клятвой¹⁰. Таким образом, присяжный поверенный – это лицо, связанное клятвой хранить тайну доверившегося ему человека и официально представляющий его права и законные интересы.

Дореволюционные процессуалисты, обосновывая наделение защитника свидетельским иммунитетом, исходили из разных причин недопустимости совмещения процессуального статуса свидетеля и защитника. А. Квачевский находил основания освобождения защитника от свидетельства в «соблюдении условия хранить тайну, вверенную лицу такого звания, в котором он может приносить пользу обществу лишь при надлежащем доверии к его скромности»¹¹.

С.И. Викторский в этом вопросе исходил из соотношения публичных и частных начал уголовного судопроизводства, полагая, что «исключение присяжных поверенных из числа свидетелей составляет подчинение публично-интереса интересам частного лица»¹².

Нравственное обоснование запрета допрашивать защитника об обстоятельствах, которые стали ему известны при осуществлении функции защиты, было дано А.Ф. Кони, который по данному поводу писал: «Между защитником и тем, кто в тоске и тревоге от грозно надвинувшегося обвинения обращается к нему в надежде на помощь, устанавливается тесная связь доверия и искренности. Защитнику открываются тайники души, ему стараются разъяснить свою виновность или объяснить свое падение и свой скрываемый от других позор такими подробностями личной жизни, по отношению к которым *слепая* Фемида должна быть и *глухой*»¹³.

Небезынтересно отметить, что в Проекте новой редакции УУС предлагалось производить допрос присяжных поверенных, если подсудимые ходатайствовали об этом, обосновывалось это следующим образом: «Недопущение

защитника сообщать признания подсудимого составляет изъятие из общего правила об обязанности каждого свидетельствовать перед органами судебной власти обо всем, что ему известно по данному делу, и составляет подчинение публичного интереса интересам частного лица, потому в случае отказа сего последнего от такой прерогативы не представляется уже оснований настаивать на ее соблюдении, вопреки желанию заинтересованного лица»¹⁴.

Согласно ст. 705 УУС «муж или жена обвиняемого лица, родственники по прямой линии, восходящей или нисходящей, а также родные его братья и сестры могут устранить себя от свидетельства, если же не пожелают воспользоваться сим правом, то допрашиваются без присяги».

Составители УУС, комментируя положения ст. 705, отмечали, что «в видах ограждения ненарушимости семейственного союза, составляющего основу всякого общежития, не следует требовать свидетельства от лиц, состоящих с подсудимым в супружестве или родстве ... Как бы ни была велика их решимость дать беспристрастные показания, но чувство любви, связывающее их с подсудимым, может против воли их подавить требование совести. Закон не дает никого ставить в положение, угрожающее явной опасностью клятвopеступления»¹⁵.

Характеризуя нравственное значение данного положения, А.Ф. Кони писал: «Закон щадит те чувства, которые даже при сознании свидетелем виновности подсудимого или личности изобличающих его факторов, заставляли бы нередко сердце дающего показания обливаться слезами и кровью или искать облегчения своего тяжелого положения во лжи. В человеческом взгляде закона на таинственный голос крови или супружеской привязанности заключается даже как бы признание допустимости лжи, которая в известных случаях более близка к внутренней правде жизни, чем объективная и холодная истина»¹⁶.

УУС также не допускал совмещения процессуального статуса свидетеля с исполнением обязанностей прокурора, защитника подсудимого или поверенного, частного обвинителя или гражданского истца (ст. 709).

Кроме указанных выше субъектов в Проекте УУС предлагалось не допускать к свидетельству «врачей, акушеров и повивальных бабок – в отношении к тайне, сообщенной им при исполнении обязанностей их звания». В оконча-

¹⁰ Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1989. С. 282, 488.

¹¹ Квачевский А. Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по судебным уставам 1864 г. В 3-х чч. Часть 3. (Вып. второй), 1870. С. 452.

¹² Викторский С.И. Русский уголовный процесс. М., 1911. С. 215.

¹³ Кони А.Ф. Нравственные начала в уголовном процессе // А.Ф. Кони Собр соч.: В 8-ми тт. Том 4. М., 1968. С. 53–54.

¹⁴ Проект новой редакции Устава уголовного судопроизводства. С. 235.

¹⁵ Судебные уставы 20 ноября 1864 года. С. 250.

¹⁶ Кони А.Ф. Указ. соч. С. 52.

тельную редакцию УУС данное положение не вошло, поскольку, по мнению Государственного Совета, «освобождение этих лиц от свидетельства весьма часто служило бы важным препятствием к обнаружению истины и к сокрытию их соучастия или пособия в совершенном преступлении»¹⁷.

По общему правилу свидетелей допрашивали «на месте производства следствия» кроме тех случаев, когда свидетели по болезни или другим причинам не могли явиться к следствию, тогда они допрашивались по месту жительства (ст. 433 УУС).

Если возникала необходимость допросить нескольких свидетелей, проживавших в одном селении («околотке»), то допрос производился по месту их нахождения (ст. 434 УУС); воспитанники закрытых учебных заведений допрашивались по месту учебы. Министры, губернаторы и другие высокопоставленные чиновники пользовались привилегией быть допрошенными по месту их жительства (ст. 433 УУС).

Для явки свидетеля устанавливалось время, в которое он был свободен от своих занятий (ст. 437 УУС). Служебные обязанности или другие занятия свидетелей не освобождали их ни от явки, ни от денежного взыскания за неявку (ст. 438 УУС). Однако ст. 388 УУС устанавливала законные причины неявки свидетелей, такими признавались: лишение свободы, стихийные бедствия, «нашествие неприятеля», эпидемии, болезнь, несчастный случай, смерть или тяжелая болезнь близких родственников, неполучение или несвоевременное получение повестки. В случае неявки свидетеля без уважительных причин следователь вправе был наложить на свидетеля денежное взыскание на сумму до пятидесяти руб. и послать вторичную повестку. Если свидетель снова не являлся в срок, то он принудительно приводился к следователю. Следователь мог освободить от денежного взыскания свидетеля, если он представлял в двухнедельный срок доказательство о законных причинах неявки (ст. 440 УУС).

Перед допросом следователь предупреждал свидетеля о необходимости «показать всю правду» (ст. 443 УУС). В случае если свидетель не знал языка, на котором велся допрос, следователь приглашал лицо, сведущее в этом языке (ст. 410 УУС).

В судебном заседании свидетели допрашивались порознь. До начала судебного разбирательства свидетелей удаляли из зала судебного заседания. Перед началом допроса судья предупреждал свидетелей об уголовной ответственности за дачу ложных показаний. Свиде-

тель должен был рассказать все известное ему по делу. Не допускались ссылки на сведения, полученные от других лиц, если свидетель не мог указать источник своей осведомленности (ст. 718 УУС).

Свидетели допрашивались под присягой за некоторыми исключениями.

Составители Судебных Уставов отмечали, что присяга «по важности и священному значению своему должна сопровождаться возможной торжественностью»¹⁸.

На предварительном следствии свидетели обычно допрашивались без присяги, кроме следующих случаев:

- «1) когда свидетель собрался в дальний путь и возвращение его может замедлиться;
- 2) когда свидетель находится в болезненном состоянии, угрожающем опасностью его жизни;
- 3) когда свидетель имеет жительство вне округа того суда, которому подсудно дело, и притом в такой отдаленности от места судебных заседаний, что ему без особенного затруднения явиться невозможно» (ст. 442 УУС).

На суде же свидетели, как правило, приводились к присяге. Свидетель православного вероисповедания приводился к присяге священником, который «внушал свидетелю святость присяги» (ст. 713 УУС). Свидетели не православного вероисповедания приводились к присяге в соответствии с догматами и обрядами их веры духовным лицом их вероисповедания (ст. 714 УУС). Если же в месте заседания суда не было духовного лица того вероисповедания, к которому принадлежал свидетель, то он к присяге приводился председательствующим судьей (ст. 715 УУС).

Относительно значения присяги и ее влияния на честность и добросовестность свидетеля в литературе высказывались различные мнения.

Так, Д.Г. Тальберг отрицательно относился к присяге, полагая, что присяга может вводить суд в заблуждение, поскольку показанию под присягой отдается предпочтение перед показанием без присяги¹⁹.

И.Я. Фойницкий рассматривал присягу как институт, опасный для правосудия, считая его остатком прежних времен наряду с ордалиями, поскольку суд, «имея перед собою данную присягу, успокаивается на этом и не заботится об индивидуальной проверке личности показывающего». Кроме того, по мнению И.Я. Фойницкого, присяга представляется «даже для человека верующего тягостной, требуя от

¹⁷ Судебные уставы 20 ноября 1864 года. С. 255.

¹⁸ Судебные уставы 20 ноября 1864 года. С. 443.

¹⁹ Тальберг Д.Г. Русское уголовное судопроизводство. В 2-х тт. Том 2. – Киев, 1889. С. 147–148.

него часто призывание имени Божества по сравнительно маловажным обстоятельствам и порождая мысль, что без этого слово его само по себе не пользуется доверием»²⁰.

В.К. Случевский, наоборот, считал, что «страх навлечь на себя лжеприсягой небесный гнев для человека верующего есть самый могущественный стимул правдивости, способный заставить его пренебречь всякими посторонними интересами. К этому присоединяется и страх гнева земного правосудия, так как лжеприсяга объявляется деянием наказуемым»²¹. А.В. Скопинский также исходил из того, что «даже нетвердые в религии люди, в силу торжественности, которую обставляется присяга и благодаря силе самих слов присяги, не остаются без воздействия на их совесть со стороны этого прекрасного обряда»²².

К.К. Арсеньев отмечал, что присяга удерживает или, по крайней мере, должна удерживать свидетеля от ложных, преувеличенных или неполных показаний²³.

УУС предусматривал довольно широкий круг свидетелей, которые не допускались к свидетельствованию под присягой. В соответствии со ст. 706 УУС это:

- «1) отлученные от церкви по приговору духовного суда;
- 2) малолетние, не достигшие четырнадцати лет;
- 3) слабоумные, не понимающие святости присяги;
- 4) лица евангелического исповедания, пока они не подтверждены».

В соответствии со ст. 712 УУС от присяги освобождались: священнослужители всех христианских вероисповеданий и лица, принадлежащие к исповеданиям и вероучениям, не приемлющим присяги – вместо присяги эти лица давали обещание показать правду по чистой совести.

Библиография

1. Арсеньев К.К. Судебное следствие: сборник практических заметок. СПб.: Тип. В. Демакова, 1870. – 361 с.
2. Викторский С.И. Русский уголовный процесс. М.: Казенная железнодорожная типография Московского узла, 1911. – 320 с.
3. Квачевский А. Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по судебным уставам 1864 г.: В 3-х чч. Часть 3. (Вып. второй). СПб.: Тип. Ф.С. Сущинского, 1870. – 319 с.

²⁰ Фойницкий Указ. соч. С. 261.

²¹ Случевский В.К. Учебник русского уголовного судопроизводства. Судостроительство–Судопроизводство. СПб., 1910. С. 433.

²² Скопинский А.В. Указ. соч. С. 59.

²³ Арсеньев К.К. Судебное следствие: сборник практических заметок. СПб., 1870. С. 230.

Кроме того, не допускались к свидетельствованию под присягой в случаях предъявления какой-либо из сторон отвода:

- 1) лишенные по суду всех прав состояния или всех особенных прав и преимуществ;
- 2) потерпевшее от преступления лицо, хотя бы оно участвовало в деле, а также муж и жена его, родственники по прямой линии и родные его братья или сестры;
- 3) другие по боковым линиям родственники как потерпевшего лица, так и подсудимого, в третьей и четвертой степенях, и свойственники обеих сторон в первых двух степенях;
- 4) состоящие с участвующими в деле лицами в особенных отношениях или по усыновлению, или по опеке, или по управлению одним из них делами другого, а также имеющими тяжбу с кем-либо из участвующих в деле лиц;
- 5) раскольники – по делам лиц, обратившихся из раскола в православие (ст. 707 УУС);
- 6) наследники подсудимого по его отводу, в какой бы степени родства они не состояли с ним, когда он судится за преступление, разрушающее все права состояния (ст. 708 УУС).

Если свидетели допрашивались без присяги, то председательствующий судья делал «уведомление», в котором напоминал им о необходимости отрешиться «от всякого влияния на них вражды, дружбы или страха» и говорить «сущую правду и только одну правду, не увеличивая и не уменьшая известных им обстоятельств, а, показывая все так, как что случилось» (ст. 717 УУС). В этих случаях присягу заменяло торжественное обещание «показать всю правду по чистой совести».

Итак, УУС предусматривал достаточно хорошо разработанный комплекс уголовно-процессуальных норм, регулировавших процессуальный статус свидетеля, многие из них вошли в современный УПК РФ, фактически УУС заложил основы современного института свидетельствования.

4. Кони А.Ф. Нравственные начала в уголовном процессе // Кони А.Ф. Собр. соч.: В 8-ми тт. Том 4. М.: Юрид. лит., 1968. – С. 33–69.
5. Макалинский П.В. Практическое руководство для судебных следователей, состоящих при окружных судах: В 2-х чч. Часть I. СПб.: Типография Н.А. Лебедева, 1894. – 697 с.
6. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1989. – 750 с. а. Проект новой редакции Устава уголовного судопроизводства, составленный Высочайше утвержденною Комиссиею для пересмотра законоположений по судебной части. СПб.: Сенатская типография, 1900. – 513 с.
7. Скопинский А.В. Свидетели по уголовным делам: пособие для практиков. М.: Изд-е книжного магазина И.Г. Голубева, 1911. – 194 с.
8. Случевский В.К. Учебник русского уголовного судопроизводства. Судоустройство–Судопроизводство. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1910. – 664 с.
9. Тальберг Д.Г. Русское уголовное судопроизводство: В 2-х тт. Том 2. Киев: Изд-е И.Н. Кушнеров и К^о, 1889. – 318 с.
10. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства: В 2-х тт. Том 2. СПб.: Сенатская типография, 1912. – 567 с.
11. Энциклопедический словарь / Изд-ли Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. В 82-х тт. Том 64. СПб.: Типо-литография И.А. Ефрона, 1901. – 657 с.

References

1. Arsen'ev K.K. Sudebnoe sledstvie: sbornik prakticheskikh zametok. SPb.: Tip. V. Demakova, 1870. – 361 s.
2. Viktorskii S.I. Russkii ugolovnyi protsess. M.: Kazennaya zheleznodorozhnaya tipografiya Moskovskogo uzla, 1911. – 320 s.
3. Kvachevskii A. Ob ugolovnom presledovanii, doznanii i predvaritel'nom issledovanii prestuplenii po sudebnym ustavam 1864 g.: V 3-kh chch. Chast' 3. (Vyp. vtoroi). SPb.: Tip. F.S. Sushchinskogo, 1870. – 319 s.
4. Koni A.F. Nravstvennyye nachala v ugolovnom protsesse // Koni A.F. Sobr. soch.: V 8-mi tt. Tom 4. M.: Yurid. lit., 1968. – S. 33–69.
5. Makalinskii P.V. Prakticheskoe rukovodstvo dlya sudebnykh sledovatelei, sostoyashchikh pri okruzhnykh sudakh: V 2-kh chch. Chast' I. SPb.: Tipografiya N.A. Lebedeva, 1894. – 697 s.
6. Ozhegov S.I. Slovar' russkogo yazyka. M.: Russkii yazyk, 1989. – 750 s. a. Proekt novoi redaktsii Ustava ugolovnogo sudoproizvodstva, sostavlenniy Vysochaishe utverzhdennoyu Komissieyu dlya peresmotra zakonopolozhenii po sudebnoi chasti. SPb.: Senatskaya tipografiya, 1900. – 513 s.
7. Skopinskii A.V. Svideteli po ugolovnym delam: posobie dlya praktikov. M.: Izd-e knizhnogo magazina I.G. Golubeva, 1911. – 194 s.
8. Sluchevskii V.K. Uchebnik russkogo ugolovnogo sudoproizvodstva. Sudoustroistvo–Sudoproizvodstvo. CPb.: Tipografiya M. M. Stasyulevicha, 1910. – 664 s.
9. Tal'berg D.G. Russkoe ugolovnoe sudoproizvodstvo: V 2-kh tt. Tom 2. Kiev: Izd-e I.N. Kushnerov i K^o, 1889. – 318 s.
10. Foinitskii I.Ya. Kurs ugolovnogo sudoproizvodstva: V 2-kh tt. Tom 2. SPb.: Senatskaya tipografiya, 1912. – 567 s.
11. Entsiklopedicheskii slovar' / Izd-li F.A. Brokgauz, I.A. Efron. V 82-kh tt. Tom 64. SPb.: Tipo-litografiya I.A. Efrona, 1901. – 657 s.

Материал поступил в редакцию 23 февраля 2014 г.

РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ИНСТИТУТА СВЕДУЩИХ ЛИЦ В УСТАВАХ СУДОПРОИЗВОДСТВА АЛЕКСАНДРА II

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы правовой регламентации института сведущих лиц в законодательстве XIX века, а именно в Уставе уголовного судопроизводства и Уставе гражданского судопроизводства 1864 г. Анализу подвергаются формы участия сведущих лиц в уголовном и гражданском судопроизводстве, правовой статус (права, обязанности и ответственность) сведущих лиц, основания их привлечения для участия в судопроизводстве, а также заключение сведущих лиц, его место и значение в уставах судопроизводства. Кроме того, уделяется внимание процессу разработки и принятия уставов судопроизводства. Методами исследования в настоящей работе являются исторический и сравнительно-правовой методы, позволяющие провести анализ правового института сведущих лиц в сравнении положений уставов судопроизводства 1864 г. и положений современного законодательства. Научная новизна заключается в формулировании выводов, касающихся значения положений уставов судопроизводства 1864 г. для становления и совершенствования правовой регламентации института сведущих лиц в уголовном и гражданском судопроизводстве. Делается вывод о различии правового статуса сведущего лица и свидетеля, о формах их участия в судопроизводстве XIX и начала XX века, а также о стремлении к единообразию в регулировании института сведущих лиц в гражданском и уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: сведущее лицо, Устав уголовного судопроизводства, Устав гражданского судопроизводства, правовой статус, судебная экспертиза, специалист, формы участия, институт сведущих лиц, осмотр, освидетельствование, сведущее лицо-переводчик.

DOI: 10.7256/1994-1471.2014.4.10843

Законодательная реформа, проведенная императором Александром II, явилась одной из самых масштабных, по степени охвата различных областей жизни, и прогрессивных усовершенствований со времени начала правления династии Романовых и до наших дней. Последствия проведенной реформы трудно переоценить, это и не является целью настоящей работы, однако даже беглый взгляд на нее приводит к пониманию того, насколько проработанной, продуманной была проведенная реформа. Этими признаками можно охарактеризовать практически любой нормативный акт, подписанный императором в рамках данной реформы, в особенности уставы. Сам процесс разработки и принятия Устава уголовного судопроизводства 1864 года¹ и Устава гражданского судопроизводства 1864 года² заслуживает особого внимания. Так, подготовленные во втором отделении собственной Его Императорского Величества

канцелярии проекты новых уставов судопроизводства передавались в Государственный Совет на предварительное рассмотрение. Затем, Совет направил проекты для ознакомления и получения заключений практикующим юристам во все губернии. После получения заключений из разных концов страны была создана особая комиссия, которая проанализировала замечания и предложения, изложенные в заключениях на законопроекты. Выводы комиссии были обсуждены в Государственном Совете и опубликованы. Далее, особая комиссия, с учетом полученных заключений, их обсуждения в Государственном Совете и собственных выводов, затребовала мнение практических работников по ряду вопросов и составила проекты уставов с учетом замечаний и предложений, снова передав их на обсуждение практиков.

И, в завершение, состоялось обсуждение законопроектов в Государственном Совете, который к тому времени получил замечания и предложения от лиц, состоящих в судебных ведомствах, «начиная от секретарей уездных

¹ Далее сокращенно – УУС.

² Далее сокращенно – УГС.

© Дьяконова Оксана Геннадьевна

* Кандидат юридических наук, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин, Российская правовая академия, Тульский филиал [oxana_diakonova@mail.ru]

301657, Россия, Тульская область, г. Новомосковск, ул. Олимпийская, д. 4Б, кв. 27.

судов и восходя до председателей судебных палат и губернских прокуроров и, сверх того, такие же замечания, внесенные непосредственно от обер-прокуроров, сенаторов, министра юстиции и прочих министров и главноуправляющих отдельными частями»³. В результате продолжительного обсуждения, заслушивания мнений судебного сообщества, практических работников, ученых 20 ноября 1864 года были приняты уставы судопроизводства. Для ученых и практиков того времени, законодателя тогда было совершенно очевидно принимать законопроект только после обсуждения и согласования, уточнений и исключения положений, способных ввести в заблуждение или неоднозначное толкование. Сам процесс принятия говорит не только о взвешенном подходе, но и о «проявлении заботы» о судопроизводстве, о людях, которые будут в нем участвовать.

Одним из правовых институтов, получившим широкое, по сравнению с ранее действующими актами, регулирование в уставах судопроизводства стал институт сведущих лиц.

Отметим, что и до 1864 г. он был уже известен и в определенной степени законодатель пытался определить место, роль и правовое положение сведущих лиц в судопроизводстве. В.Н. Махов, в том числе со ссылкой на других авторов, приводит примеры, дающие основание говорить о привлечении сведущих лиц: царские указы об освидетельствовании лекарями на пригодность лиц к военной или государственной службе, осмотры документов в целях установления их подлинности и исследования почерков сведущими людьми по гражданским делам, а также ссылается на ряд нормативных актов, в которых речь идет о сведущих людях (лицах): Указ от 6 марта 1699 г. «О порядке исследования подписей на крепостных актах в случае возникшего о подлинности оных спора или сомнения, о писании крепостей в поместных и вотчинных делах в поместном приказе, а не на Ивановской площади, и о потребном числе свидетелей для крепостных актов; Артикул воинский купно с процессом, надлежащим судьям 1715 г.; Указ «Освидетельствование дураков в Сенате» 1722 г.; статьи 197 и 212 Свода законов уголовных (книга 2 т. XV Свода законов Российской империи)⁴.

³ Судебные Уставы 20 ноября 1864 г. с изложением рассуждений, на коих они основаны. Издание Государственной Канцелярии. Часть первая. Устав гражданского судопроизводства. Дополненный положением 1866 г. Об охранительном производстве. – СПб, 1866. – С.П.

⁴ См.: Махов В.Н. Теория и практика использования знаний сведущих лиц при расследовании преступлений: диссертация ... доктора юридических наук. – М., 1993. – С.17–25.

Некоторые исследователи сходятся во мнении, что официальной датой становления судебной экспертизы считается 1716 г., когда Воинским уставом Петра I было предписано привлекать сведущих лиц (лекарей) для исследования повреждений на одежде и теле пострадавшего. Хотя в данном случае речь стоило бы вести не о судебной экспертизе, как о достаточно молодом институте, а об обращении к специалистам в целях проведения освидетельствования, поскольку в современном понимании статус лиц, проводящих исследование, вряд ли можно было именовать «экспертным».

В своде законов Российской империи 1857 г., указывалось, что рассмотрение и сличение почерков производится по назначению суда сведущими в том языке, на коем написаны и подписаны сличаемые документы. Такое исследование поручалось секретарям присутственных мест, учителям чистописания или другим преподавателям. В тот период при сравнении отбирались и образцы почерка «для примеру»⁵. Исследование таких документов, как завещание, вексель и т.д. требовало привлечения специалистов для выявления как самого факта подделки и его способа, так и фальсификации документа. Подобные исследования в XVI-XVIII вв. поручали аптекарям и фармацевтам⁶.

Уставы судопроизводства 1864 г. сделали серьезный шаг в регламентировании института сведущих лиц. В уголовном судопроизводстве сведущие люди вступали в процесс по приглашению судьи (ст.112 УУС) или следователя (ст.325 УУС). В ст. 122 и 515 УГС содержалось указание на возможность мирового судьи или суда потребовать заключение сведущих людей по просьбе сторон или по своему усмотрению.

Основанием обращения к сведущим людям в УГС являлось необходимость получения заключения сведущих людей о таком предмете, рассмотрение и оценка которого требует особых научных, технических или хозяйственных сведений (знаний) или особых сведений. УУС указывал на необходимость точного изучения встречающегося в деле обстоятельства с применением специальных сведений (знаний) или опытности в науке, искусстве, ремесле, промысле или каком-либо занятии. Отметим, что подобное положение, бывшее актуальным 150 лет назад, находит свое отражение и во многих современных процессуальных законах (напри-

⁵ Крылов, И.Ф. Очерки истории криминалистики и криминалистической экспертизы. – Л., 1975. – С.81.

⁶ Дадашева Ф.Д. Проблемы правового регулирования судебно-медицинской экспертизы в гражданском процессе: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук – М., 2002. – С.13.

мер, ст. 79 ГПК РФ, ст. ст.25.9, 26.4 КоАП РФ, ст. ст.2, 9 ФЗ № 73).

По мнению Е.А. Зайцевой, использование специальных познаний в судопроизводстве России до реформы 1864 г. следует рассматривать как самостоятельную форму – заключение сведущих лиц, которые были прообразом эксперта и специалиста⁷. Данная позиция представляется в целом обоснованной, поскольку в тот период происходило зарождение новых процессуально-правовых институтов – судебной экспертизы и деятельности специалиста (обращения к специалисту), которые в последующем развивались параллельно, преследуя различные цели и задачи. Однако в то же время теории и практики того времени, комментируя Уставы судопроизводства, разделяли формы участия сведущих лиц в процессе на следующие:

1) Экспертизу (испытание, исследование, в некоторых случаях применялся термин «осмотр»), в том числе повторную экспертизу. В ст. 691 УУС идет речь о химических и микроскопических исследованиях, которые по своей сути являлись экспертными.

Ст.515 УГС позволяла суду потребовать заключение сведущих людей по просьбе сторон или по своей инициативе, в комментарии к ней указывалось, что «суд не вправе отказать в ходатайстве об экспертизе на том основании, что экспертиза есть дело усмотрения суда, что, по мнению суда, сведущие лица не в состоянии дать требуемого заключения»⁸. Кроме того, суд обязан был потребовать заключения экспертов, если, по собственному признанию суда, экспертиза могла иметь влияние на разрешение дела.

При назначении экспертизы суд выносил постановление об исследовании, в котором, в соответствии со ст. 516 УГС, должен был отразить: предмет исследования, лиц, выбранных в качестве экспертов, срок исследования и представления заключения в суд.

Е.П. Гришина указывает, что УУС сделал возможным появление фигуры, «которая в сов-

ременной трактовке именуется альтернативным экспертом, а именно в случае отказа суда вызвать конкретное лицо в качестве эксперта сторонам предоставлялось право его пригласить за свой счет (ст. 578, 557, 576 УУС)⁹. Ст. 578 УУС действительно позволяла сторонам просить о вызове в суд не только свидетелей, но и сведущих людей, для объяснения какого-либо предмета или проверки сделанного уже испытания (экспертизы). Заявления об этом должны быть сделаны в срок, определенный ст. 357 и 560 УУС (в течение 7 дней от получения извещения о дополнении списка вызова свидетелей и сведущих лиц). Полагаем, что преждевременно утверждать о появлении «фигуры альтернативного эксперта», это скорее проявление состязательных начал, реализация которых, учитывая положения УУС, была более гарантированной, нежели в современном законодательстве. Скорее, положение ст. 578 УУС указывало на возможность стороны защиты пригласить сведущее лицо в качестве специалиста, помогающего в оценке заключения эксперта либо дающего консультацию.

Назначение повторного испытания (экспертизы) или освидетельствования было установлено ст. 692 УУС и проводилось по замечанию сторон, или присяжных заседателей, или по усмотрению суда. Для этого суд избирал или принимал указанных сторонами сведущих лиц, с тем, чтобы они производили свои действия в заседании суда, если это возможно, или, по крайней мере, представили в судебном заседании обстоятельный отчет об оказавшемся при освидетельствовании или испытании.

Совместное прочтение статей УУС, посвященных участию сведущих лиц, позволяет сделать вывод о коллегиальном и единоличном характере их участия в экспертизе (испытании), освидетельствовании и осмотре. ст. 123 УГС конкретно указывала на то, что сведущие лица избирались в числе от одного до трех по взаимному согласию сторон или назначению суда. Кроме того, оба устава указывали на возможность проведения исследования в составе комиссии. ст. 519 УГС по общему правилу указывала, что «сведущие лица назначаются в числе трех. Впрочем, с согласия сторон или по малоценности иска, может быть назначено для производства исследования одно только лицо». В комментарии поясняется, что «*акт осмотра* (исследования – курсив наш О.Д.) имеет значение доказательства, хотя бы было выз-

⁷ Зайцева, Е. А. Уголовно-процессуальное законодательство о сведущих лицах: традиции и современность // Доклады и сообщения на конференции «Уголовная юстиция: связь времен». [Электронный ресурс]. Точка доступа URL: <http://www.iuaj.net/node/421>. Дата обращения – 21.01.2014.

⁸ Устав гражданского судопроизводства с систематизированным собранием законодательных мотивов ко всем узаконениям и разъяснений Правительствующего Сената и Министерства Юстиции с приложением Узаконений, цитированных в Уставе или касающихся применения его, законов от 12.03.1914 г. и предметного указателя. – Изд-е 6, испр. и значительно доп. / Сост. В. Гордон. – Санкт-Петербург, 1914. – С.445.

⁹ Гришина Е.П. Сведущие лица в российском уголовном судопроизводстве: теоретические проблемы доказывания и правоприменительная практика: монография / под ред. Н. А. Духно. – М. : Изд-во Юридического института МИИТа, 2012. – С.58.

вано более трех экспертов, если против них не было заявлено отвода»¹⁰.

2) Осмотр, освидетельствование с участием сведущих лиц (прообраз участия специалиста в следственных и судебных действиях). Так, по УУС следователь мог пригласить сведущее лицо для осмотра или освидетельствования (ст.325). Не согласимся с мнением Е.П. Гришиной, которая полагает, что УУС предоставлял сведущим лицам право самостоятельного проведения следственных действий, например, осмотра или освидетельствования (ст. 325, 331 УУС)¹¹, поскольку само содержание приводимых автором статей говорит о привлечении сведущих лиц к этим следственным действиям, но никак не о самостоятельном их производстве. Положение ст. 315 УУС, гласившее, что «осмотры и освидетельствования производятся в присутствии понятых, или непосредственно судебным следователем, или чрез сведущих людей» позволило бы сделать такой вывод, однако совокупное прочтение статей Отделения Первого Глав IV УУС подтверждает нашу позицию. Тем не менее, следователь мог привлекать к осмотру и освидетельствованию сведущих лиц и в некоторых случаях присутствовать при проведении освидетельствования. В ст. 119 УГС предусматривалась такая форма участия сведущих лиц, как осмотр, во время которого, в соответствии со ст. 124, они могут давать показания (полагаем, что в данном случае – объяснения). Отдельно следует отметить, что УГС не содержал правила, при котором заключение сведущего лица включалось в протокол осмотра. Ст. 507 УГС устанавливала возможность производства осмотра на месте с участием сведущих лиц.

Ст.333 УУС содержала весьма прогрессивное положение, которое касалось проведения сведущим лицом освидетельствования, но, по сути, распространялось и на осмотр, и на исследование: «сведущие люди, производя освидетельствование, не должны упускать из виду и таких признаков, на которые следователь не обратил внимание, но исследование которых может привести к открытию истины». Эта норма позволила некоторым авторам по-

лагать, что Устав учреждает задатки экспертной инициативы¹². Возможно, они правы, но в случае, когда следователь давал сведущему лицу четко определенное задание (ст.332 УУС), сведущее лицо, выходя за его пределы, использовало экспертную инициативу. В других случаях, когда сведущее лицо проводило осмотр или освидетельствование совместно со следователем, представляется, что оно оказывало помощь следователю, которая выражалась в обращении внимания следователя на определенные предметы и объекты, которые в силу отсутствия специальных знаний следователь не мог воспринять, как следует.

3) Участие сведущих лиц-переводчиков в судопроизводстве. Участие специалиста-переводчика при допросе регламентировалось в УУС статьями 410–411, 450, 459, ст. 405, 540 и 804 УГС предусматривали участие переводчика при допросе, при исследовании и проверке доказательств.

4) Допрос сведущих лиц-специалистов и допрос сведущих лиц-экспертов после проведения исследования и представления заключения. Так, судья имел право для получения обстоятельных объяснений вызвать «в свое заседание лиц, проводивших освидетельствование или испытание» (ст.690 УУС). В ст. 691 УУС устанавливается, что «сведущие лица, проводившие судебно-химические или микроскопические исследования по месту следствия, не вызываются в заседание суда для объяснения, а заменяются местными врачами, фармацевтами или иными сведущими людьми. То же правило распространяется и на должностных лиц кабинетов научно-судебной экспертизы¹³, в случаях рассмотрения дела не в месте нахождения кабинета».

Существенным было указание на то, что эксперты сначала дают подробное заключение, требуемое от них судом, а затем отвечают на отдельные вопросы, которые будут предложены¹⁴. Вопросы могли быть представлены и су-

¹⁰ Устав гражданского судопроизводства с систематизированным собранием законодательных мотивов ко всем узаконениям и разъяснениям Правительствующего Сената и Министерства Юстиции с приложением Узаконений, цитированных в Уставе или касающихся применения его, законов от 12.03.1914 г. и предметного указателя. – Изд-е 6, испр. и значительно доп. / Сост. В. Гордон. Санкт-Петербург, 1914. – С.447.

¹¹ Гришина Е.П. Сведущие лица в российском уголовном судопроизводстве: теоретические проблемы доказывания и правоприменительная практика: монография / под ред. Н. А. Духно. – М. : Изд-во Юридического института МИИТа, 2012. – 280 с.

¹² Виницкий Л.В. Экспертная инициатива в уголовном судопроизводстве //Л.В. Виницкий, С.Л. Мельник. – М., 2009. – С.11; Гришина Е.П. Сведущие лица в российском уголовном судопроизводстве: теоретические проблемы доказывания и правоприменительная практика: монография / под ред. Н. А. Духно. – М., 2012. – С. 57.

¹³ Высочайше утвержденный 4 Июля 1913 г. Законъ объ учрежденіи кабинетовъ научно-судебной экспертизы въ городахъ Москвѣ, Кіевѣ и Одессѣ. (Собр. узак., 1441). [Электронный ресурс]. Точка доступа: <http://pravo.fso.gov.ru/proxy/ips/?empire&nochache>. Дата обращения: 21.01.2014.

¹⁴ Устав уголовного судопроизводства. Изд. 1914 с всеми позднейшими узаконениями., с объяснениями по решениям Уголов.Кас.Деп.Правительствующего Сената по 1916 г. /Сост. Д.А. Каплан. Изд-е 2, испр., доп.обр. – Екатеринбург, 1916 г. – С.465.

дом, и сторонами. В целом, ст. 695 УУС устанавливала общие правила допроса сведущего лица в судебном заседании. Ст. 694 УУС определяла, что сведущие лица до допроса приводились к присяге в том же порядке, что и свидетели.

Ст. 526 УГС предоставляла суду возможность требовать дополнения заключения сведущего лица путем получения объяснений или же проведения дополнительного исследования.

Приведенные формы участия сведущих лиц, как уже отмечалось, не были четко выделены законодателем, но при этом, практики и теории, комментирующие Уставы, обращали внимание правоприменителей на выделение этих форм.

Правовой статус сведущих лиц также не имел четкого выражения. Однако совместное прочтение ряда статей уставов позволяет определить основные права, обязанности и ответственность этих участников судопроизводства. Так, ст. 693 УУС устанавливает, что сведущие лица не могут быть избраны из лиц, участвующих в деле, или из состоящих по делу свидетелями, судьями или присяжными заседателями. Сведущие лица приводятся к присяге, в том же порядке, что и свидетели (ст.694). Следует отметить, что УУС не разделял сведущих лиц, привлекаемых для помощи в рамках предварительного следствия, и сведущих лиц, вызываемых в суд, и правовой статус был единым. Правовой статус привлекаемых в уголовное и гражданское судопроизводство сведущих лиц был единым, хотя среди них уставы выделяли: врачей, фармацевтов, профессоров, учителей, техников, художников, ремесленников, казначеев, оценщиков, переводчиков и других лиц, «обладающих опытом в виду продолжительной службы или работы». Сведущие лица должны были обладать всеми качествами достоверного свидетеля. Среди основных прав сведущих лиц, которым уделялось внимание в уставах было: право на вознаграждение (ст.192,193,194, 978.1, 980–981, 986–988, 1035.21 УУС и ст. ст.529–532, 860–862, 864–865, 877 УГС); право сведущего лица приносить жалобы на притеснения и неправильные взыскания, коим подверглось при следствии (ст.492 УУС). Обязанности сведущих лиц, определенные уставами судопроизводства, в целом сводились к нескольким главным: явиться к следователю или в суд, провести действия, для которых были вызваны, дать объяснения или заключение, явиться в суд для дачи дополнительных объяснений (после проведенного исследования) или ответов на возникшие у суда или сторон вопросы (ст.ст.325–344 УУС, ст. ст.520 УГС). Ответственность сведущих лиц установлена за неявку к следователю или в суд без уважительной причины (ст.114, 643–644

УУС, ст. ст. 528, 1005 УГС), в ст. 489 УУС устанавливалась особая ответственность для судебного врача, не исполнившего своих обязанностей по следствию.

В то же время мы не можем согласиться с мнением Е.П. Гришиной, что сведущее лицо – эксперт становится полноценной процессуальной фигурой, участвующей в судебно-следственном осмотре, дающей справки (мнения) и показания в качестве сведущего лица¹⁵. Нельзя с этим согласиться, поскольку существуют отличия в современном понимании эксперта от специалиста, зарождение которых, и это следует признать, происходило именно в тот период, одной из таких черт – отличий, является, и по сей день, то, что эксперт не дает справок, это прерогатива специалиста, высказывающего суждение, предоставляющее следователю или судье справочную информацию – консультацию, а показания эксперта можно получить только после проведения исследования.

Несмотря на то, что статус сведущего лица (эксперта) был близок к правовому статусу свидетеля, их различали. Авторы комментария к ст. 525 УГС писали: «свидетель есть историк, который обязан рассказать о прошедшем без всяких выводов и умозаключений; эксперт исследует настоящее положение предмета и делает из него выводы и умозаключения. Свидетель появляется прежде, чем возникло судебное производство, его нельзя заменить, потому что он видел совершение события, эксперт не имел никаких сведений о совершившемся, никакого отношения к делу, он избирается после того, как возникло судопроизводство. Показания свидетеля нельзя переменить, оно должно быть принято или отвергнуто, заключение эксперта можно признать неосновательным, неточным, несогласованным с наукой, его можно переменить, назначить другого эксперта и потребовать новое заключение... Эксперты не суть свидетели, что они должны говорить не по внезапным вопросам, а вследствие внимательного исследования, что их должно быть несколько, что они дают письменное заключение»¹⁶.

Основной целью обращения к сведущим лицам и сегодня, и во время действия уставов су-

¹⁵ Гришина Е.П. Сведущие лица в российском уголовном судопроизводстве: теоретические проблемы доказывания и правоприменительная практика: монография / под ред. Н. А. Духно. – М. : Изд-во Юридического института МИИТа, 2012. – С.59.

¹⁶ Судебные Уставы 20 ноября 1864 г. с изложением рассуждений, на коих они основаны. Издание Государственной Канцелярии. Часть первая. Устав гражданского судопроизводства. Дополненный положением 1866 г. Об охранительном производстве. – СПб, 1866. – С.260.

допроизводства, было получение от них определенных заключений (в широком смысле), выражающихся в суждениях, умозаключениях, собственно заключениях, составленных по результатам исследования. По УГС заключение эксперта не относилось к числу доказательств «в строгом смысле слова, но имело цель развить убежденность судьи о материальной стороне дела до степени достоверности»¹⁷, положения о нем содержались в Отделении 3 Главы 10 Раздела 1 Книги Второй и в целом означало средство проверки доказательств. «Заключение должно было быть основано на правилах науки, должно быть точно, осознательно, есть следствие внимательного изучения предмета, оно должно быть мнением всех, а не одного эксперта, письменным»¹⁸. Несмотря на такой подход к заключению эксперта, данный документ имел и в уголовном, и в гражданском процессе весьма большое значение. В уставах регламентации получения заключения сведущих людей посвящено несколько отделений (включены в главы о предварительном и судебном следствии). При этом правило об оценке доказательства по внутреннему убеждению судьи и о том, что ни одно доказательство не имеет заранее установленной силы, действовало уже тогда. Именно поэтому многие авторы придерживались мнения, что заключение экспертов не обязательно для суда, который может оценивать его по внутреннему убеждению и может даже в вопросе о состоянии умственных способностей подсудимого или здоровья потерпевшего прийти к заключению, несогла-

сному с экспертизой, но суд, рассматривающий дело без участия присяжных, должен об этом указать в приговоре, что заключение экспертов им обсуждалось¹⁹.

Подводя итог, отметим, что ученые и практики XIX века с учетом существующих реалий и потребностей судопроизводственной практики пришли к выводу о необходимости совершенствования института сведущих лиц и адекватного закрепления положений о нем в законодательстве. Проработанность уставов вызывает восхищение, несмотря на пробелы правового регулирования, видимые с точки зрения современного уровня развития науки об институте использования специальных знаний. Тем не менее принятие уставов имело огромное значение для развития научного знания, практики судопроизводства и экспертной практики, причем некоторые положения уставов практически дословно повторяются в современных процессуальных нормативных актах. Многие положения института сведущих лиц были восприняты современным законодателем и получили развитие, совершенствуя правовое регулирование института использования специальных знаний. Проведенный анализ позволил сделать вывод, что законодатель XIX века, в уставах и уголовного, и гражданского судопроизводства в целом единообразно подходил к регулированию института сведущих лиц, что является несомненно важным вектором совершенствования института использования специальных знаний сегодня.

Библиография

1. Махов В.Н. Теория и практика использования знаний сведущих лиц при расследовании преступлений : дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 1993.
2. Крылов И.Ф. Очерки истории криминалистики и криминалистической экспертизы. – Л., 1975.
3. Дадашева Ф.Д. Проблемы правового регулирования судебно-медицинской экспертизы в гражданском процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2002.
4. Зайцева Е. А. Уголовно-процессуальное законодательство о сведущих лицах: традиции и современность // Доклады и сообщения на конференции «Уголовная юстиция: связь времен». [Электронный ресурс]. Точка доступа URL: <http://www.iauaj.net/node/421>. Дата обращения – 21.01.2014.
5. Гришина Е.П. Сведущие лица в российском уголовном судопроизводстве: теоретические проблемы доказывания и правоприменительная практика: монография / под ред. Н. А. Духно. – М.: Изд-во Юридического института МИИТа, 2012.

¹⁷ Устав гражданского судопроизводства с систематизированным собранием законодательных мотивов ко всем узаконениям и разъяснений Правительствующего Сената и Министерства юстиции с приложением Узаконений, цитированных в Уставе или касающихся применения его, законов от 12.03.1914 г. и предметного указателя. – Изд-е 6, испр. и знач. доп. / сост. В. Гордон. Санкт-Петербург, 1914. – С.438.

¹⁸ Указ. соч.

¹⁹ Устав уголовного судопроизводства. Изд. 1914 с всеми позднейшими узаконениями., с объяснениями по решениям Уголов.Кас.Деп.Правительствующего Сената по 1916 г. / сост. Д.А. Каплан. Изд-е 2, испр., доп.обр. – Екатеринбург, 1916 г. – С.461.

6. Гришина Е.П. Сведущие лица в российском уголовном судопроизводстве: теоретические проблемы доказывания и правоприменительная практика: монография / под ред. Н. А. Духно. – М. : Изд-во Юридического института МИИТа, 2012. – 280 с.
7. Виницкий Л.В., Мельник С.Л. Экспертная инициатива в уголовном судопроизводстве. – М., 2009.

References

1. Makhov V.N. Teoriya i praktika ispol'zovaniya znaniy svedushchikh lits pri rassledovanii prestuplenii : diss. ... d-ra jurid. nauk. – М., 1993.
2. Krylov I.F. Ocherki istorii kriminalistiki i kriminalisticheskoi ekspertizy. – L., 1975.
3. Dadasheva F.D. Problemy pravovogo regulirovaniya sudebno-meditsinskoj ekspertizy v grazhdanskom protsesse: avtoref. diss. ... kand. jurid. nauk. – М., 2002.
4. Zaitseva E. A. Ugolovno-protsessual'noe zakonodatel'stvo o svedushchikh litsakh: traditsii i sovremennost' // Doklady i soobshcheniya na konferentsii «Ugolovnaya yustitsiya: svyaz' vremen». [Elektronnyi resurs]. Tochka dostupa URL: <http://www.iauaj.net/node/421>. Data ob-rashcheniya – 21.01.2014.
5. Grishina E.P. Svedushchie litsa v rossiiskom ugovnom sudoproizvodstve: teoreticheskie problemy dokazyvaniya i pravoprimeritel'naya praktika: monografiya / pod red. N. A. Dukhno. – М. : Izd-vo Yuridicheskogo instituta MIITa, 2012.
6. Grishina E.P. Svedushchie litsa v rossiiskom ugovnom sudoproizvodstve: teoreticheskie problemy dokazyvaniya i pravoprimeritel'naya praktika: monografiya / pod red. N. A. Dukhno. – М. : Izd-vo Yuridicheskogo instituta MIITa, 2012. – 280 s.
7. Vinitskii L.V., Mel'nik S.L. Ekspertnaya initsiativa v ugovnom sudoproizvodstve. – М., 2009.

Материал поступил в редакцию 7 февраля 2014 г.

Л.А. Зашляпин*

ВОПРОСЫ СТОРОН В ДОПРОСЕ ПО УСТАВУ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Аннотация: В статье исследованы нормативные правила формулирования и использования сторонами вопросов в допросах при производстве по уголовным делам. Основное внимание обращено на процедуры формулирования и использования вопросов сторонами (государственным обвинителем, защитником) подсудимому, сведущим лицам, свидетелям. В статье описаны: а) процедуры, определяющие очередность постановки вопросов подсудимому, сведущим лицам, свидетелям; б) процедуры использования свободного рассказа свидетелем в качестве базы для постановки вопросов; в) классификационные виды вопросов, выделяемых законодателем в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. Основным методом исследования является сравнение норм Устава уголовного судопроизводства 1864 г. и Уголовно-процессуального кодекса РФ 2001 г. Научная новизна статьи сводится к выявлению актуальных для действующего уголовно-процессуального закона норм Устава уголовного судопроизводства 1864 г., которые могут быть использованы в совершенствовании норм действующего уголовно-процессуального закона, касающегося формулирования и использования вопросов сторонами в допросах, по составительскому типу.

Ключевые слова: уголовный процесс, судебное следствие, допрос, вопрос, сторона, подсудимый, потерпевший, свидетель, эксперт, специалист.

DOI: 10.7256/1994-1471.2014.4.11291

Устав уголовного судопроизводства 1864 г. (далее – УСС), несмотря на то, что он является результатом законотворческой деятельности второй половины XIX в., является источником актуальных нормативных идей, которые можно реализовать и в действующем Уголовно-процессуальном кодексе РФ 2001 г. (далее – УПК РФ). Прежде всего, привлекают внимание нормативные модели формулирования и использования сторонами вопросов в допросах, созданные авторами УСС.

Конструкция действующего УПК может представляться парадоксальной. В ней относительно допросов в первую очередь излагаются процессуальные результаты (показания) и лишь во вторую очередь нормативные модели допросов (процессуальных средств). При этом вопросам, как процессуальным средствам допроса, внимания, по нашему мнению, уделяется достаточно мало. Юридическая конструкция действующего УПК, вероятно, использовала традицию советского периода, реализованную в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1960 г. Но типы уголовного процесса, которые представляли и представляют УПК РСФСР и УПК РФ – различны, соответственно, вопросно-допросные нормативные модели участников в

них должны различаться. В то же время составительские модели УСС и УПК РФ, по заложенным в них законотворческим идеям, видятся близкими, позволяя искать путь для оценки ныне действующего уголовно-процессуального закона *de lege ferenda* с использованием УСС.

Первое, что видится важным для рассматриваемой темы, то это реализация в УСС принципа (общего условия) устности в судебном разбирательстве по уголовным делам. Устность, в противоположность письменности, образует одну из существенных черт уголовного процесса, построенного по принципу состязательности. Наоборот, использование в качестве опоры для типа уголовного процесса норм письменного, есть проявление розыскного (следственного) типа уголовного процесса. Относительно УСС приведенный тезис разрешается однозначно в пользу состязательного вектора регулирования уголовно-процессуальной деятельности сторон и суда.

Нормативным правилом ст. 625 УСС предусматривается, что судебное следствие производится устно и из этого правила допускаются только те исключения, которые прямо указаны в иных статьях УСС. Из этого нормативного правила возникают следующие логические следствия:

© Зашляпин Леонид Александрович

* Кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права, Санкт-Петербургский государственный политехнический институт [leonid.zashlyapin@gmail.com]
195251, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29.

- а) общим правилом судебного следствия является устная форма деятельности всех участников судебного разбирательства;
- б) профессиональные и непрофессиональные представители сторон обвинения и защиты в уголовном процессе должны использовать устную форму в качестве доминирующей;
- в) общее условие (принцип) об устности судебного следствия гармонично вербальным формам судебных действий – допросам.

Поддержание нормативного правила об устности являлось заботой вышестоящих судебных инстанции Российской империи. Согласно решению № 952, принятому Уголовным кассационным департаментом Правительствующего Сената, устность является существенным условием производства по уголовному делу в судебных заседаниях и из этого правила допускаются только те изъятия, которые указаны в законе. Очевидно, что кассационная инстанция удерживала правоприменителя на тех позициях, которые исключали иные толкования уголовно-процессуального закона и придание нормам закона значений, отсутствующих в УСС.

Другим решениями, принятыми Правительствующим Сенатом в начале действия УСС, когда наиболее важно было донести до российского правоприменителя суть нормативных идей законодателя, меняя правосознание правоприменителя с розыскного на состязательное отношение к ведению уголовных дел, представленное в решениях № 28 за 1867 г., № 575 за 1868 г., № 952 за 1869 г., определялось, что изъятия из общего условия об устности судебного разбирательства допускались только в точных пределах, обозначенных в нормах ст. 626629 УСС. Примечательно, что все эти исключения – возможные формы нормативного регулирования статуса и деятельности свидетелей и сведущих людей в уголовном процессе, но не профессиональных представителей сторон. Для прокурора и защитника в уголовном процессе (сторон) устность являлась правилом, не допускающим исключений.

Перед тем как перейти к сравнению регулирования устности по действующему уголовно-процессуальному закону зафиксируем, что в юридической технике, использованной авторами УСС при его создании, не использовались наименования статей. В связи с этим все то, что касалось устности, было нормативным содержанием диспозиций регулятивных норм, образовывало правило уголовно-процессуальной деятельности сторон, не могло быть зоной нормативных идей, деклараций, не нашедших надлежащей реализации в законе.

В УПК РФ устность может связываться с нормами ст. 240. Во всяком случае, наименование статьи «непосредственность и устность» пред-

полагает это. К сожалению, все нормативное содержание частей 13 данной статьи не содержит упоминание устности в диспозициях действующих норм. Устность как общее условие нами интерпретируется из наименования статьи и содержания иных норм УПК РФ, регулирующих процедуры производства судебных действий и принятия процессуальных решений в ходе судебного разбирательства. Получается, что прямое включение авторами УСС правила об устности в диспозицию нормы ст. 625 УСС может быть более гармоничным с правилом ст. 123 Конституции РФ о состязательности уголовного судопроизводства, чем нормативное содержание ст. 240 УПК РФ. Любая интерпретация не исключает искажения воли законодателя, дискреционность в толковании правила сторонами и судом, произвол в правоприменительной практике.

В связи с изложенным, можно сформулировать промежуточное суждение о том, что общая нормативная среда для формулирования и использования вопросов сторон в допросах, в УСС видится более гармоничной, чем в УПК РФ.

Второе, что необходимо рассмотреть в настоящей статье, это само регулирование процедур формулирования и использования вопросов как процессуальных средств ведения допроса сторонами. В связи с этим в УСС видим следующие, корреспондирующиеся с рассмотренной выше ст. 625, нормативно-юридические конструкции.

Прежде всего, мы обращаем в наших работах по рассматриваемой теме внимание на нормы ст. 630 УСС, в которых стороны в уголовном судопроизводстве (прокурор, частный обвинитель, подсудимый, защитник) обозначаются как пользующиеся в судебном состязании одинаковыми правами. При этом обеим сторонам предоставляется право задавать свидетелям и сведущим лицам, с разрешения председательствующего, свои вопросы, использовать иные процедуры, касающиеся формулирования вопросов и их использования в допросах. *De jure* состязательность представляется в УСС через использование вопросной компетенции сторон, что весьма логично.

В этом случае мы видим тот же прием юридической техники, что и относительно общего условия об устности. Принцип состязательности (требование построения уголовного процесса по состязательному типу) в УСС присутствует в законе не обособленно от регулирования процессуального действия, а непосредственно в диспозиции нормы ст. 630, определяя правило о равенстве сторон в формулировании и использовании вопросов в допросах. Возникает юридическая конструкция «устность – состязательность – вопросы сторон участникам

процесса», которая может рассматриваться как некоторая нормативная целостность, уголовно-процессуальный институт.

В этом уголовно-процессуальном институте необходимо выявлять свободу использования вопросов как процессуальных средств ведения допроса сторонами и нормативные ограничения этой свободы, образующие реальное субъективное право сторон. Юридико-технологический алгоритм проведения допросов (формулирования и использования вопросов) сторонами определялся следующими положениями.

1. Вопросы подсудимому возможны, в силу правила ст. 680 УСС, если он признавал свою вину. Только в этом случае председательствующим ему предлагались дальнейшие вопросы, относящиеся к обстоятельствам преступления, в котором он обвиняется.

Более того, вопросы подсудимому не связывались с процессуальной компетенцией сторон. Как было зафиксировано в ст. 683 УСС, подсудимого, не признающего в преступлении, председатель суда при рассмотрении каждого доказательства спрашивает, не желает ли он в оправдание свое представить какие-либо объяснения или опровержения. В связанной с приведенной ст. 684 УСС определялось, что сверх того председатель и с его разрешения члены суда непосредственно, а присяжные заседатели – чрез председателя суда, могут предлагать подсудимому вопросы по всем обстоятельствам дела, представляющимся им недостаточно разъясненными. В диспозитивных правилах обеих статей не упоминается ни сторона обвинения, ни сторона защиты.

Отмеченная особенность нормативного регулирования оказалась в зоне внимания вышестоящей инстанции. В решении Уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената № 1035 от 12 ноября 1869 г. по делу Неприемниковой было указано, что «право предлагать подсудимому, признающему свою вину, дальнейшие вопросы предоставлено упомянутой статьей председателю, который при этом не может быть стеснен чьими-либо указаниями на то, какие именно предлагать подсудимому вопросы. Прокурор, если сделанное подсудимым сознание будет им признано недостаточно разъясняющим дело, имеет право потребовать на основании 682 ст. Уст. Угол. Суд. судебного исследования, но предлагать вопросы подсудимому, хотя бы чрез председателя, *прокурор права не имеет*» (курсив наш. – Л. З.).

2. Вопросы сведущим людям, согласно ст. 695 УСС, после представления ими заключения могут быть с разрешения председателя предложены как судьями и присяжными заседате-

лями, так и сторонами. При этом вопросы сведущим людям предварялись приведением их к присяге по правилам приведения к присяге свидетелей.

В этом случае так же заметен приоритет в постановке вопросов лицу, выполнявшему по УСС функцию эксперта или специалиста, судом, но не сторонами.

3. Вопросы свидетелям (очевидцам в той или иной форме исследуемого события) регулировались комплексом норм УСС:

- а) нормами ст. 718 допрос свидетеля начинался с предложением ему рассказать все то, что ему известно по делу, не примешивая обстоятельств посторонних и не повторяя слухов, не известно от кого исходящих;
- б) правилами ст. 719 УСС устанавливалось, что после изложения свидетелем своего показания председатель суда предоставляет сторонам возможность задать свидетелю вопросы по всем предметам, которые каждая из них признает нужным выяснить;
- в) диспозицией нормы ст. 720 УСС определялось, что вопросы свидетелю предлагаются сначала той стороной, по ссылке которой он призван к допросу, а потом противной стороной;
- г) положениями ст. 721 УСС вводилось требование, по которому каждая сторона имела право предложить свидетелю вопросы не только о том, что он видел или слышал, но также и о тех обстоятельствах, которые доказывают, что он не мог показанного им ни видеть, ни слышать, или, по крайней мере, не мог видеть или слышать так, как о том свидетельствует;
- д) В ст. 723 УСС содержались установления о том, что каждая сторона может предложить свидетелю вторичные вопросы в разъяснение ответов, данных на вопросы противной стороны.

В данной конструкции уголовно-процессуального закона обращает на себя внимание то, что в отличие от УПК РФ, в котором прежде описываются процессуальные результаты допросов (глава 10), а значительно дальше процессуальные средства – допросы (главы 23, 26, 27, 37) и с минимальным использованием термина «вопрос» в нормативном контексте диспозиций, в УСС вопрос является очевидным процессуальным средством ведения допроса. Вербальная процедура допроса, осуществляемая в устной форме, может осуществляться только через использование вопросов. Вопрос в допросе – тот минимальный фрагмент допроса, который определяет тип всего уголовного процесса, характер уголовно-процессуального закона. По этой причине вопрос по уголовно-процессуальному законодательству

Российской империи есть неотъемлемая часть нормативного регулирования допросов, сама подвержена нормативному регулированию, как в части формулирования вопросов, так и их использования в допросе сторонами.

В качестве сравнения только что приведенных суждений относительно УСС с действующим уголовно-процессуальным законом укажем на следующие его положения:

1. В действующем УПК РФ присутствует правило о том, что при согласии подсудимого давать показания, первым его допрашивает сторона защиты, а потом сторона обвинения (ч. 1 ст. 275 УПК РФ). Суд задает вопросы подсудимому после его допроса сторонами (ч. 3 ст. 275 УПК РФ). Круг вопросов подсудимому не ограничивается, допускается, что и сторона обвинения будет задавать вопросы, которые соответствуют процессуальным задачам реализации функции обвинения, и суд будет задавать весь спектр вопросов, связанных с предметом доказывания по делу, замещая деятельность государственного обвинителя.

В УСС вопросы подсудимому, который не признает свою вину, не задавались. В противном случае он становится средством достижения процессуальных целей стороны обвинения. Вспоминая И. Канта, отметим, что правила закона Императора Александра II оказываются нравственными. Оберегая это положение, судебная практика кассационной инстанции (решение Уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената № 298 от 27 февраля 1869 г. по делу князя Андронникова) отметила следующее: «Указывая на тех из участвующих в судопроизводстве лиц, которые непосредственно, или чрез председателя, могут допрашивать подсудимого, 684 ст. Уст. Угол. Суд. умалчивает о лицах прокурорского надзора; а так как нет оснований считать этот проблем случайным, то и следует заключить, что они в силу закона действительно лишены права обращаться с вопросом к подсудимому (курсив наш. – Л. З.)».

Указанный в приведенном примере подсудимый не признавал вины. Это исключало его допрос (лицо, к которому можно адресовать вопросы) вообще в силу требований ст. 680 УСС, кроме того, вопросы исключались и от стороны обвинения, что предусматривалось нормами ст. 684 УСС.

Для современного правосознания (точнее – для современной традиции) данная ситуация может представляться неожиданной. Однако, нормативная идея в этом очевидна. Вопросы сторон в состязательном типе процесса могут использоваться по отношению к подсудимому с соблюдением принципа *favor defensionis*. Сильная сторона, представляемая прокурором, имея в своем процессуальном арсенале досу-

дебное производство, в целях уравнивания процессуальных средств сторон, не должна иметь право на вопросы (ответы) в ходе допроса к ядру стороны защиты – подсудимому, тем более, когда он не признает вину.

Современное российское законодательство в случае когда подсудимый не признает свою вину, но не отказывается от дачи показаний, допускает возможность его допроса (постановки вопросов) государственным обвинителем подсудимого. В этом случае не стоит придаваться правовой наивности, утверждая, что, задавая вопросы подсудимому, современный государственный обвинитель будет стараться действовать не оптимально и не эффективно, не задавая вопросов, связанных с процессуальной целью обвинения (стратегией обвинения) и процессуальными задачами допроса подсудимого (тактическими задачами допроса подсудимого). Конечно же, профессиональная деятельность государственного обвинителя будет толкать его на решения целей и задач реализуемой им функции обвинения.

2. В действующем уголовно-процессуальном законе допрос эксперта ведет сторона, задаются вопросы. Первой вопросы задает та сторона, по инициативе которой была назначена экспертиза (ч. 2 ст. 282 УПК РФ). В УСС модель допроса сведущего лица, как мы уже привели выше, иная. По правилу ст. 695 УСС вопросы сведущим лицам с разрешения председателя предлагались как судьями и присяжными заседателями, так и сторонами. Судьи короны и присяжные в технологии постановки вопросов указаны первыми. Данная процедура снижает степень процессуального средства как состязательного. Вопросы сведущим лицам, формируясь и используясь, прежде всего, судьями, реализуют функцию не сторон, а поиска какой-то истины посредством использования специальных знаний, схоже с реализацией функции разрешения дела.

Сегодня в теории уголовного процесса речь иногда заходит о состязательной судебной экспертизе, реализуемой сторонами, однако в законе воплощение этой идеи отсутствует. Более того, пока в действующем Федеральном законе от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» в ст. 7 определен принцип независимости эксперта, в том числе и от сторон. Практика использования специальных знаний, воспринимаемая нами *de visu*, наводит на мысль, что состязательная судебная экспертиза (равное право сторон использовать данное процессуальное средство) не является реальностью как нормативного регулирования, так и, естественно, практики уголовного судопроизводства.

Возможно, что, соответственно, реальности в части использования специальных знаний в конце XIX в. уголовно-процессуальная активность в формулировании и использовании вопросов сведущим лицам оставалась именно за судьями. Дать эту процессуальную возможность сторонам общество и законодательство не могло. Заимствование опыта прошлого законодательства в этой части как возможно, так и не возможно. Сегодня теория судебной экспертизы шагнула не просто далеко, а гигантски далеко вперед, что допускает установление равного процессуального режима использования специальных знаний сторонами. В то же время пример УСС в сравнении с действующим законодательством показывает возможные модели формулирования и использования вопросов субъектами уголовного процесса.

3) В ныне действующем законе имеется схожая с УСС касательно допроса свидетеля норма ч. 3 ст. 278 УПК РФ, которой определено, что первой свидетелю задает вопросы та сторона, по ходатайству которой он вызван в судебное заседание. В этом случае имеется некоторое презюмирование знания стороной тех сведений, о которых предполагается задавать вопросы. Связано это с тем, что всякое процессуальное средство, в том числе и вопросы стороны могут опираться на предварительно полученные в судебном следствии процессуальные результаты. В УСС эта проблема разрешена так называемым опережающим свободным рассказом свидетеля, урегулированным упомянутой ст. 718 УСС. Опережающий рассказ, естественно, определял содержание первых вопросов стороны свидетелю, создавая для них коммуникационную базу.

Также, в той же ч. 3 ст. 278 УПК РФ, определяющей такой порядок постановки вопросов, в соответствии с которым первой свидетелю задает вопросы та сторона, по ходатайству которой он вызван в судебное заседание, а потом судья, напоминающий правило ст. 720 УСС. Различия при этом обнаруживаются в том, что данная норма, по которой судья задает вопросы свидетелю после допроса сторонами, никак не ограничивает круг вопросов. Суд по действующему закону может задавать свидетелю

все вопросы по делу, без их распределения по основным уголовно-процессуальным функциям. Законодатель же эпохи судебной реформы 1864 года, следуя реализуемому типу уголовного процесса, право суда на вопросы свидетелю ограничивает только дополнительными вопросами, то есть вопросами, задаваемыми судом в том случае, если ответами на вопросы сторон предмет показания не вполне объяснен (ст. 724 УСС). Уголовно-процессуальная активность, соответствующая состязательному типу процесса, в УСС доминирует. По действующему ныне закону, несмотря на установленный порядок, указанная доминанта активности не видится очевидной, потому что содержательные по форме следующие за вопросами сторон вопросы суда будут являться основными, связываться с предметом доказывания по делу, выполнением функции обвинения или защиты, не присущей суду, но не восполнением функции слабой стороны – *favor defensionis*. При этом речь идет не о досудебном производстве, а о судебном, в котором следование выбранному типу уголовного процесса видится обязательным.

Относительно же прав сторон, определенных в ст. 721, 723 УСС задавать любые вопросы, в том числе и вторично, необходимо отметить, что в действующем уголовно-процессуальном законе отсутствует запрет на постановку подобных вопросов, однако, присутствует возможность снятия вопросов стороны судьей, которые, по его мнению, не имеют отношения к делу. При прямом указании в законе возможности стороны на формулирование и использование вопросов, ответы на которые компрометируют свидетеля, возможности формулирования и использования вопросов, имеющих общее ядро, но различные редакции, обеспечивало бы реальную состязательность сторон в допросе, в том числе и перекрестном.

В итоге можно констатировать, что УСС содержит множество норм, регулирующих формулирование и использование вопросов сторонами в судебных допросах, которые могут быть использованы для совершенствования действующего уголовно-процессуального закона по состязательному типу.

Материал поступил в редакцию 2 марта 2014 г.

НАЧАЛЬНАЯ ФАЗА УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА: ОТ УСТАВА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА ДО ДЕЙСТВУЮЩЕГО УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНА

Аннотация: Анализируется развитие стадии возбуждения в отечественном уголовном процессе с момента принятия Устава уголовного судопроизводства (УУС) 1864 г. до наших дней, когда действует УПК РФ в последней редакции. В УУС термин «возбуждение уголовного дела» использовался лишь для обозначения повода к началу предварительного следствия, хотя фактически между появлением такого повода полицией или судебным следователем мог совершаться ряд действий, напоминающих совершаемые согласно действующего уголовно-процессуального законодательства. В дальнейшем, в советских УПК 1923, 1960 г. стадия возбуждения уголовного дела оформилась окончательно и аналогичное закрепление получила в УПК РФ. В настоящее время данная стадия подвергается реформированию, при осуществлении которого целесообразно воспользоваться опытом разработки вопросов досудебного производства в период принятия и действия УУС. При написании статьи использовался преимущественно исторический метод, наряду с общенаучными методами анализа и синтеза, а также логическим и формально-юридическими методами. Научная новизна определяется авторским подходом к рассмотрению актуальных вопросов формирования и реформирования стадии возбуждения уголовного дела в отечественном уголовном процессе, а также анализом указанной стадии с учетом изменения ее правовой регламентации Федеральным законом от 04.03.2013 г. № 23-ФЗ. В результате проведенного исследования делается вывод о возможности и желательности при разрешении проблемных вопросов возбуждения уголовного дела в современной науке российского уголовного процесса и законотворчестве при дальнейшей корректировке правового регулирования стадии возбуждения уголовного дела.

Ключевые слова: совершенствование законодательства, прошлого и настоящее, история уголовного судопроизводства, возбуждение уголовного дела, процессуальное принуждение, стадия уголовного процесса, поводы к возбуждению, сообщение о преступлении, следственные действия, права участников процесса.

DOI: 10.7256/1994-1471.2014.4.11141

Термин «фаза» в русском языке имеет ряд значений, среди которых – «момент, отдельная стадия развития и изменения чего-нибудь ...форма и т.п. в этот момент»¹.

Как представляется, данный термин весьма подходит для характеристики начала, стартового этапа российского уголовного процесса с учетом особенностей истории формирования его правового регулирования

и трансформации научных представлений о его значении и содержании с момента принятия Устава уголовного судопроизводства (УУС) Российской Империи 1864 года и до наших дней.

В дореволюционной, царской России вопрос о возбуждении уголовного дела как стадии уголовного процесса не поднимался, хотя в науке уголовного процесса понятие стадии уже использовалось, и достаточно недвусмысленно определялось, какие именно части уголовного процесса являются стадиями. Самой первой из них указывалось «предварительное

¹ Ожегов С.И. Словарь русского языка: Под ред. чл. – корр. АН СССР Н.Ю. Шведовой. – 17-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1985. С. 736.

© Шадрин Виктор Сергеевич

* Доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации
[vikt-shadr@yandex.ru]

191104, Россия, г. Санкт-Петербург, Литейный пр., д.44.

исследование»², тождественное по своему содержанию и значению стадии предварительного расследования в современной интерпретации. В УУС используется известный всем современным юристам термин «возбуждение уголовного дела», но в качестве отнюдь не стадии, а, скорее, лишь момента в уголовном процессе. Глава 3, регламентирующая начало уголовного процесса, называется «О законных поводах к начатию следствия», при этом два из таких поводов именуется как «4) возбуждение уголовного дела прокурором и 5) возбуждение уголовного дела по непосредственному усмотрению судебного следователя» (ст. 297 УУС).

С.И. Викторский, отождествляя «возбуждение уголовного дела» с «возбуждением уголовного преследования», в 1912 г. пояснял: «Это такой акт в процессе, которым доводится до сведения судебной власти о совершении преступного факта, указывается вероятный виновник сего деяния и предъявляется требование расследовать дело. Таким образом, возбуждение уголовного преследования, с одной стороны, не сливается с началом предварительного следствия, так как последнего по некоторым делам и не бывает и так как лица, ведущие предварительное следствие и возбуждающие уголовное дело могут не совпадать; с другой стороны – возбуждение уголовного преследования не равносильно простому заявлению о совершении преступления, ибо заявление еще не обязывает непременно начать расследование дела»³. Цитата из книги современника действия УУС приведена дословно, поскольку содержит важные для рассматриваемого вопроса свидетельства отношения ученых-процессуалистов того времени к возбуждению уголовного дела и позволяет сделать определенные выводы.

Во-первых, возбуждению уголовного дела, выступающему в качестве повода для начала предварительного следствия, придавалось высокое значение «акта», открывающего уголовный процесс, являющегося первичным элементом его содержания. Во-вторых, появление такого акта не означало автоматического начала расследования; следовательно, он имел определенное самостоятельное значение и находился в своеобразной «собственной нише» уголовного процесса, предшествующей осуществляемому судебным следователем расследованию. В-третьих, «возбуждение уголовного дела» согласно п. 2 ст. 297 УУС не всегда влекло

за собой осуществление судебным следователем обязанности приступить к производству расследования по уголовному делу, поскольку для этого требовалось нечто дополнительное.

Что именно, почему и как, определяется в ст. 312 УУС: «прокурор и его товарищи не должны требовать начатия следствия без достаточных к тому оснований. В сомнительных случаях они обязаны собрать сведения посредством негласного полицейского разведывания». Содержание такого «разведывания» уточняется в ст. 255 УУС, согласно которой «при производстве дознания полиция все нужные ей сведения собирает посредством розысков, словесными расспросами и негласным наблюдением, не производя ни обысков, ни выемок в домах». Под «розысками», как пояснял И.Я. Фойницкий, «разумеются все вообще меры удостоверения в искомом происшествии, предоставленные власти полиции». К ним могли быть отнесены осмотры местности, осмотры потерпевшего и всякого рода предметов (орудий преступления и др.), даже при участии экспертов, меры для отыскания и охранения таких предметов и т.п.; коль скоро они не переходят в меры личного принуждения, воспрещенного полиции, последняя имеет власть применять их, если признает целесообразным⁴. Но и результаты подобных действий также не обязательно приводили к началу расследования, если судебный следователь не усматривал в них «достаточных оснований», о чем он немедленно сообщал прокурору или его товарищу (ст. 309 УУС).

В то же время Устав уголовного судопроизводства не предусматривал специальной проверки при каждом законном поводе, по любому сообщению о преступлении. Заявления (объявления) лиц, потерпевших от преступления, признавались жалобами (ст. 301 УУС), которые «почитались» достаточным поводом к начатию следствия. Ни судебный следователь, ни прокурор не могли отказать в том потерпевшему (ст. 303 УУС). Для них можно сказать, прибегая к современной терминологии, доступ к правосудию был совершенно открыт и тем самым защита от известных в наше время и активно применяемых против потерпевших надуманных оснований для отказа в возбуждении уголовного дела при неочевидной перспективе раскрытия преступления, была гарантирована.

Таким образом, хотя термин «возбуждение уголовного дела» в УУС использовался для обозначения одного из поводов производства по уголовному делу в форме предварительного следствия, фактически ему обычно, за исклю-

² Уголовный процесс: Уголовный суд, его устройство и деятельность: лекции Н.Н. Полянского / Моск. о-во нар. ун-тов. – Москва: тов. И.Д. Сытина, 1911. С. 132.

³ Викторский С.И. Русский уголовный процесс. – Учебное пособие. М., «Городец», 1997. С. 235.

⁴ Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. – Т.2. изд-во «АЛЬФА». Санкт-Петербург, 1996. С. 381.

чением предусмотренным законом случаев, предшествовало «состояние» уголовного процесса, имеющее относительно самостоятельное значение, в котором угадывается прообраз сформировавшейся позднее стадии возбуждения уголовного дела. При этом, как показывает анализ дальнейшего развития уголовного процесса, признание совокупности процессуальных и не совсем действий на отрезке между появлением повода к началу производства по уголовному делу и собственно производством в форме расследования, самостоятельной стадией с переходом к ней названия «возбуждение уголовного дела», состоялось не в одночасье.

В первых советских УПК можно уже обнаружить законодательные «наметки» того, что впоследствии привело к представлению о возбуждении уголовного дела как об относительно самостоятельной части уголовного процесса в высоком статусе стадии. В частности, известные во времена УУС поводы к началу следствия в УПК РСФСР 1923 г. стали именоваться поводами к возбуждению уголовного дела (ст. 91). О проверке поводов к возбуждению уголовного дела, способах или формах выяснения наличия основания к возбуждению уголовного дела в уголовно-процессуальном законе не говорилось ничего. Органы дознания, прокурор или следователь, «усмотрев из самого заявления или сообщения» отсутствие признаков преступления, пока еще отказывали не в возбуждении уголовного дела, а в «производстве дознания или предварительного следствия» (ст. 95).

В науке советской эпохи идея выделения в уголовном процессе возбуждения уголовного дела как отдельной его стадии вызревала постепенно, и ее разделяли далеко не все ученые-процессуалисты. В ранних учебных руководствах по советскому уголовному процессу возбуждению уголовного дела не придавалось значения самостоятельной стадии, о нем говорилось только как о начальном моменте уголовного процесса⁵. Решающий вклад в формирование научной позиции о значении возбуждения уголовного дела как стадии уголовного процесса внес один из виднейших советских процессуалистов М.С. Строгович. По его определению, «возбуждение уголовного дела как стадия уголовного процесса состоит в том, что орган следствия или дознания, прокурор или суд, в связи с тем, что данному органу стало известно о совершенном или готовящемся преступлении, устанавливает наличие необходимых условий для производства по уголовно-

му делу и принимает решение начать это производство». В обосновании значения данной стадии автором подчеркивалось, что возбуждение уголовного дела – правовое основание для всех дальнейших процессуальных действий. Без него не допустимы действия, связанные с расследованием и разрешением дела⁶.

К сказанному можно добавить, что стадия возбуждения уголовного дела была признана, с одной стороны, в значении фильтра, призванного не пропускать в стадию предварительного расследования материалы без достаточно убедительной констатации наличия в них признаков преступления⁷. С другой – в качестве заслона против проведения процессуальных действий, в том числе следственных, имеющих заведомо принудительный характер, и допускаемых при расследовании преступлений.

Принятый в 1960 г. УПК РСФСР отличался уже гораздо более детализированным, усовершенствованным правовым регулированием производства в стадии возбуждения уголовного дела. Предусматривалась возможность по поступившим заявлениям и сообщениям, непосредственно из которых не усматривалось наличие достаточных данных о признаках преступления, истребовать необходимые материалы и получить объяснения, однако без производства следственных действий (ст. 109). Следственные действия ясно и недвусмысленно в стадии возбуждения уголовного дела ставились под запрет. Правда, в регламентации производства следственных действий, в порядке исключения, в единственном случае допускалась возможность проведения до принятия решения о возбуждении уголовного дела одного вида осмотра – места происшествия. Но только при соблюдении двух обязательных условий: 1) возникновение случая, не терпящего отлагательства; 2) возбуждение уголовного дела, при наличии к тому оснований, немедленно после проведения данного следственного действия (ст. 179 УПК РСФСР). Существенной новеллой стало появление регламентации отказа в возбуждении уголовного дела (ст. 113 УПК РСФСР).

В связи с принятием и последующим применением на протяжении ряда лет обновленного уголовно-процессуального законодательства, в конце 70-х годов прошлого века авторитетно, на основе анализа развития науки уголов-

⁶ Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. – Изд-во «Наука». – Т.2. – М., 1970. С. 9,10.

⁷ Данилевич А.А., Самарин В.И. К вопросу о начале уголовного процесса // Современные проблемы уголовного права, уголовного процесса и криминалистики.: сб. материалов Междунар. науч. – практ. конф. – Краснодар: КубГАУ, 2013. С. 276.

⁵ Полянский Н.Н. Очерк развития советской науки уголовного процесса. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. С. 123.

ного процесса, констатировалось, что концепция, ставящая под сомнение обоснованность признания возбуждения уголовного дела в качестве отдельной самостоятельной стадии возбуждения уголовного дела, заслуженно отвергнута. Поэтому она уже не нуждается в критике⁸. Тем не менее, несколько позднее критика в адрес стадии возбуждения зазвучала, и достаточно громко.

В Концепции судебной реформы в РСФСР, одобренной Постановлением Верховного Совета РСФСР от 24.10.1991 г., было признано не соответствующим демократической направленности происходящих в стране преобразований «сохранение административной по своей природе доследственной проверки заявлений и сообщений о совершении преступления до возбуждения уголовного дела», представляющей собой не что иное, как «суррогат расследования».

Следует, однако, отметить, что, когда спустя 10 лет был, наконец, принят УПК РФ, пользователи нового уголовно-процессуального закона были несколько озадачены обновленным содержанием стадии возбуждения уголовного дела. В частности, трудно было сразу понять – писали и принимали регламентацию проверки сообщений о преступлении в УПК РФ сторонники Концепции судебной реформы или ее противники. Или те и другие, но каждый на своем участке и со своим представлением о должном правовом регулировании. С одной стороны, процедура рассмотрения сообщений о преступлении вроде бы упростилась – было изъято из употребления объяснение, являвшееся средством проверки наличия оснований для возбуждения уголовного дела, использование которого ранее воспринималось как превращение проверки в «суррогат расследования». С другой – проведение проверки сообщения о любом совершенном или готовящемся преступлении получило закрепление как обязательное непреложное требование (ст. 144 УПК РФ). Возможность производства следственных действий в регламентации рассмотрения сообщения о преступлении не предусматривалась, но на самом деле была введена в стадию возбуждения уголовного дела иным, несколько странным образом, «с другого бока». При изложении порядка возбуждения уголовного дела указывалось, что к постановлению следователя, дознавателя, направляемого прокурору, в случае производства следственных действий (осмотра места происшествия, освидетельствования, назначения судебной экспертизы) прилагаются

соответствующие постановления и протоколы (ч. 4 ст. 146 УПК РФ). Разумеется, следователи и дознаватели, заинтересованные в пополнении арсенала средств выяснения оснований для возбуждения уголовного дела, истолковали подобную новеллу в свою пользу и производство указанных следственных действий до принятия решения о возбуждении уголовного дела вскоре стал обычной практикой.

Затем, согласно Федеральному закону от 4 марта 2014 г. № 23-ФЗ, порядок рассмотрения сообщения о преступлении был не просто вновь усовершенствован, а серьезно модернизирован с приданием ему новых черт принципиального значения, способных оказывать существенное влияние на представление о назначении и характере стадии возбуждения уголовного дела в целом.

Сейчас в ходе проверки сообщения о преступлении дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа вправе получать объяснения, образцы для сравнительного исследования, истребовать документы и предметы, изымать их в порядке, установленном УПК, требовать производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов, привлекать к участию в этих действиях специалистов, давать органу дознания обязательное для исполнения письменное поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий. Из числа следственных действий они вправе назначать судебную экспертизу, принимать участие в ее производстве и получать заключение эксперта в разумный срок, производить осмотр не только места происшествия, но и документов, предметов, трупов, а также освидетельствование (ч. 1 ст. 144 УПК РФ).

При этом лицам, участвующим в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении, подобно тому, как принято на предварительном расследовании, разъясняются их процессуальные права и обязанности, в том числе права, определяемые через понятия привилегии от самообвинения и свидетельского иммунитета, а также право пользоваться услугами адвоката. Названным лицам обеспечивается возможность осуществления этих прав в той части, в которой производимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают их интересы. При необходимости в отношении их могут применяться меры безопасности, ранее применявшиеся только после возбуждения уголовного дела (ч. 1.1 ст. 144 УПК).

Завершает комплекс законодательных нововведений, поднимающих гарантии прав личности и возможности исследования обстоятельств, указываемых в сообщении о престу-

⁸ Алексеев Н.С., Даев В.Г., Кокорев Л.Д. Очерк развития науки советского уголовного процесса. Изд-во Воронежского ун-та. Воронеж. 1980. С. 168.

плении, до невиданного ранее уровня, новелла, предусматриваемая ч. 1.2 ст. 144 УПК РФ. Она как бы логически вытекает из изложенного выше и провозглашает: «полученные в ходе проверки сообщения о преступлении сведения могут быть использованы в качестве доказательств при условии соблюдения положений статей 75 и 89 настоящего Кодекса».

На страницах юридической печати произошедшее изменение регламентации и оценки результатов проверки сообщения о преступлении неспроста вызвало всплеск повышенного внимания к себе. Оценки разные. Одну из них (совпадающую со многими другими) представляется возможным вполне разделить: законодатель «под соусом» введения дознания в сокращенной форме провел широкую реформу стадии возбуждения уголовного дела... в результате реформы практически оказалась стерта грань между стадией возбуждения уголовного дела и предварительного расследования»⁹.

Одновременно многие вопросы стадии возбуждения уголовного дела, известные своей проблемностью еще ранее, продолжают оставаться дискуссионными. Так, мнения ученых по поводу возможности производства следственных действий до возбуждения уголовного дела различны, иногда кардинально противоположны. Одни считают, что производство любых (кроме осмотра места происшествия) следственных действий без вынесения постановления о возбуждении уголовного дела ведет к ущемлению прав и законных интересов отдельных граждан и не может быть оправдано ни исключительной ситуацией, ни неотложной необходимостью¹⁰. По мнению сторонников другой точки зрения, напротив, в уголовно-процессуальном законодательстве необходимо предусмотреть возможность проведения до возбуждения уголовного дела любых следственных действий в случаях, когда иным образом (без их производства) невозможно принять решение о наличии или отсутствии основания для возбуждения дела¹¹. Далеко не исчерпан вопрос о возможности формирова-

ния доказательств в стадии возбуждения уголовного дела. Кто-то «за»¹², кто-то «против»¹³.

Ряд ученых предлагают вообще ликвидировать стадию возбуждения уголовного дела¹⁴, другие, наоборот, полагают необходимым сохранить ее в уголовном процессе и, в свою очередь, приводят в обоснование отстаиваемой позиции заслуживающие внимания аргументы¹⁵.

В существующей ситуации и в ожидании дальнейших возможных изменений и дополнений действующего уголовно-процессуального законодательства, касающихся стадии возбуждения уголовного дела, полезно обратиться к истокам российского уголовного процесса, содержащимся в Уставе уголовного судопроизводства и, как представляется, способным служить определенными ориентирами в поисках наиболее правильного выхода из лабиринта современных теоретических и законотворческих проблем. Изначальные (исходные) для отечественного уголовного процесса положения, сформированные полтора века назад, вряд ли следует считать безвозвратно утраченными свое значение.

В частности, выше было показано, что стадия возбуждения уголовного дела как совокупность устанавливаемых или допускаемых законом, с разной степенью формализации, действий и решений, связанных с началом производства по уголовному делу, фактически предусматривалась УУС (глава 3). И, видимо не зря, поскольку, как тогда объективно проявлялась необходимость начинать расследование не по всем возможным поводам,

¹² Кузнецов Н.П. Доказывание в стадии возбуждения уголовного дела. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1983. С. 12; Быков В.М., Березина Л.В. Доказывание в стадии возбуждения уголовного дела по УПК РФ. – Казань: Изд-во «Таглитат» ИЭУП, 2006. С. 36.

¹³ Диваев А.Б. Установление основания для возбуждения уголовного дела о хищениях: Автореф. дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.09. – Томск, 2005. С. 12; Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: Учебник. – 2-е изд., перераб. и доп. / Л.Н. Башкатов [и др.]; отв.ред. И.Л. Петрухин. – М.: Проспект, 2009. С. 319–320.

¹⁴ Вицын С.Е. Институт возбуждения дела в уголовном судопроизводстве // Российская юстиция. – 2003. – №8. С. 56; Гаврилов Б.Я. Современное уголовно-процессуальное законодательство и реалии его правоприменения // Российский следователь. – 2010. – № 15. – С.18; Кругликов А.П. Нужна ли стадия возбуждения уголовного дела в современном уголовном процессе России? // Российская юстиция. – 2011. – № 6. – С.58.

¹⁵ Жогин Н.В., Фаткуллин Ф.Н. Возбуждение уголовного дела. – М.: Госюриздат, 1961. С. 34; Химичева Г.П., Химичева О.В. Возбуждение уголовного дела: противоречия в правовой регламентации // Закон. – 2009. – № 1. – С.45–52; Быков В.М. Проблемы стадии возбуждения уголовного дела // Журнал российского права. – 2006. – № 7–С.53.

⁹ Махмутов М.В. Закон о дознании в сокращенной форме и реформа стадии возбуждения уголовного дела // Законность. – 2013. № 7. – С. 41.

¹⁰ Химичева Г.П. Уточнить процедуру доследственной проверки // Уголовное судопроизводство. – 2012. – № 1. – С.26; Мирза Л.С. Нужна ли доследственная проверка? // Российский следователь. – 2004. – № 4.

¹¹ Усачев А.А. Теория и практика проверки законности и установления основания к возбуждению уголовного дела: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2000. С. 10; Чупилкин Ю.Б. Гарантии прав личности в стадии возбуждения уголовного дела // Российская юстиция. – 2010. – № 2. – С.43–45.

а лишь по тем, которые были реально связаны с наличием признаков преступления, так и сейчас указанная необходимость не может полностью игнорироваться. Поэтому при рассмотрении предложений об упразднении стадии возбуждения уголовного дела, даже с учетом всех известных недостатков ее правовой регламентации и применения в практической деятельности следователей и дознавателей, желательно принимать во внимание опасения «с водой выплеснуть ребенка». В то же время, заслуживает серьезного рассмотрения вопрос о возможном использовании, при дальнейшем совершенствовании УПК РФ, опыта возбуждения уголовных по «жалобам» потерпевших, как предусматривалось ст.ст. 301–308 УУС. Тем более, что укреплению гарантий прав потерпевшего от преступления сейчас уделяется повышенное внимание, о чем наглядно свидетельствует Федеральный закон от 28 декабря 2013г. № 432-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты российской федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве».

Решая проблему следственных действий в стадии возбуждения (можно их здесь производить или нет, а если можно, то какие или при каких условиях) не будет лишним вспомнить, что при выяснении оснований для на-

чала предварительного следствия не допускать применение действий, связанных с принуждением, а именно обысков и выемок (ст. 254 УУС). Представляется проблематичным, с точки зрения обеспечения законных интересов личности, проводить указанные следственные действия до возбуждения уголовного дела и в настоящее время, поскольку они могут быть связаны с довольно жестким правоограничением¹⁶. Тем более когда в ч. 1 ст. 144 УПК РФ фигурируют недопустимо расплывчатые формулировки относительно возможности при проверке сообщений о преступлении «изымать в порядке, установленном настоящим Кодексом» предметы и документы, что может восприниматься правоприменителями как завуалированное предложение производить изъятия в порядке ст.ст. 182–184 УПК РФ под свою ответственность, несмотря на наличие во всех видах обыска и выемки различной степени принудительности. Хотя выяснением оснований для возбуждения уголовного дела в наши дни занимаются уже не просто полицейские, а уже обладающие правом проводить расследование дознаватели со следователями, выдвинутый при создании УУС тезис о допустимости любых мер принудительного характера в полном объеме только при производстве расследования по уголовному делу сохраняет свое значение.

Библиография

1. Алексеев Н.С., Даев В.Г., Кокорев Л.Д. Очерк развития науки советского уголовного процесса. Изд-во Воронежского ун-та. Воронеж. 1980.
2. Быков В.М. Проблемы стадии возбуждения уголовного дела // Журнал российского права. – 2006. – № 7.
3. Быков В.М., Березина Л.В. Доказывание в стадии возбуждения уголовного дела по УПК РФ. – Казань: Изд-во «Таглитат» ИЭУП, 2006.
4. Викторский С.И. Русский уголовный процесс. – Учебное пособие. М., «Городец», 1997.
5. Вицын С.Е. Институт возбуждения дела в уголовном судопроизводстве // Российская юстиция. – 2003. – №8.
6. Гаврилов Б.Я. Современное уголовно-процессуальное законодательство и реалии его правоприменения // Российский следователь. – 2010. – № 15.
7. Данилевич А.А., Самарин В.И. К вопросу о начале уголовного процесса // Современные проблемы уголовного права, уголовного процесса и криминалистики.: сб. материалов Междунар. науч. – практ.конф. – Краснодар: КубГАУ, 2013.
8. Диваев А.Б. Установление основания для возбуждения уголовного дела о хищениях: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Томск, 2005.
9. Жогин Н.В., Фаткуллин Ф.Н. Возбуждение уголовного дела. – М.: Госюриздат, 1961.
10. Кругликов А.П. Нужна ли стадия возбуждения уголовного дела в современном уголовном процессе России? // Российская юстиция. – 2011. – № 6.
11. Кузнецов Н.П. Доказывание в стадии возбуждения уголовного дела. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1983.

¹⁶ Устов Т.Р. Следственные действия: характерные признаки и особенности обеспечения прав участников при производстве в стадии возбуждения уголовного дела // Право и политика. – 2012. – 12. – С. 2035–2043.

12. Махмутов М.В. Закон о дознании в сокращенной форме и реформа стадии возбуждения уголовного дела // Законность. – 2013. № 7.
13. Мирза Л.С. Нужна ли доследственная проверка? // Российский следователь. – 2004. – № 4.
14. Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. чл. – корр. АН СССР Н.Ю. Шведовой. – 17-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1985.
15. Полянский Н.Н. Очерк развития советской науки уголовного процесса. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1960.
16. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. – Изд-во «Наука». – Т.2. – М., 1970.
17. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: Учебник. – 2-е изд., перераб. и доп. / Л.Н. Башкатов [и др.]; отв.ред. И.Л. Петрухин. – М.: Проспект, 2009.
18. Уголовный процесс: Уголовный суд, его устройство и деятельность: лекции Н.Н. Полянского / Моск. о-во нар. ун-тов. – Москва: тов. И.Д. Сытина, 1911.
19. Усачев А.А. Теория и практика проверки законности и установления основания к возбуждению уголовного дела: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2000. С. 10.
20. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. – Т.2. изд-во «АЛЬФА». Санкт-Петербург, 1996.
21. Химичева Г.П., Химичева О.В. Возбуждение уголовного дела: противоречия в правовой регламентации // Закон. – 2009. – № 1.
22. Химичева Г.П. Уточнить процедуру доследственной проверки // Уголовное судопроизводство. – 2012. – № 1.
23. Чупилкин Ю.Б. Гарантии прав личности в стадии возбуждения уголовного дела // Российская юстиция. – 2010. – № 2.
24. Устов Т.Р. Следственные действия: характерные признаки и особенности обеспечения прав участников при производстве в стадии возбуждения уголовного дела // Право и политика. – 2012. – 12. – С. 2035–2043.

References

1. Alekseev N.S., Daev V.G., Kokorev L.D. Oчерk razvitiya nauki sovetskogo ugovnogo protsesssa. Izd-vo Voronezhskogo un-ta. Voronezh. 1980.
2. Bykov V.M. Problemy stadii vzbuzhdeniya ugovnogo dela // Zhurnal rossiiskogo prava. – 2006. – № 7.
3. Bykov V.M., Berezina L.V. Dokazyvanie v stadii vzbuzhdeniya ugovnogo dela po UPK RF. – Kazan': Izd-vo «Taglimat» IEUP, 2006.
4. Viktorskii S.I. Russkii ugovnyi protsess. – Uchebnoe posobie. M., «Gorodets», 1997.
5. Vitsyn S.E. Institut vzbuzhdeniya dela v ugovnom sudoproizvodstve // Rossiiskaya yustitsiya. – 2003. – № 8.
6. Gavrilov B.Ya. Sovremennoe ugovno-protsessual'noe zakonodatel'stvo i realii ego pravoprimeneniya // Rossiiskii sledovatel'. – 2010. – № 15.
7. Danilevich A.A., Samarin V.I. K voprosu o nachale ugovnogo protsesssa // Sovremennye problemy ugovnogo prava, ugovnogo protsesssa i kriminalistiki.: sb. materialov Mezhdunar. nauch. – prakt. konf. – Krasnodar: KubGAU, 2013.
8. Divaev A.B. Ustanovlenie osnovaniya dlya vzbuzhdeniya ugovnogo dela o khishcheniyakh: Avtoref. diss. ... kand. yurid. nauk. Tomsk, 2005.
9. Zhogin N.V., Fatkullin F.N. Vzbuzhdenie ugovnogo dela. – M.: Gosyurizdat, 1961.
10. Kruglikov A.P. Nuzhna li stadiya vzbuzhdeniya ugovnogo dela v sovremennom ugovnom protsesse Rossii? // Rossiiskaya yustitsiya. – 2011. – № 6.
11. Kuznetsov N.P. Dokazyvanie v stadii vzbuzhdeniya ugovnogo dela. – Voronezh: Izd-vo Voronezhskogo un-ta, 1983.
12. Makhmutov M.V. Zakon o doznanii v sokrashchenoi forme i reforma stadii vzbuzhdeniya ugovnogo dela // Zakonnost'. – 2013. № 7.
13. Mirza L.S. Nuzhna li dosledstvennaya proverka? // Rossiiskii sledovatel'. – 2004. – № 4.
14. Ozhegov S.I. Slovar' russkogo yazyka / Pod red. chl. – korr. AN SSSR N.Yu. Shvedovoi. – 17-е изд., stereotip. M.: Rus. yaz., 1985.
15. Polyanski N.N. Oчерk razvitiya sovetskoi nauki ugovnogo protsesssa. – M.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1960.
16. Strogovich M.S. Kurs sovetskogo ugovnogo protsesssa. – Izd-vo «Nauka». – Т.2. – М., 1970.
17. Ugovno-protsessual'noe pravo Rossiiskoi Federatsii: Uchebnik. – 2-е изд., pererab. i dop. / L.N. Bashkatov [i dr.]; отв.ред. И.Л. Петрухин. – М.: Проспект, 2009.

18. Ugolovnyi protsess: Ugolovnyi sud, ego ustroistvo i deyatel'nost': lektzii N.N. Polyanskogo / Mosk. o-vo nar. un-tov. – Moskva: tov. I.D. Sytina, 1911.
19. Usachev A.A. Teoriya i praktika proverki zakonnosti i ustanovleniya osnovaniya k возбуждению уголовного дела: Avtoref. diss. ... kand. jurid. nauk. – M., 2000. S.10.
20. Foinitskii I.Ya. Kurs ugolovno sudoproizvodstva. – T.2. izd-vo «AL'FA». Sankt-Peterburg, 1996.
21. Khimicheva G.P., Khimicheva O.V. Возбуждение уголовного дела: противоречия в правовой регламентации // Закон. – 2009. – № 1.
22. Khimicheva G.P. Utochnit' protseduru dosledstvennoi proverki // Ugolovnoe sudoproizvodstvo. – 2012. – № 1.
23. Chupilkin Yu.B. Garantii prav lichnosti v stadii возбуждения уголовного дела // Rossiiskaya yustitsiya. – 2010. – № 2.
24. Ustov T.R. Sledstvennye deistviya: kharakternye priznaki i osobennosti obespecheniya prav uchastnikov pri proizvodstve v stadii возбуждения уголовного дела // Pravo i politika. – 2012. – 12. – С. 2035–2043.

Материал поступил в редакцию 27 февраля 2014 г.

ВЛИЯНИЕ УСТАВА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА 1864 ГОДА НА СОВРЕМЕННОЕ ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СТАДИИ НАЗНАЧЕНИЯ СУДЕБНОГО ЗАСЕДАНИЯ

Аннотация: Предмет исследования составляет совокупность уголовно-процессуальных норм, регулирующих вопросы, связанные с производством по уголовному делу на стадии назначения судебного заседания, судебная и следственная практика, а также научные исследования, концепции и воззрения, относящиеся к данной проблематике. Автором на основе проведенного анализа прошлого и современного правового регулирования указанного процессуального института определяется его положение в структуре уголовного судопроизводства, обосновываются значение, те специфические задачи и особенности принимаемых решений, а также рассмотрены дополнительные гарантии охраны прав и законных интересов участников уголовно-процессуальной деятельности. В работе использованы следующие методы: общенаучный диалектический метод познания, сравнительно-правовой, сравнительно-исторический, системный, анализ и синтез, наблюдение и описание. Научная новизна настоящей работы определяется ее целью, задачами и особенностями подхода к рассмотрению вопросов, определяющих сущность и производство на стадии назначения судебного заседания. В представленной работе сформулированы результаты исторического исследования теоретической модели указанной стадии. Выявлены новые закономерности и перспективы дальнейшего развития рассматриваемого процессуального института. Обоснована необходимость рассмотрения настоящего этапа в качестве действенной формы судебного контроля за законностью проведенного досудебного производства.

Ключевые слова: судебная, реформа, предание суду, Устав, уголовного, судопроизводства, стадия, назначения, судебного, заседания.

DOI: 10.7256/1994-1471.2014.4.11231

Вот уже более 20 лет в России осуществляется судебная реформа, основные задачи и направления которой сформулированы в Концепции судебной реформы в Российской Федерации, официально одобренной Верховным Советом РСФСР 24 октября 1991 г.¹ Много из того, что было задумано, уже реализовано, что-то еще предстоит претворить в жизнь. Но главное – усилия как законодателя, так и теоретиков и практиков, внесших существенный вклад в развитие идей, заложенных в Концепции, невзирая на споры, сложности, противоречия, оказались не напрасными – уголовное судопроизводство, особенно после принятия в 2001 г. Уголовно-процессуального кодекса РФ²,

стало обновляться, в первую очередь в сторону расширения состязательных начал и исключения из правосудия рудиментов обвинительной роли суда.

Немаловажную роль, если не сказать огромную, в деле укрепления демократических основ современного российского правосудия сыграли положения, провозглашенные в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г., коренным образом изменившие уголовный процесс и судостроительство в России. И хотя многие правила производства по уголовному делу, закрепленные в нем, были, в свою очередь, заимствованы из французского законодательства, их ценность, прогрессивность и значимость, даже по прошествии полуторавекового отрезка времени, остаются непоколебимыми. И какие бы преобразования ни коснулись сегодняшнего уголовного судопроизводства, мы, зримо или

¹ Концепция судебной реформы в Российской Федерации / Сост. С. А. Пашин. М., 1992.

² Далее – УПК РФ.

нет, постоянно проводим параллели между результатами (свершениями или просчетами) двух судебных реформ России.

В настоящей статье проводится некий исторический экскурс в развитие стадии назначения судебного заседания, ставшей преемницей стадии предания суду, которая была введена в отечественное судопроизводство именно благодаря УУС. Данная стадия уголовного процесса остается в центре внимания и законодателя, и реформаторов, и ученых, и практиков, поскольку имеет богатую историю в России. В результате многочисленных изменений, начиная с судебной реформы 1864 г., эта стадия имела различные названия: предание суду, предварительное рассмотрение в суде, производство в суде до судебного разбирательства, назначение судебного разбирательства, подготовка к судебному заседанию. Осуществлялась она разными органами (прокурором, коллегией судей, единолично судьей, судом первой инстанции, судом второй инстанции).

Законодатель то принимал меры по укреплению настоящей стадии, усиливая гарантии прав участников уголовного судопроизводства и предоставляя суду широкие полномочия в принятии решения по поступившему делу, то сокращал их и ограничивал права участников по отстаиванию своих интересов на данном этапе судопроизводства.

Эта тенденция характерна и для современного периода развития уголовно-процессуального права, когда многие направления судебной реформы стали реализовываться, коснувшись, в первую очередь, утверждения независимой и самостоятельной судебной власти, закрепления демократических принципов судопроизводства, обеспечения прав и свобод личности в уголовном судопроизводстве. Тем не менее, судебная деятельность в первой стадии судебного производства никак не могла обрести совершенные и оптимальные форму и содержание. Однако все многообразные и многочисленные изменения, происходившие с этим институтом, лишь свидетельствуют о том, что это один из важнейших институтов уголовного процесса.

Законодатель, поддерживая идею состязательного построения уголовного судопроизводства, устранил из нового уголовно-процессуального закона любые упоминания о причастности суда к обвинительной функции, в том числе и в настоящей стадии, считая, что предание обвиняемого суду, осуществляемое самим судом, якобы равнозначно согласию с обвинительным заключением. Но предание суду никогда не означало принятие решения, хоть как-то предвосхищающего предстоящий вывод о виновности или невиновности подсудимого. Предание суду

есть судебное разрешение вопроса о том, имеются ли достаточные основания, необходимые для того, чтобы передать дело для рассмотрения по существу в следующую стадию – судебного разбирательства, а обвиняемому придать новый процессуальный статус – подсудимого. В этом и есть смысл понятия «предание суду», которое имеет глубокие исторические корни, но многие современные исследователи и законодатель реформирование данной стадии, по-видимому, связывают, в том числе и с забвением этого названия.

Так, Закон РФ от 29 мая 1992 г. отказался от прежнего его названия «Предание суду», но по существу другим его не заменил, назвав главу 20 УПК РСФСР «Полномочия судьи до судебного разбирательства дела и подготовительные действия к судебному разбирательству». По новому Уголовно-процессуальному кодексу соответствующая глава получила название «Общий порядок подготовки к судебному заседанию». Однако такие названия стадии ни в редакции закона 1992 г., ни в УПК РФ 2001 г. представляются неудачными, поскольку не раскрывают сущности этого производства как стадии уголовного процесса. Более того, как справедливо замечает В. Божьев, в результате таких новшеств получилось, что стадии, в которую уголовное дело попадает от прокурора, «как бы нет», хотя очевидно, что дело не оканчивается сразу в судебном разбирательстве³. Таким образом, данная стадия фактически оказалась обезличенной. В результате возникла путаница – и правоприменители, и ученые стали по-разному ее именовать: или стадией подготовки судебного разбирательства (судебного заседания), или стадией назначения судебного разбирательства (судебного заседания).

Такое отношение к названию стадии не случайно, поскольку оно отражает общую тенденцию в оценке роли суда в уголовном судопроизводстве, в том числе и в данной стадии.

Стадии назначения судебного заседания всегда придавалось большое практическое значение, поскольку она превращалась в преграду для тех дел, которые расследованы поверхностно, с нарушением закона или по которым лицу необоснованно предъявлено обвинение, что препятствует не только его незаконному осуждению, но и безосновательному нахождению на скамье подсудимых. Поэтому столь важно рассматривать настоящий этап судебного производства не просто как очередную стадию уголовного процесса, как «механическое» движение уголовного дела, а как действительную

³ См.: Божьев В. Правовое регулирование первой стадии судебного производства // Уголовное право. 2007. № 6. С. 70–71.

форму судебного контроля за законностью проведенного предварительного расследования, в том числе за законностью и обоснованностью предъявленного обвинения, за реальным обеспечением основных прав участников уголовного судопроизводства, особенно прав обвиняемого⁴. Более того, анализируя положения Устава уголовного судопроизводства, посвященные преданию суду, еще И.Я. Фойницкий отмечал важность и особенность предания суду именно как проявление судебного контроля, в отличие от бесконтрольного личного усмотрения обвинителя⁵.

Предание суду – это важная гарантия охраны прав личности в уголовном судопроизводстве и интересов правосудия, которые на данном этапе процесса неразрывно связаны между собой и не противоречат друг другу. И в ходе проведения судебной реформы в XIX в. также подчеркивалось, что в этом состоит сущность и значение стадии предания суду. Так, М.В. Духовской писал: «Появление публично на суде в качестве обвиняемого само по себе (независимо от того, будет ли он обвинен) не легко; оно причиняет нравственные страдания, может доставить и материальный вред, может повлиять на репутацию, отозваться на всю жизнь... Столь важное значение момента предания суду в уголовном процессе вызывает необходимость поставить его в условия, которые служили бы достаточным ручательством, что на скамью подсудимых не попадет человек, привлеченный к делу пристрастно или легкомысленно...»⁶.

Настоящая стадия – первая судебная стадия уголовного процесса, которая занимает особое положение в уголовном процессе – промежуточное между досудебным производством и стадией судебного разбирательства, что определяет и особое значение этой стадии, и специфические ее задачи, и особенности принимаемых решений.

Так, со времен судебной реформы 1864 г. задачи этой стадии остаются неизменными, это: проверка материалов предварительного расследования с целью установления оснований для рассмотрения дела в судебном заседании и разрешение вопросов, связанных с подготовкой к рассмотрению дела в судеб-

ном заседании, в случае установления таких оснований. Не меняет законодатель задачи этой стадии, как думают некоторые авторы⁷, меняются на разных исторических этапах содержание, объем и порядок проверки судьей уголовного дела.

Отмеченные выше задачи стадии назначения судебного заседания являются традиционными в теории уголовного процесса. Однако можно выделить и третью задачу – это разрешение уголовного дела по существу путем прекращения уголовного дела или уголовного преследования при наличии к тому оснований. Эта задача состоит в том, что судья, проверяя материалы уголовного дела, должен установить, нет ли оснований для прекращения уголовного дела или уголовного преследования, независимо от того, имеются ли об этом ходатайства заинтересованных лиц. Это позволит принять столь важное процессуальное решение на более раннем этапе, не допуская существенных затрат по проведению судебного разбирательства и не подвергая без лишней надобности обвиняемых процедуре, существенно затрагивающей их права, свободы и законные интересы, а также умаляющей их честь и достоинство.

Такие выводы основываются, в том числе, и на богатой истории существования стадии предания суду в Российском уголовном процессе. Так, Устав уголовного судопроизводства 1864 г., наряду с задачей разрешения вопроса о предании суду, выделял и задачу прекращения уголовного дела (ст.ст. 530–534 Устава). Этому можно найти подтверждение и в юридической литературе тех лет. Духовской М.В., например, отмечал, что обвинительная камера судебной палаты, установив, что следствие по делу велось законно и полно, принимает окончательное решение о предании суду или прекращении дела⁸.

Специфические задачи настоящей стадии процесса определяют и специфические способы, и средства их реализации, особую уголовно-процессуальную форму, процедуру принятия решений. Так, новый уголовно-процессуальный закон предусматривает два вида процессуальной деятельности судьи в стадии

⁴ См.: Гальперин И.М., Лукашевич В.З. Предание суду по советскому уголовно-процессуальному праву. М., 1965. С. 12; Лукашевич В.З. Гарантии прав обвиняемого в стадии предания суду. Л., 1966. С. 24; Савицкий В.М. Очерк теории прокурорского надзора. М., 1975. С. 227.

⁵ См.: Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства: В 2-х тт. Том 2. Санкт-Петербург, 1996. С. 403.

⁶ Духовской М.В. Русский уголовный процесс. М., 1910. С. 105.

⁷ См.: Ковтун Н.Н., Юнусов А.А. Стадия подготовки дела к судебному разбирательству: закономерный итог «закономерных реформ» // Следователь. 2005. № 5. С. 32; Шигуров А.В. Подготовка уголовного дела к судебному заседанию в российском уголовном процессе: Автореф. дисс. ...канд. юрид. наук. Ижевск, 2004. С. 11.

⁸ См.: Духовской М.В. Указ. соч. С. 293–294. См. также об этом: Арсеньев К.К. Предание суду и дальнейший ход уголовного дела до начала судебного следствия. Сборник практических заметок. СПб, 1870. С. 39.

назначения судебного заседания: упрощенный, сводящийся к единоличным полномочиям и действиям судьи, и усложненный, когда судья проводит предварительное слушание с участием сторон.

Единоличные действия судьи заключаются в тщательном изучении всех материалов поступившего в суд уголовного дела, причем в первую очередь это касается письменных материалов предварительного расследования и письменных ходатайств и жалоб, поступивших в суд от участников процесса. Если дело подсудно суду, в который оно поступило, у судьи не возникает сомнений в законности проведенного предварительного расследования, отсутствуют препятствия для рассмотрения дела в судебном разбирательстве, то есть при наличии оснований для назначения судебного заседания судья выносит соответствующее решение. В противном случае судья принимает решение о направлении дела по подсудности, что исключает дальнейшее его разбирательство в этом суде, или о назначении предварительного слушания.

Во втором случае проводится судебное заседание с участием сторон, на котором обсуждаются вопросы об исключении недопустимых доказательств, о возвращении дела прокурору, о приостановлении или прекращении уголовного дела или уголовного преследования, об отложении судебного заседания, о выделении уголовного дела в отдельное производство. Такая процедура является дополнительной гарантией охраны прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, а также осуществления правосудия, поскольку уменьшает вероятность вынесения судьей необоснованного решения о назначении судебного заседания, да и любого другого решения, предусмотренного законом. Кроме того, законодатель пошел на усложнение судебного производства в этой стадии в целях расширения состязательных начал уголовного судопроизводства. Положительным моментом следует признать также тот факт, что возможность проведения судебного заседания – предварительного слушания – зависит не только от личного усмотрения судьи (как ранее, по УПК РСФСР, назначалось распорядительное заседание), но и от инициативы сторон.

Таким образом, процедура подготовительного этапа к судебному разбирательству по УПК РФ стала более эффективной, гибкой. И такое нововведение имеет свои истоки в положениях УУС.

Так, Устав предусматривал два способа направления уголовного дела с обвинительным актом в суд. По делам о наиболее важных преступлениях, подсудным суду присяжных, обви-

нительные акты представлялись прокурором окружного суда, то есть суда низшей инстанции, прокурору судебной палаты, то есть суда второй инстанции (ст. 523 Устава), для рассмотрения их специальным органом предания суду – обвинительной камерой (ст. 544 Устава), образуемой при палате.

Как отмечал К.К. Арсеньев: «Предание суду, даже когда оно приводит к оправдательному приговору, сопряжено для подсудимого с такими материальными потерями, с такими душевными страданиями, что прибегать к нему следует с крайней осторожностью и только по серьезным причинам», поэтому «...особый порядок предания суду установлен только для дел, подлежащих решению суда присяжных»⁹.

Полномочия судебной палаты по поступившему уголовному делу, предусмотренные статьями 530–533 Устава (право судебной палаты вынести постановление о предании суду, о прекращении дела производством, об обращении его к доследованию и направлении его по подсудности) не претерпели существенных изменений за всю историю своего существования, не считая, конечно, того, что изменилась сама судебная система, которая не знает уже ни окружного суда, ни судебной палаты, ни обвинительной камеры, ни других органов предания суду, о которых речь пойдет чуть позже. Главное – сохранилась сама суть стадии предания суду как контрольной по отношению к предварительному расследованию.

Порядок рассмотрения дела в обвинительной камере был следующий: дело докладывалось членом суда – докладчиком, прокурор судебной палаты зачитывал заключение местного прокурора, и делались выводы, отражавшиеся в определении (постановлении) суда. Обвиняемый, защитник и свидетели в заседании судебной палаты не вызывались.

Если судебная палата приходила к выводу о необходимости предания обвиняемого суду по иным мотивам, чем это было отражено в обвинительном акте, палата должна была взамен этого обвинительного акта составить свое определение.

В случае предания обвиняемого суду дело направлялось в обратном порядке – через прокурора палаты и прокурора окружного суда в соответствующий суд для рассмотрения по существу (ст. 541 Устава). Вместе с тем, до рассмотрения дела по существу окружной суд выполнял подготовительные к судебному заседанию действия.

По делам о менее важных преступлениях был установлен другой порядок, заключа-

⁹ Арсеньев К.К. Указ. соч. С. 11–12.

шийся в том, что по этим делам прокурор окружного суда направлял обвинительный акт непосредственно в надлежащий окружной суд для рассмотрения по существу без прохождения стадии предания суду в суде второй инстанции (ст.ст. 523, 527, 545 Устава). В этом случае окружной суд одновременно решал вопросы предания суду и вопросы подготовки дел к рассмотрению в судебном заседании. Полномочия окружного суда по делам, поступившим непосредственно от прокурора, с одной стороны, были довольно широки (суд мог обсуждать и решать вопрос о наличии в действии обвиняемого признаков преступления, прекращать дело производством или давать ему дальнейшее направление), а с другой – ограничены (суд не мог входить в оценку достаточности собранных доказательств, это он мог решать лишь в судебном заседании при окончательном разрешении дела; не мог обсуждать вопрос о мерах пресечения, если по поводу их применения не имелось никаких жалоб; не мог отказать прокурору в вызове свидетелей, указанных в обвинительном акте). Самое существенное ограничение полномочий окружного суда на данной стадии заключалось в том, что окружной суд не имел права вносить какие-либо изменения в обвинение и мог только делать соответствующие представления судебной палате (ст. 549 Устава).

Для дел, подсудных мировым судьям, стадия предания суду отсутствовала в силу малозначительности и несложности категории дел, которые рассматривали мировые судьи.

По отдельным категориям дел существовали специальные органы предания суду и особый порядок предания суду. Так, по делам о государственных преступлениях, подсудным палате с сословными представителями, органом предания суду был первый департамент сената; по должностным преступлениям, совершаемым служащими, – соединенное присутствие первого и второго кассационного департаментов сената; по преступлениям, совершаемым чиновниками первого – третьего классов, – Государственный совет; по делам, касающимся духовных лиц, – судебная палата как общий орган предания суду с той лишь особенностью, что дела поступают в палату через духовное начальство и с его заключениями.

Анализируя многообразие форм и способов предания суду по Уставу уголовного судопроизводства, можно прийти к такому заключению, что сложность процедуры этой стадии уголовного процесса и выбор органа предания суду зависели от характера преступлений, степени их опасности для государства и общества, социального положения лиц, их совершивших, что, конечно же, отличает предание суду по

УУС от аналогичной стадии современного уголовного процесса.

Еще одно различие между прошлым и сегодняшним правовым регулированием данной стадии процесса мы видим: согласно УУС по разным категориям дел предание суду осуществлялось коллегиальным органом. Как отмечал А.Ф. Кони: «...весьма опасно представить власть предания суду одному лицу. Его ошибка, увлечение, односторонность были бы непоравимы и могли бы случаться очень нередко при отсутствии критики и проверки со стороны коллегии беспристрастных и спокойных лиц»¹⁰.

Единоличные действия предусматривались Уставом для председателя суда по подготовке дел к рассмотрению в судебном заседании: обязанность передавать подсудимому или его представителю копию обвинительного акта (ст.ст. 556, 556¹ Устава); объявить подсудимому о том, что он в 7-дневный срок должен сообщить суду об избрании им защитника и о вызове новых свидетелей (ст. 557); известить гражданского истца о поступлении в суд обвинительного акта (ст. 559); назначить подсудимому по его просьбе, а несовершеннолетнему и без его просьбы, защитника (ст.ст. 556, 556¹); распорядиться о допущении защитника к исполнению им своих обязанностей (ст. 569); распорядиться о доставлении дела за 7 дней в место судебного заседания (ст. 572); распорядиться о вызове свидетелей, приглашенных за счет участвующих в деле лиц (ст. 567); назначить переводчиков и толмачей (ст.ст. 579, 580); распорядиться о рассылке повесток всем вызываемым на процесс лицам (ст.581); назначить время и место судебного заседания (ст.ст. 586, 1192); дать объявление о делах, назначенных к слушанию (ст.587); сообщить подсудимому за три дня об открытии судебного заседания, а также именной список судей, прокурора и присяжных заседателей (ст.589). Эти же вопросы, в случае сомнения, могли быть рассмотрены и коллегиально (ст.ст. 554, 575).

Следующее отличие сводится к тому, что согласно УУС акт предания суду мог быть обжалован лишь вместе с приговором (ст.ст. 534, 549), тогда как по УПК РФ фактически может быть обжаловано в общем порядке любое решение, принятое в стадии назначения судебного заседания, за исключением судебного решения о назначении судебного заседания в части разрешения некоторых вопросов, имеющих организационный характер (ч. 7 ст. 236 УПК), во избежание волокиты и затягивания сроков

¹⁰ Кони А.Ф. Курс уголовного судопроизводства. М., 2011. С. 238–239.

рассмотрения уголовного дела по существу¹¹. Следует, впрочем, заметить, что ограничение права на обжалование решения суда, принятого в стадии предания суду, введенное Уставом, подвергалось критике учеными того времени. Так, К.К. Арсеньев писал: «Справедливо ли ожидать, для исправления столь важной ошибки, окончательного приговора, впечатление которого иногда ничем неизгладимо?». И далее: «Есть ошибки столь важные, что они должны быть исправлены немедленно, не ожидая окончания судебного производства». Он предлагал допустить обжалование в кассационном порядке определения обвинительной камеры в случаях, если предварительное следствие произведено было лицом, не имевшим на то по закону права; определение постановлено не надлежащим числом судей, или судьями, не имевшими права участвовать в его постановлении, или без выслушивания заключения прокурора; когда определение о предании суду основано не на данных, собранных предварительным следствием, а на предположении, что судебное следствие раскроет виновность обвиняемого, и пр.¹²

Устав уголовного судопроизводства 1864 г. сыграл прогрессивную роль в развитии института предания суду в дореволюционной России и, главным образом, не столько тем, что детально регламентировал порядок этой стадии, а сколько тем, что впервые ей придано столь важное значение как самостоятельной стадии процесса.

Но, несмотря на демократические идеи, заложенные в Уставе уголовного судопроизводства, процедура предания суду обвинительными камерами стала подвергаться критике, появились даже предложения о необходимости устранения этой стадии¹³.

Работа обвинительных камер вызывала нарекания не без оснований, но негативные стороны их деятельности были заложены не в самой сути института предания суду, а скорее, в организации судебных органов в России. Так, в России в начале судебной реформы имелось

всего лишь восемь общих судебных палат (для сравнения: во Франции действовали 28 апелляционных судов, решавших вопросы предания суду), что, естественно, порождало большой объем работы, длительные сроки пересылки дел, а отсюда – волокиту, невнимательность и автоматизм в работе. Все это могло привести лишь к одному – формальному рассмотрению дел при предании суду, что не могло привести к обеспечению необходимых гарантий для обвиняемых, для которых стадия предания суду становится бесполезным звеном в их деле. В целях выхода из такой ситуации стали предлагаться различные варианты изменений порядка предания суду, вплоть до упразднения совсем этой стадии. В силу этого стали вноситься изменения в законодательство.

Так, до 1883 г. каждое уголовное дело, производство по которому влекло лишение или ограничение прав, шло в судебную палату, независимо от того, составлен ли по нему обвинительный акт или заключение о прекращении или приостановке преследования. В соответствии же с Законом от 3 мая 1883 г. в палату решено направлять лишь дела с обвинительными актами. Кроме того, законодатель этим же Законом изъял из сферы деятельности судебных палат функции по контролю над деятельностью прокуратуры по прекращению дел. Прекращенное дело теперь могло попасть в судебную палату лишь вследствие поданной жалобы на постановление суда¹⁴. Такое решение явилось шагом назад в осуществлении судебной реформы, сужением юридических гарантий личности в уголовном судопроизводстве.

Затем долгие годы продолжалась дискуссия о дальнейшей судьбе института предания суду. Началом этому послужило совещание старших председателей и прокуроров, состоявшееся 29 декабря 1894 г., на котором большинство участников совещания высказалось за изъятие функции предания суду у судов и передачу их органам прокуратуры с упразднением обвинительных камер, что послужило в какой-то мере принятию законов от 7 июня 1904 г. и 18 марта 1906 г., которые расширили круг дел, по которым прокуратура сама осуществляла предание суду (до этого прокуратура осуществляла предание суду только по делам о малозначительных преступлениях), тем самым, оставив на рассмотрение обвинительных камер совсем незначительный круг дел¹⁵.

¹¹ Нельзя забывать при этом, что столь широкое право на обжалование судебных решений, принятых в стадии назначения судебного заседания, было введено всего лишь в 2009 г., а до этого в первоначальном варианте УПК РФ было предусмотрено право на обжалование только решения о прекращении уголовного дела и (или) о назначении судебного заседания в части разрешения вопроса о мере пресечения (ч. 7 ст. 236 УПК РФ).

¹² Арсеньев К.К. Указ. соч. С. 116–118, 125–127.

¹³ Компанейц. Заметки о недостатках обряда предания суду // Журнал гражданского и уголовного права. 1893. С. 12; Хрулев С. Суды и судебные порядки. Очерк второй. Суды и судебные палаты как обвинительные камеры // Юрид. вестник. Т. XVIII, книга 1. 1885. С. 486–540; Трапезников Вл. Из практики предания суду // Вестник права и нотариата. 1911. № 22. С. 678–679.

¹⁴ Духовской М.В. Указ. соч. С. 108.

¹⁵ Следует заметить, что такой же порядок предлагался и авторами Концепции судебной реформы 1991 г., однако законодатель эту идею не принял. См. об этом: Концепция судебной реформы в Российской Федерации. С. 93.

Что же касается других предложений об усовершенствовании института предания суду, в том числе проекта комиссии Н.В. Муравьева об изменении стадии предания суду в сторону устранения ревизионного порядка, принятия факультативного принципа (рассмотрение дела судом присяжных в стадии предания суду лишь при наличии жалобы обвиняемого на обвинительный акт) и допущения защиты на эту стадию; а также предложения о расширении подсудности мировых судей и соответственно сужения подсудности суда присяжных, то они не нашли поддержки как со стороны видных деятелей государства, так и со стороны практических работников.

Таким образом, история развития института предания суду свидетельствует о том, что все его преобразования неразрывно связаны с экономическими, политическими, социальными, духовными изменениями в обществе, и каждый новый виток общественных преобразований, в том числе и правового регулирования судебной деятельности, откладывал отпечаток и на стадию предания суду. Перлов И.Д., изучавший историю развития института предания суду, делает вывод о том, что процесс свертывания работы обвинительных камер был характерен не только для России рубежа XIX-XX вв., но и для многих западных государств, переживавших политические кризисы власти, приводившие к урезанию демократических институтов, что не могло не отразиться на разных сферах деятельности государства, в том числе и уголовного судопроизводства и института предания суду, в частности¹⁶.

Среди общих недостатков, присущих стадии предания суду того времени, И.Д. Перлов выделяет следующие: обвинительная тенденция при решении вопроса о предании суду; односторонность и отсутствие критической оценки материалов предварительного следствия; отсутствие состязательного начала в этой стадии; волокита и медлительность; механическое штампование обвинительных актов; наделение функциями предания суду судов второй, а не первой инстанции¹⁷.

Однако, несмотря на то, что накануне великих перемен в 1917 году в России институт предания суду оставался шатким, неустойчивым и изменчивым, в УСС были заложены и полезные идеи развития этого института в уголовном процессе: решение судом, а не обвинительной властью, вопроса о предании обвиняемого суду; широкие полномочия суда; учреждение этого института как гарантии прав обвиняемого.

Кроме того, анализ развития стадии назначения судебного заседания (предания суду) позволяет сделать вывод о том, что в разные исторические этапы эта стадия, облачаясь в совершенно разнообразные формы производства, не меняла своего двойственного характера как промежуточной стадии между досудебным и судебным производством – контрольного по отношению к предшествующим стадиям и подготовительного – к последующим. Менялись пределы проверки материалов поступившего в суд уголовного дела, средства осуществления этой проверки, формы реагирования суда на выявленные нарушения, но сущность, задачи и значение этой стадии оставались неизменными.

Библиография

1. Арсеньев К.К. Предание суду и дальнейший ход уголовного дела до начала судебного следствия. Сборник практических заметок. С. – Петербург, 1870. – 235 с.
2. Божьев В. Правовое регулирование первой стадии судебного производства // Уголовное право. 2007. № 6. – С. 70–71.
3. Духовской М.В. Русский уголовный процесс. М., 1910. – 448 с.
4. Гальперин И.М., Лукашевич В.З. Предание суду по советскому уголовно-процессуальному праву. М., 1965. – 150 с.
5. Ковтун Н.Н., Юнусов А.А. Стадия подготовки дела к судебному разбирательству: закономерный итог «закономерных реформ» // Следователь. 2005. № 5. – С. 31–33.
6. Компанейц. Заметки о недостатках обряда предания суду // Журнал гражданского и уголовного права. 1893. – С. 1–25.
7. Кони А.Ф. Курс уголовного судопроизводства. М., 2011.
8. Концепция судебной реформы в Российской Федерации / Сост. С. А. Пашин. М., 1992. – 111с.
9. Лукашевич В.З. Гарантии прав обвиняемого в стадии предания суду. Л., 1966. – 145с.
10. Перлов И.Д. Предание суду в советском уголовном процессе. М., 1948. – 200 с.
11. Савицкий В.М. Очерк теории прокурорского надзора. М., 1975. – 382 с.
12. Трапезников Вл. Из практики предания суду // Вестник права и нотариата. 1911. № 22. – С. 678–679.

¹⁶ Перлов И.Д. Предание суду в советском уголовном процессе. М., 1948. С. 77.

¹⁷ См.: Перлов И.Д. Указ. соч. С. 78.

13. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства: В 2-х тт. Том 2. Санкт-Петербург, 1996. – 607 с.
14. Хрулев С. Суды и судебные порядки. Очерк второй. Суды и судебные палаты как обвинительные камеры // Юрид. вестник. Т. XVIII, книга 1. 1885. – С. 486–540.
15. Шигуров А.В. Подготовка уголовного дела к судебному заседанию в российском уголовном процессе: Автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Ижевск, 2004. – 26 с.

References

1. Arsen'ev K.K. Predanie sudu i dal'neishii khod ugovnogo dela do nachala sudebnogo sledstviya. Sbornik prakticheskikh zametok. S. – Peterburg, 1870. – 235 s.
2. Bozh'ev V. Pravovoe regulirovanie pervoi stadii sudebnogo proizvodstva // Uголовное право. 2007. № 6. – С. 70–71.
3. Dukhovskoi M.V. Russkii ugovnyi protsess. M., 1910. – 448 s.
4. Gal'perin I.M., Lukashevich V.Z. Predanie sudu po sovetskomu ugovno-protsessual'nomu pravu. M., 1965. – 150 s.
5. Kovtun N.N., Yunusov A.A. Stadiya podgotovki dela k sudebnomu razbiratel'stvu: zakonomernyi itog «zakonomernykh reform» // Sledovatel'. 2005. № 5. – С. 31–33.
6. Kompaneits. Zametki o nedostatках obryada predaniya sudu // Zhurnal grazhdanskogo i ugovnogo prava. 1893. – С. 1–25.
7. Koni A.F. Kurs ugovnogo sudoproizvodstva. M., 2011.
8. Kontseptsiya sudebnoi reformy v Rossiiskoi Federatsii / Sost. S. A. Pashin. M., 1992. – 111s.
9. Lukashevich V.Z. Garantii prav obvinyaemogo v stadii predaniya sudu. L., 1966. – 145s.
10. Perlov I.D. Predanie sudu v sovetskom ugovnom protsesse. M., 1948. – 200 s.
11. Savitskii V.M. Oчерк teorii prokurorskogo nadzora. M., 1975. – 382 s.
12. Trapeznikov V.I. Iz praktiki predaniya sudu // Vestnik prava i notariata. 1911. № 22. – С. 678–679.
13. Foinitskii I.Ya. Kurs ugovnogo sudoproizvodstva: V 2–kh tt. Tom 2. Sankt-Peterburg, 1996. – 607 s.
14. Khrulev S. Суды и судебные порядки. Очерк второй. Суды и судебные палаты как обвинительные камеры // Юрид. вестник. Т. XVIII, книга 1. 1885. – С. 486–540.
15. Shigurov A.V. Podgotovka ugovnogo dela k sudebnomu zasedaniyu v rossiiskom ugovnom protsesse: Avtoref. dis. ...канд. юрид. наук. Izhevsk, 2004. – 26 s.

Материал поступил в редакцию 1 марта 2014 г.

ПОЛНАЯ АПЕЛЛЯЦИЯ ПО УСТАВУ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА 1864 ГОДА И ЕЁ РЕЦЕПЦИЯ СОВРЕМЕННЫМ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ

Аннотация: Степень рецепции УПК РФ элементов полной апелляции по Уставу уголовного судопроизводства 1864 г. Соотнесение нормативной регламентации апелляции по Уставу уголовного судопроизводства 1864 г. с апелляционным производством по УПК РФ; выявление схожих и различающихся положений в регламентации полной апелляции, а также условий её реализации по Уставу уголовного судопроизводства и нормам гл.45.1 УПК РФ. Рассматривается значение содержащегося в Уставе уголовного судопроизводства положения о праве стороны настаивать на допросе свидетелей и специалиста, явившихся по инициативе апеллянта в суд апелляционной инстанции. Общедиаlectический метод научного познания, на основе которого используются различные общенаучные и специальные методы правового исследования: исторический, сравнительно-правовой, формально-логический, структурно-функциональный. Утверждение и обоснование того, что возможность полной апелляции в современном уголовном процессе должна основываться на балансе дискреционного усмотрения суда апелляционной инстанции и активности сторон. Делается вывод, что вопрос о полной и неполной апелляции значим с точки зрения определения сущности и природы апелляционного производства. Обосновывается, что современная апелляция содержит в себя элементы судебного надзора и правосудия – рассмотрения и разрешения уголовного дела по существу. Формулируется предложение распространить на апелляцию положения ч.4 ст. 271 УПК РФ, так как они предпосланы только для суда первой инстанции.

Ключевые слова: апелляция, непосредственное исследование, новые доказательства, активность сторон, усмотрение суда, судебный контроль, судебный надзор, приговор, окружной суд, мировой судья.

DOI: 10.7256/1994-1471.2014.4.11140

Русский уголовный процесс, сложившийся к началу Великих судебных реформ, с точки зрения существовавшего в нем порядка обжалования судебных решений, характеризовался учеными – юристами того времени как «несогласный со значением приговора и достоинством суда»¹.

«В апелляционном порядке дело могло и даже должно было тянуться многие годы, так как докатившись наконец до Сената, оно из департамента, за разногласием, переходило в об-

щее Сената собрание, откуда, при отсутствии двух третей голосов в пользу того или другого решения, шло в консультацию министерства юстиции и снова возвращалось в общее собрание, откуда обыкновенно поступало в Государственный совет со всею сложной старой организацией последнего. ... Таковы были условия отправления уголовного правосудия, обрекавшие население на судебную волокиту по множеству инстанций и представлявшие полное смещение административной и судебной властей»².

¹ Судебные Уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны. Часть вторая. СПб., 1866. С. 311.

² Кони А.Ф. История развития уголовно-процессуального законодательства в России. СПб, 1907. С. 324–325.

© Аширбекова Мадина Таукеновна

* Доктор юридических наук, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Волгоградский филиал [madina.55@mail.ru]

400131, Россия, г. Волгоград, ул. Гагарина, д. 8.

Поэтому результатом решения этой задачи стала система проверки неокончательных и окончательных приговоров, установленная Уставом уголовного судопроизводства 1864 года. Как известно, для проверки неокончательных, то есть не вступивших в законную силу приговоров, Устав уголовного судопроизводства 1864 года предусматривал два порядка апелляции. Для приговоров мировых судей апелляционной инстанцией выступал съезд мировых судей, а для приговоров окружных судов – судебные палаты. Данные порядки апелляционного производства в целом были схожи. Была, правда, одна любопытная деталь, различавшая их. Так, съезд мировых судей в целях проверки приговора мирового судьи при необходимости мог призвать последнего для дачи объяснений по поводу постановленного им приговора (ст. 167 УУС). Можно предположить, что это объяснялось тем, что в то время не было больших требований к описательно-мотивировочной части приговора мирового судьи. Хотя ст. 130 УУС устанавливала небольшой круг положений, подлежащих отражению в приговоре, которые можно было бы понимать как мотивировку приговора. Но нельзя не отметить, что возможность получения объяснений от мирового судьи подтверждает тезис о том, что сама проверка приговора выступает не только продолжением уголовно-правового спора сторон. Она подспудно предполагает также спор между стороной и судьей по поводу постановленного им приговора. Эта деталь обнаруживает, что такой мировой судья, конечно, не есть сторона дела, но все-таки сторона в споре о законности и обоснованности постановленного им приговора, то есть заинтересованное лицо. Это вполне логично, так как и сейчас мало судей или их вовсе нет, которые бы безразлично относились к судьбе своих решений. Кроме того, такой мировой судья не принимал участие в съезде мировых судей, так как нельзя быть судьей в споре, связанного со своими служебными интересами. Понятно, что у этого положения есть и другое значение – обеспечение объективности.

Порядок проверки неокончательных приговоров предусматривал два сообщающихся между собой режима: полной и неполной апелляции. Полная апелляция означала в полном смысле слова новое судебное разбирательство суда с повторным и непосредственным исследованием не только доказательств, на которых основывались выводы в приговоре суда первой инстанции, но и новых доказательств, не бывших в поле его зрения. На неполную же апелляцию указывает содержание ст. 155 УУС, в которой устанавливалось буквально, что стороны и свидетели не вызываются *особо* в съезд

мировых судей, однако заслушивание заключения прокурора должно быть непременно. Вариант полной апелляции вполне мог иметь место при соответствующем активном поведении сторон и усмотрении суда. Активность сторон заключалась в инициации ими привода свидетелей, как бывших при первоначальном разбирательстве, так и тех, которые по уважительным причинам не могли давать показания в суде первой инстанции (ст. 157 УУС). Стороны должны были заявлять съезду мировых судей также ходатайства об отложении судебного заседания для собирания доказательств, удовлетворять которые мировой съезд был вправе, но не обязан.

Обратим внимание, что в описанной ситуации явка свидетелей должна была обеспечиваться сторонами. Отметим, что и в современном уголовном процессе вырисовывается тенденция к возложению на стороны обязанности обеспечивать явку свидетелей в суд³. Активность сторон – условие состязательности. Но апелляционный порядок проверки приговора мировых судей того времени допускал и активность суда. По крайней мере, съезд мировых судей мог поручить одному из мировых судей произвести, как буквально указано в ст. 160 УУС, «осмотр, исследование и оценку, или же допросить свидетелей».

Апелляция в судебных палатах такой формы активности суда не предусматривала. Однако вызов сторон, свидетелей и «сведущих людей» мог быть предпринят как по инициативе палаты, так и по просьбе сторон, которая удовлетворялась по усмотрению судебной палаты (ст. 879 УУС).

Интересно то, что комментаторы того времени поясняли, что большой необходимости в вызове указанных лиц нет, поскольку «состав палаты из опытейших юристов может служить ручательство того, что она будет пользоваться этим средством токмо в случаях крайней необходимости, когда без передопроса свидетелей и сведущих людей окажется невозможным разъяснить сомнительные обстоятельства дела»⁴.

Приведенные положения в целом восприняты современным законодательством (гл. 45.1 УПК РФ). Но стоит отметить, что движение в сторону полной апелляции стало более зримым с включением в ст.ст. 389.6 и 389.13 УПК РФ но-

³ Аширбекова М.Т. Принцип публичности уголовного судопроизводства: понятие, содержание и пределы действия: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2009. С. 20.

⁴ Судебные Уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны. Часть вторая. СПб., 1866. С. 316.

вых положений, регламентирующих порядок исследования доказательств в суде апелляционной инстанции⁵. В режиме полной апелляции могут быть проверены: доказательства, исследованные и получившие оценку суда первой инстанции; доказательства, имеющиеся по делу, но проигнорированные судом; новые доказательства, неизвестные на момент рассмотрения уголовного дела в суде первой инстанции.

Понятно, что новые доказательства, которые не были и не могли быть в поле зрения суда первой инстанции, вполне способны изменить картину фактических обстоятельств дела, а также их правовую оценку в суде апелляционной инстанции. Однако сама возможность введения новых доказательств в апелляционное судебное разбирательство также требует активности сторон. Стороны в современной апелляции должны, что называется «на берегу», то есть одновременно с направлением жалобы или представления определиться в своей позиции по поводу того, в режиме неполной или полной апелляции они намерены настаивать на проверке приговора или иного судебного решения (ч. 1.1 ст. 389.6 УПК РФ). В части исследования новых доказательств заявители обязаны обосновать невозможность их своевременного исследования по причинам, не зависящим от самих заявителей (ч. 6.1 ст. 389.13 УПК РФ). Соответственно, убедительность этого обоснования оценивается судом апелляционной инстанции с учетом наличия уважительности причин, из-за которых стороны не смогли добиться исследования этих доказательств в суде первой инстанции. Все эти условия установлены законом с целью побуждения стороны к концентрации доказательств в суде первой инстанции и, соответственно, исключения возможности «атаковать» суд второй инстанции ходатайствами об исследовании новых доказательств и тем самым восполнять собственные упущения в суде первой инстанции. Между тем, такие ситуации случаются.

Государственный обвинитель внес апелляционное представление на приговор в отношении Е.Р.Г., полагая, что суд необоснованно исключил из обвинения подсудимого квалифицирующий признак – сбыт наркотических средств организованной группой. В обоснова-

нии своих требований в суде апелляционной инстанции заявил ходатайство о допросе свидетеля С.А. Ч., допрошенной в ходе предварительного следствия, подтверждающей наличие признаков организованной группы. Суд апелляционной инстанции в удовлетворении ходатайства отказал в связи с тем, что показания С.А. Ч. судом первой инстанции не исследовались, поскольку ни одна из сторон ходатайство об оглашении показаний свидетеля не заявляла⁶.

Очевидно, состояние апелляционной практики исследования доказательств, в том числе и новых, требует объективного изучения. Адвокатское сообщество выражает тревогу о том, что суды апелляционной инстанции игнорируют ходатайства стороны защиты об исследовании таковых, а потому апелляция переродилась в старую кассацию, где проверка законности, обоснованности и справедливости приговора и иных решений предпринималась исключительно по материалам дела⁷.

Представители прокуратуры отмечают, что прокуроры, внося апелляционные представления, не часто заявляют ходатайства о непосредственном исследовании доказательств даже в тех случаях, когда ими ставится вопрос об отмене приговора в связи с несоответствием выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам дела⁸.

В то же время нет оснований утверждать, что суды апелляционной инстанции всегда отказывают в непосредственном исследовании как новых, так и «старых» доказательств. Об этом свидетельствует и судебная практика⁹.

⁶ Решетова Н.Ю., Великая Е.В. Информационно-аналитическая записка о практике применения законодательства, регулирующего производство в суде апелляционной и кассационной инстанции. URL: <http://genproc.gov.ru> (дата обращения: 20.01.2014).

⁷ Доклад Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации «Конституция Российской Федерации и защита прав гражданина (позиция российской адвокатуры)», приуроченный к двадцатилетию Конституции РФ и двадцатилетию работы Федерального Собрания РФ. URL: <http://www.fparf.ru/news/> (дата обращения 17. 01. 2014).

⁸ Решетова Н.Ю., Великая Е.В. Информационно-аналитическая записка о практике применения законодательства, регулирующего производство в суде апелляционной и кассационной инстанции. URL: <http://genproc.gov.ru> (дата обращения: 20.01.2014).

⁹ Приговор Элистинского городского суда Республики Калмыкия от 19 апреля 2013 г. по делу Дармаева С.Д. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения 17. 02. 2014); Апелляционный приговор Московского городского суда от 15 мая 2013 г. по делу № 22–2635/2013 г.; Апелляционный приговор Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда от 1 июля 2013 г. № 33-АПУ13-4. // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Федеральный закон от 23.07.2013 № 217-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и статьи 1 и 3 Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации по вопросам совершенствования процедуры апелляционного производства» // Российская газета. – 2013. – 26 июля.

В известной степени на возможность полной апелляции указывают положения ч. 6 ст. 389.13 УПК РФ в редакции Федерального закона от 23.07.2013 № 217-ФЗ. В них уточняется, что введение в апелляцию новых доказательств, которые не были исследованы судом первой инстанции (новых доказательств), а также вызов в этих целях в судебное заседание свидетелей, экспертов и других лиц разрешается судом в порядке, установленном ч. ч. 1 и 2 ст. 271 УПК РФ. Прежняя же редакция ч.6 ст. 389.13 УПК РФ содержала ссылку в целом на указанную ст.271 УПК РФ, то есть без указания конкретных частей. Очевидно, что четкое указание в ч.6 ст. 389.13 УПК РФ названных частей ст. 271 УПК РФ, преследует цель избежать применения положений части 4 ст. 271 УПК РФ. Между тем эти положения дают некоторый простор для введения новых доказательств, так как устанавливают обязанность суда первой инстанции удовлетворять ходатайства о допросе в судебном заседании лица в качестве свидетеля или специалиста, явившегося в суд по инициативе сторон.

Конечно, можно возразить, сказавши, что апелляционное судебное разбирательство должно иметь изъятия, отличающие его от судебного разбирательства в суде первой инстанции. Собственно в дискреционном усмотрении суда апелляционной инстанции по определению пределов доказывания, а также в нераспространении положений ч.4 ст. 271 УПК РФ на апелляцию и заключаются эти изъятия. Но практика показывает, что в большинстве случаев суды апелляционной инстанции избегают непосредственного исследования доказательств, предпочитая проверку обжалованных решений по материалам дела. В результате постановляются решения, которые новыми назвать нельзя: либо оставляется без изменения обжалованное решение, либо оно отменяется с направлением уголовного дела на новое судебное рассмотрение.

В связи с этим возникает вопрос: а допустимо ли, чтобы новое и итоговое решение суда апелляционной инстанции – апелляционный приговор – было постановлено судом второй инстанции на доказательства, которые непосредственно им не исследованы. Иными словами, можно ли в режиме неполной апелляции суду формулировать новые правоприменительные выводы исключительно посредством изучения и оглашения материалов дела и постановления такой акт правосудия, как приговор?

Ответ на данный вопрос не однозначен. Он, по большому счету, связан с пониманием природы апелляционного производства. Так, одни авторы считают, что постановление нового апелляционного решения вполне возможно и

без полного «перерассмотрения» уголовного дела. «Исследованные, согласно протоколу заседания суда первой инстанции, доказательства воспринимаются судом апелляционной инстанции как состоявшаяся данность, они лишь проверяются, поскольку именно о проверке доказательств идет речь в ч. 4 ст. 389.13 УПК РФ. Если они не признаются недопустимыми, то подлежат оценке судебной коллегией в совещательной комнате наряду с новыми доказательствами, представленными сторонами и исследованными в судебном заседании апелляционной инстанции, так, как они подлежали исследованию в суде первой инстанции»¹⁰.

В то же время авторы этой позиции признают, что в определенных случаях требуется исследование доказательств, установление фактических обстоятельств дела заново или их верная юридическая оценка, что необходимо для постановления нового решения. Но при этом отмечают сложность повторного исследования доказательств, в том числе повторных допросов свидетелей, потерпевших, подсудимых, вызываемой проблемами обеспечения явки перечисленных лиц в судебное заседание суда апелляционной инстанции¹¹.

В целом в приведенных позициях, конечно же, не исключается проверка оспоренных «старых» доказательств, новых доказательств и дополнительных материалов. Обращает внимание другое: акцентирование значения оценки судом всех доказательств в именно совещательной комнате, а это означает отстаивание принципиального видения сущности апелляции именно как проверки доказательств. Собственно, на проверку доказательств как содержания деятельности суда апелляционной инстанции указывалось в прежнем законодательстве (ч. 4 ст. 365 УПК РФ), указывается и в действующем законодательстве (ч. 4 ст. 389.13 УПК РФ).

Эта позиция находит поддержку и у других ученых. Так, Л.А. Воскобитова отмечает: «Апелляционная инстанция не является судом, рассматривающим дело по существу. Это вышестоящая и проверяющая инстанция. Она осуществляет функцию судебного контроля правосудности решений нижестоящего суда. И эта ее природа не меняется даже тогда, когда

¹⁰ Аверкин А.И., Кудрявцева А. В., Смирнов В. П. Проверка и исследование доказательств в суде апелляционной инстанции. URL:http://www.chel-oblsud.ru/?html=smi_210113&nid=1090.

¹¹ Апелляция: реалии, тенденции и перспективы: материалы Всероссийской межведомственной научно-практической конференции к 75-летию Нижегородского областного суда (г. Нижний Новгород, 24–25 октября 2013 г.) М.: «Актион-Медиа», 2013. С. 104.

она отменяет приговор первой инстанции и выносит апелляционный приговор. Решение апелляционной инстанции – это всегда оценка правосудности решения, принятого судом первой инстанции»¹².

Данная позиция высвечивает такую сторону спора, о которой у нас не принято говорить, хотя она – верная. Это отмеченный нами ранее, на примере ст. 167 УУС, подспудный спор между стороной, обжаловавшей судебное решение, и судьей (судом), постановившим это решение. При таком подходе понимание апелляции как судебного контроля оправдано. Однако, на наш взгляд, уместнее говорить о судебном надзоре, а не о судебном контроле. В данном случае, понятие «судебный надзор» использовано нами в понятии проверки и пересмотра судом вышестоящей инстанции решений суда нижестоящей инстанции. Для обозначения этой деятельности автором этой статьи предлагалось понятие внутрисудебной проверки приговора как мягкой версии понятия «судебный надзор»¹³.

Судебный контроль, оформляющий действие системы «сдержек и противовесов» в условиях разделения ветвей власти, предпослан для ограничения органов исполнительной власти, к которой, по сути, относятся органы предварительного расследования. Судебные решения, понятно, – решения органов судебной власти, поэтому предметом судебного контроля они, как думается, быть не могут по определению.

На наш взгляд, судебный надзор или в иной терминологии – судебный контроль, не заполняют полностью апелляционное производство. В нем есть место и основания для рассмотрения и разрешения уголовного дела по существу в сочетании с предпринятой судом апелляционной инстанции проверкой обжалованного судебного решения, включая доказательства, на основе которых это решение было постановлено. Подобное суждение высказывается К.А. Комогорцевой. Она считает, что постановление апелляционного приговора всегда должно основываться на непосредственном исследовании всех доказательств, как ранее оцененных судом первой инстанции, так и новых¹⁴.

Представляется, что только полная апелляция – гносеологическая основа для постановления нового приговора судом апелляционной инстанции. Это обусловлено особостью приговора как акта правосудия. Особость приговора подчеркивается, в частности, тем, что он – единственный из числа процессуальных актов, выделенный на конституционном уровне, например, в положениях о презумпции невиновности (ст. 49 Конституции РФ). Требования к качеству, содержанию и порядку постановления приговора, тщательно выписаны в уголовно-процессуальном законе (гл.39 УПК РФ). И все потому, что в нем разрешается основной вопрос – наличие или отсутствие основного же уголовно-правового отношения, включая доказанность вины подсудимого.

Если же полагать, что проверка доказательств или же судебный контроль – неизменный и незаменимый путь к постановлению приговора, то нивелируются различия между формами реализации судебной власти, а также между приговором как актом правосудия и другими процессуальными решениями.

Очевидно, особенность апелляционного производства заключается в ситуационном сочетании неполной, ограниченной и полной видов апелляции, что, соответственно, означает: 1) проведение проверки доказательств, только отраженных в материалах уголовного дела без их непосредственного исследования; 2) непосредственное исследование только новых доказательств; 3) полное непосредственное исследование «старых» и «новых» доказательств.

Понятно, что каждый из этих видов апелляции может иметь место, исходя из обстоятельств дела, притязаний и доводов заявителей, усмотрения суда. Как и в любой проблемной точке регламентации уголовного процесса, в апелляции все сводится, в конечном итоге, к балансу частных и публичных интересов.

Возвращаясь к Уставу уголовного судопроизводства 1864 года, отметим, что судебная палата могла исследовать новые доказательства не только по ходатайству, но и по собственной инициативе (ст.879 УУС). Нормы ст. 389.13 УПК РФ в части регламентации судебного следствия не содержат такого положения. Напротив, установление причин того, почему сторона не смогла своевременно предоставить в суд первой инстанции доказательства, само по себе становится обособленным предметом проверки, некоей первой ступенью по пути к полной апелляции.

Между тем, собственная инициатива суда по Уставу уголовного судопроизводства объяснялась с позиции действия правила о непосредственности, так как это давало «возможность лучше и тщательнее вникнуть в существо дела

¹² Апелляция: реалии, тенденции и перспективы: материалы Всероссийской межведомственной научно-практической конференции к 75-летию Нижегородского областного суда (г. Нижний Новгород, 24–25 октября 2013 г.) М.: «Акцион-Медиа», 2013. С. 37–38.

¹³ Аширбекова М.Т. Принцип публичности уголовного судопроизводства: понятие, содержание и пределы действия: автореф. дисс. ... д-ра юрид.наук – Екатеринбург, 2009. С. 298.

¹⁴ Комогорцева К.А. Рассмотрение уголовных дел в апелляционном порядке по уголовно-процессуальному законодательству Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид.наук. М., 2013. С. 30–31.

и основывать свое мнение о некоторых его обстоятельствах на личном наблюдении состояния и до некоторой степени самих свойств подследственного и свидетелей»¹⁵.

Очевидно, требовать от суда апелляционной инстанции проявления собственной инициативы в исследовании вопросов факта – не выход. Но она и не запрещена, так как законодатель допускает ревизионную проверку (ч.1 ст. 389.19 УПК РФ). В то же время, надо согласиться с тем, что суд апелляционной инстанции не должен брать на себя бремя выполнения тех действий, которые подлежали выполнению судом первой инстанции.

Оптимальным видится путь поощрения сторон к активности. И если стороны таковую активность проявили, настаивая на проверке «старых» и «новых» доказательств, то, понятно, суд апелляционной инстанции должен обсудить этот вопрос. Потому же, отказывая в удовлетворении соответствующего ходатайства, суд должен мотивировать, почему не видит необходимости в таковой проверке. Но сможет ли суд апелляционной инстанции предвидеть, как «отзовется» новое доказательство? Думается, что не во всех случаях это достижимо.

Поэтому, получив мотивированный отказ в удовлетворении ходатайства, сторона имеет возможность кассационного обжалования апелляционного решения в связи с существенным нарушением норм уголовно-процессуального закона. Волгоградский областной суд отменил апелляционное постановление Еланского районного суда, которым приговор мирового судьи был оставлен без изменения, а апелляционная жалоба осужденного П. – без удовлетворения. При рассмотрении апелляционной жалобы П. на приговор мирового судьи судебного участка № 126 Волгоградской обла-

сти суд апелляционной инстанции не огласил показания потерпевших и свидетелей; не проверил имевшие значения для установления фактических обстоятельств новые доказательства (документы) и отказал в вызове свидетелей, на исследовании которых настаивал заявитель в своей апелляционной жалобе¹⁶.

Безусловно, кассационное обжалование решений суда апелляционной инстанции остается резервным способом судебной защиты интересов сторон. Но этот способ увеличивает сроки рассмотрения уголовного дела. На наш взгляд, приемлемым является распространение на апелляцию действия ч.4 ст. 271 УПК РФ, согласно которой суд не вправе отказать в удовлетворении ходатайства о допросе в судебном заседании лица в качестве свидетеля или специалиста, уже явившегося в суд по инициативе сторон. Именно так, как ранее отмечено, решался вопрос по Уставу уголовного судопроизводства. Ожидать всплеска активности сторон по реальному обеспечению явки свидетелей и специалистов вряд ли есть большие основания. Известно, что и для суда первой инстанции обеспечение явки свидетелей – большая проблема, вызывающая неоднократные отложения судебного заседания.

Но положения ч.4 ст. 271 УПК РФ, на наш взгляд, могут быть точкой баланса между двумя полюсами регулирования полной апелляции. Между дискреционным усмотрением, реализуемого судом в целях «отсева» необоснованных, а иногда и просто абсурдных ходатайств, и трудоемкой активностью сторон, стремящихся привлечь внимание суда апелляционной инстанции на новые доказательства или доказательства, проигнорированные судом первой инстанции и противоречащие, по мнению стороны, его выводам в обжалованном приговоре или ином решении.

Библиография

1. Судебные Уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны. Часть вторая. СПб., 1866.
2. Кони А.Ф. История развития уголовно-процессуального законодательства в России. СПб, 1907.
3. Аширбекова М.Т. Принцип публичности уголовного судопроизводства: понятие, содержание и пределы действия: автореф. дис. ... д-ра юрид.наук. Екатеринбург, 2009.
4. Решетова Н.Ю., Великая Е.В. Информационно-аналитическая записка о практике применения законодательства, регулирующего производство в суде апелляционной и кассационной инстанции. URL: <http://genproc.gov.ru> (дата обращения: 20.01.2014).

¹⁵ Судебные Уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны. Часть вторая. СПб., 1866. С. 316–317.

¹⁶ Обзор кассационной (надзорной) практики судебной коллегии по уголовным делам Волгоградского областного суда за первое полугодие 2013 года. Утв. постановлением Президиума Волгоградского областного суда 9 октября 2013 года. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://oblsud.vol.sudrf.ru/> (дата обращения: 15. 12. 2013).

5. Аверкин А.И., Кудрявцева А. В., Смирнов В. П. Проверка и исследование доказательств в суде апелляционной инстанции. URL:http://www.chel-oblsud.ru/?html=smi_210113&nid=1090
6. Воскобитова Л.А. Апелляция-принципально новый институт в уголовном судопроизводстве // Апелляция: реалии, тенденции и перспективы: материалы Всероссийской межведомственной научно-практической конференции к 75-летию Нижегородского областного суда (г. Нижний Новгород, 24–25 октября 2013 г.) М.: «Актион-Медиа», 2013. С. 35–42.
7. Комогорцева К.А. Рассмотрение уголовных дел в апелляционном порядке по уголовно-процессуальному законодательству Российской Федерации: автореф. дисс. ... канд. юрид.наук. М., 2013.
8. Воскобитова Л.А. Конституционные основы апелляции в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы российского права. – 2013. – 12. – С. 1619–1624.
9. Быков В. М. Новый закон о судах общей юрисдикции в Российской Федерации: научный комментарий (Часть 3) // Право и политика. – 2012. – 2. – С. 300–304.

References

1. Sudebnye Ustavy 20 noyabrya 1864 goda, s izlozheniem rassuzhdenii, na koikh oni osnovany. Chast' vtoraya. SPb., 1866.
2. Koni A.F. Istoriya razvitiya ugovolno-protssessual'nogo zakonodatel'stva v Rossii. SPb, 1907.
3. Ashirbekova M.T. Printsip publichnosti ugovolnogo sudoproizvodstva: ponyatie, sodержanie i predely deistviya: avtoref. dis. ... d-ra yurid.nauk-Ekaterinburg, 2009.
4. Reshetova N.Yu., Velikaya E.V. Informatsionno-analiticheskaya zapiska o praktike primeneniya zakonodatel'stva, reguliruyushchego proizvodstvo v sude apellyatsionnoi i kassatsionnoi instantsii. URL: <http://genproc.gov.ru> (data obrashcheniya: 20.01.2014).
5. Aверкин А.И., Кудрявцева А. В., Смирнов В. П. Проверка и исследование доказательств в суде апелляционной инстанции. URL:http://www.chel-oblsud.ru/?html=smi_210113&nid=1090
6. Воскобитова Л.А. Апелляция-принципально новый институт в уголовном судопроизводстве // Апелляция: реалии, тенденции и перспективы: материалы Всероссийской межведомственной научно-практической конференции к 75-летию Нижегородского областного суда (г. Нижний Новгород, 24–25 октября 2013 г.) М.: «Актион-Медиа», 2013. С. 35–42.
7. Комогорцева К.А. Рассмотрение уголовных дел в апелляционном порядке по уголовно-процессуальному законодательству Российской Федерации: автореф. дисс. ... канд. юрид.наук. М., 2013.
8. Воскобитова Л.А. Конституционные основы апелляции в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы российского права. – 2013. – 12. – С. 1619–1624.
9. Быков В. М. Новый закон о судах общей юрисдикции в Российской Федерации: научный комментарий (Часть 3) // Право и политика. – 2012. – 2. – С. 300–304.

Материал поступил в редакцию 23 февраля 2014 г.

ABOUT THE AUTHORS, ANNOTATIONS AND KEYWORDS

Criminal Process according to the Charter of Criminal Judicial Proceedings of 1864 in the works of scientists of the Department of Criminal Procedural Law of the Kutafin Moscow State Law University

HOHRYAKOV, Maksim Aleksandrovich – PhD in Law, Lecturer of the Department of Criminal Procedural Law of the Kutafin Moscow State University
mr.ta6y@gmail.com
123995, Russia, Moskva, Sadovaya-Kudrinskaya, 9.

Review: In 2014 the Russian legal community celebrates the 150th anniversary from the day when the Charter of Criminal Judicial Proceedings of the Russian Empire was adopted. The provisions of the Charter changed the criminal process, and they were so radical and novel, that they are still the object of studies for the renown procedural scholars, including members of the Department of Criminal Procedural Law of the Kutafin Moscow State Law University. One of the first scientists, who has studied the Charter was M.A. Cheltsov. Later P.A. Lupinskaya also turned to the Charter in her work. Currently the scientist continue using the experience of the Charter of 1864. The studies of T.Y. Maksimova devoted to the stage of assigning the judicial hearings provide detailed analysis of the issue of the proceedings at this stage according to the Charter. The scientific works of S.A. Nasonov also provided a complex study of various aspects of jury trial according to the Charter of Criminal Judicial Proceedings of 1864, including specific features of judicial investigation, specific features of instructing speech to the jurors, and verdict of the jurors. The works of Nichiporenko (Vilkova) T.Y. included in depth studies of the issue of composition of the court in the proceedings on criminal cases, correlation of individual and collegiate elements in the court activities in the period after the reform. The associate professor of the Department of Criminal Procedural Law of the Kutafin Moscow State Law University A.I. Panicheva studied various aspects of introduction of the appeals for the courts of all levels into the criminal proceedings in Russia, including the experience of the Charter of Criminal Judicial Proceedings of 1864. It should also be noted that the Charter had a significant influence upon the development of the Russian law and the law of the foreign states. For example, A. M. Panokin noted the influence of the Charter of 1864 upon the Bulgarian legislation.
Keywords: the Charter of Criminal Judicial Proceedings, criminal process, criminal judicial proceedings, assigning a judicial hearing, jurors, composition of the court, evidence law, appeals, activities of prosecutors, Bulgarian law.

The fundamentals of the criminal judicial proceedings of the justices of peace at the time when the Charter of Criminal Judicial Proceedings of 1864 was in force

VILKOVA, Tatiana Yurievna – PhD in Law, Associate Professor of the Department of Criminal Procedural Law, Kutafin Moscow State Law University
darahvelidze@yandex.ru
123995, Russia, Moskva, Sadovaya-Kudrinskaya, 9.

Review: The article concerns the activities of the justices of peace in Russia in 1864-1917. The author substantiates the position that proceedings of the justices of peace on criminal cases corresponded to the general principles of criminal judicial proceedings: directness, oral nature, and openness of judicial proceedings, freedom in evaluation of evidence. At the same time, there were specific features in criminal proceedings by justices of peace, due to the need for the fast resolution of cases "of little importance", such as absence of distinction between pre-trial and trial investigation, broader competence of police on cases within the jurisdiction of justices of peace, fast "hearing examination" of a case, absence of obligatory representation of the institutional accuser, much independence of the parties, possibility for the sentence in absentia. The study is based upon

the analysis of judicial charters of 1864 (The Charter of Criminal Judicial Proceedings, Establishment of Judicial Institutions, Charter on Punishments Assigned by Justices of Peace), the Law of July 12, 1889 on the reform of local peasants' institutions and judicial department in the Empire and the relevant Rules of December 29, 1889, as well as the statistical data on justices of peace in the period after the reform. Based upon the said analysis the author shows genesis and evolution of the institution of justices of peace as a part of judicial system of pre-Revolution Russia, where their activities were based on the general principles of judicial proceedings and aimed at the guarantees of fast simplified and efficient proceedings on criminal cases which would closely correspond to the needs of the people.

Keywords: justice of peace, court of justices of peace, the Charter of Criminal Judicial Proceedings, Establishment of Judicial Institutions, judicial reform, principles, the Russian Empire, judicial competence, local court, the assembly of justices of peace.

Role of the chairperson in the formation of the inner conviction of the jury in a case and prevention of illegal influence on the jury: comparative legal analysis of the norms of the Charter of Criminal Judicial Proceedings of 1864 and the Criminal Procedural Code of the Russian Federation

MAKSIMOVA, Tatiana Yurievna – PhD in Law, Associate Professor of the Department of Criminal Procedural Law of the Kutafin Moscow State Law University
maximova777@yandex.ru
123995, Russia, Moskva, Sadovaya-Kudrinskaya, 9.

Review: The article is devoted to the comparative legal analysis of the norms of the Charter of Criminal Judicial Proceedings of 1864 and the Criminal Procedural Code of the Russian Federation on the role of the chairperson in the formation of the inner conviction of the jury in a case and prevention of illegal influence on the jury. The article concerns the issue of formation of the inner conviction and what is "illegal influence" upon the jurors, because it is often one of the grounds for termination of the judgment of the court based upon the jury verdict by a higher court. The norms, which are aimed to limit illegal influence on jurors according to the Charter are divided into two aspects: organizational measures and the measures involving judicial hearings. The introductory claims of the parties, interrogation, oral arguments of the parties, instructing speech of a presiding judge are viewed from the standpoint of the formation of the inner conviction of the jurors in a comparative aspect between the Charter of Criminal Judicial Proceedings and the Criminal Procedural Code of the Russian Federation. The author uses the method of comparative legal analysis of the norms of the Charter of Criminal Judicial Proceedings of 1864 and the Criminal Procedural Code of the Russian Federation on the role of presiding judge in the formation of the inner conviction of jurors regarding their position on a case. The author makes a conclusion that the procedural mechanisms in the Charter of Criminal Judicial Proceedings of 1864 and the Criminal Procedural Code of the Russian Federation guaranteeing participation of the chairperson in the formation of the inner conviction of the jury in a case and prevention of illegal influence on the jury have both similar and dissimilar features, which is of much importance for the scientific development in the sphere of modern criminal process.

Keywords: introductory speech, inner conviction, illegal influence, trial by jury, chairperson, the Charter of Criminal Judicial Proceedings of 1864, evidence, interrogation, oral pleadings of the parties, instructing speech.

Genesis and evolution of the model of judicial proceedings for trials by jury in Russia: from the the Charter of Criminal Judicial Proceedings of 1864 to the Criminal Procedural Code of the Russian Federation

NASONOV, Sergey Aleksandrovich – PhD in Law, Associate Professor of the Department of Criminal Procedural Law, Kutafin Moscow State Law University
sergei-nasonov@narod.ru
123995, Russia, Moskva, Sadovaya-Kudrinskaya, 9.

Review: In the 2nd half of the XIX century the legislatively provided judiciary model in Russia was of combined (mixed) character. It combined the elements of Anglo-American and Continental models of judiciary. In its lengthy development one may single out three stages: the model of proceedings for trial by jury under the Charter of Criminal Judicial Proceedings of 1864; the model of criminal proceedings under the Criminal Procedural Code of the RSFSR (ed. Law of 16.07.1993); model of criminal judicial proceedings under the Criminal Procedural Code of the Russian Federation of 2001. Analysis of the proceedings in the court trials by jury under the Charter of Criminal Judicial Proceedings of 1864 shows, that it includes elements of the Anglo-American

system (the adversary system, institution of the instructing speech, etc.) and the elements of the Continental model (the system of posing several questions, division of the judicial investigation and oral arguments of the parties, etc.). The comparative analysis of the models of trial by jury according to the Charter of Criminal Judicial Proceedings of 1864, the Criminal Procedural Code of the RSFSR and the Criminal Procedural Code of the Russian Federation allows to draw two conclusions. Firstly, the models of trial by jury in the Criminal Procedural Code of the RSFSR and the Criminal Procedural Code of the Russian Federation provide for reception of the model of judicial proceedings of the Charter. The similar features include the structure of judicial hearing (quantity, contents and sequence of stages), system of posing the questions to the jurors, requirements to the contents of the instruction speech of the chairman, qualities of the verdict of the jurors, etc. The differences are due to the new contents of some modern principles of criminal judicial proceedings (for example, the requirement for single situation of possible disagreement of a presiding judge with the verdict of jurors. Secondly, the problems appearing at all the three stages of evolution of the trial by jury in Russia are also the same. The study of the experience of their solution allows to optimize the current legislative regulation and the practice of the proceedings in the Russian court in trial by jury and to define the vector for its further development.

Keywords: trial by jury, jurors, presiding judge, instruction speech, verdict of jurors, Charter of Criminal Judicial Proceedings, adversarial nature, judicial investigation, posing questions for jurors, criminal defendant.

Posing questions to the jurors according to the Charter of Criminal Judicial Proceedings.

MARKOVA, Tatiana Yurievna – PhD in Law, Senior Lecturer of the Department of Criminal Procedural Law, Kutafin Moscow State Law University
tatjana_markova@mail.ru
123995, Russia, Moskva, Sadovaya-Kudrinskaya, 9.

Review: The article provides for the differences between the Anglo-American and Continental systems of posing questions to the jurors. The author studies the causes for the introduction of the stage of posing question to the board of jurors into the Russian criminal process and evaluates positive and negative features of inclusion of this stage of judicial proceedings. The author analyzes the grounds for posing questions to the jurors, the rights of the court and the parties, procedure and cases, when the conclusions of an accusation may be changed, as well as the consequences of the failure to comply with the existing procedure for the changes in the charge brought against a criminal defendant. The author provides the position of the pre-Revolution lawyers on how the judicial investigation and final arguments of the parties may change or amend the conclusions of an accusation. The author refers to the decisions of the Cassation Senate, which provided guidelines for the courts on how the discrepancy between some elements of a criminal act according to the accusation and the criminal law may be resolved. The author defines and discusses the requirements to the contents and formulations of the questions, which were posed to the board of jurors, noting the cases, when it was prohibited to combine several questions into one. Finally, at the end of the article the author analyzes the right of parties and jurors to petition on amendments and changes into the list of questions, as well as the competence of the court regarding such petitions.

Keywords: the Charter of Criminal Judicial Proceedings, jurors, the list of questions, grounds for posing questions, changes in the accusation, liability mitigation, liability aggravation, the order of posing questions, changes in the list of questions, the Cassation Senate.

Grounds for the appeals on the judgment according to the Charter of Criminal Judicial Proceedings of 1864.

PANOKIN, Aleksandr Mikhailovich – PhD in Law, lecturer of the Department of Criminal Procedural Law, Kutafin Moscow State Law University
brucecod@yandex.ru
123995, Russia, Moskva, Sadovaya-Kudrinskaya, 9.

Review: The article provides the study of the system of appeals to the judicial decisions, which appeared in the pre-Revolution Russia due to the judicial reform of 1860s. The author studies the grounds for the appeals review of the judicial decisions of justices of peace and district courts, prior to their entry into force (non-final decisions). The grounds for appeal are divided into procedural and material legal ones. Special attention is paid to the types of decisions of the court of appeals. The author provides comparative legal characteristics of the grounds for the appeals and the causes (bases) for termination of final decisions via cassation. The article uses decisions of the Criminal Cassation Department of the Governing Senate, scientific works of the

pre-Revolution scholars and legal practitioners (I.Y. Foyntskiy, S.Y. Viktorskiy, V.K. Sluchevskiy, L.Y. Tauber). The author draws a conclusion on the results of the reform of judicial appeals of 1864 and the possibility of use of its experience in the current reforms of the Russian criminal judicial procedure.

Keywords: judicial reform, the Charter of Criminal Judicial Proceedings of 1864, appeals, challenging the decision of a court on a criminal case, grounds for appeal, procedural grounds, material legal grounds, review of a judicial case, grounds for cassation review, court of appeals.

Genesis of an idea on differentiation of an approach to the juveniles from the Charter of Criminal Judicial Proceedings to the Criminal Procedural Code of the Russian Federation

MATVEEV, Sergey Vladimirovich – PhD in Law, Associate Professor of the Department of Criminal Procedural Law, Kutafin Moscow State Law University
elenasha14@yandex.ru
123995, Russia, Moskva, Sadovaya-Kudrinskaya, 9.

Review: The article concerns the criminal procedural specificities of the development of the Russian legislation regarding juveniles violating criminal prohibitions. The author regards this issue starting with the Charter of Criminal Judicial Proceedings of 1864 to the Criminal Procedural Code of the Russian Federation. The author substantiates the following periods in the legislation regarding the juveniles, which are due to the leading attitude to children in a state (punitive or protective). The author pays special attention to the Law of July 2, 1897, and its value for the formation of the Juvenile Courts. The pre-Revolution period is from 1864 to 1917, the Soviet period (first one lasting from 1918 to 1935, second one lasting from 1935 to 1957, the third one lasting from 1958 to 1991) and the current period (from 1991 to current time). The author makes a conclusion that the Criminal Procedural Code of the Russian Federation did not totally overcome a punitive tendency, while there are prerequisites for the implementation of a humanistic, restorative approach to a child, creation of friendly justice, based on respect to the rights of child and due regard to age of a child, his maturity and understanding of the circumstances of the case.

Keywords: legislative periods, procedural guarantees to children, differentiation of a procedural form, court, criminal judicial procedure, legislative genesis, juveniles, juvenile justice, friendly justice, international standards.

Historical analysis of the problems of interpretation of the norms of criminal procedural law

FRANTSIFOROV, Yuri Viktorovich – Doctor of Law, Professor of the Department of Criminal Process of the Saratov State Law Academy
Franciforov@mail.ru
410028, Russia, Saratov, ul. Chernyshevskogo, 135.

Review: The object of studies in this article includes theoretical sources, reflecting the nature of interpretation of criminal procedural norms, specifying the procedure and results of interpretation, as well as the legislative acts regulating criminal procedural relations, causing complications in legal practice, ambiguous and unclear situations requiring interpretation. Currently in spite of detailed regulation of criminal law relations, the Criminal Procedural Code of the Russian Federation is not a fully comprehensive act, which could be characterized by logical completeness covering all of the spheres of activities in criminal law proceedings. The Criminal Procedural Code of the Russian Federation includes both internal and inter-systemic contradictions and gaps, which are being dealt with by various means, forms and methods. Interpretation of criminal procedural law in order to clarify its contents and establishing the will of the legislator plays a primary role among such means. In the process of studies the author used general scientific dialectic provisions on general, particular and specific elements, as well as methods of cognition, such as analysis and synthesis, formal logical and historical legal method. The scientific novelty of the article is due to uncovering an important problem in the sphere of criminal judicial proceedings and use of novel approaches to its resolution. The experience of the pre-Revolution procedural law scholars was successfully used in the drafting of the Charter of Criminal Judicial Proceedings of 1864, the Criminal Procedural Code of the RSFSR of 1922, 1923 and 1960, as well as the Criminal Procedural Code of the Russian Federation keeps serving Russia in the matter of improvement of criminal procedural legislation, and its interpretation may only be successful, when it corresponds to its purpose.

Keywords: interpretation problem, normative legal acts, historical periods, the Charter of Criminal Judicial Proceedings, the law-enforcement activity, inter-systemic contradictions, gaps, regulation of legal relations, criminal procedural legislation, judicial interpretation.

Conflict of interests in the Russian criminal procedural law from the standpoint of its historical development

KORNUKOV, Vladimir Mikhailovich – Doctor of Law, Professor of the Department of Criminal Procedure and Forensic Studies of the Tolyatti State University
vm-kornukov@rambler.ru
445667, Russia, Tolyatti, ul. Belorusskaya, 14.

Review: *In the article based upon the analysis of the norms of the Charter of Criminal Judicial Proceedings of 1864 and the current criminal procedural legislation of Russia the author studies the issues of legal regulation of correlation of competences of the parties, balance of legal guarantees of their procedural interests in implementation of the criminal procedural activities. It is stated that on one hand the adversarial element forms the possibility for the main participants of the process (the parties) to actively influence the process and results of criminal procedural activities, but on the other hand it forms the conflict of interests of these participants from the standpoint of their procedural guarantees. From this standpoint the author views the lately adopted provisions and legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation regarding the improvement of legal regulation of the return of the criminal cases to the prosecutor for additional investigation. The author uses dialectic legal method with the use of analytic, historical and comparative legal methods of studies. The author provides statistical data, interview data and the information sources. The article demonstrates a novel approach towards characteristics of the conflicts of legislative regulation of competences of parties in the criminal proceedings, and the legal guarantees of balance of their procedural interests. The author makes a conclusion that de facto the institution of additional investigation on criminal cases was returned to the Criminal Procedural Code of the Russian Federation, and this type of activity can hardly be called special procedure of criminal proceedings, which is supposed not to be identical to its return for additional investigation (Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of July 2, 2013). It is stated that the search for the balance in the guarantees of procedural interests of the parties should not be implemented via taking turns in non-proportionate changes in the procedural capabilities of the participants of criminal judicial proceedings and the order for their use, causing limitation of rights and lawful interests of these legal subjects, while in many cases mistakes and violations of law by the preliminary investigation bodies (including those due to the lack of professional training of its staff) lay at the root of many conflict situations. It is recommended to abolish or minimize the primary factors for such conflicts, and then regulate the mechanism for the interaction between the parties and the court in the process of criminal procedural activities. The article concerns some topical issues regarding the stage of initiation of a criminal case.*

Keywords: *the Charter of Criminal Judicial Proceedings, adversarial and conflict nature, regulation of competence, conflict of interests of the parties, initiation of a criminal case, institution of additional investigation, balance of procedural interests, causes of conflicts of interests, ways to avoid conflicts, professional training of an investigator.*

Once again on the objective truth and active role of court in a criminal process

SCHWARTZ, Olga Albertovna – PhD in Law, Consultant on Legal Programs of the World Bank
olga_schwartz@mail.ru
121069, Russia, Moskva, Bolshaya Molchanovka, d.36/1.

Review: *Due to the introduction into the State Duma of the draft Federal Law “On amendments to the Criminal Procedural Code of the Russian Federation due to introduction of the institution of establishing the objective truth in a criminal case” and the statement in its explanatory note that the requirement on finding objective truth in a criminal process is traditional for Russia and provided for by the Charter of Criminal Judicial Proceedings of 1864, the author provides analysis of the text of the Charter of Criminal Judicial Proceedings, explanatory note and commentary to it, as well as scientific works of the renowned lawyers of the time in order to find out the attitude of the drafters of the Charter towards establishment of objective truth, adversarial character and active role of court in the process. In the process of writing the article the author employed the standard methods for the legal studies: analytic, historical legal and comparative legal methods. Based upon the studies of the above-mentioned sources the author makes a conclusion that at that time a number of leading lawyers supported the position, according to which legal cognition is probabilistic, and there was a concept of criminal judicial authenticity. The Charter of Criminal Judicial Proceedings referred to the need to achieve material truth as opposed to the pre-existing principle of achieving a formal truth, that is the need to prove guilt of a criminal defendant at any cost. The drafters of the Charters required that judges provide scrupulous analysis of evidence presented by the parties in adversarial process*

in accordance with their inner conviction. At the same time, there was a negative attitude towards overly active role of the presiding judge in the Criminal Procedural Code of France.

Keywords: *the Charter of Criminal Judicial Proceedings, objective truth, adversarial process, equal rights of parties, presumption of innocence, criminal process, formal evaluation of evidence, inner conviction of a judge, active role of a court, judicial investigator.*

The institution of returning criminal cases for additional investigations: pro and contra arguments

BALAKSHIN, Viktor Stepanovich – Doctor of Law, Professor of the Department of Criminal Process of the Urals State Law Academy
up@usla.ru
620034, Russia, Ekaterinburg, ul. Kolmogorova, 54.

Review: *The article concerns the problems of return of the institution of additional investigation into the current Criminal Procedural Code of the Russian Federation. The published articles of the authors speaking against the institution of return of cases by the court for the additional investigation provide only the arguments against preservation of this institution. This article offers a more objective analysis of positive and negative features of this institution. The author provides detailed analysis of the positions of such authors, as B.Y. Gavrillov, V.A. Lazarev, etc., providing counter-arguments in support of the need to provide for the institution of return of cases by the court for the additional investigation in the criminal procedural legislation. The author expresses some ideas after studying the existing grounds for return of cases by the court for the additional investigation, offering to formulate other grounds, allowing for the correction of mistakes and violations by the investigative bodies within the reasonable period of time. The comparative analysis of the Charter of Criminal Judicial Proceedings of 1864 and the current criminal procedural legislation involves the methods of historic analysis and comparative legal studies. The article formulates additional arguments in favor for the return of the institution of the additional investigation into the Criminal Procedural Code of the Russian Federation. Based upon the analysis of the arguments of the authors calling for the abolition of this institution in the Russian procedural law, the author provides theoretical and logical arguments proving the possibility and need for reanimation of this institution in the Russian criminal procedural law. These conclusions are supported by the statistics on return of criminal cases by the courts, when in the course of additional investigation the violations were eliminated and the rights and interests of participants of the process were restored, so the case was resolved by a court within the reasonable period of time. The conclusion is that there is need for an in depth study of this institution and clarification of the grounds for the of return of cases by the court for the additional investigation in the Russian criminal process.*

Keywords: *criminal process, institution of return of cases, grounds for the return of cases, arguments against, reasonable period, rights and freedoms, arguments in favor, comparative analysis, formulation of the grounds, causes of return.*

Functions of the prosecutor in the criminal judicial proceedings (the past and the modern time: some lessons of the Judicial Reform of 1864)

YASTREBOV, Vladislav Borisovich – Doctor of Law, Professor of the Department of Criminal Process, Justice and Prosecutor Supervision of the Law Faculty of the Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Merited Lawyer of the Russian Federation
18031937@rambler.ru
119991, Russia, GSP-1, Moskva, Leninskie gory, d.1, korp 13-14 (4 uchebnyi korpus).

Review: *The article concerns the functions of the prosecutor in the criminal process as an important and necessary element of the guarantees of human rights. These functions are defined as an obligation of a prosecutor official to perform certain types of procedural activities reflecting the public law purpose of the prosecution in the sphere of guarantees of lawfulness in investigation of crimes and criminal judicial proceedings in court. The author provides comparative legal analysis of the competence of a prosecutor in current Russian legislation and the Charter of Criminal Judicial Proceedings of 1864, Establishment of Judicial Institutions of the Russian Empire. The author analyzes the results of the Judicial Reform of 1864, which provided for the formation of the Russian school of public prosecutors. The methodology of the comparative historical legal studies was formed by the dialectic method and the general and special cognition methods, which were based upon it. The scientific novelty of the article is due to the original view of the author of the existing problems in the sphere of guarantees of lawfulness in the Russian criminal judicial proceedings and role of prosecutor in such guaran-*

tees. He provides an analysis substantiated with the studies of criminal procedural legislation of the Russian Empire and the modern Russia, stating that there is need to use the existing positive experience in the sphere of prosecutor activities, he also provides additional arguments regarding mistaken character of the novelties in the Federal Law of June 5, 2007 N. 87-FZ "On Amendments into the Criminal Procedural Code of the Russian Federation" and the Federal Law "On the Prosecution of the Russian Federation" which considerably abridged the competence of the prosecutor.

Keywords: competence of a prosecutor, criminal process, Establishment of Judicial Institutions of the Russian Empire, the Charter of Criminal Judicial Proceedings of 1864, Judicial Reform, criminal prosecution, public prosecutor, the Criminal Procedural Code, Prosecutor-General, preliminary investigation body.

On the improvement of principles of criminal judicial proceedings

HIMICHEVA, Olga Viktorovna – Doctor of Law, Professor of the Department of Criminal Process of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
olga-him@mail.ru

117437, Russia, Moskva, ul. Akademika Volgina, 12.

HIMICHEVA, Galina Petrovna – Doctor of Law, Professor of the Department of Law, Moscow Pedagogical State University

olga-him@mail.ru

119991, Russia, Moskva, ul. Malaya Pirogovskaya, d.1, str.1.

Review: The object of studies concerns the modern condition of the system of principles of criminal judicial proceedings and the directions for its improvement, which are due to the changes in the social and political life of the state, as reflected by the criminal procedural law. The correction of this system as a whole and certain principles of criminal judicial proceedings in particular requires a balanced approach, which is based upon substantial theoretical studies. It is doubtful that the provisions lacking conceptual character for the criminal judicial proceedings should be included into the list of principles. The basic constitutional principle of judicial proceedings – the presumption of innocence should apply to any person, whose innocence is being challenged, rather than only to an accused and a suspect. The methodological basis for the study was formed by the materialistic methods of scientific cognitions of objective reality (deduction, induction, analysis, synthesis, logical, historical legal method, comparative legal method, structural functional method, etc.). The scientific novelty is due to the theoretical evaluation of the process of correction of legal regulation of the principles of criminal judicial proceedings, development of the propositions for the improvement of the system of principles and some specific principles. Due to the lack of clarity in the legal definition of the term "suspect" in criminal judicial proceedings, the authors offer to apply the presumption of innocence to any person, whose innocence is being challenged, rather than only to an accused and a suspect.

Keywords: principles of judicial proceedings, reasonable period of time, independency of judges, presumption of innocence, accused, suspect, the Charter of Criminal Judicial Proceedings of 1864, criminal procedural law, participants of an examination, reduced inquiry.

The constitutional principle of lawfulness of the criminal judicial proceedings

MAKAROVA, Zinaida Valentinovna – Doctor of Law, Leading Expert, Southern Urals State University

Lia5565.72@mail.ru

454000, Russia, Chelyabinsk, pr. Lenina, 76.

Review: The object of studies concerns the contents of the constitutional principle of criminal judicial proceedings. The order of criminal judicial proceedings have been and is defined only by the law: by the Charter of Criminal Judicial Proceedings in the pre-Revolution Russia and by the Criminal Procedural Code of the Russian Federation, which is based upon the Constitution of the Russian Federation in the modern Russia. The necessary prerequisite for the correct application of the norms of criminal procedural law is their correct interpretation, that is why the article concerns the methods of interpretation of criminal procedural law in the theory of law of the pre-Revolution Russia and modern Russia. The article includes comparative legal study of the contents of the principle of lawfulness of criminal proceedings in the Criminal Procedural Codes of the Russian Federation and Ukraine, the Republic of Belarus and the Republic of Kazakhstan. The methodological basis for the studies is formed with the dialectic cognition method, as well as special legal methods, methods of historical, comparative, legal logical, and logical structural analysis. For the first time in this article the contents of the principles of lawfulness of the Russian criminal judicial proceedings are studied in relation with the contents of lawfulness according to the Charter of Criminal Judicial Proceed-

ings, the Criminal Procedural Codes of the Russian Federation and Ukraine, the Republic of Belarus and the Republic of Kazakhstan. The author substantiates the need to introduce into the Criminal Procedural Code of the Russian Federation the independent principles of comprehensive character, fullness and objective character of examination of all of the circumstances of a criminal case, as well as the justice in proceedings and resolution on a criminal case.

Keywords: the Constitution of the Russian Federation, application of the norms of law, interpretation of law, the Charter of Criminal Judicial Proceedings, lawfulness, the Criminal Procedural Code of the Russian Federation, the procedure of criminal judicial proceedings, justice, analogy of law, principles of criminal judicial proceedings.

The fortune of judicial reforms in Russia: XIX and XXI centuries

KOZYAVIN, Andrey Aleksandrovich – PhD in Law, Associate Professor of the Department of Criminal Process and Forensic Studies of the South-Western State University
koziavin@mail.ru
305040, Russia, Kursk, ul. 50 let Oktyabrya, 94.

Review: The study concerns historical, social, and political grounds, which served as prerequisites for the need for judicial, legal and criminal procedural reforms in Russia in the middle of XIX century and the end of XX century within the complex of other social changes, and their substantiation in the scientific sources. The author studies the procedure for the implementation of judicial reforms, their main stages, normative sources (Judicial Charters of 1864 and the Criminal Procedural Code of the Russian Federation, organic criminal procedural law), their characteristics in the scientific sources and judicial practice, and their main results, analyzes counter-reforms and their implementation in criminal procedural legislation and their characteristics in scientific sources and judicial practice. The author applies dialectic, comparative legal, historical, formal dogmatic methods of scientific analysis, general scientific methods of analysis and synthesis, the author also uses the modern achievements of the science of the criminal procedural law. The author singles out and characterizes the general social backgrounds, content-related, social and psychological causes, goals and directions of the reforms of 1864 and 1990s, legal technology of these reforms, specific features of development of the reform provisions in the criminal process, causes and effects of their gradual rejection by the legal practice, causing the counter-reform. The author substantiates the unique similarities of these moments in spite of the obvious differences in the historical stages in the development of Russian statehood, justice and criminal judicial procedure. The author supports recognition of the greater efficiency and incomparable structural logic of the Judicial Charters of 1864 in comparison with the criminal procedural law of the modern Russia. The author makes conclusions on the identity of the fate of judicial reforms in Russia, which is failure to implement their social potential, which may serve as grounds for the development of the concept of the new judicial legal reform.

Keywords: criminal judicial proceedings, criminal procedural legislation, judicial legal reform, the Judicial Charters, separation of procedural functions, independence of court, judicial investigator, judicial counter-reform, additional investigation, objective truth.

Role of the Charter of Criminal Judicial Proceedings of 1864 in the formation and development of the Tajic criminal procedural legislation

YULDOSHEV, Rifat Rahmadzhonovich – PhD in Law, Professor of the Department of Criminal process of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tajikistan.
reefat@yandex.ru
734024, Republic of Tajikistan, Dushanbe, ul. Bose, 123.

Review: 150 years have passed since the time when the Charter of Criminal Judicial Proceedings of 1864 was adopted and entered into force. Gradual planned spread of the norms of new legislative acts throughout the territory of Russia and their partial application in the territory of the pre-Revolution Tajikistan became one of the historic judicial legal reforms, which shall forever remain in history. The stage-by-stage application of the Judicial Charters, formation of the Turkestan general-governorate in the territory of Tajikistan became one of the main influences defining the further destiny of the Tajik people. The mixed criminal procedural law did not correspond to the political regime, judicial system and judicial procedure in general, but with much effort it found its way through. A number of reasons, including application of Muslim law and its correlation with the legislation of the Russian Empire, contradictions, appearance and formation of the new models for resolution of a number of procedural conflicts became a specific features of the development of the legal system

of Tajikistan in the analyzed sphere. The criminal procedural legislation of Tajikistan, which formed and was enriched by various sources through different historic periods, still reflects the nature and shows an inalienable connection with some provisions of the Judicial Charters, which have laid the basis for the current criminal procedural legislation of Tajikistan. The comparative legal analysis allows to fill the gaps in the scientific studies.

Keywords: Judicial Charters, the Turkestan general-governorate, pre-Revolution Tajikistan, the Middle East, the Muslim law, the legislation of the Russian Empire, judicial system, mixed model, criminal procedural law, criminal judicial proceedings.

Procedural periods according to the Charter of Criminal Judicial Proceedings of 1864

HATMULLIN, Kamil Yunusovich – Postgraduate student, Department of Criminal Process and Forensic Studies of the South Urals State University

acifna@mail.ru

454080, Russia, Chelyabinsk, ul. Kommuny, 149, aud. 301.

Review: The object of studies concerns regulation of procedural periods and their calculation according to the Charter of Criminal Judicial Proceedings of 1864. The article provides a brief description of the history of drafting of the Charter of Criminal Judicial Proceedings of 1864, the length of drafting, difficulties in its formation, naming the drafters of the Charter. The author provides a detailed analysis of the technique for the regulation of procedural periods at the stage of preliminary investigation and in court trial from the standpoint of establishing the terms for the state bodies and officials implementing judicial proceedings, and the procedural periods for the parties. The author uses analysis of the norms of the Charter of Criminal Judicial Proceedings of 1864 regulating the procedural periods for procedural acts and decisions, and he provides conclusions based upon descriptions and generalization of these norms. He makes a conclusion that regulation of procedural terms in the Charter of Criminal Judicial Proceedings of 1864 was aimed to speed up criminal judicial proceedings, so for decision making and acts of state bodies and officials there were terms like “immediately”, “in a timely fashion”, “without delay”, and if a certain period of time was established, it could not be lengthened. The periods for the parties were regulated differently. Usually, when the party missed the limitation periods due to reasonable excuse, the limitation period was reinstated, and an appeal could be filed on a refusal to reinstate such a period.

Keywords: procedural periods, procedural acts, criminal judicial proceedings, regulation, officials, parties, stage of preliminary investigation, justice of peace, judicial provisions.

Necessary limits of proof in the conditions of concept of free inner conviction of a judge

ZOTOV, Denis Valentinovich – PhD in Law, Associate Professor of the Department of Organization of Judicial Power and Law-Enforcement Activities of the Voronezh State University

zotov78@mail.ru

394000, Russia, Voronezh, pl. Lenina, 10a.

Review: The termination of the formal theory of evidence and provision for the principle of freedom of the inner conviction of a judge was among the outstanding reforms in Russia in 1864. However, the quantity criterion typical of the system of legal evidence was not fully abolished from the new system of evidence. The pre-Revolution lawyers recognized the presence of “dominating evidence” in the criminal process. The issue of dominating evidence remains the manifestation of an artificial theory of evidence and it is related to the definition of sufficient and necessary limitations of proof. The issue of sufficient limitations of proof is not resolved unequivocally. The author uses comparative historical method of studies, works of the Russian scientists on the issues of the reform of criminal judicial proceedings of the 1860s. The criminal legal cognition has its limitations. Its retrospective character and its purpose to uncover the truth of the existing information on the facts presuppose the limitations for the cognitive process. If these limitations to the examination of a crime are expressed in the procedural form established by the law, they are usually called limitations of proof. The limitation of proof is quantity of evidence necessary to be deemed sufficient. The author attempts to define necessary and substantiated quantity of evidence, allowing the subjects of proof to substantiate their positions in a case.

Keywords: limitations of proof, necessary evidence, necessary limitations, sufficient limitations, sufficiency, dominating evidence, sources of evidence, information approach, the Charter of Criminal Judicial Proceedings, the process of proof.

Use of the legal constructions of the Charter of Criminal Judicial Proceedings of the Russian Empire in the modern criminal process at the pre-trial stages in order to guarantee the compliance with the principle of lawfulness by the means of judicial control and prosecutor supervision.

NAZAROV, Aleksandr Dmitrievich – PhD in Law, Associate Professor of the Department of Criminal Process of the Siberian Federal University
anazarov61@mail.ru
660075, Russia, Krasnoyarsk, ul. Mayerchaka, 6.

Review: The article concerns the key problems of implementation of judicial control and prosecutor supervision at the pre-trial stages of criminal process within the framework of comparison between the modern model and the model of activities of court and prosecutor according to the Charter of Criminal Judicial Proceedings of 1864. The author analyzes the roles of court, prosecutor and investigator in taking an accused into custody, presenting him with the accusation and formation of the written accusation, then transferring an accused to a court. The author pays special attention to the figures of judicial investigator and prosecutor and their interactions with the court. By holding historical studies, the author gained conclusions on the model of activities of judicial investigator, prosecutor and court in the Russian Federation. Having generalized the positive historical experience and the modern situation in the Russian criminal process, the author analyzes the possible options for overcoming the existing problems in criminal judicial proceedings in order to improve its efficiency. Finally, the author substantiates the need to introduce the position of an investigating judge into the Russian criminal process in order to guarantee judicial control at the pre-trial stages. Additionally, the author considers that it is a prosecutor who should form written accusation, act and resolution at the end of the preliminary investigation and to present them to the investigation judge when an accused is committed to trial.

Keywords: criminal process, judicial control, prosecutor supervision, investigating judge, committing to trial, accusation, judicial investigator, the Charter of Criminal Judicial Proceedings of 1864, prosecutor, taking into custody.

Formation of the institution of an investigating judge: some specific features of criminal process in Kazakhstan

IDIROV, Erlan Ilishevich – postgraduate student, Department of Criminal Procedural Law, Kutafin Moscow State Law University
travian.2014@mail.ru
140800, Republic of Kazakhstan, Pavlodarskaya oblast, Maiskiy rayon, selo Koktobe, ul. Syzdykova, dom 1.

Review: The article provides analysis of some provisions of the draft Criminal Procedural Code of the Republic of Kazakhstan, which concern the forming institution of an investigating judge at the pre-trial stage of proceedings. The experience of the European states and the CIS states used in the process of drafting shows the importance of widening the scope of the judicial controlling competence at the stage of investigation of a criminal case in order to guarantee judicial protection of rights and freedoms of persons involved in a criminal process. The draft of the new Criminal Procedural Code of the Republic of Kazakhstan is being discussed at the Parliament of Kazakhstan, and it has been approved in the first reading. It is planned that the new Code should enter into force on July 1, 2014. The article uses historical legal and comparative legal methods based upon the studies of positive experience of the foreign states of Roman-German legal system. The institution of an investigating judge has a long history and it has been efficiently functioning in a number of civilized states. Introduction of this position is novel for the Republic of Kazakhstan, that is why, the author discusses some specific features of activities of an investigating judge and also provides opinions of lawyers regarding the draft law. The author makes proposals on the improvement of the legal status and immediate broadening of a competence of an investigating judge.

Keywords: draft Criminal Procedural Code of the Republic of Kazakhstan, investigating judge, court, judicial control, sanction, criminal judicial proceedings, criminal procedural reform, secret investigative activities, competence, prosecutor.

Investigative activities according to the Charter of Criminal Judicial Proceedings

SEMENTSOV, Vladimir Aleksandrovich – Doctor of Law, Professor of the Department of Criminal Process, Kuban State University
crimpro@yandex.ru
350000, Russia, Krasnodar, ul. Rashpilevskaya, 43.

Review: The article analyzes the system of investigative activities according to the Charter of Criminal Judicial Proceedings of 1864, reflecting the typical procedures of preliminary investigation in a criminal case of that time. It is pointed out that examination and certification were regarded as two types of the same activity (one simple, one complicated), while it was possible to implement them separately, while the procedures of search and seizure also showed dual understanding of their nature: as a single investigative activity, and as two independent activities. There were provisions for two types of interrogation: of an accused and of a witness, and the face-to-face interrogation was only possible with two witnesses, who previously interrogated separately. In addition to the types of investigative activities the Charter mentioned the groups, having their own titles: primary, secondary, immediate. Based upon the studies of the system of investigative activities according to the Charter of Criminal Judicial Proceedings the author used the methods of analysis, synthesis, as well as historical, logical and comparative methods. The article substantiates that solution of the modern problems in the sphere of regulation of investigative activities is possible with the use of progressive achievements of science and fundamental developments of the merited pre-Revolution scholars specializing in procedural law. It is noted that according to the Charter of Criminal Judicial Proceedings of 1864 in the course of preliminary investigation the following investigative activities took place: examination, certification, search, seizure, interrogation of an accused, a witness, some rules may still be relevant nowadays. It is noted that the term "expertise" is absent in the text of the Charter, since this type of activity was regarded as a type of examination or certification. The author offers to regard judicial expertise as an investigative activity, as opposed to the positions of some authors providing that expertise is a procedural activity, rather than an investigative one.

Keywords: the Charter, investigative, examination, certification, interrogation, search, seizure, expertise, evidence, secondary.

Guarantees of lawful interests and rights of a victim in a criminal judicial proceedings in Russia: history and modern situation

GLADYSHEVA, Olga Vladimirovna – Doctor of Law, Associate Professor of the Department of Criminal Process of the Kuban State University
volkolup@yandex.ru
350000, Russia, Krasnodar, ul. Rashpilevskaya, 43.

Review: The object of studies concerns the works of renowned Russian, Soviet and post-Soviet procedural law scholars on the issues of the guarantees of lawful interests and rights of a victim in a criminal judicial proceedings. The author notes the need to implement guarantees in several directions: regarding lawful interests and rights of a citizen and rights of a participant of a criminal judicial proceedings. Limitations of rights in criminal judicial proceedings may be both lawful and unlawful. At the same time, the limitations of the rights of a participant of the criminal judicial proceedings may be solely illegal. The study is based upon the methods of analysis, synthesis, generalization, as well as historical, formal legal, logical and comparative method. It is stressed in the article that incorrect scientific attitude towards normative regulation in part of guarantees of proprietary rights of a victim in the Russian pre-Revolution criminal judicial proceedings has its influence on the current attitude towards this procedural institution. The guarantees of rights of a victim, including the right of proprietary claims, requires more detailed studies of historical heritage, which should be carefully preserved as the basis for the system of legal guarantees in criminal judicial proceedings in the Russian Federation.

Keywords: Charter, criminal, judicial proceedings, lawfulness, victim, rights, interests, limitations, citizen, participant.

Is the criminal procedural form capable of guaranteeing the right to defense in criminal process?

PURS, Aleksey Gennadievich – PhD in Law, Managing Partner, Advocacy Bureau "Purs and Partners"
6868768@mail.ru
220004, Republic of Belarus, Minsk, prospect Pobeditelei, d. 23, korpus 1, ofis 710A.

Review: The article reflects the position of the author towards the norms of criminal procedural law based upon the example of the right to defense in the criminal process, which is the foremost important principle of criminal process. The legal basis for the analysis of the legislation in this article is formed by the legislation of the Republic of Belarus (it should be noted that a significant part of the territory of the modern Republic of Belarus was a constituent part of the Russian empire, and currently the legislation is being unified based upon the Union State of Russia and Belarus). The author draws historical and legal parallels between the criminal procedural form typical for the Charter of Criminal Judicial Proceedings of 1864 and the modern legislation. The author attempts to study the norms regulating the guarantees of the right to defense from the standpoint

of in-depth structural analysis of criminal procedural norm as a social regulator, its inner structure, moral components and the interrelation between norm-making and legal practice, rather than just construction of the new forms. The methodology is based upon the systemic and structural-functional approaches based upon the modern attitude towards dialectic scientific cognition of objective reality. The author used general scientific methods of cognition, such as induction and deduction, abstraction and modeling. The author offers his interpretation of the verdict of the jury in the case of Vera Zasluch, this case being a vivid example of interaction between a novel form of justice (trial by jury) and the institution of jurors (novel features of the Charter of Criminal Judicial Proceedings of 1864), having formed a dramatically different format for the guarantees of protection of rights of persons brought to criminal responsibility outside the scope of exclusively formal approach. The author substantiates the conclusion on the impossibility of real guarantees of right to defense in the criminal process via improvement of legal technique alone.

Keywords: right to defense, advocacy, trial by jury, jurors, norms of law, criminal procedural form, the Charter of Criminal Judicial Proceedings, principles of judicial process, moral fundamentals, criminal process.

Procedural position of a witness according to the Charter of Criminal Judicial Proceedings

SMOLKOVA, Iraida Vyacheslavovna – Doctor of Law, Professor of the Department of Criminal Process and Prosecutor Supervision, Baikal State University of Economics and Law
kupik@isea.ru
664003, Russia, Irkutsk, ul. Lenina, 11, kab. 6-301.

Review: The article is devoted to the legislative regulation of the procedural status of a witness, the cases when he may be freed from the obligation to give testimony, specific features and conditions of the interrogation at the time of investigation and during the trial according to the Charter of Criminal Judicial Proceedings. Due to the absence of definition of a witness in the Charter of Criminal Judicial Proceedings, the author provides characteristics of various definitions of witness, as provided for in the works of the pre-Revolution procedural law scholars. The author analyzes the norms of Charter of Criminal Judicial Proceedings, which freed the witnesses from the obligation to give testimony, and the grounds for it. In addition, the author provides and comments the provisions of the draft Charter of Criminal Judicial Proceedings of 1900. The author studies the provisions of the Charter of Criminal Judicial Proceedings regarding the testimony of witnesses under oath during investigation and trial, providing the characteristics of importance of an oath in the works of the Russian pre-Revolution procedural law scholars. The author uses the method of historical analysis of the provisions of the Charter of Criminal Judicial Proceedings, as well as comparative legal method allowing to establish the legislative approach towards regulation of the legal position of a witness, as well as scientific opinions on various aspects of procedural status of a witness. The article for the first time provides specific analysis of the norms of the Charter of Criminal Judicial Proceedings on procedural status of a witness, rules for witness interrogation during preliminary investigation and during trial, as well as the role of the oath of the witness in the guarantees of authentic testimony. Based on the analysis of the norms of the Charter of Criminal Judicial Proceedings the author formulates a conclusion that it was the Charter of Criminal Judicial Proceedings, which laid the foundation for the modern institution of witness in the criminal judicial proceedings, and many of its provisions are taken by the Criminal Procedural Code of the Russian Federation.

Keywords: the Charter of Criminal Judicial Proceedings, Judicial reform, witness, free from witness testimony, witness immunity, witness interrogation, oath of a witness, free from oath, witness statement, advocate.

Regulation of the institution of knowledgeable persons in the Charters of Criminal Judicial Proceedings of Tsar Alexander the II

DYAKONOVA, Oksana Gennadievna – PhD in Law, Professor of the Department of Civil Law Disciplines, the Russian Law Academy, the Tula Filial Office
oxana_diakonova@mail.ru
301657, Russia, Tulsckaya oblast, Novomoskovsk, ul. Olimpiiskaya, 4B, kv.27.

Review: The article concerns the issues of legal regulation of the institution of knowing persons in the legislation of XIX century, namely in the Charter of Criminal Judicial Proceedings and the Charter of Civil Judicial Proceedings of 1864. The analysis concerns the forms of participation of knowledgeable persons in criminal and civil judicial proceedings, legal status (rights, obligations and responsibility) of knowledgeable persons, grounds for their involvement in the judicial proceedings, as well as the opinion of knowledgeable persons, its place and value in the Charters of Judicial Proceedings. Additionally, the attention is paid to the process of de-

velopment and adoption of the Charters of Judicial Proceedings. The study employed the historic and comparative legal methods, allowing for the analysis of the legal institution of knowledgeable persons in comparison of the provisions from the Charters of Judicial Proceedings of 1864 and the provisions of the modern legislation. The scientific novelty is due to the formulation of the conclusions regarding the value of the provisions of the Charters of Judicial Proceedings of 1864 for the formation and improvement of the legal regulation of the institution of knowledgeable persons in criminal and civil judicial procedures. The author draws a conclusion on the differences in the status of knowledgeable person and of a witness and forms of their participation in the judicial proceedings in XIX and early XX centuries as well as on the unification tendency in the regulation of the institution of knowledgeable persons in civil and criminal judicial proceedings.

Keywords: knowledgeable person, the Charter of Criminal Judicial Proceedings, the Charter of Civil Judicial Proceedings, legal status, judicial expertise, specialist, forms of participation, institution of knowledgeable persons, examination, certification, knowledgeable person – interpreter.

Questions of the parties in the process of interrogation according to the Charter of Criminal Judicial Proceedings

ZASHLYAPIN, Leonid Aleksandrovich – PhD in Law, Associate Professor of the Department of Civil and Municipal Law, St. Petersburg State Polytechnic Institute
leonid.zashlyapin@gmail.com
195251, Russia, St. Petersburg, ul. Politekhnikeskaya, 29.

Review: The article concerns normative rules for the formulation and use of questions by the parties in the process of interrogation within the framework of criminal judicial proceedings. Special attention is paid to the procedures of formulation and use of questions by the parties (public accuser, defense lawyer) to the criminal defendant, knowledgeable persons and witnesses. The article includes the following descriptions: a) procedures, establishing the order of posing questions to the criminal defendant, knowledgeable persons, witnesses; b) procedure of use of narration of a witness as the basis for posing questions; c) classification of types of questions, as distinguished by the legislator in the Charter of Criminal Judicial Proceedings of 1864. The main method for the studies was comparing the norms of the Charter of Criminal Judicial Proceedings of 1864 and the Criminal Procedural Code of the Russian Federation of 2001. The scientific novelty of the article is due to revealing of the topical norms of the Charter of Criminal Judicial Proceedings of 1864, which may be used for the improvement of the norms of current criminal procedural law in respect to formulation and use of questions by the parties in the process of adversarial interrogation.

Keywords: criminal process, judicial investigation, interrogation, question, party, criminal defendant, victim, witness, expert, specialist.

Initiation phase of criminal process: from the Charter of Criminal Judicial Proceedings to the current criminal procedural law

SHADRIN, Viktor Sergeevich – Doctor of Law, Professor of the Department of Criminal Process and Forensic Studies of the St. Petersburg Law Institute (Filial Office) of the Academy of Prosecution General of the Russian Federation
vikt-shadr@yandex.ru
191104, Russia, St. Petersburg, Liteinyi pr., d. 44.

Review: The author analyzes the development of the stage of initiation of a case in the Russian criminal process from the time of adoption of the Charter of Criminal Judicial Proceedings of 1864 to the current time, when the Criminal Procedural Code (in its latest version) is in force. The term “initiation of a criminal case” was used in the Charter of Criminal Judicial Proceedings only to establish the reason for the start of preliminary investigation, while in fact in the period after such a reason police or a judicial investigator could take a number of measures quite similar to those provided for in the current criminal procedural legislation. Later in the Soviet Criminal Procedural Codes of 1923 and 1960 the stage of initiation of a criminal case was finally formed and it was similarly provided for in the Criminal Procedural Code of the Russian Federation. Currently this stage is being reformed, and it is reasonable to use the experience in the sphere of issues of pre-trial proceedings at the time when the Charter of Criminal Judicial Proceedings of 1864 was adopted and applied. When writing this article the author mostly used a historic method in addition to the general scientific methods of analysis and synthesis, as well as logical and formal legal methods. The scientific novelty is due to the approach of the author towards topical issues of formation and reforming of the stage of initiation of a criminal case in the Russian criminal process and analysis of the said stage with the due regard to its legal regulation by the Fed-

eral Law of March 4, 2013 N 23-FZ. As a result of the study the author makes a conclusion that it is possible and desirable to resolve some topical issues in the sphere of initiation of the criminal case in the modern science of Russian criminal process and law making in the process of further correction of legal regulation of the stage of initiation of a criminal case.

Keywords: legislation improvement, past and present, history of criminal judicial proceedings, initiation of a criminal case, procedural coercion, stage of a criminal process, causes of initiation, information of a crime, investigative activities, rights of the parties to the process.

Influence of the Charter of Criminal Judicial Proceedings of 1864 on the current legal regulation of the stage of assigning a trial

RYABININA, Tatiana Kimovna – PhD in Law, Head of the Department of Criminal Process and Forensic Studies of the South-Western State University

law_kstu@list.ru

305040, Russia, Kursk, ul. 50 let Oktyabrya, 94.

Review: The object of studies in this article concerns the combination of criminal procedural norms regulating the issues regarding the proceedings on a criminal case at the stage of assigning a trial, judicial and investigative practice as well as scientific studies, concepts and views regarding this issue. Based upon the analysis of the past and present legal regulation of the said procedural institution, the author substantiates the meaning, specific goals and specific features of the decisions, as well as additional guarantees of the protection of rights and lawful interests of the participants of the criminal procedural activities. The article involves the following methods: general scientific method, dialectic method of cognition, comparative legal method, comparative historic method, systemic method, analysis and synthesis, observation and description. The scientific novelty of this article is due to its goal, immediate goals and specific features of the approach towards the issues defining the nature and proceedings at the stage of assigning a judicial hearing. The article includes results of the historical study of a theoretical model of aforementioned stage. The author reveals new patterns and perspectives of further development of the procedural institution in question, substantiating the need to recognize this stage as an efficient mean of judicial control over the lawfulness of the pre-trial proceedings.

Keywords: judicial, reform, commit for trial, Charter, criminal, judicial proceedings, stage, assigning, judicial, hearing.

Complete appeal according to the Charter of Criminal Judicial Proceedings of 1864 and its reception in the modern criminal procedural legislation

ASHIRBEKOVA, Madina Taukenovna – Doctor of Law, Professor of the Department of Criminal Law Disciplines, the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Volgograd Filial Office

madina.55@mail.ru

400131, Russia, Volgograd, ul. Gagarina, 8.

Review: The degree of reception of the elements of complete appeal according to the Charter of Criminal Judicial Proceedings of 1864 in the Criminal Procedural Code of the Russian Federation became the subject of this article, as well as the correlation of normative regulation of appeal under the Charter of Criminal Judicial Proceedings of 1864 and the legal regulation of appeals in accordance with the Criminal Procedural Code of the Russian Federation, revealing similar and dissimilar provisions in the regulation of complete appeal, and conditions for its implementation under the Charter of Criminal Judicial Proceedings of 1864 and Chapter 45.1 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation. The author evaluates the meaning of the provision of the Charter of Criminal Judicial Proceedings of 1864 on the right of the party to insist on interrogation of witnesses and specialist, who have arrived into the court of appeals at the initiative of the appellant. The general dialectic method of scientific cognition formed the basis for the use of various general scientific and specific methods of legal studies: historical, comparative legal, formal logical and structural – functional methods. Establishment and substantiation of the possibility for the full appeal in the modern criminal process should be based upon the balance of judicial discretion of the court of appeals and activities of the parties. The author makes a conclusion that the issue of complete and incomplete appeal is important from the standpoint of defining the nature of the appeals proceedings. It is stated that the modern appeal contains elements of judicial supervision and justice – resolution of the criminal court. The proposition is formulated to apply to the appeal the provisions of p. 4 of Art. 271 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation, since they are meant for the court of the first instance.

Keywords: appeals, immediate examination, new evidence, activities of the parties, discretion of a court, judicial control, judicial supervision, sentence, district court, justice of peace.

УСЛОВИЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ И ТРЕБОВАНИЯ К ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ В ЖУРНАЛ МАТЕРИАЛАМ И ИХ ОФОРМЛЕНИЮ

Более подробная информация содержится на сайте МГЮА (Университет имени О.Е. Кутафина) в разделе «Издательская деятельность», «Научные журналы» http://msal.ru/primary-activity/publishing/scientific_journals/actual_problems_of_russian_law/

1. В Журнале публикуются результаты научных исследований и научные сообщения Авторов, изложенные в форме научных статей или рецензий в соответствии с тематикой журнала (далее – статья).
2. К сотрудничеству приглашаются Авторы – ведущие специалисты, ученые и практики. При прочих равных условиях преимущественное право на опубликование имеют:
 - профессорско-преподавательский состав МГЮА (Университет имени О.Е. Кутафина) – перед сотрудниками иных вузов и научных учреждений;
 - лица, имеющие учёные степени, – перед аспирантами и соискателями.
3. Один Автор может опубликовать в течение года не более трех своих статей. Все исключения необходимо заранее согласовывать с редакцией.
4. **Направление Автором статьи для опубликования в Журнале считается акцептом**, т.е. согласием Автора на заключение Лицензионного договора о передаче права использования статьи в журнале «Актуальные проблемы российского права». Содержание договора опубликовано на сайте МГЮА (Университет имени О.Е. Кутафина).
5. Автор направляет в редакцию Журнала статью согласно условиям и порядку предоставления и опубликования статей, а также требованиям к оформлению статей, размещенным на сайте МГЮА (Университет имени О.Е. Кутафина). **При несоблюдении указанных требований редакция оставляет за собой право вернуть статью автору без рассмотрения.**
6. Статья направляется в редакцию через сервис **online-редакция NOTA BENE**. Автору необходимо зарегистрироваться в системе, указав все запрашиваемые данные. **Для аспирантов и соискателей** обязательна для заполнения информация о научном руководителе / консультанте, его контактная информация (в поле «Дополнительные сведения»). В дальнейшем для отправки очередной статьи заново вводить эти данные не потребуется. При добавлении новой статьи откроется окошко регистрации статьи, где приводятся все данные о статье (соавторы, название статьи, название журнала, название рубрики, ключевые слова на русском, аннотация на русском, библиография на русском). Текст статьи прикрепляется к регистрационной форме в виде файла, сохраненного в любой версии Word с расширением .doc, .docx или .rtf.
7. Требования к содержанию и объему статьи:
 - объем статьи должен составлять от 15 до 25 тыс. знаков (с пробелами, с учетом сносок) или 10–15 страниц А4 (шрифт – Times New Roman, высота шрифта – 14 пунктов; межстрочный интервал – полуторный, абзацный отступ – 1,25 см, поля: левое – 3 см, правое – 1,5 см, верхнее и нижнее – 2 см). Опубликование материалов меньшего или большего объема должно согласовываться с редакцией журнала;

- статья должна быть написана на актуальную тему, отвечать критерию новизны, содержать определенное новаторство в подходе к изучаемой теме/проблеме;
 - в статье должны быть отражены результаты научного исследования, основанного на анализе теоретических конструкций, нормативных актов, материалов правоприменительной практики;
 - материал, содержащийся в статье, не должен быть только описательным, констатировать существующее положение вещей (статьи, значительная часть которых содержит воспроизведение нормативного материала, будут отклоняться);
 - в материале должна быть соблюдена фактологическая и историческая точность;
 - необходимо обращать внимание на аккуратное использование заимствованного материала, точность цитирования.
8. Все аббревиатуры и сокращения, за исключением заведомо общеизвестных, должны быть расшифрованы при первом употреблении в тексте.
9. Следует точно указывать источник приводимых в рукописи цитат, цифровых и фактических данных.
10. При оформлении ссылок необходимо руководствоваться **библиографическим ГОСТом 7.0.5-2008**. Ссылки оформляются в виде постраничных сносок (размещаются в тексте как подстрочные библиографические ссылки), нумерация сплошная (например, с 1-й по 32-ю). Сноски набираются шрифтом Times New Roman. Высота шрифта – 12 пунктов; межстрочный интервал – одинарный. Знак сноски в тексте ставится перед знаком препинания (точкой, запятой, двоеточием, точкой с запятой). Пример оформления смотрите на сайте МГЮА (Университет имени О.Е. Кутафина).
Ссылки на иностранные источники следует указывать на языке оригинала, избегая аббревиатур и по возможности максимально следуя таким же требованиям, как и при оформлении библиографии на русском языке.
Ссылки на электронные ресурсы следует оформлять в соответствии с **библиографическим ГОСТом 7.82–2001**. Необходимо указывать заголовок титульной страницы ресурса, <в угловых скобках> полный адрес местонахождения ресурса и (в круглых скобках) дату последнего посещения веб-страницы.
11. При оформлении списка литературы (библиографии) необходимо руководствоваться **библиографическим ГОСТом 7.1-2003**. В библиографическом списке не указываются правовые источники (нормативные акты, судебные решения и иная правоприменительная практика). Пример оформления смотрите на сайте МГЮА (Университет имени О.Е. Кутафина).

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия

ПИ № ФС77-125128 от 28 июля 2006 г.

ISSN 1994-1471

Телефон редакции (8-499)244-85-56

Почтовый адрес редакции: 123995, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

E-mail: actprob@msal.ru

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Объем: 15,62 усл.печ.л., формат 60x841/8. Подписано в печать 18.04.2014 г.

Тираж 1000 экз. Печать офсетная. Бумага офсетная

Отпечатано с готовых диапозитивов

Первая оперативная типография, 115114, г. Москва, 2-й Кожевнический пер., 12.

Подписка на журнал возможна с любого месяца

Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» – 11178

ООО «НБ-Медиа»

Тел./факс (495) 424-26-02.; E-mail: w.danilenko@gmail.com

Почтовый адрес редакции: 117465, Россия, Москва, ул. Генерала Тюленева 31/1-210

Любой журнал или статью можно заказать на сайте издательства www.nbpublish.com

При использовании опубликованных материалов журнала ссылка на «Актуальные проблемы российского права» обязательна. Перепечатка допускается только по согласованию с редакцией. Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикаций. Ответственность за достоверность информации в рекламных объявлениях несут рекламодатели.

